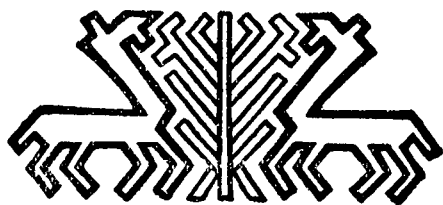

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 4 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора доцент М. Г. Левин,
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потанов,
Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, к. 326

Подписано к печати 23.XI. 1948 г.
А-41808

Печ. листов $14\frac{1}{4}$ + 2 вклейки
Уч.-изд. листов 25,2

Заказ 1315
Тираж 1900 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский, 10.

ПАМЯТИ
АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖДАНОВА
(1896—1948)

31 августа 1948 г. скончался один из выдающихся деятелей коммунистической партии и Советского государства, крупный марксистский теоретик философии, литературы, искусства, талантливейший пропагандист великих идей Ленина — Сталина Андрей Александрович Жданов. Смерть его является тяжелым уроном для всей Советской страны и большой утратой для советской науки.

Андрей Александрович Жданов принадлежал к тем лучшим представителям русской интеллигенции, которые с самого начала своей сознательной жизни поставили себя на служение народу и связали свою общественную деятельность неразрывными узами с революционным рабочим движением. В 1912 г., будучи шестнадцатилетним юношей, товарищ Жданов стал активным участником социал-демократических кружков учащейся молодежи в г. Твери, а в 1915 г. вступил в ряды большевистской партии, верным сыном которой был до самой смерти. Мобилизованный в царскую армию, товарищ Жданов ведет накануне Февральской революции 1917 г. большевистскую пропаганду среди солдат и в дни Октября принимает деятельное участие в подготовке и проведении социалистической революции на Урале. Во время гражданской войны он занимается политическим просвещением в частях Красной Армии, ведет партийную и советскую работу на Урале и в Твери. С 1924 г. товарищ Жданов — на руководящей партийной работе; на XIV съезде ВКП(б) товарищ Жданов избирается кандидатом в члены Центрального Комитета, затем становится членом Центрального Комитета, секретарем его, а после XVIII съезда — членом Политбюро. Накануне XVIII съезда ВКП(б) товарищу Жданову поручается руководство всей агитационно-пропагандистской работой партии. На этом посту его застала смерть.

В течение 10 лет, с 1934 по 1944 г., А. А. Жданов возглавлял ленинградскую организацию ВКП(б), будучи секретарем Ленинградского областного и городского комитетов. Направленный в Ленинград Центральным Комитетом ВКП(б) вскоре после злодейского убийства С. М. Кирова, А. А. Жданов возглавил борьбу ленинградских большевиков по выкорчевыванию из организации остатков троцкистско-зиновьевской и бухаринской шайки врагов народа. Под руководством товарища Жданова ленинградские трудящиеся добились затем больших успехов в осуществлении планов второй и третьей сталинских пятилеток. Во время Великой Отечественной войны советское правительство возложило на товарища Жданова руководство обороной Ленинграда, и он выполнил это ответственнейшее поручение с честью. Непокоримая вера в победу над фашизмом, твердость и решимость во что бы то ни стало отстоять город Ленина от гитлеровских полчищ, громадные организаторские способности и умение воодушевить других — помогли товарищу Жданову сплотить участников героической обороны, поддерживать в них бодрость духа в самые трагические периоды осады. Под непосредственным руководством товарища Жданова был вслед затем осуществлен сталинский

план разгрома немцев на Ленинградском фронте, и город-герой сбросил с себя кольцо блокады.

Повседневно принимая участие в руководстве социалистическим строительством, занимаясь во время Великой Отечественной войны вопросами обороны Ленинграда, направляя агитационно-пропагандистскую работу партии, А. А. Жданов одновременно разрабатывал теоретические вопросы. Его доклады по вопросам партийного строительства, международного рабочего движения, социалистической культуры были большим научным достижением в области теории и образцом применения теории к практике. «Блестящие доклады товарища Жданова по вопросам литературы, искусства и философии,— говорил В. М. Молотов в своем выступлении у гроба А. А. Жданова,— являются важным вкладом в развитие марксистско-ленинской теории и во многом способствуют преодолению имеющихся здесь недостатков, раскрывая новые пути развития социалистической культуры в нашей стране. ...Как талантливейший пропагандист великих идей Ленина — Сталина, товарищ Жданов во многом помог правильному усвоению этих идей нашим народом и народами других стран».

Осенью 1946 г., вскоре после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», А. А. Жданов делал доклад на активе ленинградской партийной организации. Подвергнув глубокой критике обнаружившийся у некоторой части ленинградских литераторов отход от социалистического реализма, указав на безидейность и аполитичность их произведений, на проповедь мещанского нигилизма, пассивности, ухода от современности, товарищ Жданов развернул перед слушателями марксистско-ленинское учение о роли литературы в обществе и разоблачил реакционность, антинародность всяческих теорий «искусства для искусства». «Ленинизм,— сказал товарищ Жданов,— исходит из того, что наша литература не может быть аполитичной, не может представлять собой «искусство для искусства», а призвана осуществлять важную передовую роль в общественной жизни. Отсюда исходит ленинский принцип партийности литературы — важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе»¹. А. А. Жданов призывал ленинградских и всех советских литераторов быть на уровне тех требований, которые предъявляются советским обществом литературе. «Литература призвана не только к тому,— говорил товарищ Жданов,— чтобы идти на уровне требований народа, но, более того,— она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед»². Литература имеет громадное воспитательное значение — особенно у молодежи. Какой же громадный вред приносят те, кто в своих литературных произведениях воспевают упадочнические настроения и нигилизм! Товарищ Жданов ярко показал это на таком разительном примере: «А что было бы, если бы мы воспитывали молодежь в духе уныния и неверия в наше дело? А было бы то, что мы не победили бы в Великой Отечественной войне. Именно потому, что Советское государство и наша партия с помощью советской литературы воспитали нашу молодежь в духе бодрости, уверенности в своих силах, именно потому мы преодолели величайшие трудности в строительстве социализма и добились победы над немцами и японцами»³. Глубокий теоретический анализ поставленной проблемы сочетался в докладе товарища Жданова с удивительным умением связать теоретические выводы с задачами современности, с практикой социалистического строительства, с

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, М., 1946 стр. 26.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 14.

насушнейшими потребностями советского общества. Это придавало особую силу и убедительность его выводам, делало их понятными широким народным массам.

Разящая ирония, неотразимая логика всегда принципиальной критики, страстная, вдохновенная форма призывов и четкость теоретической мысли в докладах товарища Жданова нередко оживлялись тонким юмором, направленность которого всегда была такой же принципиальной и идейной, как и основная тема доклада. Достаточно указать на, казалось бы, шутовское замечание А. А. Жданова во время философской дискуссии об уменьше некоторых «философов» плыть без компаса (без руководящих указаний основоположников марксизма-ленинизма) по бурным волнам философского моря — замечание верное и меткое, вскрывающее беспринципность подобных мореплавателей⁴. Или, на той же философской дискуссии, замечание о пятой, «загробной» фазе схемы Фурье, об отсутствии которой так сожалел автор дискутировавшейся книги⁵. Шутовское замечание товарища Жданова сдернуло завесу учены с псевдонаучного высказывания, в котором не оказалось никакого содержания. Такими иногда шутовскими, иногда саркастическими замечаниями А. А. Жданов вскрывал нелогичность, непродуманность отдельных утверждений, подчеркивал нелепость каких-либо положений. Но в критике теорий антинаучных и реакционных он был беспощаден. Во время философской дискуссии он обратил внимание советских философов (и не только философов, но и всех советских ученых) на то, что критика должна быть не только принципиальной, но и целеустремленной. «Философские взгляды и идеи,— сказал он,— давно разгромленные и похороненные, не должны привлекать много внимания. Наоборот, с особой остротой должны быть раскритикованы философские системы и идеи, имеющие, несмотря на свою реакционность, хождение и используемые ныне врагами марксизма»⁶. Такая целеустремленность отличала все доклады А. А. Жданова, и там, где его удары были тяжелее и сокрушительнее, всегда дело шло о действительно реакционной теории, вредном явлении, опасном процессе.

Большевистская непримиримость к реакционным учениям, враждебным марксизму, отличает все доклады и выступления товарища Жданова. Он был пламенным борцом за марксистскую идеологию. «Марксизм,— говорил А. А. Жданов,— возник, вырос и победил в беспощадной борьбе со всеми представителями идеалистического направления»⁷. К этой борьбе за материализм, борьбе непрестанной и заостренной, звал товарищ Жданов и других. Он выступал против всяких компромиссов, стремлений сгладить острые углы в критике враждебных идеологий. Во время философской дискуссии он обратил внимание советских философов на те опасности, которые таятся в примиренческом отношении к идеологическим противникам. Почти о всех старых философах автор разбираемой книги, указал А. А. Жданов, «находит случай сказать доброе слово. Чем крупнее буржуазный философ, тем больше фимиама ему преподносят». Все это приводит к тому, что автор, «возможно, сам того не подозревая, оказывается в плену буржуазных историков философии, которые исходят из того, чтобы в каждом философе видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уже противника. Такие концепции, если бы они получили у нас развитие, неизбежно ведут к объективизму, к раболепию перед буржуазными философами и преувеличению их заслуг, к лишению нашей философии боевого наступатель-

⁴ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, М., 1947, стр. 4.

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 18.

ного духа. А это означало бы отход от основного принципа материализма — его направленности, его партийности»⁸. Указав при этом на то, что марксизм является идеологией социалистического общества и что блестящая победа социализма, одержанная в Великой Отечественной войне, есть одновременно блестящая победа марксизма, товарищ Жданов привел ряд примеров того, что все силы мракобесия и реакции поставлены империалистами на борьбу с марксизмом. Буржуазная загнивающая культура, империалистическая идеология, маразм в литературе и искусстве — вот что противостоит социалистическому общественному сознанию, социалистической культуре. «Кому же, как не нам — стране победившего марксизма и ее философам, — сказал А. А. Жданов, — возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии. Кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары! Из пепла войны выросли государства новой демократии и национально-освободительное движение колониальных народов. Социализм встал в порядок дня жизни народов. Кому, как не нам — стране победившего социализма и ее философам, — помочь нашим зарубежным друзьям и братьям осветить свою борьбу за новое общество светом научного социалистического сознания, кому, как не нам, просветить их и вооружить идейным оружием марксизма!»⁹

Борясь за распространение идей марксизма, А. А. Жданов делал это не только как пропагандист, но и как ученый. В своих докладах он творчески разрабатывал марксистскую теорию, обогащал ее новыми положениями, подсказанными современностью, опытом социалистического строительства. Верный ученик и соратник товарища Сталина, он твердо усвоил его положение, что марксизм — не догма, а руководство к действию. И в своих выступлениях он предостерегал других от снижения задач марксизма, от риторики и педагогизма в пропаганде марксизма-ленинизма. Разбирая недостатки учебника по истории новой философии, А. А. Жданов сказал: «Автор, сосредоточивая внимание на учебно-просветительной стороне дела, тем самым ставит предел развитию науки, как будто марксизм-ленинизм уже достиг своего потолка и задача развития нашего учения не является главной задачей. Такое рассуждение противоречит духу марксизма-ленинизма, поскольку оно начинает метафизически представлять марксизм как законченное и совершенное учение и может привести лишь к иссяканию живой и пытливей философской мысли»¹⁰.

А. А. Жданов глубоко разрабатывал марксистскую теорию развития культуры. Он показал, какую роль играет в этом развитии современность и как следует относиться к так называемому культурному наследству. Социалистическая культура предполагает высший расцвет народного искусства, литературы. Это развитие связано с использованием всех достижений прошлого. «Мы, большевики, — сказал товарищ Жданов на совещании деятелей советской музыки, — не отказываемся от культурного наследства. Наоборот, мы критически осваиваем культурное наследство всех народов, всех эпох, для того, чтобы отобрать из него все то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке, культуре»¹¹. Но кроме использования культурного наследства необходимо творчески осваивать и современность — обогащать и развивать национальное музыкальное искусство, национальную литературу. Путь к интернациональной социалистической культуре идет через развитие культуры отдельных народов. «Глубоко ошибаются те, —

⁸ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, стр. 19.

⁹ Там же, стр. 44.

¹⁰ Там же, стр. 27.

¹¹ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), Изд. «Правда», М., 1948, стр. 147.

говорил товарищ Жданов,— кто считает, что расцвет музыки как русской, так равно и музыки советских народов, входящих в состав Советского Союза, означает какое-то умаление интернационализма в искусстве. Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство»¹².

Богатый опыт социалистического строительства, активным участником которого был сам товарищ Жданов, опыт советских народов, строящих свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию, показал воочию, какое громадное значение для интернационализма имеет всестороннее развитие культуры отдельных народов. «Оценить богатство музыки других народов может только тот народ, который имеет высокоразвитую национальную культуру... Если в основу интернационализма положено уважение к другим народам, то нельзя быть интернационалистом, не уважая и не любя своего собственного народа. Об этом говорит весь опыт СССР. Стало быть, интернационализм в музыке, уважение к творчеству других народов развиваются у нас на основе обогащения и развития национального музыкального искусства, на основе такого его расцвета, когда есть чем поделиться с другими народами, а не на базе обеднения национального искусства, слепого подражания чужой музыке»¹³.

А. А. Жданов был пламенным патриотом своей социалистической Родины. В течение всей жизни он боролся за ее существование и развитие, за построение коммунистического общества. И как гражданин Советского Союза, который является подлинным хранителем общечеловеческой культуры, «оплотом человеческой цивилизации против буржуазного распада и разложения культуры»¹⁴, оплотом мира, опорой пролетарского единства и надеждой всех трудящихся,— товарищ Жданов был настоящим интернационалистом. Он разоблачал демагогию буржуазного космополитизма, прикрывающего лживым лозунгом «граждан мира» империалистические вождения наиболее реакционных клик. Активное участие А. А. Жданова в международном рабочем движении, его страстная борьба за объединение всех прогрессивных, передовых сил человечества для отпора силам империализма и поджигателям войны сделали его имя популярным не только в СССР, но и в рабочих и прогрессивных кругах других стран. Его доклад о международном положении, сделанный на Информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., сыграл роль интернационального манифеста, который в свете марксистско-ленинского учения об обществе вскрыл действительную расстановку сил на мировой арене. Данный в свое время товарищем Сталиным анализ современного положения и сделанные им выводы о соотношении сил империализма и сил демократии получили в докладе товарища Жданова яркое освещение. А. А. Жданов разоблачил планы империалистов и указал путь, по которому должны идти народы, чтобы избежать войны. «Необходимо иметь в виду,— сказал он,— что между желанием империалистов развязать войну и возможностью организовать такую войну — дистанция огромного размера. Народы мира не хотят войны. Силы, стоящие за мир, настолько значительны и велики, что если эти силы будут стойкими и твердыми в деле защиты мира, если они проявят выдержку и твердость, то планы агрессоров потерпят полный крах»¹⁵. Своей работой в

¹² Там же, стр. 139.

¹³ Там же, стр. 140.

¹⁴ Там же, стр. 147.

¹⁵ Доклад А. Жданова «О международном положении» на Информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., М., 1948, стр. 147.

первых рядах руководящих деятелей международного движения,— как отметил В. М. Молотов,— А. А. Жданов имел великие заслуги «в деле сплочения сил международного антиимпериалистического и демократического лагеря против всех и всяких поджигателей новой войны».

А. А. Жданов был выдающимся деятелем социалистической культуры. Он боролся «против безидейности и аполитичности в литературе и искусстве, против отрыва от современной тематики и удаления в область прошлого, против преклонения пред иностранщиной, за боевую большевистскую партийность в литературе и искусстве»¹⁶. Он поддерживал в литературе и искусстве направление советского социалистического реализма. Он призывал деятелей советской культуры всемерно развивать и совершенствовать ее, охранять от проникновения элементов буржуазного распада. Он звал советскую интеллигенцию помочь трудящимся советского общества совершать великие дела в труде, науке и культуре, он говорил: «Если вы эту задачу перед собой не поставите, если для служения этой задаче не отдадите себя целиком, весь свой пыл и творческий энтузиазм, то вы не выполните своей исторической роли»¹⁷.

А. А. Жданов сам показал пример того, к чему он звал других. Его жизнь и деятельность — «пример самоотверженного служения своему народу, пример пламенного борца за дело коммунизма, каким должен быть верный ученик и соратник Великого Сталина»¹⁸.

¹⁶ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра, стр. 36—37.

¹⁷ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), стр. 147.

¹⁸ Из речи товарища В. М. Молотова на траурном митинге на Красной площади 2 сентября 1948 г., «Правда», № 247 (10988) от 3 сентября 1948 г.

МИЧУРИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В БИОЛОГИИ И СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

I

Историческая по своему значению для советской науки сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина с докладом академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке», одобренным ЦК ВКП(б), поставила перед советскими учеными задачу коренного пересмотра их работы в духе мичуринского направления в биологии. В своем постановлении сессия отметила, что в биологии определились два направления: одно — передовое, мичуринское, основанное на методе диалектического материализма, и другое — реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделевско-моргановское).

Мичуринское направление основывается на том положении, что новые свойства организмов, приобретаемые ими под влиянием условий жизни, могут передаваться по наследству. Мичуринское учение рассматривает явления жизни растения или животного в самом тесном взаимодействии с окружающей средой, являясь в биологии творческим развитием дарвиновского учения, новым, высшим этапом материалистической биологии. Мичуринское направление, развившееся в самой тесной связи и на основе социалистического сельского хозяйства, стало мощным средством к преобразованию живой природы для получения избытков продуктов в нашей стране в целях быстреего построения коммунистического общества.

Менделевско-моргановское направление в биологии отстаивало идеалистическое учение Вейсмана о независимости наследственной природы организма от внешней среды, утверждало невозможность передачи по наследству новых свойств растений и животных и тем самым отрицало возможность их направленного изменения. Это направление мистично и реакционно в своем существе, ибо оно основано на признании особого бессмертного «вещества наследственности», непрерывно существующего, не знающего развития, что означает в конечном счете признание божественного начала в развитии мира. Оторванные от развития социалистического сельского хозяйства, работы менделистов-морганистов оказались практически бесплодными.

Значение мичуринского направления в биологии, основные положения которого были четко сформулированы в докладе Т. Д. Лысенко, исключительно велико не только для агробиологии, но и для других областей советской науки, так как «борьба мичуринцев с вейсманистами является формой классовой идеологической борьбы социализма с капитализмом на международной арене и пережитками буржуазной идеологии у части ученых внутри нашей страны»¹.

Советская наука служит народу, и ученые нашей страны не могут занимать объективистских позиций. Именно поэтому советские

¹ «За процветание нашей передовой науки» (передовая статья), «Правда» от 27 августа 1948 г., № 240 (разрядка наша.—*Ред.*).

ученые, принявшие участие в расширенном заседании Президиума Академии Наук СССР 27 августа, в своем обращении к И. В. Сталину общались «занять ведущее положение в борьбе против идеалистических реакционных учений, расчистить все пути для беспрепятственного развития передовой советской науки во имя великих целей нашего народа, во имя победы коммунизма»².

Помимо биологов и работников сельскохозяйственной науки, в работе по теоретическому обобщению достижений мицуринского направления в биологии и в критике реакционного вейсманизма должны принять участие и работники философского фронта, а также антропологи, занимающиеся изучением истории природы человека.

II

Центральной проблемой антропологии, где идеологическая борьба с враждебными реакционными теориями выступает во всей своей остроте, является проблема антропогенеза. В этой области, которая издавна являлась и поныне продолжает оставаться основным плацдармом борьбы между материализмом и идеализмом в антропологии, идеалистические концепции автогенеза выступают особенно агрессивно. Таковы автогенетические теории Осборна, Вейденрейха и ряда других буржуазных ученых, господствующие в зарубежной антропологической литературе. В основе этих «теорий», пропагандирующих имманентное развитие органического мира, лежит более или менее откровенное признание акта творения, признание религиозной догмы о «высшем творце всего существующего». Отступая перед натиском фактов и экспериментов с различных участков биологической науки, идеалистические теории автогенеза ищут убежища в сложных проблемах антропогенеза³.

Стремление обосновать эти «теории» лежит в основе не только общих теоретических построений реакционных зарубежных антропологов, но и частных работ, посвященных тем или иным палеонтологическим находкам, вопросам сравнительной анатомии приматов и т. д. Отказ от симиальной теории, отрицание родства человека и обезьяны (тарзиальная теория Вуд Джонса, фантастические построения Вестенгофера о человеке как «прамлекопитающем» и др.), отрицание неандертальской стадии в эволюции современного человека и характеристика неандертальцев как боковой ветви на родословном древе человека, попытки доказать шельский или даже более древний возраст *Homo sapiens* — все эти модные в зарубежной литературе тенденции являются прямой атакой на учение Дарвина, на материалистическое разрешение проблемы происхождения человека.

В этих условиях особую актуальность приобретают работы советских антропологов по вопросам, которые должны осветить основные этапы развития гоминид, вскрыть факторы их становления, показать противоречия, вызвавшие скачок в развитии животного мира — формирование человека. По своему значению эти вопросы выходят за преде-

² Обращение к товарищу Сталину от имени Президиума Академии Наук СССР, «Правда» от 27 августа 1948 г., № 240.

³ Опровержению этих реакционных концепций посвящен ряд работ советских антропологов. См. М. А. Гремяцкий, Теория ологенеза в биологии и антропологии, «Антропол. журнал», 1933, № 3; А. Ф. Нестурх, Против идеализма на фронте антропогенеза (Новейшие буржуазные гипотезы антропогенеза в свете трудовой теории антропогенеза Энгельса и последние открытия ископаемых представителей гоминид), «Фронт науки и техники», 1937, № 5; Я. Я. Рогинский, Происхождение современного человека и теория «полицентризма», «Советская этнография», 1947, № 1; М. Г. Ливин, Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха, «Советская этнография», 1946, № 1; научно-популярные книги М. А. Гремяцкого, М. С. Плисецкого, М. Ф. Нестурха, Я. Я. Рогинского и др.

лы собственно антропологии; они неразрывно связаны с основными проблемами первобытной археологии, с вопросами периодизации истории первобытного общества и приобретают поэтому особую остроту. Если вопрос о происхождении тех или иных форм животного мира, в том числе и человекообразных обезьян, есть чисто биологическая проблема, то вопрос о происхождении человека требует для своего разрешения выяснения не только тех закономерностей, которые лежат в основе эволюции животного мира, но и социальных факторов, которые специфичны для эволюции человека. Эти общие вопросы закономерностей эволюции гоминид и в первую очередь факторов эволюции человека современного типа впервые во всем их объеме были поставлены в советской антропологии.

Разработка проблемы антропогенеза советскими учеными охватила различные ее стороны: вопросы генеалогии гоминид, вопрос о древнейшей стадии в эволюции предков человека, о соотношении различных стадий в эволюции человека (стадия питекантропа-сиантропа, неандертальская стадия, человек современного типа), о закономерностях развития на разных стадиях, о роли различных факторов — биологических и социальных — на разных этапах⁴.

Исходя из трудовой теории антропогенеза Энгельса, развивая его положения о значении прямохождения в эволюции гоминид, о совершенствовании руки в результате трудовой деятельности, развивая положения о взаимных связях отдельных частей организма (о коррелятивных отношениях органов и систем) и развитии мозга, органов чувств и т. д. как выявлении этих связей, советские антропологи противопоставили эти положения различным автогенетическим теориям, исключая роль среды и отбора в процессе происхождения человека. Исходя из положения о существенной роли климатических и географических условий в процессе очеловечения обезьяны (значение безлесного ландшафта в развитии прямохождения), о роли естественного отбора на ранних стадиях эволюции гоминид, советские антропологи подчеркивали последующее снятие естественного отбора у человека современного типа в связи с развитием общества и с этих позиций выступали против реакционнейших конструкций так называемого «социал-дарвинизма», развивающего мальтузианские идеи и извращающего учение Дарвина⁵. Таковы положительные стороны работы советских антропологов по проблеме антропогенеза.

Однако не все стороны этой проблемы были разработаны в одина-

⁴ Обзор работ, посвященных различным вопросам антропологии, дан в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, Советская антропология за 30 лет, «Советская этнография», 1947, № 4.

⁵ Из последних советских работ, посвященных проблемам антропогенеза, необходимо упомянуть о статье Г. А. Шмидта «Проблема отбора в антропогенезе» (Труды Музея антропологии. Ученые записки Московского ордена Ленина гос. университета, вып. 115, изд. МГУ, 1948). К сожалению, эта работа содержит ряд путаных и неверных положений. Основным в работе является положение об особой форме отбора в антропогенезе, понятие «общественно-трудового отбора», которое автор вводит для обозначения отбора у гоминид, когда «новый тип отношения к природе ставит на первое место общественно-производственные факторы, в зависимости от которых и находится явление направленного выживания обладателей видовых биологических особенностей». Эта «новая, принципиально отличная», по мнению автора, форма отбора — «общественно-трудовой отбор» — противопоставляется им естественному отбору в животном мире. Указывая на некоторые особенности отбора у древних гоминид по сравнению с их животными предками, автор недооценивает глубокого сходства этих двух явлений, механизм которых в конечном счете весьма близок. Различия между отбором у животных предков и у древних гоминид ни в коем случае не таковы, чтобы не проводить (в процессе изменения роли отбора) главной, решающей демаркационной линии на стадии возникновения *Homo sapiens*, когда всякий отбор снимается возникновением подлинного общества. Выступая против социал-дарвинизма, автор сам скатывается на сходные позиции. К подробному разбору статьи Г. А. Шмидта редакция предполагает вернуться в специальной рецензии.

ковой мере, и многие вопросы ждут еще своего дальнейшего освещения. Теория случайных мутаций, не отражающих условий внешней среды и только подхватываемых естественным отбором, фактически бездоказательно принимается в огромном большинстве работ по антропогенезу. Роль внешней среды трактуется обычно как фактор, определяющий только направленность отбора, а не характер подпадающих под действие отбора признаков. На многих антропологических работах довлело метафизическое истолкование «закона о необратимости эволюции», неправильная трактовка вопроса о специализированных формах, что закрывало путь к подлинно научному разрешению проблемы о соотношениях неандертальского человека и человека современного типа, к правильному пониманию процессов антропогенеза. В работах по антропогенезу сказалось влияние формально-генетического направления в биологии, недоучет формообразующей роли внешней среды, условий жизни⁶.

В свете мичуринского направления в биологии перед советскими антропологами встает в качестве важнейшей задачи разработка этой стороны проблемы антропологии. Следует вспомнить, какое значение в процессе антропогенеза придавал Энгельс изменению состава растительной пищи наших далеких предков, а затем переходу к мясной пище, подчеркивая при этом роль обмена веществ: «химические предпосылки оцеловечения».

Мы далеки от того, чтобы механически переносить на человека те закономерности, которые вскрываются при изучении эволюции растительного и животного мира, но для ранних этапов антропогенеза эти закономерности выступали в достаточной степени. Положения мичуринского учения о том, что «растительные и животные формы формировались и формируются условиями жизни, условиями внешней среды», что «организм представляет собой целое как систему только в единстве с необходимыми ему условиями жизни» (Т. Д. Лысенко, *Агробиология*, изд. III, стр. 428), должны быть положены и в основу изучения факторов антропогенеза.

III

Основные положения мичуринского направления в биологии имеют огромное значение не только для проблемы происхождения человека, но и для вопросов формирования географических вариантов его физического типа. Конечно, и здесь речь идет не о механическом «применении» к человеку отдельных достижений мичуринцев, полученных ими при работе над культурными растениями, но о творческом развитии одного из важнейших разделов советской антропологии на основе разработанного И. В. Мичуриным и Т. Д. Лысенко материалистического учения о решающей роли условий жизни для изменения наследственной природы всех растительных и животных видов и разновидностей. В свете этого учения должны рассматриваться и вопросы образования разновидностей *Homo sapiens*, который, несмотря на всю специфику его биологии, неразрывно связан с остальным органическим миром.

Чтобы эти формулировки не прозвучали простой декларацией, необходимо несколько подробнее остановиться на главных задачах советской антропологической науки, связанных с изучением территориальных вариаций физического типа человека. Еще Энгельс подчеркивал, что антропология является «переходом от морфологии и физиологии че-

⁶ См., например, книгу М. Ф. Нестурха, *Человек и его предки*, М., 1934, стр. 30—31, где вопрос о наследственности и изменчивости излагается в духе формальной генетики.

ловека и его рас к истории»⁷. Выражая ту же мысль иными словами, можно сказать, что антропология — это история самой природы человека во всем разнообразии ее вариаций в пространстве и во времени.

Проблемы этнической антропологии, несомненно, являются наиболее актуальными и в то же время наиболее сложными в антропологической науке вообще, поскольку здесь даже узко специальные на первый взгляд задачи приобретают первостепенное методологическое значение. Вопросы возникновения расовых особенностей у человека, факторов расообразования, времени и места формирования современных антропологических типов и т. д. неизбежно ставят перед исследователем глубокую, мировоззренческую проблему соотношения социальных и биологических закономерностей в истории природы самого человека. В наши дни острой идеологической борьбы во всех отраслях знания разработка вопросов этнической антропологии приобретает и большую политическую актуальность, так как каждое исследование в этой области для советского ученого связано с преодолением столь характерных для буржуазной науки метафизических представлений о человеческих расах и с беспощадным разоблачением лженаучных, человеконенавистнических расовых «теорий».

Руководствуясь указаниями Ленина и Сталина о партийности в науке, советский ученый всегда должен помнить, что конкретные антропологические материалы усиленно использовались и используются реакционерами всех мастей и оттенков для «обоснования» необходимости новой мировой войны, для разжигания вражды между народами, для «идеологической» подготовки нападения на СССР и страны народной демократии. «Гитлер начал дело развязывания войны,— пишет товарищ Сталин,— с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершать судьбы всего мира»⁸. Как в годы подготовки второй мировой войны германский расизм был «идеологическим» обоснованием звериной фашистской практики, так и в наши дни англо-саксонский расизм стал «теоретической» базой для оправдания политики геноцида и расовой дискриминации. Преследование и линчевание негров в США, национальное угнетение «черных» и «цветных» в Южно-Африканском Союзе, возрождение антисемитизма во многих странах Западной Европы, развязывание войны в Вьетнаме и Индонезии — все эти отнюдь не академические события современности показывают с предельной ясностью, кому служат новейшие расистские измышления вроде «психологической школы» реакционных американских антропологов, книги сенатора Бильбо под кричащим заголовком «Выбирайте между разделением и смешением рас» (1947) или антиисторической концепции «холизма» пресловутого фельдмаршала Смэтса, тесно связанной с биологизаторскими течениями в этнографии, начиная от известных теорий Лео Фробениуса — одного из идеологов германского империализма. Естественно, что последовательная борьба представителей Советского Союза в Организации Объединенных Наций против всяких проявлений расовой дискриминации наталкивается на упорное сопротивление со стороны стран англо-американского империалистического блока. Очевидно, что в этих условиях советские ученые обязаны противопоставить отравленной ядом шовинизма буржуазной антропологии свою науку о человеке, в которой «нет и не может быть места расовой ненависти к другим народам», которая развивает-

⁷ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, Соч., т. XIV, стр. 439.

⁸ И. В. Сталин, Интервью с корреспондентом «Правды», «Правда» от 14 марта 1946 г.

ся «в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов»⁹.

Советская этническая антропология прошла сложный путь, не свободный от ошибок и заблуждений, среди которых в свое время большую роль играли, с одной стороны, попытки полного отрицания реальности «расы» у человека, с другой,— недоучет специфического характера антропологических типов. Работая в тесном контакте с историками, этнографией и археологией, советские антропологи всегда исходили из принципиального отрицания роли расы в историческом процессе и на конкретных материалах по древнему и современному населению стремились показать полную фактическую несостоятельность расистских концепций о биологической основе общественного и культурного развития отдельных племен, народов и наций. Вместе с тем советские антропологи впервые в истории науки разработали методы использования антропологического материала в качестве исторического источника и дали ряд работ в этом направлении, которые помогли осветить многие сложные и темные вопросы этногенеза народов СССР и зарубежных стран¹⁰.

Но если в разработке этногенетических и других исторических проблем антропология СССР опиралась на классические труды Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, на все достижения советской исторической науки, на успехи лингвистической школы академика Н. Я. Марра, то в вопросах биологического характера советскими антропологами был допущен ряд серьезных ошибок. В основе этих ошибок лежало, с одной стороны, некритическое отношение к ложным положениям менделизма-морганизма, принятие их «на веру», с другой же стороны, слабое знакомство с достижениями мичуринского направления в биологии, непонимание их общетеоретического и методологического значения.

В начале двадцатых годов нашего века в тогда еще неокрепшую советскую биологическую науку проникли открыто реакционные, идеалистические идеи буржуазной евгеники, в основе которых лежала все та же вейсманистская концепция о существовании особой наследственной плазмы, непроходимой стеной отгороженной от остальных клеток организма и совершенно независимой от условий его жизни. Некоторые биологи старшего поколения, начавшие свою деятельность еще до Октябрьской революции (Ю. С. Филиппченко, Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский), настолько «увлеклись» евгенической лженаукой, что серьезно предлагали практическое применение ее в СССР включить в программу социалистического строительства. А. С. Серебровский, например, в одном из своих выступлений прямо заявил, что только «плухое социальное прошлое мешает (евгенике) стать желанной гостьей пролетарской страны»¹¹.

Из антропологов дань евгеническим «идеям» отдал проф. В. В. Бунак, редактировавший в то время «Русский антропологический журнал» и принимавший самое активное участие в издании «Русского евгениче-

⁹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 46—47.

¹⁰ Из новейших антропологических работ, связанных с проблемами этногенеза, надо прежде всего указать на капитальный труд Г. Ф. Дебеца, Палеоантропология СССР (М., 1947), а также на ряд статей В. В. Гинзбурга, М. Г. Левина, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова, опубликованных в журнале «Советская этнография» за 1946—1948 гг. и в трудах Института этнографии АН СССР (новая серия, тт. I и II). В этих работах данные антропологии используются для освещения проблем происхождения восточных и западных славян, германских, финских и тюркских народов, различных этнических групп Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, китайцев и др.

¹¹ Цит. по статье А. И. Ярхо «Против идеалистических течений в расоведении СССР» («Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 16).

ского журнала» — органа воинствующих доморощенных вейсманистов. В одной из «установочных» работ, напечатанных в этом журнале, В. В. Бунак на протяжении нескольких десятков страниц самым скрупулезным образом разбирает вопрос о номенклатуре расовых различий, но ни слова не говорит о специфичности расообразования у человека, обусловленной его социально-экономическим и культурным развитием¹². В другой статье В. В. Бунака можно прочесть рассуждение о том, что «укрывшиеся под давлением более могущественных соседей горные народы, вследствие строгого отбора, вызванного негостеприимной и скудной природой горных стран, вскоре превращаются в своеобразные и замкнутые расы, способные разве к разбойничьим набегам на жителей равнин, а вовсе не к планомерному их завоеванию или вселению в их среду»¹³. Не удивительно после этого, что В. В. Бунак с явным сожалением восклицал: «Как глубоко заблуждаются общественные деятели, все внимание посвящающие культуре... внешних свойств... Будущее культурного человечества зависит от того внимания, которое будет уделено общественной жизнью «зародышевой плазме»¹⁴.

Позорное для советских ученых увлечение евгенической лженаукой тесно связано с тлетворным влиянием различных, в свое время модных, но глубоко реакционных идей зарубежных «ученых»-идеалистов. Значительную, но весьма печальную роль среди этих идей сыграла махистская концепция Карла Пирсона, блестяще разоблаченная В. И. Лениным¹⁵. Эта реакционная, лженаучная концепция была подхвачена некоторыми русскими учеными, в том числе антропологом Чепурковским и уже упомянутым генетиком и евгеником Ю. Филиппенко. Как известно, Пирсон был не только реакционным философом и основателем так называемой «биометрической» школы в антропологии, но также одним из ярых проповедников евгенических идей. «Главное, что нам нужно, — писал этот «достойный» предшественник фашистских стерилизаторов, — это найти способ задержать размножение особей низшего типа, а это может быть осуществлено лишь при новых социальных привычках и при новых понятиях о социальном и антисоциальном в поведении»¹⁶. Наше поколение хорошо знает, каковы были результаты практического применения взглядов Пирсона и его последователей. Миллионы погибших на войне и замученных в гитлеровских застенках долго будут напоминать нам, куда приводит претворенная в жизнь евгеника.

Расистские и евгенические тенденции в работах Кольцова, Серебровского и других менделистов-морганистов еще в тридцатых годах нашего века были подвергнуты беспощадной и справедливой критике со стороны передовых советских ученых. Статьи, посвященные борьбе с расизмом и евгеникой, в 1932—1937 гг. печатались преимущественно на страницах «Антропологического журнала». Большую роль в разоблачении расистской лженауки сыграла также экспозиционная и просветительная работа Музея антропологии под руководством М. С. Плисецкого.

Однако влияние менделизма-морганизма ослабляло позиции советских антропологов в этой острой борьбе и не давало им возможности полностью освободиться от вредного груза буржуазных концепций. Проповедники евгеники в СССР отступили под напором уничтожающей критики и прекратили публикацию открыто расистских измышлений. Но

¹² В. В. Бунак, Термин «раса» в зоологии и антропологии, «Русский евген. журн.», т. VII, вып. 4, 1930.

¹³ В. В. Бунак, Об акклиматизации человеческих рас, «Русск. Антропол. журн.» т. XIII, вып. 1—2.

¹⁴ «Русск. евген. журн.», т. I, 1920, стр. 250.

¹⁵ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII.

¹⁶ К. Пирсон, Грамматика науки, 1911, стр. 42.

почти никто из них не выступил в советской печати с развернутой критикой своих глубоких заблуждений, не показал на деле — в своей научной работе — конкретных путей к преодолению этих заблуждений, к коренной перестройке всей антропологической науки на основе марксистско-ленинской методологии. Напротив, в стенах Медико-генетического (позднее Медико-биологического) института и некоторых других научных учреждений продолжалась работа по антропогенетике, построенная полностью на применении принципов морганизма. Не выступил с критикой ошибок в своих старых работах и профессор В. В. Бунак, печатавший свои исследования в изданиях Медико-генетического института.

В области антропологии особенно вредным оказалось влияние формалистического «учения» о так называемых «генетико-автоматических процессах» или о «факторах случайного выживания», под воздействием которых в изолированных популяциях будто бы происходят направленные, но независимые от условий жизни изменения наследственных признаков. За рубежом это «учение» разрабатывалось ярким морганистом Райтом, в СССР оно, к сожалению, нашло своих adeptов в лице Н. П. Дубинина и Д. Д. Ромашева. В антропологии сходные взгляды разрабатывались М. В. Игнатьевым¹⁷. Некритическое и даже сочувственное отношение к рассматриваемому «учению» нашло место и в учебнике антропологии, вышедшем в свет в 1941 году¹⁸. С позиций формальной генетики проф. В. В. Бунак подходил и к вопросу о расогонической роли метисации, считая, в полном противоречии с конкретными антропологическими данными, что при скрещивании двух популяций, различающихся по какому-либо признаку, его средняя величина в метисной группе вследствие механической перекombинации генов может оказаться больше или меньше средних обеих исходных серий¹⁹. Ограничивая сферу действия условий жизни внешним ненаследственным проявлением признака и категорически отрицая их влияние на наследственные расовые особенности человека²⁰, В. В. Бунак искал объяснения эпохальной изменчивости длины тела и пропорций мозговой коробки (головного указателя) в формально-генетической гипотезе «сложения задатков», предложенной менделистом Нильсоном-Эле²¹. Поскольку фактические материалы о наследовании расовых (как и всех других) признаков человека находились в волюющем противоречии с менделевскими «законами», их защитники в антропологии должны были принять механическую гипотезу полимерии, посредством которой они старались втиснуть в узкие рамки формально-генетических построений конкретные антропологические данные. Проникло на страницы советских антропологических работ и чисто метафизическое учение о так называемой «генной среде», недоступной непосредственному влиянию условий жизни организма и будто бы детерминирующей проявление его наследственных возможностей. Пытаясь применить это «учение» к генетическому анализу непрерывно варьирующих признаков человека, В. В. Бунак подчеркивал, что «понятие «генная среда» означает существенный прогресс в генетике, заслуживает дальнейшего раз-

¹⁷ М. В. Игнатьев, Статистические константы в изолированной популяции, «Антропол. журн.», 1937, № 2, стр. 37—42.

¹⁸ Антропология, Краткий курс, М., 1941, стр. 345. См. раздел расоведения, написанный Я. Я. Рогинским.

¹⁹ В. В. Бунак, Об изменении средней величины признака популяции при непосредственных случаях скрещивания, Труды Мед.-генет. ин-та, IV, 1936.

²⁰ В статье «Раса как историческое понятие» В. В. Бунак прямо объявляет экзогенную концепцию происхождения рас «принципиально неприемлемой» и подчеркивает, что «отдельные расы отличает одну от другой... по большей части концентрация одних и тех же генов» (стр. 32).

²¹ В. В. Бунак, *Crania armenica*, М., 1927, стр. 166—168 (об изменчивости головного указателя); его же, Об изменении роста мужского населения СССР за 50 лет, «Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 24—53.

вития и должно быть сохранено как существенное орудие генетического анализа»²². «Существенное значение» приписывается здесь, таким образом, абстрактной гипотезе, которая столь же лишена реальных оснований, как «учение» о философском камне или «чинах ангельских».

Достигнув значительных результатов в борьбе с расизмом и евгеникой, советские антропологи не проявили необходимой бдительности в разоблачении формальной менделевско-морганистской генетики, не сумели понять ее реакционную сущность и вскрыть ее антиобщественную практическую направленность. Поэтому вполне понятно, что антропологи остались в стороне от такого важного политического мероприятия, как критика педологических извращений, основанных в конечном счете на тех же антинаучных представлениях о наследственной предопределенности всего поведения ребенка. Вне поля зрения советской науки о человеке остались, к нашему стыду, и основанные на формальной генетике «антропологические» теории воспитания, широко распространенные в капиталистических странах. Яркой иллюстрацией того, к каким откровенно расистским выводам ведет применение учения о генах к вопросам педагогики, может служить вышедшая еще в 1943 г., но не замеченная антропологами книга одного из «столпов» американской психологии Эдуарда Торндайка «Человек и его деятельность». Первая глава (лекция) этой книги так и называется: «Гены сознания»; в ней автор старается «научно» (но, конечно, безуспешно) доказать, что «человеческое сознание определяется наследственностью в не меньшей степени, чем и простейшие физические свойства»²³.

Некритическое восприятиевейсмановских построений привело к серьезным ошибкам и в работах, посвященных отдельным конкретным проблемам этнической антропологии и этногенеза. Так, например, Г. Ф. Дебец, ставя вопрос о причинах эпохальной изменчивости рельефа черепа и черепного указателя, сочувственно отнесся к генетическим концепциям В. В. Бунака и даже счел необходимым подчеркнуть, что «коренные изменения в морфологии человека не могли не быть связаны с зародышевой плазмой»²⁴. В объяснении направленности процесса грацилизации черепа Г. Ф. Дебец привлек по существу автогенетическую концепцию Б. М. Завадовского, выразительно названную им «наш преформизм»²⁵. В работах Я. Я. Рогинского и Н. Н. Чебоксарова о группах крови некритически было принято формально-генетическое объяснение серологических особенностей отдельных территориальных групп населения²⁶. Увлечение ложным учением о генах как «материальных основах наследственности» привело к бесплодным работам по «генеографии» групп крови, цветной слепоты, специфических особенностей вкуса и т. д.²⁷.

При помощи формально-генетических построений большинство советских антропологов старалось объяснить и эпохальную изменчивость расовых признаков человека. Так, например, Н. Н. Чебоксаров в статье «Из истории светлых расовых типов Евразии» дает острую критику ра-

²² В. В. Бунак, О некоторых вопросах генетического анализа непрерывно варьирующих признаков у человека, «Антропол. журн.», 1937, № 3, стр. 26.

²³ E. L. Thorndike, Man and his works, 1943, цит. по статье Н. Менчинской, Политическое саморазоблачение Эдуарда Торндайка («Учительская газета», № 42, от 30 сентября 1948 г.).

²⁴ Г. Ф. Дебец, Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы, «Антропол. журн.», 1936, № 3, стр. 320.

²⁵ Там же, стр. 321.

²⁶ Я. Я. Рогинский, Закономерности распределения групп крови у человека, «Краткие сообщения Научно-иссл. ин-та и Музея антропологии», М., 1941, стр. 17; Н. Н. Чебоксаров, Группы крови и дальтонизм у коми, «Антропол. журн.», 1936, № 4, стр. 396—413.

²⁷ И. Н. Елистратов, В. М. Шапкин и С. А. Шлугер, Генеографические исследования в Волгокамье, «Краткие сообщения Научно-иссл. ин-та и Музея антропологии», М., 1941, стр. 20—21.

системных измышлений об исключительной связи светлых волос и глаз с так называемым «нордидским» антропологическим типом, но для объяснения процессов депигментации, развернувшихся на обширных пространствах евразийского Севера, привлекает некритически воспринятую гипотезу о мутациях рецессивных генов окраски на окраинах расселения человечества, игнорируя в то же время данные о влиянии на цветность различных экогенных факторов²⁸. Т. А. Трофимова на оригинальном, богатом материале разбивает реакционную теорию о стабильности расовых типов, констатируя их изменчивость во времени на территории Московской области. Однако причин этой изменчивости Трофимова не раскрывает, ограничиваясь в данном случае сочувственной ссылкой на генетические концепции В. В. Бунака²⁹.

Нельзя сказать, что советские антропологи совсем не ставили вопроса о влиянии условий жизни на наследственные особенности человека. В работах Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой, Н. Н. Чебоксарова и других можно найти немало мест, где прямо говорится о значении естественно-географических условий, опосредованных социальной жизнью человека, в формировании антропологических типов³⁰. Однако вскрыть механизм этого влияния, показать, как и каким образом изменение условий жизни формирует расы, советские ученые не смогли, так как над ними довлела ложная концепция о невозможности адекватных реакций наследственной природы человека на воздействия окружающей среды. Концепция эта, к сожалению, не была полностью преодолена и в новейших антропологических работах, опубликованных на страницах нашего журнала и в других изданиях Института этнографии Академии Наук СССР.

IV

Здесь нас в особенности интересуют работы по этногенезу, в которых антропологические материалы привлекаются в качестве исторического источника. При этом антропологи исходят из двух принципов: 1) наследственности расовых признаков и 2) изменчивости во времени под влиянием среды, как, например, установленный советской антропологией процесс грацилизации лицевого скелета (Дебец), брахикефализации и изменчивости роста (Бунак). Направление изменчивости расовых признаков намечается достаточно определено, однако связь с конкретными историческими условиями этой изменчивости, темпы ее, причины и биологический механизм до сих пор остаются неясными.

²⁸ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 4, стр. 222.

²⁹ Т. А. Трофимова, Черепа из Никольского кладбища, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, «Антропология», 1941, стр. 197—234.

³⁰ См. например, статью Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию» («Антропол. журн.», 1934, № 1—2, стр. 28—53). На стр. 40 читаем: «Конкретные антропологические факты также заставляют нас пересмотреть вопрос о стабильности расовых типов и их независимости от окружающей среды... У нас нет никаких оснований механически отрывать фенотип от генотипа... Правильное решение вопроса (о механизме расовой изменчивости) лежит скорее всего в изучении изменения химизма организма, в частности деятельности его эндокринного аппарата в связи с трансформациями пищевого режима». Однако здесь же находим рассуждения о том, что «слишком упрощенное понимание этого механизма как непосредственных реакций организма на влияние социальных и географических условий, приводящих к наследованию приобретенных признаков..., не выдерживает критики...» Так формально-генетический мираж мешал советским ученым правильно интерпретировать факты, приводил к электизму, ограничивал возможности борьбы с реакционными расистскими теориями.

«Обращаясь к сравнительной анатомии и палеонтологии,— пишет Г. Ф. Дебец,— мы не находим в этих науках таких фактов, которые могли бы заставить нас ждать плодотворных результатов от поисков имманентных причин расогенеза или хотя бы от признания таких причин, не вскрывая их сущности. Наоборот, все данные говорят о противоположном, т. е. о тесном взаимодействии процессов организмов со средой. Нет никаких оснований делать исключения для человека, так как при всем своеобразии биологии это своеобразие касается лишь иных, чем в животном мире, форм взаимодействия с окружающей средой. Поэтому причины, вызвавшие у разных человеческих рас, в частности у европейцев и монголоидов на территории СССР, параллельную и направленную изменчивость ряда расовых признаков, следует искать во взаимодействии с внешней средой» (разрядка наша)³¹.

В приведенном отрывке отражена позиция большинства советских антропологов в объяснении эпохальной изменчивости расовых признаков. Несмотря на правильность этой позиции в отношении констатации факта изменчивости расовых особенностей под влиянием среды, советские антропологи не проявили достаточной активности в критике формально-генетических построений в объяснении процессов изменчивости у человека³². Вопросы эпохальной изменчивости расовых признаков во всей их сложности почти не разрабатывались, так же как в последние годы в среде советских антропологов не делалось попыток объяснить и самый механизм этой изменчивости.

Среди работ, посвященных отдельным проблемам расогенеза и систематике рас, следует отметить две работы: Н. Н. Чебоксарова «Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии»³³ и М. Г. Левина «Проблема пигмеев в антропологии и этнографии»³⁴. В своей работе на огромном палео- и антропологическом материале Н. Н. Чебоксаров путем тщательного анализа географического распределения расовых признаков констатирует до сих пор не установленные, новые, географически четко отграничивающиеся ареалы в расообразо-

³¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 318.

³² В частности, Г. Ф. Дебец по поводу генетического объяснения изменчивости расовых признаков двумя страницами дальше приведенного текста пишет следующее: «В последние годы многие авторы обращают внимание на роль чисто генетических факторов в изменении генофонда и, следовательно, средних фенотипических особенностей популяции. Фишер (1924), Рехэ (1926), Лундборг (1931), Буак (1932) и др. объясняли, например, увеличение головного указателя (и роста) смещением ранее изолированных групп. Не считая возможным вдаваться в разбор генетических и математических обоснований этих положений, отмечу, что теоретически подобные явления возможны, но практически мы почти не знаем таких случаев, когда заведомо метисные человеческие популяции оказывались бы морфологически не промежуточными по отношению к обеим исходным группам (разрядка наша). Поэтому явлениями люксурации и лауперизации вряд ли следует приписывать роль в процессе расогенеза» (там же, стр. 320). Приведенная выдержка чрезвычайно характерна как пример критики генетических объяснений изменчивости расовых признаков, в которой признается несоответствие положений генетиков с фактическими данными, но вместе с тем не делается решительного разрыва с формальной генетикой. И в заключение по вопросу об эпохальной изменчивости расовых признаков Г. Ф. Дебец приходит к выводу «о полном отсутствии ясности в этом вопросе». «Наличие изменений многих расовых признаков во времени,— пишет он,— является бесспорным, направление этих изменений устанавливается пока только провизорно, а ее причины требуют дальнейших углубленных исследований». Из этого отрывка ясно видно, какую дезориентирующую роль в антропологии играет формальная генетика, оказывая свое влияние и на передовых советских антропологов.

³³ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Института этнографии, т. II, 1947, стр. 24—83.

³⁴ М. Г. Левин, Проблема пигмеев в антропологии и этнографии, «Советская этнография», 1946, № 2.

вательных процессах. Вскрытия же причин, поведших к образованию этих расовых групп, автор не дает. В работе М. Г. Левина о пигмейской проблеме, критически заостренной против реакционных построений В. Шмидта и других зарубежных авторов в вопросе возникновения и развития культуры («прамонотеизма»), искаженно представляющих происхождение современных рас от исходных низкорослых форм человека, автор в вопросах объяснения появления карликовых групп человечества встает на формально-генетические позиции. Признавая ведущую роль за исторически сложившейся изоляцией этих групп, механизм образования отдельных признаков пигмейских форм автор видит в выклинивании рецессивных генов в этих популяциях. Формально-генетическое объяснение этого процесса является ошибочным.

Из статей, опубликованных в изданиях Института этнографии за последние годы, единственной, в которой вопросы формальной генетики занимают большое место, является работа Я. Я. Рогинского «Закономерности пространственного распределения групп крови у человека»³⁵. Эта работа построена на принципах формально-генетической концепции природы и распределения групп крови у человека и нуждается в специальном критическом рассмотрении. Автор дает развернутую критику теорий повторных мутаций Гэйтса и антиисторической по своему существу теории Уаймена и Бойда и предлагает свою концепцию, объясняющую современное распределение групп крови на земном шаре и исчезновение отдельных групп у ряда «окраинных» народов. Будучи направлена против расистских представлений об исконных глубоких и древних различиях рас по кровяным группам, правильно критикуя работы Гэйтса и Бойда, работа Рогинского в то же время порочна тем, что связывает явления изоляции с понятиями и терминами формальной генетики. Автор принимает в этой работе генную структуру групп крови и отдает дань ложной теории генетико-автоматических процессов, что, конечно, не может способствовать правильному пониманию сложной картины распределения групп крови.

Из анализа рассмотренных работ мы можем сделать следующий вывод. Несмотря на то, что в работах антропологов, посвященных проблемам антропо- и расогенеза, методологически правильно, на базе диалектического материализма ставится вопрос о тесной связи организации с условиями его существования,— в вопросах объяснения механизма изменчивости физического типа человека большинство антропологов стояло на позициях формальной генетики. В одних работах эти формально-генетические объяснения даются открыто, в других подразумеваются. И не случайно поэтому в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, посвященной подведению итогов работы советских антропологов за 30 лет³⁶, не только не дано критики формально-генетических работ антропологов, но дается положительная оценка работ М. В. Игнатьева.

В ряде работ советских антропологов, посвященных изменчивости расовых признаков во времени (Дебец, Трофимова, Чебоксаров и др.), авторы этих работ не делают решительного шага к разрыву с формально-генетическими объяснениями изменчивости человека и попросту уклоняются от решения поставленного вопроса. Вместо активной борьбы за утверждение мичуринского учения, антропологи, разделяя ошибку работников философского фронта, предоставляли решение спора между мичуринцами и формальными генетиками ботаникам и агробиологам, сами занимая при этом выжидательную позицию. Антропо-

³⁵ Я. Я. Рогинский, Закономерности пространственного распределения групп крови у человека, Труды Института этнографии, вып. I, 1947.

³⁶ М. Г. Левин и Я. Я. Рогинский, Советская антропология за 30 лет. «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 65.

логи, так же как и философы, не только не поняли смысла идеологической борьбы, происходящей на биологическом фронте, но и в тех случаях, когда анализ антропологических данных наталкивал на разрыв с формальной генетикой, этого шага не сделали.

Уместно поставить вопрос: почему антропологи не искали положительного разрешения своих трудностей в трудах Мичурина и Лысенко? Ответ здесь может быть только один — это неизжитое еще до сих пор преклонение перед зарубежной наукой и отсутствие должной критики и самокритики в среде антропологов. С этим связано также совершенно недостаточное внимание, уделявшееся на страницах советской научной печати критике и разоблачению современных расистских концепций в работах американских, английских и других зарубежных антропологов и этнографов. В нашем журнале до сих пор не была в должной мере разобрана реакционнейшая, так называемая «психологическая» школа в антропологии, в последние годы ставшая особенно модной в США. Не была подвергнута критике книга Карлтона Куна «Расы Европы», в которой в завуалированной форме неискушенному читателю преподносятся все те же расистские идейки о широком распространении в Европе пресловутой «нордической расы», якобы игравшей ведущую роль в развитии всей европейской цивилизации³⁷. Уже упоминавшиеся «труды» Бильбо и Торндайка также не встретили должного отпора со стороны передовых советских ученых. То же относится и к различным биологизаторским теориям в этнографии, далеко не достаточно раскритикованным на страницах советских научных журналов. Примиренческое отношение к этим теориям или их замалчивание все еще не изжито, хотя в наши дни оно особенно вредно и недопустимо.

Антропологи из всего сказанного должны сделать для себя единственно правильный вывод о необходимости незамедлительной перестройки своих работ на базе нового этапа дарвинизма, осуществленного трудами И. В. Мичурина, Т. Д. Лысенко и его последователей.

V

Победа мичуринского направления в биологической науке открывает перед советскими антропологами широкую перспективу плодотворной и актуальной творческой работы и дает им в руки надежное теоретическое оружие в борьбе с лженаучными расовыми «теориями», подымающая эту борьбу на новую высоту, делая ее еще более действенной и непримиримой. Основное положение мичуринского учения об изменении природы организмов под влиянием условий жизни, несомненно верное и по отношению к природе человека, исключает всякую возможность рассматривать историю физических типов человека с чисто биологических, тем более «автогенетических» позиций, поскольку условия жизни, формирующие эти типы у человека, выступают прежде всего как специфические для него «материальные условия жизни общества» (Сталин), исторически сложившиеся и принципиально отличные от условий существования животных и растений. Тем самым подчеркивается теснейшая связь антропологии с историческими науками, изучающими эти условия жизни, вне которых невозможно правильно объяснить и историю самой человеческой природы. Для того чтобы освободиться от влияния формальной генетики и наметить решение ряда проблем антропологии на новом этапе развития дарвиновской теории, необходимо критически пересмотреть огромный накопленный антропологический

³⁷ C. S. Coon, *The Races of Europe*, N. Y., 1939. Очень показательна в книге Куна карта распространения европейских рас (стр. 294—195), на которой «северный тип», обозначенный буквой «N», рассеян повсеместно от Ирландии до Кавказа и от Гибралтара до Приуралья. Карта эта поразительно напоминает аналогичные карты немецких расистов вроде Гюнтера или Эйкштедта.

материал и подвергнуть беспощадной критике все положения формальной генетики в антропологии. Материалистическая биология должна явиться базой для критики расовой теории во всяких ее проявлениях на данном этапе, приобретающей особенно острый характер в форме англо-саксонского расизма.

Среди вопросов, подлежащих пересмотру и изучению на основе нового этапа материалистической биологии, стоит проблема происхождения человека и расообразования. В плане ближайших работ советских антропологов должны быть поставлены следующие задачи:

1) разработка вопросов антропогенеза в свете трудовой теории Энгельса и роли среды в процессе становления человека;

2) разработка вопросов, связанных с изучением механизма расовой изменчивости и факторов расообразования (эпохальная изменчивость, возрастная изменчивость расовых признаков, изменение признаков в смешанных популяциях и др.);

3) разработка вопросов классификации в связи с проблемой возникновения основных рас *Homo sapiens*;

4) развернутая критика формально-генетических и расистских направлений в зарубежной антропологии.

Вооруженная новой методологией, советская антропология сможет еще в большей степени выступить в содружестве с этнографией, археологией, лингвистикой, историей в разработке актуальных проблем этногенеза.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

М. Е. ФОСС

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Изучение археологического материала позволяет осветить вопрос о взаимоотношениях древних племен, заселявших север Восточной Европы. В основном в конце III и во II тысячелетии до н. э. население восточноевропейской равнины подразделялось на охотничье-рыболовецкие племена, связанные с лесной областью, и скотоводческо-земледельческие, жившие в степной полосе.

Археологические «культуры», сложившиеся у южных племен, давно определены, выяснены границы их распространения и время бытования. В северной же, лесной области, по общепринятой концепции Айлио¹, была распространена единая «культура гребенчатой керамики», охватывавшая огромное пространство — от Прибалтики до Енисея. Здесь не место подвергать критическому разбору созданное Айлио построение, отмечу лишь, что оно отличается абстрактностью, что суммарное представление об орнаментике керамики привело его к заключению о единстве «культуры». Детальное изучение «гребенчатой» керамики позволяет выделить локальные варианты, представляющие видоизмененные или совершенно отличные комплексы. Так как керамика в эпоху неолита является местным производством, то изучение ее орнамента открывает большие перспективы. Как в этнографии орнамент в вышивках, тканях, резьбе по дереву и пр. имеет большое значение при распознавании, какому роду или племени принадлежит та или другая вещь, так и в археологии орнаментированная керамика служит одним из признаков выявления существовавших в неолите различных древних племен. Локальные варианты керамики сопровождаются обычно определенного типа орудиями, свойственными только данной области, отличающимися или по форме, или по технике изготовления. Образование подобных комплексов, получивших в археологии название «культур», происходило в связи с обособленным существованием групп населения. В северной половине восточноевропейской равнины во II тысячелетии до н. э., как показывает изучение археологического материала, сложились различные культуры, из которых получили определение: карельская², восточнобеломорская³, каргополь-

¹ J. Ailio, Fragen der russischen Steinzeit, SMIA, XIX, 1919.

² А. Я. Брюсов, История древней Карелии, Труды Гос. Историч. музея, вып. IX, 1940.

³ М. Е. Фосс, Беломорская культура, «Рефераты научно-иссл. работ за 1944 г.», Отд. истории и философии АН СССР.

ская⁴, шигирская⁵, печорская⁶, волго-окские⁷ (балахнинская⁸, воловская, рязанская, белевская) и др.⁹. Все эти культуры являются выражением дробности населения, противоположно тому представлению, которое возникло на почве кажущейся однородности «ямочно-гребенчатой» керамики, отождествляемой с лесным неолитом. Процесс обособления древних племен, которому в значительной мере способствовал и экстенсивный способ ведения хозяйства, требовавший для прокормления небольшой группы большого пространства суши и воды, и характер северной природы с ее лесами и болотами, происходил во время их расселения и освоения новой территории. Процесс этот прослеживается не только по различию локальных комплексов предметов, узоров и т. п., но и по группированию в определенных районах древних поселений, гнездившихся в бассейнах рек и озер или на морском побережье.

Выяснение вопроса о неолитических культурах, о различных племенах, создавших эти культуры, влечет за собой постановку другого, не менее интересного вопроса — о взаимоотношении этих племен, о связях, возникших между различными областями. Этот вопрос не является новым в археологии, так как уже давно на основании аналогичных предметов, наблюдаемых в разных культурах, предполагалось проникновение предметов из одной области в другую или заимствование их формы и т. п., но наряду с этим появление предметов, обнаруживающих сходство, рассматривалось и как стадияльное явление. Несомненно, в первобытном обществе, при одинаковых условиях жизни, одинаковых занятиях, примитивной технике и ограниченных возможностях выбора сырьевого материала, появились близкие по форме предметы, сходные и по своему назначению. Большая часть таких предметов имеет «атипичные» формы, т. е. распространенные на большом протяжении, имеющиеся в самых различных культурах. К такого рода предметам относятся, например, кремневые наконечники стрел листовидной формы, кремневые скребки из отщепов треугольной формы и пр.

Можно привести примеры, показывающие и стадияльные признаки, и культурные. Так, в различных странах в позднем неолите возникает особая техника обработки кремневых наконечников стрел, заключающаяся в выделке по краю мелких зубцов. Это — признак стадияльный, но при сравнении приемов обработки (по величине и форме зубцов) выясняется их различие, представляющее локальную особенность (для примера можно привести Данию и Север Европейской части СССР). То же можно отметить в области первобытного искусства. В культурах лесного неолита нередко встречается изображение водоплавающей птицы. Оно имеется в виде скульптуры из дерева, кости и кремня, в виде гравировки на скалах и оттисках на глиняных сосудах. Все эти изображения, по видимому, связанные с космогоническими представлениями, могут рассматриваться как стадияльное явление. Они возникают у охотничье-рыболовческих племен на определенной стадии развития перво-

⁴ М. Е. Фосс, Неолитические культуры севера Европейской части СССР, «Советская археология», т. IX; ее же, Каргопольская культура (рукопись, диссертация).

⁵ П. А. Дмитриев, Шигирская культура (рукопись).

⁶ Определяется по материалам Г. А. Чернова, наход. в Гос. Историч. музее и в Музее антропологии Моск. ун-та.

⁷ А. Я. Брюсов, Окский неолит, «Рефераты научно-иссл. работ за 1944 г.», Отд. истории и философии АН СССР; его же, Белевская неолитическая культура, Краткие сообщения ИИМК, вып. XVI.

⁸ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины, «Изв. ГАИМК», вып. 106, 1934.

⁹ Карты с археол. культурами, БСЭ, т. «СССР», стр. 291—294.

бытного общества, но воспроизводятся различно. Только в северных культурах наблюдается полное сходство — в одинаковой условной манере изображения и способе воспроизведения — на глиняных сосудах, посредством оттиска гребенчатого штампа. Возникновение общего сюжета может быть объяснено стадийным явлением, но его одинаковое воспроизведение, несомненно, является результатом связей, существовавших между племенами.

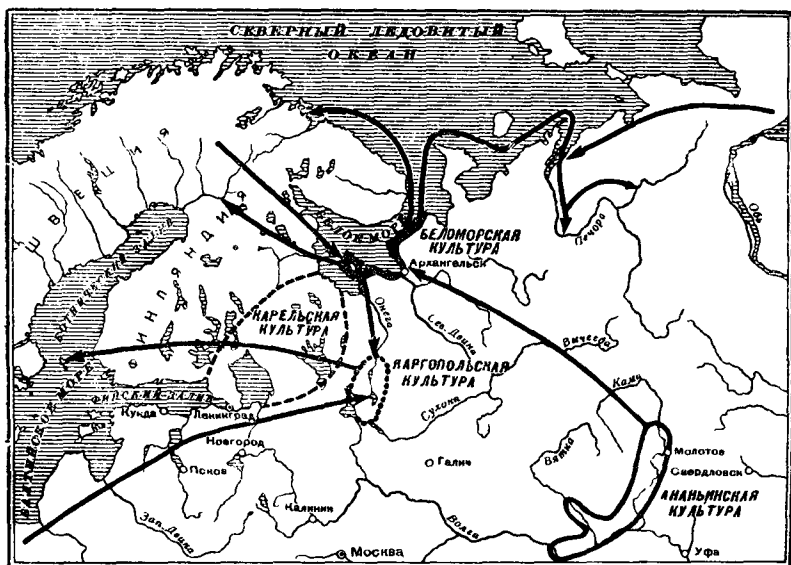

Рис. 1. Таблица I. Культурные связи севера Восточной Европы во II и в начале I тысячелетия до н. э.

Удаленное положение севера от центральных древних путей сообщения (Волго-Окского бассейна) создает впечатление его изолированности, но археологические данные позволяют представить это в несколько ином освещении. В «Истории древней Карелии» А. Я. Брюсовым¹⁰ отмечаются древние связи племен, населявших в эпоху неолита Карельскую АССР. Изучение материалов Севера дает возможность расширить эти связи и проследить межплеменные сношения как с Западной Европой, так и с Сибирью.

Племена, населявшие восточное побережье Белого моря, создавшие восточнобеломорскую культуру, не были замкнуты в границах только своей области. Как показывают наблюдения, типичные для этой культуры предметы, получившие здесь широкое распространение, находятся в единичных экземплярах в других культурах. Особенно хорошо прослеживается распространение из восточнобеломорской области в другие районы характерных кремневых наконечников стрел «ланцетовидной формы» (табл. II, 7, 9—10, 12—13), нередко обработанных «пильчатой» ретушью. Подобного типа наконечники на восточном побережье Белого моря составляют от 25 до 50% всех найденных на стоянках наконечников¹¹, а за пределами этой области встречаются лишь единицы. Мы находим их в области каргопольской культуры в

¹⁰ Указ. работа, гл. 2.

¹¹ М. Е. Фосс, Указ. раб. в «Рефератах От. истории и философии Академии Наук СССР».

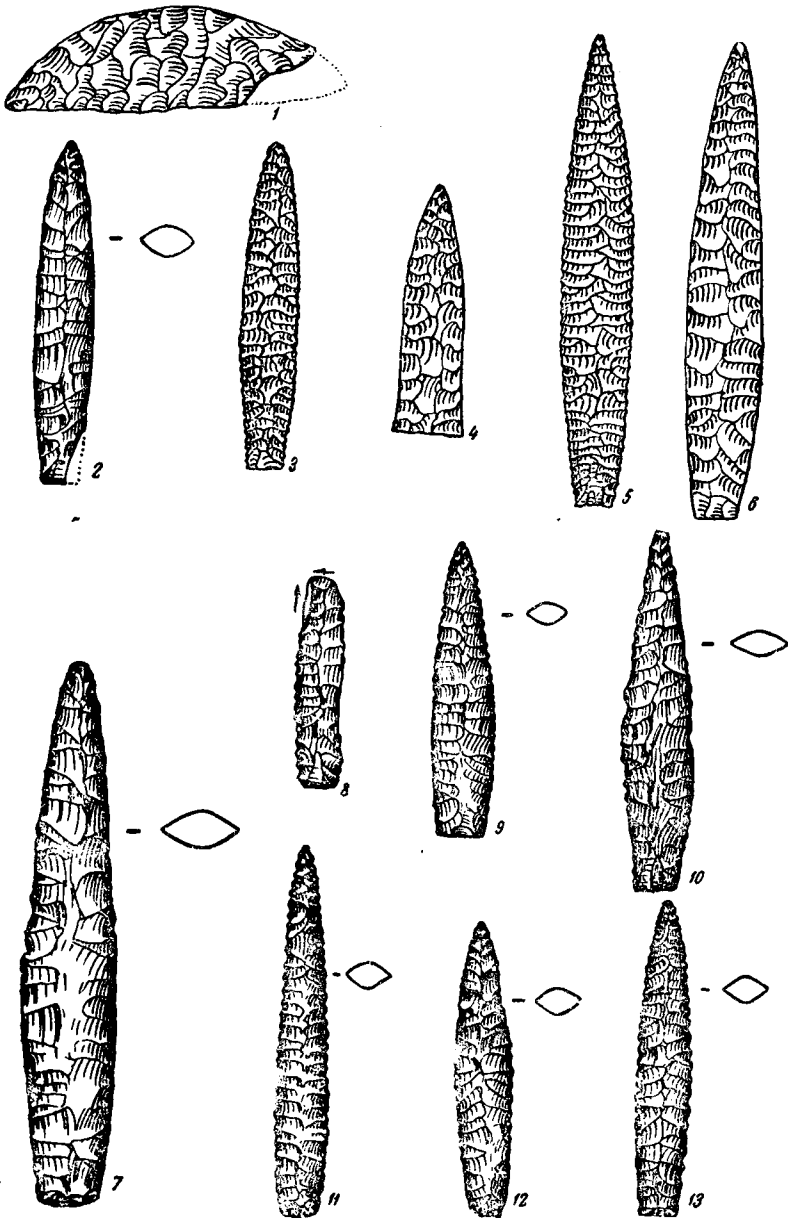

Рис. 2. Таблица II. Предметы, указывающие на связи восточно-беломорских племен во II тысячелетии до н. э.:

1 — «пила», Летний берег Белого моря (Неюкса); 2—13 — наконечники стрел: 2 — устье р. Кинемы, 3 — с Усть-Цыльма; 4, 9, 10, 12 — Зимний берег Белого моря; 5 — р. Моллона; 6 — Финляндия (Рованиemi); 7, 13 — Летний берег Белого моря (Красная Гора); 9 — там же (Яш-Наволоки); 8 — резец из обломка наконечника, Зимний берег

бассейне р. Печоры¹², в Кольском заливе¹³ (табл. II, 11), в Финляндии¹⁴ (табл. II, 6). Повидимому, совершенство формы этого вида наконечников послужило причиной не только продолжительного их бытования на месте, но и далекого их распространения. «Пильчатость»

¹² Г. А. Чернов, Стоянки древнего человека на р. Колве, Колве-Вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре, Краткие сообщения ИИМК, IX, 1941.

¹³ А. В. Шмидт, Древний могильник на Кольском заливе, «Кольский сборник АН СССР», 1930 (Материалы Комиссии экспедиц. исследований).

¹⁴ J. Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, Helsingfors, 1909.

краев способствовала нанесению более кровоточивых ран. Этим, хотя и в меньшей степени, отличаются вообще все кремневые наконечники стрел, что, повидимому, в значительной мере объясняет применение их в Сибири в то время, когда были уже известны железные наконечники. Судя по аналогичным австралийским наконечникам с зубчатыми краями¹⁵, наконечники беломорского типа могли употребляться не только на охоте, но и на войне, а о столкновениях северных племен известно по наскальным изображениям Залавруги, где одна человеческая фигура с луком изображена обороняющейся от врагов¹⁶.

Отмечая проникновение вещей из одной области в другую, мы не всегда еще можем выявить пути сообщения, так как промежуточные области сплошь и рядом остаются необследованными, но все же приблизительно их можно наметить. На основании нахождения наконечников восточнбеломорского типа в области каргопольской культуры (Кубенино¹⁷, устье р. Кинемы¹⁸, р. Модлона¹⁹) (табл. II, 2, 5) намечается путь по реке Онеге, соединяющей Белое море с озером Лача, далее по р. Свида, озеру Вожа и р. Модлоне — со свайным поселением. Какими путями проникли этого типа наконечники в Кольский залив? Как ни мало обследованы западная часть Белого моря и Кольский полуостров, все же, по имеющимся данным, можно отметить отсутствие их на западном и северном побережьях.

Здесь бытуют другого вида кремневые наконечники, и наряду с ними изготавливаются наконечники из шифера, сланца и кварца, совершенно отсутствующие в области восточнбеломорской культуры. Поэтому как будто исключается этапный сухопутный путь и намечается водный — через горло Белого моря (от Зимнего берега), а затем вдоль побережья Ледовитого океана — в Кольский залив (Олений остров); в связи с этим можно ожидать обнаружения в восточной части Кольского полуострова предметов восточнбеломорской культуры. Ширина горла Белого моря достигает до 50—60 км. Судя же по наскальным беломорским изображениям (Залавруга)²⁰, в это время были лодки, вмещающие до 24 человек, приспособленные, повидимому, для дальнего плавания. Прямым доказательством преодоления в эпоху неолита морского пространства служат открытые на Соловецких островах лабиринты. Чтобы попасть на эти острова, необходимо было проплыть морем от Кемского или Онежского берега около 40 км. Особенно интересным является нахождение наконечников беломорского типа в бассейне среднего течения р. Печоры. Сложившаяся здесь культура несет явные следы влияния Сибири. В орнаментике керамики имеется сходство (не только в элементах узора, расположении их, но и в способе их воспроизведения) с находками в бассейне Сосвы и Конды²¹ и в области полуйской культуры (в низовьях р. Оби)²². И в этот далекий район Большеземельской тундры (р. Колва с притоками Колва-Вис, Сандибей-ю) доходит влияние восточнбеломорской культуры. Здесь не только найдены типичные для нее наконечники стрел, но наблюдается даже такая деталь, как использование обломанных «пильчатых»

¹⁵ Ф. Волков, С. Руденко, Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений, «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910.

¹⁶ А. М. Линевский, Петроглифы Карелии, Петрозаводск, 1939, стр. 186—187.

¹⁷ М. Е. Фосс, Стоянка Кубенино, «Советская археология», т. V, 1940.

¹⁸ М. Е. Фосс, Стоянка у устья р. Кинемы, Краткие сообщения ИИМК, XIV.

¹⁹ А. Я. Брюсов, Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г., Краткие сообщения ИИМК, вып. XX, 1948.

²⁰ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, ч. II, 1938.

²¹ С. Т. Боч, Стоянки в бассейнах сев. Сосвы и Конды, Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, вып. I, 1937.

²² В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров, Краткие сообщения ИИМК, вып. IX, 1941.

наконечников для изготовления резцов с помощью бокового скола (табл. II, 8), отмечаемая в восточнобеломорской технике. В остальном техника обработки кремня — самостоятельная и в отличие от восточнобеломорской «микролитоидная». Нет основания предполагать существование в эту отдаленную эпоху сухопутного пути через огромное

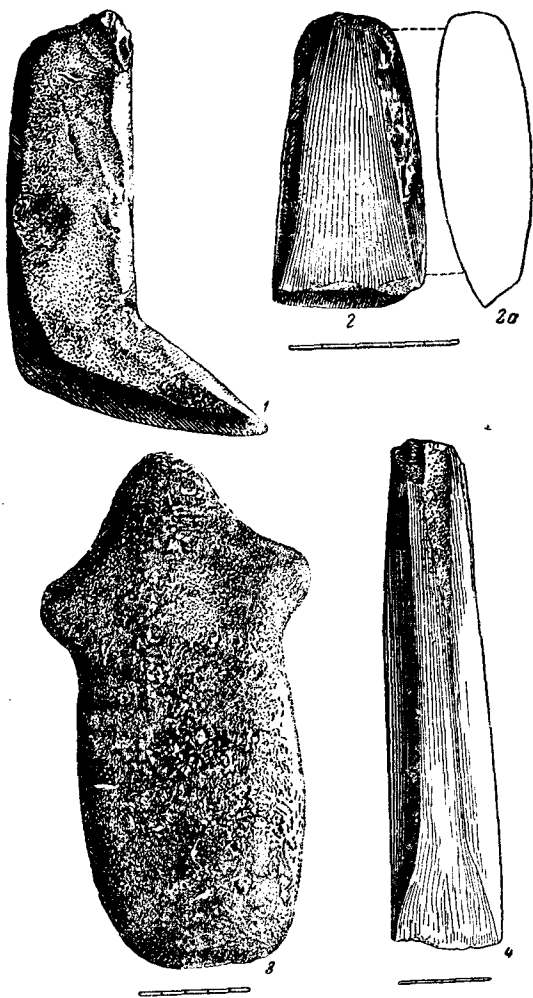

Рис. 3. Таблица III — предметы, указывающие на связи племен севера Европейской части СССР со Скандинавией (1—2) и Сибирью (3—4) во II тысячелетии до н. э.:

1 — нож «арктического типа», Карело-Финская ССР; 2, 2а — тесло вестландского типа, Онежский берег Белого моря; 3 — мотыга с цапфами, Сибирь; 4 — русско-карельский «топор», Сибирь

показывают, что наряду с влиянием, которое оказывала Сибирь на культуру, сложившуюся в бассейне Печоры, повидимому, возникли далекие связи между сибирскими и северо-западными племенами Европейской части Союза. Предположения наши подтверждаются и антропологическими наблюдениями: при изучении человеческих черепов древ-

пространство тундры, тем более, что восточнобеломорская культура принадлежит к береговым культурам, и в северном направлении она распространяется до Мезенской Губы. Повидимому, путь из этой области шел вдоль побережья Ледовитого океана до устья р. Печоры, а затем вверх по течению этой реки до ее притоков.

В связи с возникновением культуры в бассейне средней Печоры, испытывавшей влияние Сибири, получают новое освещение отдельные находки каменных орудий, представляющие собой полную аналогию найденным в Карельской АССР и Сибири. К ним относятся: так называемая «мотыга с цапфами», найденная в Карельской АССР (из коллекции Бутенева)²³ в одном экземпляре, в Сибири же эта форма является типичной для лесной части²⁴ (табл. III, 3). Типичное и распространенное в Карельской АССР орудие «русско-карельский топор» является также распространенной формой в Сибири (табл. III, 4, найден в б. Тобольской губ.). Форма орудия, называемая «Krummeissel», проникшая из Финляндии в Карелию и область каргопольской культуры (табл. IV, 9), найдена лишь в одном экземпляре в Сибири (близ г. Томска)²⁵. Эти находки

²³ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, табл. 18.

²⁴ В собр. Гос. Историч. музея, в б. Енисейской губ. и Вост. Сибири.

²⁵ В собр. Гос. Историч. музея, находка.

него северного населения в Европейской части обнаруживаются монголоидные черты, указывающие на связи с Азией²⁶.

Более тесные связи во II тысячелетии до н. э. существовали между смежными областями, например, каргопольской культурой и карельской²⁷, причем последняя исполняла в силу своего географического положения как бы роль посредника в сношениях каргопольских племен с древними племенами Финляндии.

Из области карельской культуры в каргопольскую проникают такие типичные формы орудий, как «кирки олонцкого типа», «русско-карельский топор», южнокарельские тесла, пилы и пр. Из Финляндии доходит характерная форма долот «Krummeissel» (табл. IV, 9) обнаруженная на стоянке у устья р. Кинемы на озере Лача; сложный тип рыболовного крючка, от которого обычно сохраняется лишь каменный грузик, в виде цилиндрической палочки, примером чему могут послужить находки на р. Онеге — в Кубенине (табл. IV, 6—7), в точности совпадающие по форме с найденной в Финляндии на стоянке Kotipelto²⁸ (табл. V, 6—7). Особенно поразительно сходство глиняных фигурок, одна из которых найдена в Nonkaniemi в Финляндии (табл. V, 2а, б²⁹, другая — в Кубенине (табл. IV, 2). Несмотря на пластические свойства глины, способствующие случайному варьированию формы, здесь мы имеем почти одинаковое воспроизведение характерного бобовидного торса, слегка вытянутой верхней части головы и почти одинаковые размеры. Сходство настолько велико, что наводит на мысль, не вышли ли фигурки из рук одного и того же мастера, т. е. в данном случае произошло не заимствование формы, а проникновение самого предмета из одной области в другую. Можно указать еще ряд примеров: в Кубенинской же стоянке найдены фрагменты глиняных фигурок: человеческая голова (табл. IV, 5), обнаруживающая близкое сходство с происходящей из Финляндии Jettböle (табл. IV, 4) и голова, повидимому, животного (табл. IV, 1 и табл. V, 1) — оттуда же³⁰. Следует отметить и сходство глиняных фигурок, одна из которых найдена в Куштозере (к югу от Онежского озера), другая в виде фрагмента — на стоянке каргопольской культуры, у устья р. Кинемы. И та (табл. V, 3), и другая (табл. IV, 3) представляют, повидимому, условное изображение птицы — острый нос в виде клюва, длинная шея и голова, украшенная гребнем, исполненным защипом. Целая фигурка имеет бобовидный торс.

Несомненно, что признаки сходства, наблюдающиеся в глиняных фигурках, появились в результате тех сношений, которые установились между племенами этих областей. В это же время — в позднюю стадию развития гребенчатой керамики, с которой связываются глиняные фигурки, финские археологи отмечают проникновение в Финляндию русского кремня³¹. Действительно, в Финляндии местного кремня почти нет, а соседняя область — Карелия — тоже бедна кремнем, поэтому область каргопольской культуры, отличающаяся многочисленностью и разнообразием кремневых орудий и богатством кремня, могла послужить источником кремневого сырья для Финляндии. В этом отношении интересна стоянка Nonkaniemi, где вместе с глиняной фигуркой, представляющей полную аналогию кубенинской, найдены орудия из русско-

²⁶ Реконструкция М. М. Герасимовым типа северного населения по черепу Караваевского могильника (из раскопок А. Я. Брюсова в области каргопольской культуры, собр. Гос. Историч. музея); Е. М. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова, Краткие сообщения ИИМК, VI, 1940.

²⁷ По определению А. Я. Брюсова, — см. «Историю древней Карелии».

²⁸ «Aikakauskirja», XXVIII, 1920, табл. XI, 5.

²⁹ «Suomen Museo», XXXVI, 1929, стр. 20.

³⁰ «Aikakauskirja», XXVI, 1912, стр. 310 и табл. VII, 11.

³¹ Aarne Engrens, Askolan Nonkaniemi, «Suomen Museo», XXXVI, 1929 Referat.

го кремня в сопровождении развитой гребенчатой керамики и еще более поздней типа Uskela, датируемой приблизительно началом II тысячелетия до н. э. и позднее. В связи с этим особенно заслуживает внимания совпадение по форме кремневых орудий, одно из которых найдено у устья р. Кинемы, на стоянке каргопольской культуры (табл. IV, 8),

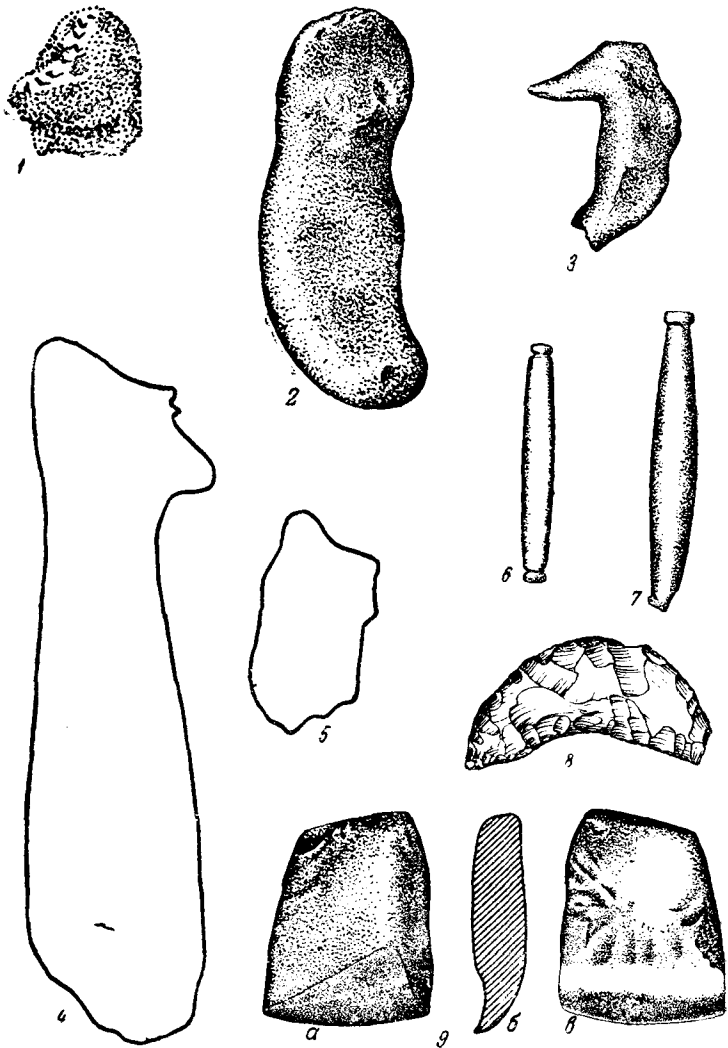

Рис. 4. Таблица IV. Предметы, указывающие на связи каргопольских и карельских племен с Финляндией во II тысячелетии до н. э.:

1—5 глиняные фигурки (1, 2, 5 — Кубенино; 3 — устье р. Кинемы; 4 — Je tbdle; 6, 7 — части сложных рыболовных крючков, Кубенино; 8 — серповидный нож, устье р. Кинемы; 9 — „Kittmeissel“, устье р. Кинемы

другое — в Финляндии на стоянке Rantapelto (табл. V, 8)³². Орудия представляют собой ножи характерной серповидной формы, что исключает случайность сходства. Имеются и другие, близкие по типу каргопольским орудия на упомянутой выше стоянке Nonkaniemi и других пунктах.

³² «Aikakauskirja», XXVIII, 1920, табл. VI, 5.

Следует отметить также в орнаменте керамики, найденной в Финляндии, Lavatäki, условное изображение водоплавающей птицы (табл. V, 4) — мотив, хорошо известный на Севере, в Европейской

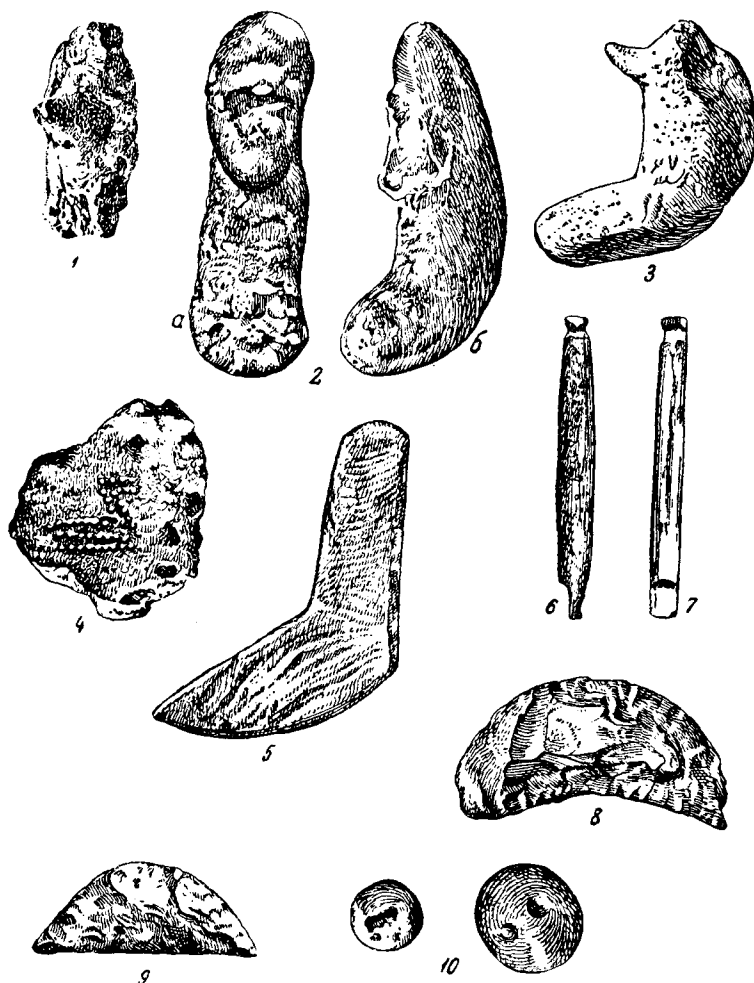

Рис. 5. Таблица V. Предметы, указывающие на связи Скандинавии, Финляндии и Прибалтики с племенами севера Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э.:

1—3—глиняные фигурки (1, 2а, б — Финляндия; 3 — Карело-Финская ССР); 4 — изображение водоплавающей птицы, Финляндия; 5 — нож „арктического типа“, Скандинавия; 6, 7 — части сложных рыболовных крючков, Финляндия; 8 — серповидный нож, Финляндия; 9 — „пила“, Швеция; 10 — янтарные п.,говицы с V-образным отверстием, Прибалтика

части Союза³³, а также в Западной Сибири, в низовьях р. Оби³⁴, между тем как в западноевропейской керамике он не известен. Этот мотив мог проникнуть в Финляндию из карельской и каргопольской культур.

³³ В Карельской АССР — Вой-Наволок 9, в Архангельской обл. — Кубенино и Кузнечиха; в районах, связанных с северными культурами: близ г. Галича — стоянка «Умиление», на Урале — Горбуновский торфяник, береговая стоянка, Шигирское городище. Близкое к подобным изображение см. В. Передольский, Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья, СПб., 1893.

³⁴ Доклад В. Н. Чернецова на заседании сектора первобытной археологии ИИМК АН СССР 18/IV 1947 г. о результатах раскопок 1947 г. в бассейне р. Полуй.

В «Истории древней Карелии» приводятся исчерпывающие данные, характеризующие тесные связи карельских племен с Финляндией в конце III и во II тысячелетии до н. э. Среди предметов, проникших к ним, имеются остролезвийные топоры (Бесовы Следки — верхний слой, Илекса), крестовидные топоры (Пельдожа и Вытегра), фигурные молоты (Тулгуба, Падозеро и близ Петрозаводска), «Klimmeissel» (Суна), топоры типа Рованиеми (Суна I, Чула, Машозеро). К этому можно добавить найденное позднее Н. Н. Гуриной ромбическое орудие со сверлиной (Вой-Наволок 9)³⁵. Имеется находка и сложного типа рыболовного крючка (Куштозеро).

Можно было бы привести еще ряд аналогичных примеров, но достаточно и приведенного материала, доказывающего, что между древними племенами Финляндии, Карельской АССР и областью каргопольской культуры существовали длительные сношения, в результате которых проникали предметы и происходило заимствование технических навыков, форм орудий, получение необходимого материала для орудий при недостатке местного и т. п.

Менее устойчивые связи намечаются у племен нашего Севера с Западной Европой. Здесь прежде всего следует указать на связи со Скандинавией. В области восточнобеломорской культуры (с. Ненокса и с. Зимняя Золотица) находятся типичные шведские кремневые орудия сегментовидной формы, так называемые «пилы»³⁶ (табл. II, 1). Имеются наконечники стрел, отличающиеся от местных форм (табл. II, 4) (Зимняя Золотица), ближайшие аналогии которым можно указать в Швеции (Лапландии и Нордландии)³⁷. Отличительной чертой их является удлиненность пропорций и характерная припухлость на боковых сторонах. Интересно также тесло из зеленого камня (с. Пушлахта на Онежском берегу) с характерной крутой заточкой лезвия (табл. III, 2—2а), сходное с теслами вестландского типа, известными по находке в Швеции и Норвегии³⁸, где они изготовлялись из гринштейна.

В отношении Карельской АССР отчетливо намечаются связи со Скандинавией, в свое время отмеченные и А. Я. Брюсовым³⁹, по находкам на карельской территории типичных предметов «арктического неолита» — шиферных наконечников стрел, узкой формы без шипов и широкой с шипами (стоянка Бесовы Следки), шиферных ножей — прямых (Тамица) и углового типа (с. Косальма) (табл. III, 1). Путь в Скандинавию, повидимому, шел через северную Финляндию, на что указывают некоторые находки, например, в известном пункте Рованиеми (откуда происходят топоры «типа Рованиеми») найден кремневый наконечник стрелы беломорского типа, аналогичный происходящему из Красной Горы (табл. II, 6).

Исключительно интересными находками являются янтарные украшения, обнаруженные в свайном поселении на р. Модлоне⁴⁰. Это — пронызи, привески и пуговицы с V-образным отверстием, представляющие собой характерные формы западноевропейских янтарных украшений конца III, начала II тысячелетия до н. э. (табл. V, 10). Подобные находки указывают, что область каргопольской культуры была связана с Балтикой — центром добычи янтаря, откуда янтарные изделия распространялись на далекое расстояние и не только по Западной Европе, чему посвящено большое количество работ в западноевропейской лите-

³⁵ Н. Н. Гурина, Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера, Краткие сообщения ИИМК, VII, 1940.

³⁶ По западноевропейской терминологии, не определяющей назначения орудия.

³⁷ «Acta Archeologica», VII, стр. 314, M. E b e r t, Reallexikon, т. IX, табл. 34f и сл.

³⁸ M. E b e r t, Указ. раб., табл. 25 и 45.

³⁹ А. Я. Брюсов, История древней Карелии.

⁴⁰ А. Я. Брюсов, Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Труды Гос. Историч. музея, XII, 1941.

ратуре, но и на восток⁴¹. Находки янтарных украшений в Кончанском⁴², Коломцах⁴³, Негежме⁴⁴, у с. Городище⁴⁵, на оз. Пирос⁴⁶, предшествовавшие раскопкам на р. Модлоне, показывают проникновение янтаря все далее и далее на восток, свидетельствуя, что у древних племен, заселявших север в эпоху неолита, возникали сношения не только со смежными областями, но и с Западной Европой, отделенной большим пространством промежуточных областей, что не мешало, однако, установлению культурных связей между древними племенами.

Помимо связей, прослеживаемых между северными племенами в эпоху неолита, можно предполагать, что Север не был оторван и от среднерусской полосы. В конце II тысячелетия наблюдается проникновение получившей повсеместное распространение в средней полосе так называемой «сетчатой» керамики. Огромное пространство, которое было охвачено этой керамикой, простирается на запад до Балтийского моря и на восток — до Волги. Подобная керамика не получила такого развития на Севере: в области восточнорусской культуры наблюдается в очень незначительном количестве своеобразная керамика с отпечатками, воспроизводящими в грубом виде «сетчатый» орнамент, нанесенный штампом⁴⁷. В области каргопольской культуры, в виде единичных экземпляров, можно указать сосуды с сетчатым орнаментом среднерусского типа в нескольких пунктах, например в Кубенине, у устья р. Кинемы, в Верхнем Веретье⁴⁸. Но все это настолько в ограниченных размерах, что не может быть и речи о самостоятельном развитии этого типа керамики в северных культурах. То же следует отметить на территории Карельской АССР, за исключением стоянки на реке Томице⁴⁹, где она найдена в большом количестве и по своему облику очень сходна с керамикой стоянки, обнаруженной на месте Младшего Волосовского могильника. Если спорадические находки сетчатой керамики могут послужить указанием на межплеменные сношения, то массовое проникновение керамики из одного района в другой ставит вопрос о передвижении населения из средней полосы к северу во второй половине II тысячелетия до н. э. О связях Севера со среднерусскими племенами свидетельствует и находка керамики, относящаяся к более раннему периоду, о которой уже упоминалось выше, обнаруженная в одной из стоянок галичской культуры⁵⁰ — с условным изображением водоплавающей птицы, на сосуде, украшенном гребенчатым орнаментом, что не свойственно культурам Окского бассейна. На этой же стоянке среди обычных для средней полосы наконечников стрел обнаружен (при раскопках 1947 г.) один наконечник восточнорусского типа. Вместе с этим хочется обратить внимание на сходство стиля в изображении змеи Галичского кладки и Оленеостровского могильника. Я имею в виду галичский бронзовый нож с прорезной рукоятью, украшенной изобра-

⁴¹ В статью не вошли многочисленные убедительные данные, приводимые в докладе А. Я. Брюсова, прочитанном в секторе первобытной археологии ИИМК АН СССР в 1948 г. после написания этой статьи.

⁴² Н. Рерих, Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой, Записки Отд. Русск. и Слав. Археол., т. V.

⁴³ В. Передольский. Указ. работа.

⁴⁴ Б. Ф. Земляков, Негежемская неолитическая стоянка, Труды Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, т. II, 1932.

⁴⁵ Г. П. Гроздилов, Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове, «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода», 1940, № 6—7.

⁴⁶ Н. Рерих, Каменный век на озере Пирос, Записки О. Р. и С. А., т. VII, вып. 1.

⁴⁷ В собр. Гос. Историч. музея.

⁴⁸ М. Е. Фосс, Стоянка Веретье, Труды Гос. Историч. музея XII, 1941.

⁴⁹ А. Я. Брюсов, История древней Карелии.

⁵⁰ М. Е. Фосс, Результаты Галичской экспедиции 1947 г., печатается в Кратких сообщениях ИИМК, вып. XXVI.

жением змей, извивы которой переданы плавно-волнистой линией, как и у оленеостровского изображения, вырезанного из рога. В том и другом выражается одинаковая манера, наблюдаемая в реалистическом изобразительном искусстве. Это особенно заметно при сравнении с изображением змей из Горбуновского торфяника и Сеймы, отличающихся схематичностью, где извивы переданы геометрически — углами.

Можно также отметить сходство редко встречающегося орнамента (представленного на рис. 6), обнаруженного в керамике в трех пунктах: в области каргопольской культуры — на р. Модлоне (свайное поселение)⁵¹, в области галичской культуры на стоянке «Умиление»⁵² и в Окском бассейне у с. Нармы⁵³. Сходство не ограничивается только одинаковым узором, но наблюдается и в расположении его лишь по верхней части сосуда и в самой технике нанесения и, наконец, в тонкостенности сосудов, происходящих из этих трех пунктов.

Суммируя перечисленные признаки, приходим к заключению, что между северными и среднерусскими племенами намечаются связи во второй половине II тысячелетия до н. э.

В заключение хотелось бы коснуться еще одного вопроса, возникающего в связи со сходством, наблюдаемым в орнаментике керамики восточно-беломорской культуры, конечной стадии ее развития⁵⁴, керамики ананьинской культуры (см. карту) и древнейших селищ верхнего Поволжья (например, «Быки» в Галичском районе Костромской обл.)⁵⁵. Ананьинская керамика, отличающаяся характерным валикообразным утолщением на шейке сосуда, которое сопровождается обычно веревочным орнаментом и круглыми ямками, расположенными под утолщением в ряд, сначала была обнаружена в области ананьинской культуры. Затем нахождение ее было отмечено в восточно-беломорской культуре, где, кроме этого, найден обломок бронзового

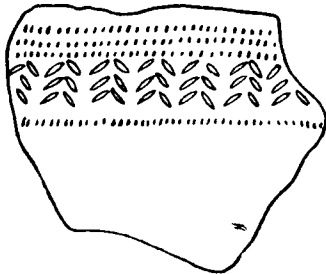

Рис. 6. Фрагмент керамики

кельта ананьинского типа. Находки эти привлекли внимание исследователей, поставивших вопрос о соотношении этих культур. Последующие работы, произведенные в Каргопольском районе и Галичском (Костромской обл.), открыли совершенно аналогичную керамику в целом ряде стоянок. Предположение о проникновении этого вида керамики в различных направлениях на большое расстояние от бассейна р. Камы, в связи с завозом ее или заимствованием стиля орнаментики, мало вероятно, так как в данном случае трудно представить, что стимулировало это. Наблюдения показывают, что глиняная посуда в эпоху неолита повсюду производилась на месте и орнаментика ее была местной. Керамика не являлась ценным материалом, какими были бронза, янтарь и пр., и не привлекала внимания совершенством формы, что служило, повидимому, причиной распространения каменных орудий. Проникновение единичных экземпляров сосудов или отдельных орнаментальных мотивов из одной области в другую представляет случайное явление, сопровождающее установившиеся сношения между племенами. Но если наблюдается нахождение определенного типа керамики в большом коли-

⁵¹ А. Я. Брюсов, Отчет о раскопках 1938—1939 гг., Труды Гос. Историч. музея, XII, 1941, стр. 14, рис. 10 (в нижнем ряду, третий слева).

⁵² М. Е. Фосс, Новые памятники в районе галичской культуры. Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII.

⁵³ В собр. Гос. Историч. музея.

⁵⁴ А. В. Збруева, Стоянка на р. Чукче близ с. Красной Горы, «Сборн. к 10-летию Октября», ГАИМК, М., 1928.

⁵⁵ М. Е. Фосс, Указ. раб., Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII.

честве и на большом протяжении, причем найденная керамика не просто родственна по стилю орнамента, а представляет собою полное тождество, что можно видеть в вышперечисленных областях — ананьинской культуры, восточнобеломорской, каргопольской, а также в районе г. Галича, то это явление представляется в ином освещении. Подобное распространение, о чем была речь выше, псевдимоу, выражает передвижение или является последствием передвижения населения. Родственность этнических групп отражается в одинаковом стиле созданной ими орнаментики. Вот почему возникает вопрос не о сношениях племен указанных областей, а о продвижении их из области ананьинской культуры на запад и северо-запад. Высказанная гипотеза не может получить в настоящее время достаточного обоснования. Решение этого вопроса зависит и от антропологического материала, отсутствующего в восточнобеломорской области и в верхнем Поволжье. Область же каргопольской культуры дает положительное указание на родственность местного населения и ананьинского (Луговской могильник): те и другие черепа обнаруживают монголоидные черты⁵⁶. Таким образом, перед нами стоит интересная проблема, разрешение которой может быть осуществлено в недалеком будущем.

Заканчивая на этом подведение итогов многочисленных сопоставлений, произведенных на археологических материалах Севера, мы приходим к заключению, что, начиная с эпохи неолита, древние племена, населявшие северную половину Европейской части СССР и локализовавшиеся в определенных районах, не жили замкнуто в пределах занятой ими территории, что фактические данные указывают на возникновение между ними культурных связей. Эти связи были более тесными и продолжительными при территориальной близости, но и далекие расстояния не мешали сношениям, в результате которых не только проникали вещи, перевозился необходимый сырьевой материал при отсутствии местного и т. п., но передавался опыт, технические навыки и пр. Если в настоящей работе не определены еще пути сообщений, то указаны основные направления, по которым следует в дальнейших исследованиях искать этих путей.

⁵⁶ Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. Краткие сообщения ИИМК, IX, 1941.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. А. ДИНЦЕС

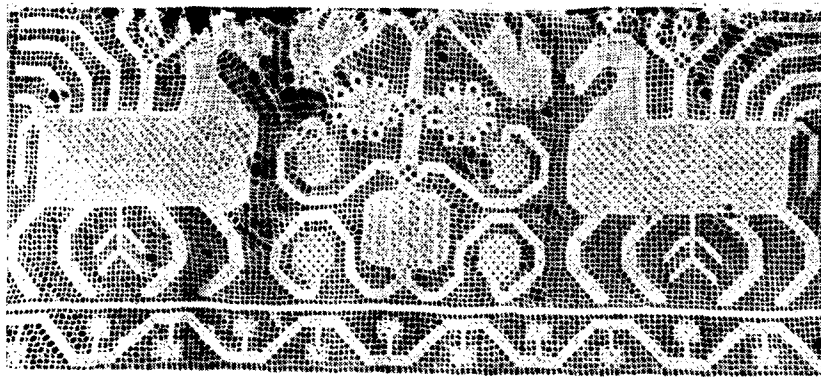
ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗМЕЕБОРЦА В РУССКОМ НАРОДНОМ ШИТЬЕ

Древнейшие типы тканей и народной вышивки двусторонним швом и строчкой по перевити, сохранившиеся в наименее нарушенном позднейшими наслоениями виде, чаще всего на русском севере, принадлежат к формам так называемого геометрического стиля, строго согласованного со структурой холста. Как указали В. А. Городцов и другие исследователи, в этих вышивках и тканях воспроизводятся сцены поклонения Великой богине земли и всего живущего, которая одета в своеобразную, расширяющуюся книзу верхнюю одежду (рис. 1а), либо Древу жизни (рис. 1б). По сторонам от них располагаются птицы, кони, иногда крылатые, реже олени и медведи, а также прибоги, обычно конные, воздымающие руки, либо представленные подбоченившимися, в своеобразно молитвенной позе. Заполняющие свободное поле, а также пронизывающие самые фигуры кресты, иногда с загнутыми концами, равно как и круги, колеса, розетки, ромбы, квадраты и т. п., определяются как знаки высшего божества огня — солнца, оплодотворяющего своими живительными лучами Богиню земли или Древо жизни — изобилия.

Эти многократно воспроизводимые в народном искусстве схематичные изображения наделяются скупыми признаками, которые лаконично, но точно определяют каждый объект. Так, например, кони легко узнаются по характерному профилю головы и крутой шее, олени — по ветвистым рогам и т. п. Таким же образом определяются разновидности женского божества, представленного то держащим под уздцы предстоящих коней, то воздымающим в вытянутых руках растения или птиц, то окрыленным, о чем речь будет далее, то с тщательно выявленными кистями рук, переходящими иногда в гребни от прялок (очевидно, некогда Мокось, покровительница женского труда) (рис. 2а), то со змеевидными признаками либо плавниками (очевидно, берегиня), то как бы проросшим, иногда органически слившимся с образом плодоносного дерева и т. п. Эти изображения, олицетворяющие великие и малые силы стихий и скомпанованные в особо выразительные для выяснения их соподчиненности трехчастные сцены, либо расположенные в ряд, были рождены миропониманием восточнославянского родового общества, определившим характер его земледельческой религии.

а

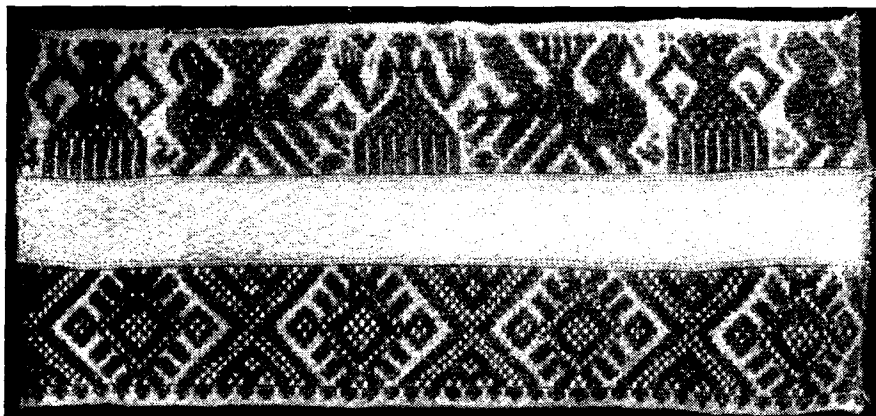

б

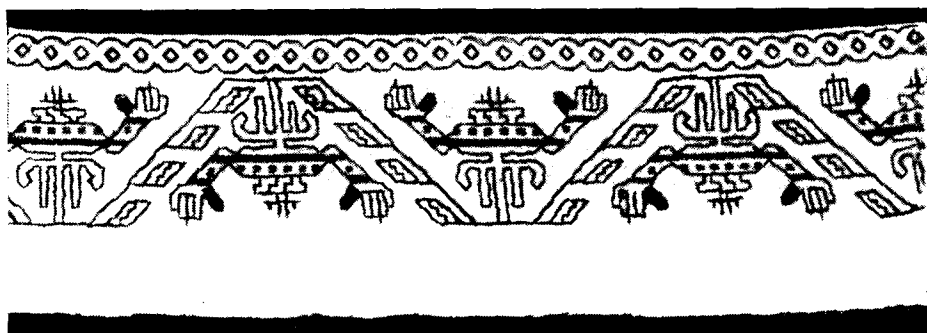
Рис. 1. Севернорусские узоры с мотивами Богини земли (а) и Древа жизни (б)

Естественно, что по мере того, как начала христианства стали все глубже внедряться в сознание народных масс древней Руси, образы, рожденные язычеством, должны были постепенно тускнеть в их первичном смысловом значении. Особо крепкая привязанность народа к своим коллективно разработанным изобразительным формам неминуемо должна была привести к коренному переосмыслению древних изображений, т. е. к использованию их при изобразительном воплощении новых сюжетов, либо к явлению, особо распространенному, — превращению их в чисто декоративные мотивы, по неопознаваемой уже традиции помещаемые на полотенцах, вроде узора из видоизмененных фигур Мокоши (рис. 2б) на определенных частях одежды, в архитектурной резьбе и т. п.

Пример весьма позднего использования древних видоизмененных образов для чисто жанровых изображений, по содержанию не имеющих ничего общего с культовыми изображениями, дают калязинские красные изразцы XVI—XVII вв., происходящие, повидимому, из Макарьевского монастыря (рис. 3). Отгиснуты эти образцы были в формах, резанных малоискусным мастером-крестьянином в характерно народной манере плоского рельефа. Всадник на первом из этих изразцов совпадает с типовым изображением конного прибога. Схематичность корпуса конька с подчеркиванием наиболее характерных его особенностей — крутой шеи, гривы, согнутых в беге ног, столбообразный корпус всадника, его воздетые руки, а особенно прием наложения человеческой

а

б

Рис. 2. Узоры на вологодских полотенцах. Изображения богини Мокошь, покровительницы женского труда

Рис. 3. Калязинские изразцы XVI—XVII вв.

фигурки на профильного конька,— все это генетически приводит к древним изображениям конного прибога. Но вместе с тем, наивная, правда, трактовка лица с усами и рожками и передача деталей кафтана (пуговиц) знаменуют направленность к развлекательному жанру и обнару-

живають преодоление религиозного содержания. Таким же является и второй калязинский изразец, на котором изображена женщина, подносящая своему подбоченившемуся, видимо, пляшущему партнеру стопу. При общей схематичности фигур, из коих лишь женская наделена чертами лица, да и то весьма примитивно, в них, как отметил еще Султанов, наблюдается передача резчиком местных особенностей одежды. На женщине надет высокий головной убор рода кики, на мужчине — шапка с тульей и утолщенным, очевидно, меховым околышем, на одежде обоих показаны пуговицы¹. И все же столбообразный корпус женщины с наивно трактованными руками, протяннутыми к пляшущему, и поза последнего с дугообразно согнутыми «фертом» руками выдают далекие связи их облика с фигурами языческого «чина».

Калязинские изображения XVI—XVII вв. значительно примитивнее более ранних изображений на рельефных глазурованных плитках псковской церкви Георгия со Взводу 1494 г. (рис. 4). Они были выполнены знакомыми с мотивами «высокого» искусства ремесленниками — резчиками деревянных форм и гончарами из пригородов Пскова либо близлежащих селений, чья продукция (вроде надмогильных глазурованных плит XVI в.) имела весьма широкий сбыт. На приводимой псковской плитке конный знаменосец в остроконечном шлеме, при всей непропорциональности большеголовой фигуры, представлен в сравнительно сложном ракурсе и носит признаки моделировки, равно как и (особенно в конике) характеристики в целом, а не единичными признаками. Однако и в этом изображении, для своего времени совершенном (особенно в килевидном растительном обрамлении), проступает традиция древней техники изображения всадника, как бы наложенного на конька, вынесенная ремесленником из среды, откуда он вышел и с которой сохранил живые связи.

Но только ли под воздействием таких мастеров, не порывавших связей с деревней, последняя разработала в своем искусстве жанровые мотивы? Конечно, нет. В народном искусстве, всегда отражающем существующую действительность, с изменением ее появляется новое содержание, при художественном воплощении которого только лишь частично использовалась традиционная техника изображения. Показ жанровых сцен в народном искусстве — явление очень старое. В своем развитом виде жанрово-бытовые сюжеты народных вышивок передаются в узорчатых барочных формах XVI — начала XVIII в.; простейшие композиции, кстати, целиком крестьянской тематики, выдержанные в формах геометрического стиля, сложились задолго до этого.

Рис. 4. Рельефная глазурованная плитка из псковской церкви Георгия со Взводу 1494 г.

¹ Н. Султанов, Древнерусские красные изразцы, М., 1895, стр. 15—17; А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, I, М., 1938, стр. 25, 56—57; аго же, Русские поливные изразцы XVI в., М., 1915, стр. 6—7.

В период распада национального единства и гнета иноземных поработителей народное искусство в обстановке творческой заторможенности не было в силах при изменении содержания коренным образом преодолеть традиционные геометрические формы. К тому же замена новыми этих исконных форм, противопоставляемых чуждым, противоречила охранительным тенденциям отстаивания своей самобытности. Поэтому, бесконечно варьируя привычные формы и лишь в меру необходимости видоизменяя их, наш народ создал в период феодальной раздробленности множество местных школ (не по племенному, а по территориальному признаку), своеобразных изобразительных говоров и наречий, передающих и бессюжетно-декоративные и жанрово-бытовые мотивы. Лишь с возрождением национального единства, т. е. в московский период, народное искусство оказалось в состоянии решительно перейти к новым, более гибким формам, создаваемым русским народом; одновременно с разработкой новых художественных приемов творчески осваивались художественные и технические приемы Запада и Востока

Рис. 5. Заглавные буквы из смоленской псалтири 1436 г.

и бережно сохранялись, особенно в северных заповедниках, окостеневшие формы геометрического рисунка. Видимо (как косвенно подтверждают изделия ремесленников), наличие жанрово-бытовых изображений в народном искусстве уже фиксируется в XIV—XV вв.

И не из этого ли народного источника во временные переплетения заставок и заглавных букв наших иллюминированных рукописей проникли изображения из крестьянского быта? Особенно примечательны заглавные буквы смоленской псалтири 1436 г. вроде представляющей букву М группы из двух рыбаков, которые тянут сеть и перебраниваются. Как сюжет изображения, так и особенно подпись к нему — «Потяни, корвин сын» — «Сам еси таков» (рис. 5), говорят о простонародном его происхождении². Формальная сторона таких заглавных букв и заставок намного совершеннее народных изображений, которым не известны ни сложные положения, ни детализация рисунка. Но простонародная тематика, внесенная миниатюристами вразрез с содержанием рукописей, несомненно подсказана народным искусством, — повидимому,

² А. Некрасов, *Очерки из истории славянского орнамента, Памятники древней письменности и искусства*, СХХХ, СПб., 1913, стр. 13, 68—69; его же, *Древнерусское изобразительное искусство*, стр. 145—151, 211—214.

не дошедшими до нас в подлинниках жанровой народной росписью того времени и шитьем.

Жанровые мотивы в формах древнего геометрического стиля более всего сохранены нашей пережиточной народной вышивкой. Наиболее распространенными (от русского Севера до Украины) являются изображения хороводов (рис. 6). Исполняются такие вышивки двусторон-

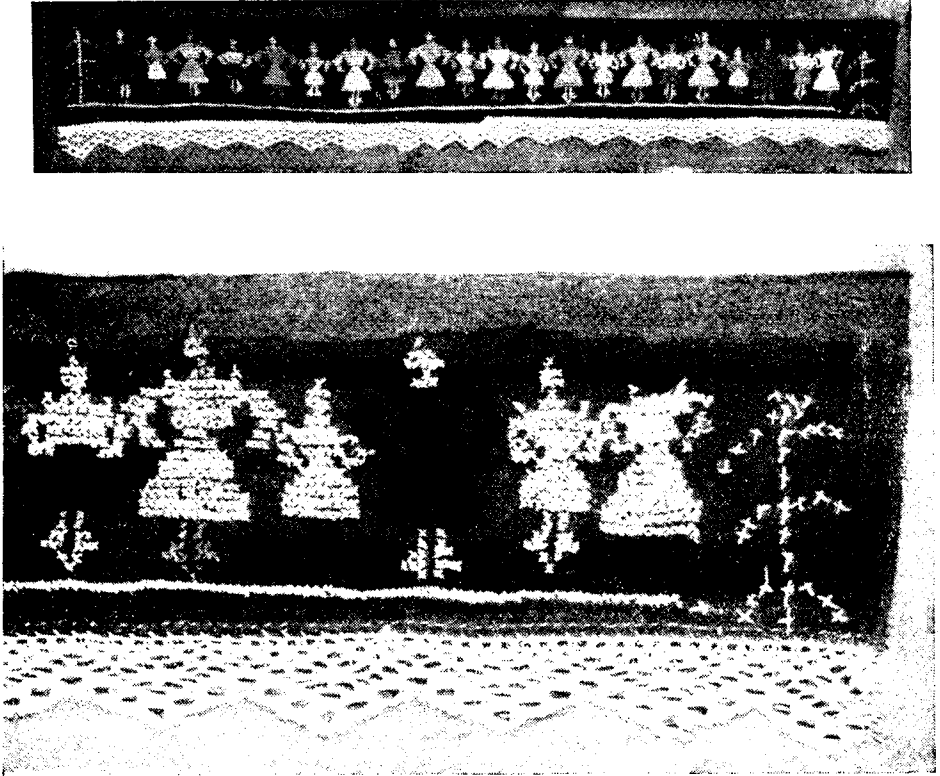

Рис. 6. Вышивки с изображением хороводов в древнем геометрическом стиле

ним русским швом, близкой ему украинской «штопівкой», строчкой, а также счетным крестом, сложившимся, видимо, вслед за двусторонним. Поставленные в ряд безликие фронтальные женские фигурки, на которых одежда никак не детализирована, образуют шеренгу пляшущих. По облику эти фигурки точно повторяют древние изображения женского божества. Объединение достигается сближением согнутых некогда в адоративном жесте крюком рук смежных фигур, как это видно на приводимом небольшом кумачовом подзоре из Устюжнинского района, шитом разноцветными нитями в крест — типичной средне-русской манерой. На вышивке фиксируется место, где происходит пляска, — узкой полоской намечена земля; по краям изображены два дерева³. Построенные традиционным приемом симметрии деревья эти сильно упрощены по сравнению с древними священными деревьями, возникающими из треугольного основания, с ветвями, усыпанными розетками и отягощенными плодами. Судя по расцветке, деревья на устюжнинской вышивке изображают березки, среди которых часто проводились народные игрища, например в сёмик.

³ Л. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, сб. «Советская этнография», V, 1941, стр. 41.

Наряду с использованием переосмысленных фигур нашего языческого Пантеона для изображения народной пляски наблюдается также использование их для любовного сюжета. Помещаемые в вышивке рядом, как на калезинском изразце, мужская и женская фигурки передают первично народный чувствительный сюжет, который упоминается, между прочим, в былине. Щегольский наряд Щурилушки Пленковича описан так:

Кунью шубку он надел на плечика на могучии,
 Еще строчка строчена-то чистым серебром,
 Друга строчка строчена так красным золотом,
 Петелки-то вшиваны шелковыи,
 Пуговики положены на золочёныи;
 Ай во этии во петелки шелковыи
 А то вылетено по красной по девушке;
 В эвты пуговики-то в золочёныи
 Ай то вливано по доброму по молодцу:
 Как застенутся, так и обоймутся.
 Поростенутся, так поцелуются⁴.

Не лишне отметить, что эти характерные для вышивки геометрического стиля простонародно-жанровые сюжеты — пляски и любовный — встречаются также и в описаниях древних календарных обрядов. В сёмик, как сказано в Стоглаве, «сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричанием, и егда начнут играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же от плача преставше, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сотонинские пети на тех же жальниках, обманщики и мошенники»⁵. Точно так же весенняя обрядовая хоровая песня рассказывает о любовной тоске по возлюбленному; купальская же песня рисует торжество любви, любовно-сатирические состязания влюбленных⁶.

Но при всем этом считать, что при изобразительном оформлении подобного рода жанровых сцен в народном искусстве для них были непосредственно, чисто механически использованы древние фигуры языческих божеств, т. е. предполагать, например, прямое превращение древнеславянской Великой богини в плясунью, конечно, не приходится. Здесь имело место творческое использование народной традиции. В некоторых дошедших до нас произведениях народного изобразительного искусства совершенно отчетливо можно увидеть такое использование в бытовых и героико-сказочных сценах традиционных приемов языческих культовых изображений. «Светское» содержание при этом определяет принципиально новый характер показываемого. Примером такого произведения может быть вышивка из собрания Гос. Русского музея, фрагмент старинного строчёного стланью конца полотнца, который был доставлен из Симбирской губернии (ныне Куйбышевской области) (рис. 7), но по манере исполнения более связывается с землями древнего Новгорода. Нижний край конца, к сожалению, оборван. В левой половине вышивки помещен конь, уцелевший по копыта, со стоящей на его крупе фигуркой с согнутыми руками; основание, на котором стоял конь, оборвано. Ближе к середине, у головы коня, изображена фигурка, подол расширяющейся книзу одежды которой также утрачен. И, наконец, правая половина вышивки занята фигурой мощного крылатого дракона — змея с частично уцелевшими когтистой

⁴ А. Ф. Гильфердинг, *Онежские былины*, т. II, М.—Л., 1938, стр. 118.

⁵ Стоглав, СПб., 1863, стр. 23 и сл.

⁶ *История русской литературы*, т. I, изд. АН СССР; А. И. Никифоров, *Фольклор Киевского периода*, М.—Л., 1944, стр. 228.

лапой, свернутым хвостом и длинной, изогнутой в верхней части шеей, как бы обрубленной. Над змеем, между его шеей и крылом, изображен срезанный в углах квадрат, зашитый в косую решетку.

Естественно возникает вопрос: что изображает эта композиция? Первое, что может представиться, это то, что здесь в народной интерпретации изображено «Чудо св. Георгия о змие», хотя в отличие от народной поэзии, знающей духовные стихи, церковные сюжеты в народном изобразительном шитье типологически древней манеры исполнения встречены не были. Но ни по группировке, ни по деталям вышивка из собрания Гос. Русского музея не имеет ничего общего с

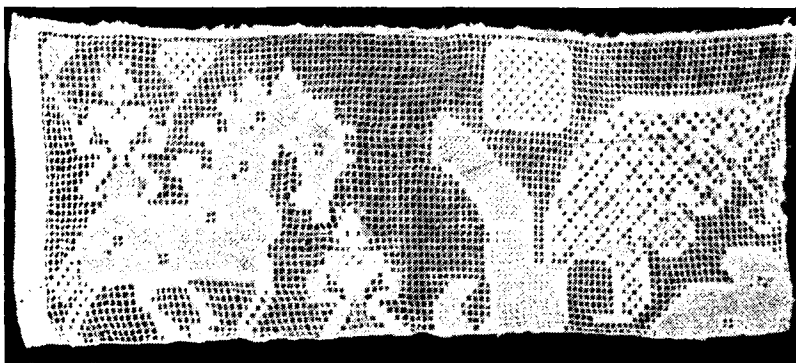

Рис. 7. Фрагмент старинного строчёного стланью конца полотенца из Симбирской губ. Гос. Русский музей

церковным изображением. На протяжении многовекового развития русской иконописи, начиная от фрескового изображения Георгия в Старой Ладогe (конец XII в.) до XV—XVI вв. и позднейших, змей всегда изображался пресмыкающимся, с очень небольшими крыльями, а то и вовсе бескрылым, именно «гадом», всегда под топчущим его конем и поражаемым в пасть копьем святого воина⁷. Пресмыкающийся гад церковных изображений и мощное, противостоящее всаднику крылатое обезглавленное чудовище нашей вышивки никак не могут быть сближены. Точно так же освобождаемая Георгием отроковица никогда не занимает в церковных изображениях среднего места. Она, как правило, помещается ближе к правому или левому краю уводящей, как на староладожской фреске, на своем поясе укрощенного змея, либо стоящей в стороне от поединка, а иногда вовсе опускается.

Остается предположить, что наша вышивка изображает не сцену из жития христианского святого, а народный былинно-сказочный образ змеборца, высвобождающего из полона девицу. Наиболее ярко представлен он в былинe о Добрыне Микитинце (в вариантах о Дунае Ивановиче, Алеше Поповиче, Козарине Даниловиче), который борется со Змеиньщем-Горыньщем (или Тугарин-змеем, или просто лютый змеей), похитившим у Владимира племяннику любимую Запавушку Путятишну (в былинe о Дунае — просто царскую племяннику хрѣсную, в былинe о Козарине — его сестру)⁸. Народный сюжет о змеборце представлен также и в так называемых «чудесных» и «волшебнo-авантюрных» сказках, сохранившихся в сравнительно поздних вариантах.

⁷ См. Муратов, Русская живопись до середины XVII века, История русского искусства, под ред. И. Грабаря, т. VI, стр. 35, 63, 123, 254; см. также Charles Diehl, Manuel d'art byzantin, Paris, стр. 531—532.

⁸ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, М.—Л., 1938, стр. 53—60, 183, 641; т. III, стр. 224; «Сказки Карельского Беломорья», т. II, Петрозаводск, 1939, стр. 464—467.

По своим формальным признакам изображенная на вышивке из собрания Гос. Русского музея композиция во всяком случае воспроизводит древний, а не поздний извод мотива о змееборце. Изображение не носит признаков повествовательно-бытовых подробностей и узорчатости и почти целиком выдержано в лаконичных формах геометрического стиля. Все фигуры, входящие в строго симметричную композицию вышивки, традиционно плоскостны, статичны и охарактеризованы типическими признаками. Взаимосвязь их достигается обычным для вышивок архаического типа ритмическим соответствием контуров, параллельных либо дополняющих друг друга (например, грива коня — правая половина фигурки всадника или передняя часть коня — левая половина фигурки пленницы).

Рис. 8. Глиняные фигурки-свистульки IX—X вв. из Киева

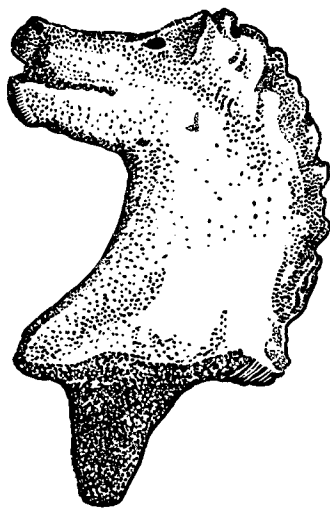
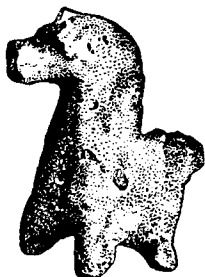

Рис. 9. Коник из Тверского кремля, XIII—XIV вв.

Будучи по стилевым особенностям столь близка изображениям языческого «чина», наша вышивка близка последним и по облику своих персонажей. Так, фигурка пленницы целиком без каких бы то ни было изменений повторяет фигуру женского божества. Точно так же конь на нашей вышивке почти идентичен коням, предстоящим пред Богиней или Древом жизни; на нем сохранена даже такая деталь (ср. рис. 15), как усыпавшие корпус крестообразные солярные знаки. Что же касается шеи и головы коня, передаваемых в народном искусстве с сугубой четкостью, то они выполнены здесь с долей некоторой детализации: пасть коня раскрыта, а пышная грива передана как бы буглями. Это сравнительно поздний извод древнего народного изображения коня. Датированные IX—X вв. глиняные фигурки-свистушки коников, найденные в Киеве (определенно датированный IX—X вв. обломок подобной глиняной фигурки был найден в Гнездовском кургане № 74 С. И. Сергеевым), такого рода подробностей еще не передают⁹ (рис. 8). На датированных же XIII—XIV вв. кониках из Тверского кремля или Дмитровского городища эти подробности в передаче, допускаемой народной пластикой, уже налицо (рис. 9). Таким же представлен конь на калаязинском изразце XVI—XVII вв. (рис. 3, слева).

Несколько неожиданной на нашей вышивке оказывается сохранив-

⁹ Л. Динцес, Русская глиняная игрушка, М.—Л., 1936, стр. 29—30.

шая подобно коню древний облик фигура всадника. Дело в том, что они почти ничем не отличаются от помещенной у головы коня фигуры пленницы. Доходящая до низа и полностью прикрывающая ноги одежда фигуры на коне не позволяет считать ее мужской.

Изображения конной фигуры женщины-прибога представлены на многих образцах народного шитья и ткачества, например, на приводимой тканью вологодской проставке со сценой поклонения всадниц священному дереву, выполненной в характерно местной манере (крапчатый фон) (рис. 10). Так же, как на симбирской вышивке, на вологодской проставке подбоченившаяся всадница изображена стоящей на крупе животного в отличие от изображений наложенного, как бы сидящего всадника-прибога, с ногами, свешивающимися ниже брюха коня.

Рис. 10. Тканая вологодская проставка. Поклонение всадниц священному дереву

Какое же божество олицетворено в этой конной женской фигуре? Устанавливая из древнерусской обличительной литературы и пережиточной народной обрядности тесную связь почитания солнца с почитанием коня и всадника, исследователи обращали внимание на то, что олицетворялось это конное божество и в мужском и в женском виде — в последнем случае в образе кобылки, которую еще в XVII в. водили на святочных игрищах, или в образе всадницы в белой мантии, вокруг которой в Белоруссии водили в Ярилинь день хороводы¹⁰.

«Русалкой» в русской народной обрядности одинаково называлось чучело лошади, представленное несколькими ряжеными, накрывшимися парусом, из которых передний нес лошадиный череп (Саратовская губ.), и соломенное чучело, одетое в женские уборы (Рязанская губ.)¹¹. Почитание восточными славянами этого женского солярного божества, в некоторых случаях единого («матушка-солнце»), а чаще раздвоившегося на весеннее (закликаемое 9 марта и на Благовещение и проводимое на сёмик и Троицу) и летнее (празднества в честь которого вместе с Ярилой начинались после Троицы на Русальной неделе)¹², находит подтверждение во многих народных обычаях и верованиях.

Объясняя изображенную на симбирском полотенце женскую фигуру на «кобылке» как олицетворение «солнцевой девы» (известной, как

¹⁰ «Не может не показаться странным, что представителем солнечного бога Хорса в русском народном маскараде является не конь (жеребец), а кобылка», — писал А. С. Фаминцын. — «Кобылка, вероятно, служила эмблемой не самого бога Хорса, а солнечной сестры Х'рсалки или Русалки» (А. С. Фаминцын, Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 209—211).

¹¹ О «вождении русалки» см. статьи Н. П. Гринковой и Т. А. Крюковой в журн. «Советская этнография», 1947, № 1.

¹² История русской литературы, т. I, стр. 223, 227.

отметил еще М. Касторский, мифологии «братственных» нам литовцев)¹³, следует остановиться на парных придатках к ее согнутым рукам, отличающим ее от «пленницы» змея. С первого взгляда их можно принять за удвоенную «палицу булатную», которой Добрыня «бьет змею лютую по змеиным по хоботищам», за «колпак земли греческой», за «саблю острую» ил иза «копье муржамецкое»¹⁴. Но это не так. За разгадкой следует обратиться к новгородским вышитым изображениям крылатых, обязательно женских существ, с ромбовидным, а не округленным ликом, которые стоят в некоторых изводах на слитых корпусом

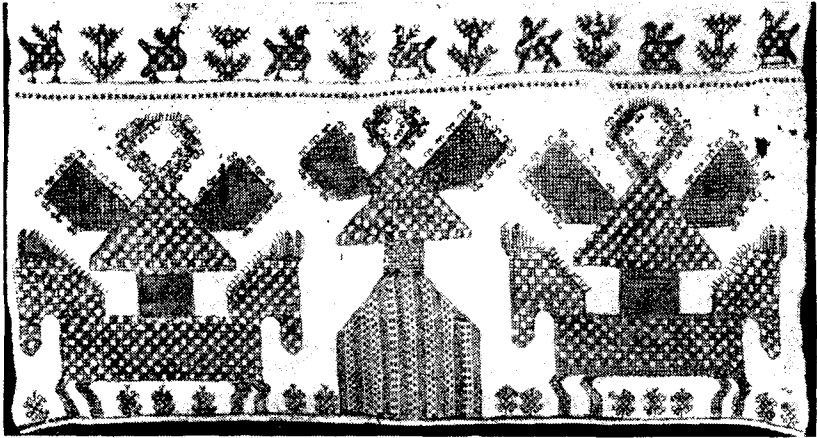

Рис. 11. Новгородская вышивка: крылатые женские существа на парных коньках

парных коньках (рис. 11). Генезис этих женщин-птиц, подобно изображенной в глине и шитье Богине земли, также, возможно, восходит к одному из типов скифских изображений крылатой богини, вроде представленных на золотых и бронзовой контурных пластинах из александропольского кургана «Луговая могила»¹⁵.

Из новгородских крылатых богинь можно выделить такие, которые по структуре крыльев (с костяком внизу, а не наверху) идентичны симбирской фигурке всадницы. Одну из них, представленную на конце новгородского полотенца (рис. 12), шитого двусторонним швом, опубликовавший ее Стасов описал так: «Дерево или столб, стоящий на двух подпорках наподобие человеческих ног, и с веточками и цветочками наверху; на середине столба наложен большой восьмиугольник, где представлена фигура, у которой есть грубое изображение верхней половины человека, а низ — деревцо с цветочками и листьями. От среднего восьмиугольника идут направо и налево род крыльев, покрытых узором в шахмат, среди которого представлено по маленькой птичке»¹⁶.

Этой до конца не понятой Стасовым новгородской фигуре окрыленной и проросшей богини с птицами в ногах, под глухим одеянием которой угадываются согнутые руки, близка фигура на конце псковского полотенца из собрания Гос. Русского музея (рис. 13). Она отличается от новгородской лишь тем, что не имеет срединного внутреннего изображения процветшей богини (своеобразное языческое «Знаменье») и медальонов с птицами на крыльях, но зато вся усыпана восьми-

¹³ М. Касторский, Начертание славянской мифологии, СПб., 1841, стр. 54—55.

¹⁴ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, стр. 59, 161, 296, 406, 477.

¹⁵ Л. А. Динцес, Русская глиняная игрушка, стр. 40—44, табл. VII.

¹⁶ В. Стасов, Русский народный орнамент, СПб., 1872, стр. 23, табл. 69, № 204.

четырёхлепестковыми розетками, чем обнаруживает свое не столько растительное, как новгородская, а солярное естество.

Повидимому, подобные крылатые женские существа, на конях или без оных, являлись прибогами небесного солнечного божества, весной ниспосылающего через них на оживающую землю светозарную благодать либо летом — изобильное произрастание. Навстречу прилетающим с небес на землю, 9 марта или в Благовещение, пеклись или делались

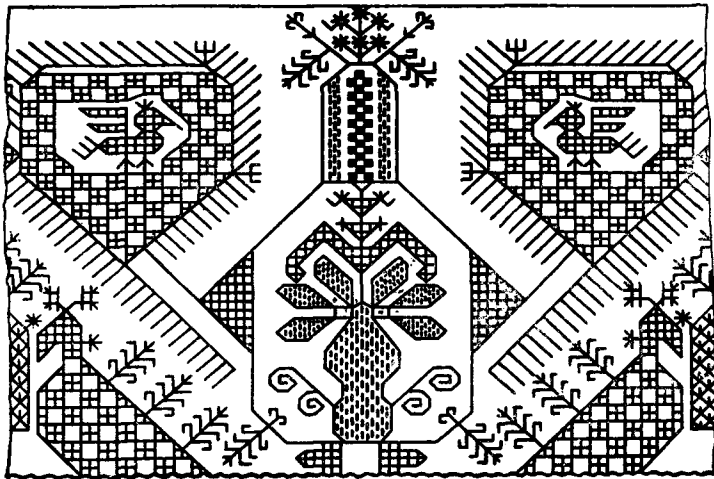

Рис. 12. Конец новгородского полотенца, шитого двусторонним швом

из тряпок изображения жаворонков, которые, согласно песне «Закликанья», должны были прилететь и принести весну красную¹⁷, и выпускались на волю птицы, изображенные, кстати, на крыльях новгородской фигуры.

Таким образом, окрыленную женскую фигуру симбирской вышивки, стоящую на меченом солнечными знаками коне, следует сопоставить с женским солнечным прибогом.

Перейдем к змею. Змей, изображенный на нашей вышивке и далекий, как было указано, от типа, принятого в христианской иконографии, по облику имеет много общего с мощным былинным образом крылатого чудовища с когтистыми лапами и хоботами-хвостами¹⁸. Но некоторые особенности этого тератологического образа понуждают нас для раскрытия его сущности опять-таки обратиться к персонажам восточнославянских культовых сцен. Дело в том, что туловище змея трактовано квадратом, от верхней стороны которого отходит слева шея, а справа — крыло, выше которых опять-таки изображен квадрат со слегка срезанными углами. Видимо, все это не является случайностью формы.

Как уже упоминалось, среди распространенных у восточных славян знаков, знаменующих солнечное начало и представленных на археологических подлинниках и на пережиточных образцах народного искусства, наряду с крестами, колесами, кругами и т. п., имеются ромбы и

¹⁷ А. С. Фаминцын, Указ. раб., стр. 299—301; см. также М. Е. Шереметьев, Земледельческий обряд «Закликанья весны» в Калужском крае, Калуга, 1930.

¹⁸ См., например, А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, стр. 297, 406, 477; т. III, стр. 270; «Сказки Карельского Беломорья», т. II, стр. 226.

квадраты. Однозначимость изображения кругов и ромбов-квадратов, внутри которых часто помещается крест, иногда в свою очередь пере-кращенный, доказывается клеймами на днищах славянских сосудов IX—X вв., в том числе найденных в Гнездовском могильнике, которым В. И. Сизов придавал значение религиозных символов и отвергал толкование их как знаков собственности или мастерской¹⁹. На днищах

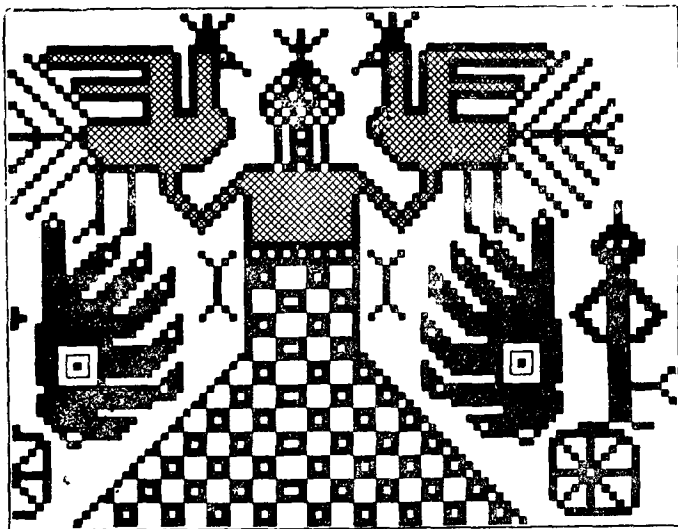

Рис. 13. Конец псковского полотенца. Гос. Русский музей

в равной мере оттискивались как круги, так и ромбы и квадраты²⁰. Правда, как указал Б. А. Рыбаков, некоторые иного рисунка (трезубцем) клейма на днищах оказались княжескими знаками, которыми гончары-холопы метили изготовленную ими на князем дворе продукцию²¹. Но днища с княжескими клеймами, появившиеся не ранее второй половины X в., были обнаружены исключительно на территории древнерусских городов, а не в родовых деревенских курганах. Поэтому разъясненная Рыбаковым группа княжеских клейм вовсе не опровергает толкования широко распространенных среди славян клейм в виде круга, ромба и квадрата как знаков огня-солнца, которыми естественно метились именно днища сосудов, наиболее припекаемые огнем²². Укажем, кстати, что у белоруссов сохранилось наименование ромба — основного мотива вышивки кругом, видимо, как геометризованного варианта круга-кола (вспомним новгородскую вышивку с рядом крылатых богинь, имеющих ромбические лики).

Но, кроме простых геометрических начертаний, солнце-огонь олицетворялось в усложненных изводах. К таким принадлежит фигура, представленная на строченой кайме простыни из дер. Рясницы, Гдовского района (рис. 14). На вышивке изображена традиционная трех-

¹⁹ В. И. Сизов, Курганы Смоленской губернии, вып. I, МАР, № 28, стр. 111—114.

²⁰ Л. Динцес, Русская глиняная игрушка, стр. 57.

²¹ Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси XI—XII вв., Советская археология, VI, 1940, стр. 248—250.

²² Проводя аналогию между древнерусскими княжескими знаками и боспорскими династическими, Б. А. Рыбаков считает возможным установление прототипа последних из схематизированного ритуального изображения с неизменным участием коней, напоминающего «известные дако-сарматские элементы в русском народном искусстве» (там же, стр. 234).

частная группа из центральной фигуры Великой богини с птицами в воздетых руках и расположенных справа и слева от нее двух меньших фигур, которые Стасов определял как «два крылатых колеса, на которых стоит по идолу, состоящему из неотесанного столба с человеческой головой и с подбоченившимися руками»²³ (вспомним описанную ибн-Фадланом «высокую деревяшку, у которой имеется лицо, похожее на лицо человека»²⁴). Нет сомнения, что в так описанном Стасовым изображении следует видеть солнечное божество, стоящее на окрыленном квадрате со слегка усеченными углами, олицетворяющем парящее небесное светило. Квадратами, как знаками солнца, здесь мечено и крыло: большим, concentрическим — посередине и мелкими — по краю.

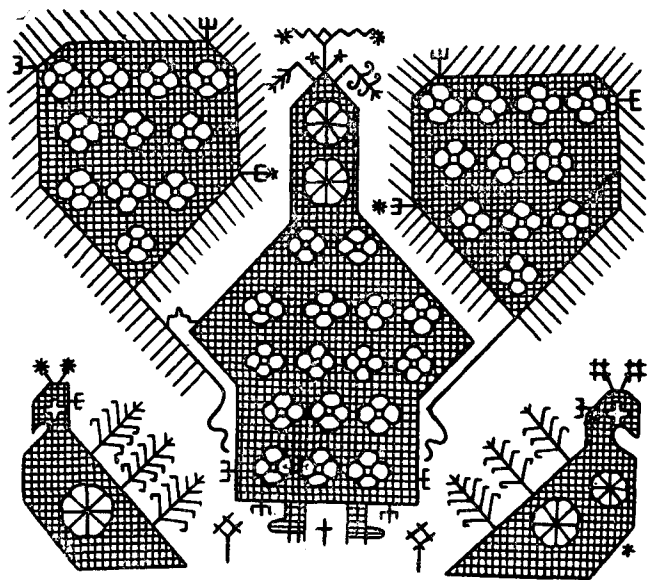

Рис. 14. Строчёная кайма простыни из дер. Рясница Гловского района

Археологические подлинники X—XII вв., главным образом бляшки, привески и гребни, часто украшены изображениями солнечного круга с предстоящими конями или конскими головками, что говорит о тесной связи в представлении славян солнца с конями. Подобную же композицию мы находим и в пережиточной народной вышивке.

Но наиболее выразительно этот мотив раскрывается в народной скульптуре. Это — ныне выполняющая роль игрушки, резанная из цельного куска дерева и обязательно окрашенная в красный цвет «каталка» с задней в виде квадрата со срезанными углами (восьмиугольника) стенкой, также обязательно расписанной знаком креста или кола, и с органически слитыми со стенкой парными коньками (рис. 15). В прошлом эта группа, видимо, являлась у нас культовым изображением солнца, влекомого небесными конями, подобно известной бронзовой солнечной колеснице в виде диска и впряженного в него коня, найденной в Дании (Seeland) в I тысячелетии до н. э.²⁵

И, наконец, третий из известных изводов древнеславянского изображения движущегося солнца представлен на костяном гребне, найден-

²³ В. Стасов, Указ. раб., стр. 17, табл. III, № 160.

²⁴ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939, стр. 79.

²⁵ Sophus Muller, Urganische Europas, Strassburg, 1905, стр. 116—117, табл. II.

ном Н. Н. Чернягиным при раскопках Псковского кремля в 1936 г. и датированом (слой В) не моложе X в. (рис. 16). На пластинке гребня вверху нарезаны парные разнообращенные кони, а ниже ладья с парусом, как полагает Чернягин, и двумя схематичными фигурками, напоминающими человеческие. Внизу намечены два деревца²⁶. Принимаемая за парус деталь трактована как укрепленный на прямом шесте четырехугольник с перекрещенными диагоналями, причем оснащение не пока-

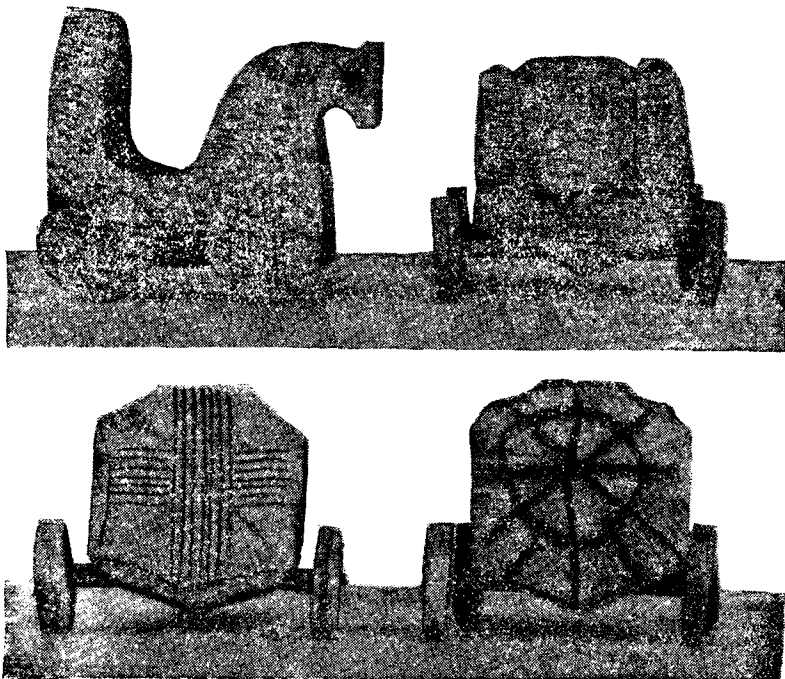

Рис. 15. Деревянная игрушка — каталка

зано. Видимо, это вовсе не парус, а знак солнца, и ладья с круто загнутыми кормой и носом — солнечная ладья, на которой небесное светило свершает свой путь. Присутствие в изображении на псковском гребне фигур коней над ладьей легко объясняется: они как бы предназначены включиться в бег солнца после того, как оно совершит свой путь по нижнему небу в ладье.

Из трех приведенных восточнославянских изводов изображений солнечного божества — окрыленного, влекомого небесными конями и плывущего в ладье — первое из них оказывается наиболее подходящим для сближения с изображенным на симбирском конце драконом-змеем. Туловище в виде квадрата и крыло (в опрокинутом начертании) идентичны первой солярной фигуре. Что же касается столбообразного стоящего на квадрате идола, то он не столько заменен, сколько видоизменен в длинную загнутую вверх шею чудовища. Лишь когтистая лапа и свернутый хвост-хобот, трактованные, кстати, не в строго геометрическом стиле, а в более свободных формах, являются добавлениями к первоначальной солярной фигуре. Наличие же над драконом-змеем изображения квадрата, как и то, что хвост змеи, подобно ко-

²⁶ Н. Н. Чернягин, Раскопки Псковского Кремля, Советская археология, IV, 1937, стр. 327—328; «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 28.

ню, мечен небольшими квадратами с внутренними крестами, доказывает, что начальная значимость этого чудовищного образа как олицетворения небесного огня еще не была окончательно забыта.

Сопутствие летающего по небу змея грозовому губительному огню отмечено летописцем. Так, под 1215 г. записано «февраля, в неделю сырпуюстную, был гром в Новгороде после заутрени и летал змей». «Главное разгулье огненных змиев, — заметил М. Касторский в «Начертании славянской мифологии», — во время града; тогда они кубарями, плетеницами катаются по полям, по гумнам, по кровлям». Им же отмечено, что Перун, изображаемый литовцами держащим в одной руке громовыи стрелы, «восседит на змее, делая его своею принадлежностью»²⁷.

Огневое начало змея в народной поэзии, особенно былинной, проступает весьма выразительно. В былине о Добрыне

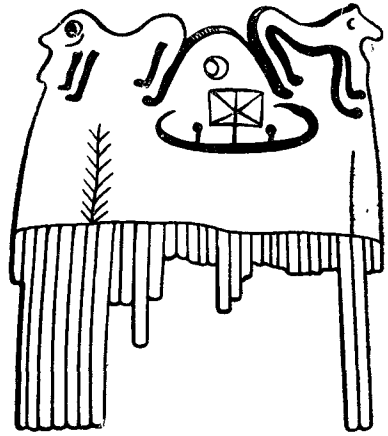

Рис. 16. Костяной гребень XVI в. из Пскова

Змеиньцо-Горынищо проклятое,
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать до тела белого...²⁸

Как контраст животворному характеру конной солнечной богини крылатый змей олицетворяет губительную силу небесного огня, опаляющего землю, иссушающего ее. Вспомним то место из кенозерской былины о Добрыне (сказитель Андрей Гусев), где рассказывается, как:

...во пещерах во глубоких...
Сидят старушки-то поседатели,
У грудей висят маленькие змеенышки²⁹.

Здесь представление народа об иссушающей силе змеев отражено весьма выразительно.

Таким образом, в изображении нашей вышивки противопоставляются образы двух начал: первого — светозарного, живительного, и второго — палящего, смертоносного, которое родилось в результате расщепления древнейшего космического образа солнца-огня.

Передаёт ли наша вышивка изображение религиозно-космического порядка, сложившегося на базе почитания славянами антропоморфизированных повелителей стихий, либо на ней изображена сцена сказочно-повествовательного характера, далекая от смысла старого мифа? Некоторые особенности изображения подтверждают второе.

Первая и решающая особенность — это масштабы персонажей и их расположение. Как известно, фигура Великой богини в сценах поклонения ей обычно изображается более значительной и выше предстоящих коней, всадников, птиц и т. п., либо в крайнем случае одинаковой

²⁷ М. Касторский, Указ. раб., стр. 57—58.

²⁸ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, стр. 53.

²⁹ Там же, т. III, стр. 437.

с ними высоты, и всегда занимает центральное место. Такая композиция зависит от содержания мифа. На нашей же вышивке фигурка Богини земли вдвое ниже фигур змея и всадницы на коне и, кроме того, сдвинута влево, находясь у головы коня, как бы под защитой светозарной посланницы и композиционно образуя с ней нечто единое. Наша сцена строится не на взаимосвязи центральной фигуры божества с подчиненными ей предстоящими, а на противопоставлении боковых фигур, изображенных как основные.

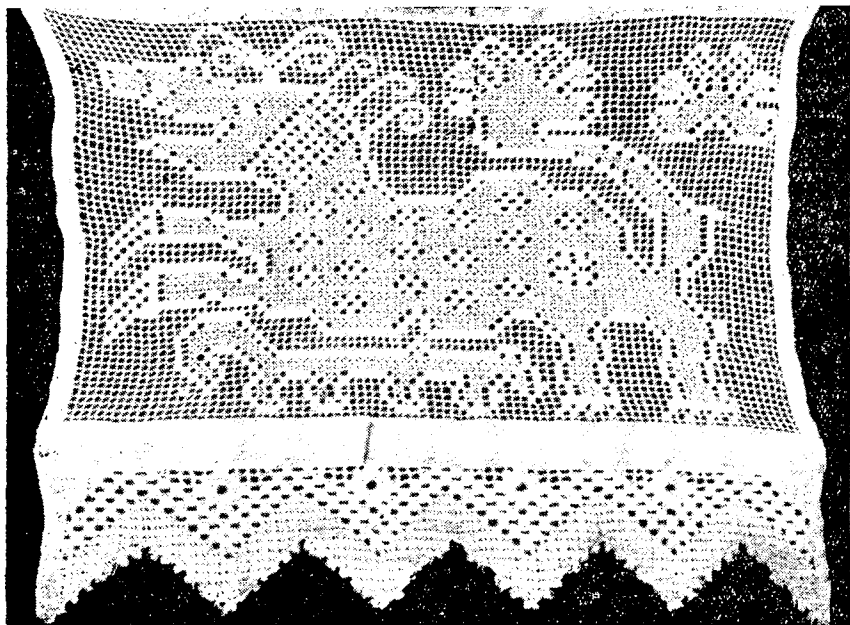

Рис. 17. Конец полотенца с изображением змея

Вторая особенность — это изображение не извечной, неизменной соподчиненности языческих божеств, а определенного момента борьбы светлого образа с демоническими. Дракон-змея показан обезглавленным, с обрубленной шеей. Объяснять это бессилием мастерицы, не сумевшей преодолеть трудностей передачи головы чудовища, не приходится. Мастерская передача крыла змея, а также его свернутого хвоста, свидетельствует о полной возможности, если бы понадобилось, воспроизвести в вышивке голову змея, хотя бы в той манере, в какой переданы морды хищников (вепрей, барсов и т. п.), перенесенные в народное искусство из раннефеодального декоративного искусства (паволок, набоек, и т. п.)³⁰ (рис. 17). Утрата нижнего края вышивки делает неразрешимым вопрос о том, была ли отрубленная голова змея показана упавшей на землю либо вовсе упущена как излишняя деталь? Вероятнее второе, так как на утраченной нижней части вышивки вряд ли, помимо базы для коня (пригорка?) и лап и хвоста змея, могла бы уместиться еще голова. Но факт фиксации в нашей вышивке момента одоления змея остается несомненным.

³⁰ Л. Динцес и К. Большева, Народные художественные ремесла Ленинградской области, сб. Советская этнография, II, 1939, стр. 110—111, 118.

То, что победителем змея на нашей вышивке представлена женщина (в противоположность тому, что мы имеем в былинах, например, о Добрыне, и в сказках, где обычен мужчина), не должно нас смущать. Ведь и в религиозных изображениях наряду с солярным женским божеством (и чаще, чем оно) наши предки показывали солнечных богов, воспроизводимых в образе всадников, правда, бескрылых, но иногда на крылатых конях (см. рис. 2).

В изобразительном народном искусстве мы находим различные сюжеты. Встречающиеся в нем религиозные сцены — только частности, а не основа, как то утверждали многие исследователи; реалистическое начало искусства народа заставляло мастеров его обращаться к бытовой сюжетике, к устно-поэтическому творчеству и их ставить во главу угла. Живое реалистическое отношение к изображаемому рисунку ломало и те условные композиции, которые обосновывались религиозными рассказами; оно подчиняло их изображению жизни, следовательно, разрушало их. Вышивка, темой которой является героически-сказочный сюжет «змеборца», — только один из многочисленных примеров преодоления религиозной композиции. Этот пример нам интересен также потому, что он имеет параллели в устном (былевом и сказочном) творчестве. Былина о Добрыне-змеборце, сказка о Луке-водоносе и тому подобные произведения фольклора, а также анализируемая вышивка — явления одного порядка. Это явления очень старые в истории русской культуры. Датировка былин указывает по крайней мере на XI век, как на время создания таких произведений. Надо думать, что русские сказки ничуть не моложе. Не моложе и эпико-героическая трактовка сюжета, использованного вышивальщицей, видимо, сохранившей традиционное изображение сказочного героя, освобождающего девушку от чудовища.

А. Л. МОНГАИТ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЖИЛИЩА XI—XIII ВЕКОВ

(По раскопкам в Старой Рязани)

Попытки реконструировать древнерусское жилище по письменным источникам могут быть удачны лишь для XV—XVII вв. Что касается так называемого домонгольского периода, то здесь количество письменных известий об устройстве древнерусских домов очень невелико и относятся они главным образом к княжеским постройкам. Реалистических изображений для этого периода также нет. Наиболее надежными могли быть археологические раскопки. Но каменные жилища очень редки, в большинстве случаев древнерусские жилища деревянные, и вследствие плохой сохранности дерева в раскопках открываются иногда лишь следы жилья в виде пятен красной глины от развалившихся глинобитных печей или истлевших деревянных конструкций, в лучшем случае удается открыть нижние венцы деревянных построек или незначительную часть стен. Несмотря на эти трудности, все же археологические материалы могут служить источником для изучения целых периодов в истории жилища. К сожалению, лишь сравнительно недавно древнерусское жилище стало объектом археологических исследований, многие отчеты до сих пор не опубликованы, и данные раскопок в целом не приведены в систему. Однако накопившиеся уже сведения позволяют сделать некоторые выводы и обобщения. В настоящей статье я попытаюсь, основываясь на материалах старорязанских раскопок, привлечь для истории древнерусского жилища данные археологии.

Старорязанское городище подвергается археологическим раскопкам в течение более чем ста лет. Археологи XIX и начала XX в. говорили в своих отчетах о «следах жилья» на городище, но никто из них не сумел уловить основной признак, обнаруживающий старорязанское жилище,—глинобитную печь. Это сделал только В. А. Городцов во время раскопок 1926 г. Загадочные пятна красной глины, удивлявшие археологов, оказались следами развала глинобитной печи. Используя материалы раскопок и этнографические материалы, В. А. Городцов пытался реконструировать как печь, так и жилище. Он пришел к заключению, что все жилища были деревянными, просторными, с досчатыми полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами, с глинобитной печью посреди избы и с одной или двумя подпольными ямами¹.

Однако эти заключения не были достаточно обоснованы и сама методика раскопок не обеспечивала объективности научных выводов. Дело в том, что раскопки велись траншеями, шедшими узкой полосой шириной в 2 м, и только в тех местах, где натыкались на предполагаемое жилище (исходным пунктом для его определения явились остатки глинобитной печи), вырезался квадрат 8 × 8 м и этими произвольно

¹ В. Городцов, Раскопки городища Старой Рязани, «Хочу все знать», М., 1927, № 1, стр. 5—7.— Подробное изложение результатов раскопок 1926 г. дано в статье А. А. Мансурова, Древнерусские жилища, Истор. записки, т. 12, 1941, стр. 61—95.

взятыми размерами определялась площадь жилища². Все находки в пределах 8 × 8 м отнесены к жилищу, все найденное вне этой ямы считалось не принадлежащим к жилищу. Все квадраты были ориентированы в направлении траншеи, и лишь в 2 случаях (из 19) раскопы были сделаны в соответствии с выясненной ориентацией жилища. Если к этому прибавить, что в дневнике нет никаких данных по нивелировке и стратиграфии, что чертежи крайне схематичны, а в записи исследователем внесено столько индивидуального, что приходится большей частью полагаться на высокий научный авторитет В. А. Городцова, не имея возможности найти подтверждение выводов в данных раскопок, то станет ясной необходимость чрезвычайно осторожно отнестись к реконструкциям, сделанным В. А. Городцовым и опубликованным А. А. Мансуровым в вышеназванной статье.

В 1946 г. мною были продолжены раскопки Старой Рязани, которые коснулись главным образом северного участка городища.

В раскопках 1946 г. жилище № 1 обнаружилось на глубине 45 см от современной поверхности в виде больших пятен обожженной глины (остатков глинобитной печи), остатков сильно сгнившего бревна и подпольной ямы овальной формы. Яма глубиной 65 см заполнена черной землей с вкраплениями пятен желтой глины; в ней найдено 272 фрагмента керамики и 116 костей животных. Заполнение ямы в значительной части произошло в период существования жилища. Если признать открытое сгнившее бревно принадлежащим к срубам жилища, то печь несомненно находилась в западной его части. По находкам на территории, занятой жилищем, шиферных пряслиц, бронзовой лירוидной пряжки и по керамике курганного типа из заполнения подпольной ямы жилище можно датировать XI—XIII вв. В юго-западной части раскопа находилось жилище № 2. Пятно печи составляло 1—1,2 м. Встреченные бревна несмотря на плохую сохранность позволяют определить характер рубки. На одном из них видна зарубка «в обло» («в чашу») и паз в верхней части, сделанный для более плотного примыкания бревен. Подпольная яма овальной в плане формы имела в длину 4,75 м, ширину — 1,40—1,30 м. Глубина ямы в восточной части (ближе к печи) достигает 2,20 м (3,08 м от современной поверхности земли), в западной части постепенно глубина уменьшается до 0,35 м. Яма заполнена серой рыхлой землей с многочисленными фрагментами керамики и костями животных. В результате развала печи в яму свалились многочисленные печины — среди них обмозка шестка и несколько конусов из сильно обожженной глины диаметром 3—5 см, длиной до 8—10 см. Под печи лежал на досчатом настиле. В яме найдено 6365 фрагментов керамики и 511 костей животных. Почти на дне ямы, среди золы найден большой горшок с рыбьей чешуей. Керамика различных профилей — от широкогорлых сосудов с прямым горлом до небольших горшков курганного типа. По шещевым находкам жилище можно датировать XII в. На запад от жилища № 2 расположена овальная в плане яма, вероятно, относящаяся к хозяйственным постройкам жилища. На юг от этой ямы найден небольшой (диам. 40 см.) очаг из плоских известковых камней со следами огня, вероятно, летний очаг, принадлежавший одному из близлежащих жилищ. В северо-восточной части раскопа находилось жилище № 3. Оно обнаружилось в виде скопления печин и трех ям, связанных с печью. Одна из них большая, овальной формы, очевидно подпольная. Две другие, круглые в плане, вероятно, служили для хранения зерна. Одна из зерновых ям диаметром 1,10 м в разрезе, яйцевидной формы, глубиной 1,25 м, дно и стены обмазаны слоем глины толщиной в 3 см и обожже-

² В. А. Городцов, Дневник раскопок в Старой Рязани, рукопись научн. архива Рязанского музея, № 152.

ны. На дне найдено обуглившееся просо. Вторая яма диаметром 1,20 м, глубиной 0,75 м, имеет форму котла. По дну ямы шла тонкая прослойка угля — остаток истлевших досок.

В северо-западной части раскопа обнаружена яма, в наполнении которой имеются большие куски печин, зола и уголь, 1300 фрагментов керамики и 530 костей животных. Повидимому, в яму попали части глинобитной печи, остатки которой вне ямы проследить не удалось. Судя по большому количеству криц (свыше 100 штук) и железного шлака, найденных на ближайших к вышеописанной яме квадратах, можно предположить, что яма была подпольной в жилище ремесленника, расположенном вблизи мастерской. Из готовых железных изделий в яме встречены лишь небольшие ножи (11 штук), которые, впрочем, могли составлять инвентарь жилого дома, а не ремесленную продукцию его владельца.

В юго-восточной части раскопа большое пятно обожженной глины указывает на остатки печи какого-то более позднего наземного жилища, прикрывавшего жилище № 4 (описанное ниже). Разрез остатков печи показал, что верхний пласт обожженной глины равен 20 см, дальше шла 40-сантиметровая прослойка золы с углем, в которой находились кости животных и черепки глиняной посуды. Эту прослойку подстилал тонкий (5 см) слой глины (обмазка пода печи), под ним были положены доски. Печь была основана на плотной земле с вкраплениями глины. Вероятно, земля была специально сбита и уплотнена для основания на ней печи. Деревянные части жилища (№ 6), к которому принадлежит эта печь, не были найдены.

Описанные выше жилища были наземными бревенчатыми избами с 1—2 подпольными ямами и с глинобитной печью, основанной на земле или на специальном помосте, опирающемся на столбы. Зерновые ямы могли быть расположены как внутри, так и вне жилища.

Второй тип жилища представлял полуземлянку. В наших раскопках 1946 г. она встретилась только один раз (в южной части раскопа — жилище № 4)³. План жилища ясно обозначался в слое погребенного чернозема на глубине 0,92 м от современной поверхности. Жилище представляет полуземлянку прямоугольной формы размером 3,9 × 3 м, с двумя хозяйственными ямами в северной части и с вырубленными ступенями входа с восточной стороны. В северо-западной части полуземлянки в углу находилась печь. При выкапывании ямы под жилище для печи была оставлена площадка на высоте 73 см от пола землянки размером 1,0 × 1,0 м, на которой и была сбита глинобитная печь. Под печи прослеживается в виде остатков досчатого настила, многократно смазанного глиной и сильно обожженного; свод печи свалился в яму и прослеживается в виде многочисленных печин. Вероятно, вдоль южной и западной стен полуземлянки шли нары, покрытые досками. Пол жилища также был устлан досками (горбылями, полукруглой частью обернутыми вниз, плоской вверх). Эти доски были смазаны несколько раз глиной, общий слой которой составил 7 см, и сверху шел еще один настил досок. Было ли такое сложное устройство пола первоначальным или же оно является результатом последовательных ремонтов, решить не удалось. На восточной стенке полуземлянки находятся две доски, впущенные в паз вертикально стоящего бревна (обнаружено в юго-восточном углу раскопа). Они составляли облицовку стен жилища. Вход в землянку был с восточной стороны. Ступени входа шли вдоль восточной стены землянки и поворачивали к двери, закругляясь в виде винтовой лестницы. Высота ступеней 20 см, ширина 80 см. Они выреза-

³ В 1948 г. мною были продолжены раскопки на северном участке Старорязанского городища, охватившие площадь в 1500 кв. метров. Здесь на более массовом материале были подтверждены основные наблюдения раскопок 1946 г. Среди жилищ, открытых в 1948 г., полуземлянка встречена трижды.

ны в земле. В северной части полуземлянки находились две хозяйственные ямы, выкопанные не одновременно с землянкой и отделявшиеся от нее деревянным простенком, следы которого в виде истлевших досок, прутьев и столбиков прослежены в северной части жилища. Ямы сообщаются между собой.

Весьма вероятно, что многочисленные куски глиняной обмазки, попадающиеся вместе с угольками иногда в значительном отдалении от печки и разбросанные по всему жилищу, не являются печинами, а составляют обмазку деревянных (досчатых или из хвороста) стен жилища.

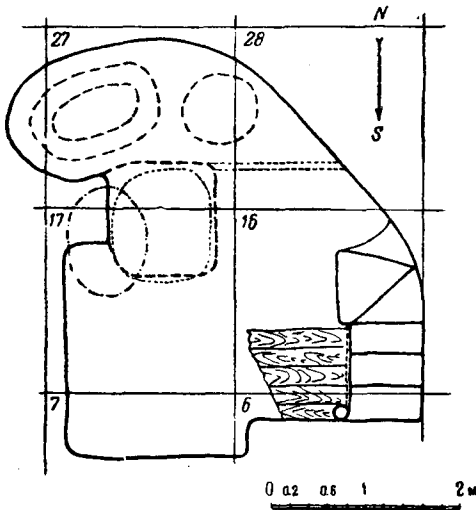

Рис. 1. План полуземлянки

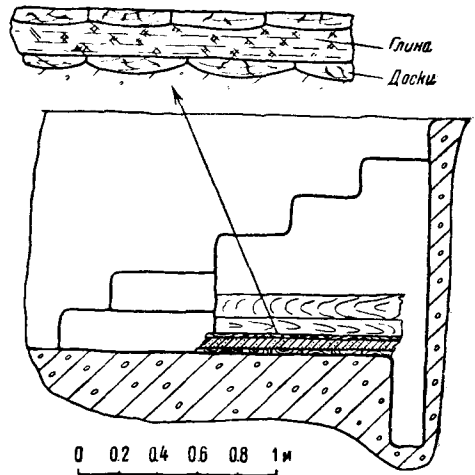

Рис. 2. Разрез полов и ступени входа в полуземлянку

Хронологическое распределение открытых в Старой Рязани жилищ позволяет установить пока лишь следующие факты. Все открытые на северном участке городища жилища датируются XI—XIII вв. Можно ожидать в дальнейшем находок домов, относящихся к более древнему периоду, так как в культурном слое найдена славянская лепная керамика VIII—IX вв., но пока эта керамика не может быть связана ни с каким определенным жилищем. В. А. Городцов ошибочно считал все открытые дома принадлежащими к последнему периоду существования Рязани и погибшими при нашествии Батя. На самом же деле часть из них более древняя и оставила следы в виде той же глинобитной печи, появившейся в очень древние времена; часть принадлежит к позднему времени и погибла от пожаров в 1208 и в 1237 гг. Очевидно, после этого северный участок городища запустел. Мы встречаем дома XIV и позднейших веков лишь на южном городище. На южном городище удалось проследить жилища с кирпичными печами. Нельзя согласиться с предположением Мансурова, что наличие глинобитных и кирпичных печей является признаком не хронологическим, а социальным, так как кирпичные печи якобы принадлежали более богатым жилищам. Анализ дневника раскопок В. А. Городцова и мои наблюдения во время раскопок 1945—1946 гг. показывают, что жилища в южной части Старорязанского городища не богаче, чем остальные. Южное городище заселено позже, и кирпичная печь появилась в более позднее время, хотя и существовала вместе с глинобитной.

Рассмотрим отдельные детали устройства найденных домов и попытаемся реконструировать их.

Печь. Как указано выше, глинобитные печи сохранились в виде пластов обожженной глины с прослойкой из золы и угля. При разрушении печи свалились частично в подпольные ямы и широко расплылись по площади жилища, так что следы разрушенной печи занимают площадь от 1×2 до 2×4 м. Отдельные печины носят следы брусков и бревен, к которым примазывалась глина. Глина была с примесью соломы. Печины встречены плоские и закругленные с одного края (в

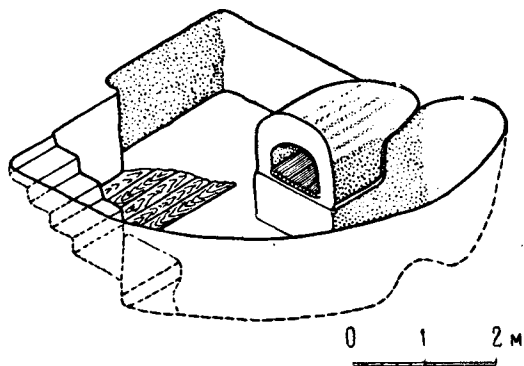

Рис. 3. Реконструкция печи полуземлянки

четверть окружности) — вероятно закруглялся передний край печи. По реконструкции Городцова печь четырехугольная с плоскими боками и верхом, без лежанки и без трубы. В большинстве случаев печи были приподняты над полом и опирались на столбы, врытые в землю, в отдельных случаях печь стояла прямо на грунте. В таком случае в наземном жилище хозяйка иногда спускалась в предпечную яму во время стряпни. Глинобитные печи, подобные вышеописанной, бывали в рязанской деревне до сравнительно недавнего времени⁴. В одном из лучших этнографических сочинений середины прошлого века «Год русского земледельца» В. Селиванова мы находим описание способа сооружения подобной печи. «Благоразумные домохозяева делают опечек на особых столбах, врытых в землю, независимо от стен избы и переводин пола, за тем, чтобы давление всей груды печи не вредило избе»⁵. Следы столбов в старорязанских жилищах прослежены неоднократно. Часто мы видим их два, а не четыре, как следовало бы ожидать. Это объясняется тем, что два передних закапывались в подпольную яму, а два задних в землю непосредственно под полом. «В угле, назначенном для печи, устраивался деревянный опечек на деревянных, врытых в землю столбах, возвышавшихся над поверхностью пола на аршин или четверти на три. На таком деревянном основании сбивали глиняную печь (материалы раскопок дают еще другой способ сооружения печи, непосредственно на грунте, — А. М.). Сперва делали на обручах из досок свод, долженствующий составлять внутренность печи, потом досками же обгораживали стороны обращенного внутрь избы места, где должна быть воздвигнута печь. В это обгороженное кубическое пространство в углу избы накладывали глину, несколько не смачивая ее предварительно водою, а прямо в том виде, как она вынута

⁴ Вообще исторические данные свидетельствуют о том, что древнерусские городские жилища в массе своей не отличались от деревенских. Однако археологическая проверка этого почти невозможна из-за неизученности селищ, синхронных городам. Я считаю правомочным привлечение этнографических параллелей для изучения городского жилища древней Руси, так как очевидно, что древние типы жилища, исчезнувшие в городах под влиянием городской культуры, сохранились в современной деревне. Кроме того, считаю необходимым пояснить употребляемое мною выражение — «до наших дней», «современная», в тех случаях, когда они касаются этнографических материалов. Я имею в виду здесь жилища конца XIX — начала XX в., к каковому времени относятся цитируемые мною этнографические сочинения. Современная нам в полном смысле этого слова деревня, быстро преобразуемая социалистическим хозяйством, утрачивает и в значительной мере уже утратила эти древние жилища.

⁵ В. В. Селиванов, Год русского земледельца (1856—1857 гг.) Зарайск. уезда, Ряз. губ. Календарь Ряз. губ. на 1887 г., стр. 69.

из ямы, и утаптывали ногами и убивали чакмарами до тех пор, пока вся печь складывалась в один плотный ком. Тогда доски внутри и снаружи разбирались, а в готовой печи, чтоб ее просушить, немедленно разводили огонь. Хорошо сбитая печь никогда не трескается и по истечении многих лет бывает так крепка, что иногда нужно употребить много усилий, чтобы ее разрушить»⁶. Подобный способ сооружения печи возможно с максимальной точностью доказать для нескольких открытых в Старой Рязани жилищ. Однако он не был единственным. В раскопках попадаются керамические конусы, которые, вероятно, служили для сооружения печи какого-то иного устройства⁷. Кроме того, в ряде случаев внутри печин сохранились прутья и колышки. Нужно думать, что в этих случаях печь сооружалась путем обмазки глиной деревянного каркаса, который оставался внутри обмазки. Под печи обычно устраивался на досках и многократно подмазывался. Следы этих подмазок и постепенного утолщения пода ясно видны в разрезах печей. В одном из раскопанных в 1946 г. жилищ в своде печи прослеживается круглое отверстие с тщательно отделанным краем, слегка отогнутым вверх, как венчик большого сосуда. В раскопках Городцова при разборке печи жилища № 14 также было найдено большое глиняное кольцо с внутренним диаметром 10 см, являющееся частью устройства печи (очевидно, также свода). Так как во всех случаях найденные в Старой Рязани печи были разрушены, то не удастся изучить в деталях различные их типы. Хорошо прослежены лишь вышеописанные, сбитые из глины прямоугольные с плоским верхом печи⁸. Глинобитная печь в нашей стране существует с трипольского времени⁹ и до наших дней¹⁰. В течение веков формы и конструкции печи естественно менялись. Но и для жилищ одной эпохи, хронологически и территориально сравнительно близких, мы можем наблюдать многообразие форм. Такое явление наблюдается в раскопанных жилищах Киевской земли, хронологически близких к жилищам старорязанским. В Киеве встречены печи, вырезанные в массивном пласте нанесенной и плотно утрамбованной глины, со сводом, вылепленным из глины с примесью соломы (на горе Киселевке); печи с каркасом из хвороста, расположенные непосредственно на грунте; печи с каркасом из прямоугольных колышков со сводом прямым, суженным вверху наклоном стенок и с вероятно существовавшим отверстием вверху (на территории Михайловского монастыря)¹¹. Интересна широко распространенная в киевских жилищах XI—XIII вв. конструкция пода печи из слоя битой глиняной посуды, покрытой глиняной обмазкой. Хорошо сохранившаяся печь в зем-

⁶ В. Селиванов, Указ. раб., стр. 19.

⁷ Керамические конусы несколько иной формы служили для сооружения свода печи в жилищах роменских городищ (Гочево, раскопки Б. А. Рыбакова). Старорязанские конусы, удлиненные и приближающиеся по форме к цилиндру, вряд ли могли служить для этой цели. Сопоставление с роменскими городищами в данном случае невозможно еще и потому, что конусы найдены в жилище иной эпохи — XII в. Однако наличие керамических конусов, несомненно связанных с разрушенной печью, свидетельствует о каких-то конструктивных деталях, которые нам выяснить пока не удалось.

⁸ Печи, подбные старорязанским, открыты А. П. Смирновым при раскопках болгарского городища Сувар (А. П. Смирнов, Сувар, Труды Гос. Истор. музея, вып. XVI, 1941).

⁹ Т. Пассек, Трипольские модели жилища, Вестник древней истории, № 4 (5), 1938; Трипольська культура, т. I, Київ, 1940.

¹⁰ О глинобитных печах, бытовавших в недавнее время и бытующих еще сейчас, имеются многочисленные сообщения в этнографической литературе, см. например, «Этнограф. сборник», вып. 1, 1853; Верхне-волжская этнологическая экспедиция, Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края, Л., 1926; В. Д. Мачинский, Крестьянское строительство в России, М., 1924, и др.

¹¹ Д. Бліфельд, 3 археологічних досліджень в Києві в останні роки, Наукові записки Інституту Історії і археології України, кн. I, стр. 100—117; М. К. Каргер, Раскопки древнего Киева, «Наука и жизнь», 1940, № 2.

лянке киевского художника XIII в. имела свод полусферической формы, сделанный из глины на деревянном каркасе. Размеры печи (по поду) $1,50 \times 1,17$ м¹². Разнообразной формы печи открыты в Киеве и в Белгороде раскопками Хвойки, среди них печи в виде усеченного конуса, прямоугольные и другие¹³. Впрочем, сделанные Хвойкой реконструкции открытых печей¹⁴ заставляют усомниться в том, что они целиком основаны на материале раскопок. Разнообразие типов печи, как в Киевской земле, так и в Рязани, и длительное существование глинобитной печи самой примитивной формы на территории нашей страны вообще не позволяет установить какой-то эволюционный ряд (на Украине и в Молдавии глинобитные печи — самого примитивного типа — сохраняются и сейчас в виде летних печей, вынесенных из жилища) для глинобитной печи или утверждать, что определенному периоду времени в пределах одного-двух столетий свойственна определенная форма и конструкция печи. Несомненно лишь то, что в домонгольское время печи были глинобитными, что кирпичная печь появилась позже, но никогда не вытесняла глинобитную, а существовала одновременно с ней. Печная труба появилась и распространилась сравнительно недавно. В летописи «дымницы» упоминаются впервые в 1560 г. в Новгороде¹⁵. На планах и чертежах XVII в. большинство жилых построек изображено без труб. В сельских местностях замена курной избы трубной печью происходила главным образом уже во второй половине XIX в.¹⁶ Однако если признать первым шагом на пути к сооружению трубы наличие отверстия для тяги в своде печи, то это явление мы наблюдаем в самые различные эпохи и в трипольских печах, и в печах на «Монастырище», и в Киеве, и в Старой Рязани. В этом отношении интересно наблюдение, свидетельствующее о том, что печная труба была изобретена следующим образом: сначала проделали дыру для тяги и постепенно удлиняли ее вверх в виде трубы, пока не вывели наружу¹⁷. Кроме глинобитных печей, существовал и другой вид печи — каменки. Они известны из раскопок в Старой Ладого¹⁸, на Райковецком городище¹⁹, в Пронске²⁰. В раскопках 1948 г. в Новгороде в жилище XII—XIII вв., расположенном у городского вала, найдена печь-каменка, подобная открытым в Старой Ладого. Печь-каменка, подобно глинобитной, известна в разные исторические эпохи. В Старой Ладого она появляется в IX—X вв., в Пронске относится к XI—XII вв., на Райковецком городище была в XIII в., на севере она удерживалась до недавнего времени в жилищах²¹ и широко распространена в банях. Однако можно предполо-

¹² М. К. Каргер, Землянка-мастерская киевского художника XIII в., Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945.

¹³ В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья, Киев, 1913.

¹⁴ Изданы Нидерле в *Slovenske Starozynosti*, Oddil kulturni sv. 2, v Praze, 1913, гл. V.

¹⁵ ПСРЛ, III, стр. 160.

¹⁶ А. Л. Харузин, Славянское жилище, стр. 177.

¹⁷ T. G. Oels Lund, *Das tägliche Leben in Skandinavien während des sechszehnten Jahrhunderts*, Kopenhagen, 1882.

¹⁸ «Печь-каменка размером $1,2 \times 1,6—1,7$ м; ее клали на субструкцию песка, со сводом из крупных валунов с заполнением промежутков между ними мелкими камнями; под выстилался плитам или промазывался глиной». — В. И. Равдоникас, Старая Ладога, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 35; см. также W. J. Raudonikas, *Die Normanen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet*, Stockholm, 1930; здесь описана печь-каменка из раскопок Репникова.

¹⁹ Ф. М. Мосчанівський, Матеріали дослідної роботи Райковецької археологічної експедиції в 1934 р., Наукові записки Інституту Іст. Мат. Культ. АН УРСР, Київ, 1937, стр. 42—43.

²⁰ Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища, Рязань, 1931.

²¹ В. Д. Мачинским в книге «Крестьянское строительство в России» (М., 1924) приведены рисунки подобных печей, заимствованные из *Karelska Byggnader architect-Blomstedt och Sucksdorff*, Helsingfors, 1900.

жить, несмотря на столь длительный период существования, что печь-каменка более древнего происхождения, чем глинобитная. Она, вероятно, развилась из открытого очага путем сооружения над ним глинобитного или каменного свода. Многочисленные находки в ранне-славянских жилищах груд обожженных камней, характеризующихся в отчетах общим термином «очаг», могут скрывать за собой как действительно очаги, так и результаты разрушения печи-каменки (высказываю настоящее предположение на основании знакомства с рядом археологических отчетов). Печь-каменка в Старой Рязани не встречена ни разу хотя в близлежащем Пронске, входившем в состав Рязанского княжества, такие печи найдены в раскопках (вообще некоторое отличие старорязанского и пронского жилища, если оно не кажущееся, вследствие неточности отчетов о раскопках в Пронске требует специального объяснения). Очаг из плоских известковых камней встречается в Старой Рязани вне жилища и служил, вероятно, летней печью. Ни ямы с тягой, ни открытые очаги в жилищах не встречены. Впрочем, во многих жилищах найдены камни размером в кулак и больше, с явными следами действия огня, возможно принадлежавшие к разрушенным очагам. Можно предположить, что они существовали вместе с печью, а иногда — в бедных жилищах — и вместо печи. Не об открытом ли очаге говорится в Изборнике Святослава, где «теплые храмины» господ противопоставляются жилию бедноты: «вздохни, подумав о бедных, как стонут они над малым огнем скорчившись, имея большую беду глазам от дыма, согретья лишь руки, когда плечи и все тело замерзает»²². В жилищах, раскопанных в Суздале и относящихся к XI—XII вв., также встречены очаги²³. Очаги, вылепленные из глины, встречены вместе с глинобитными печами при раскопках в Белгородке²⁴. Землянки с очагами и предочажными ямами (без печей) обнаружены в Вышгороде (в 60 км от Киева), в слое XI—XII вв.²⁵ Даже учитывая неопределенность археологического термина «очаг», который, как выше указано, может скрывать за собой различные сооружения для отопления, прослеживающиеся в виде груды обожженных камней или прокалившейся земли, можно утверждать, что в древнерусских жилищах существовал открытый очаг для разведения костра. Косвенным указанием на существование таких очагов в древнерусском жилище является наличие в их инвентаре котлов и цепей, на которых эти котлы подвешивались над костром. Даже в современной избе на печной стороне часто висят котлы, что является отражением былого существования очага. Шесток в современной русской печи, на который выгребают из печки угли, когда она истоплена, и где на треноге-тагане варят или подогревают пищу, — также является отражением былого очага²⁶. Длительное существование открытого очага в славянском жилище (а в позднейшее время, сосуществование его с печью даже в период всеобщего распространения печей), устанавливаемое археологически, разъясняет нам вызвавшее столько недоумений сообщение Ибн-Русте о зимнем жилище и отоплении славян²⁷. Исследования П. Н. Третьякова установили, что в IV—V вв. н. э. в Поволжье действительно имел место способ

²² В. Шимановский, К истории древнерусских говоров, Варшава, 1887, стр. 42.

²³ А. Ф. Дубынин, Археол. исследования г. Суздаля, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 91—99.

²⁴ В. В. Хвсйка, Древние обитатели среднего Приднепровья.

²⁵ Вестник древней истории, 1 (2), 1938, стр. 144.

²⁶ D. Zelenin, Russische (ostslawische) Volkskunde, Berlin und Leipzig, 1927, стр. 263.

²⁷ А. Д. Хвольсон, Известия Ибн-Даста о хозарах и т. д., СПб., 1869, стр. 33; А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 266.

отопления, описанный Ибн-Русте и заключающийся в том, что раскаленные камни очага обливали водой, способ, заставивший многих предположить, что арабы смешивали жилище русских с баней²⁸. Очевидно, и в начале X в. (к этому времени восходят источники Ибн-Русте) у славян сохранялся открытый очаг, хотя в это время уже существовали печи. Очень показателен переход от открытого очага к печи и сосуществование того и другого в раннеславянских городищах, например в Боршеве²⁹. Здесь наряду с открытыми очагами из булыжника или со стенками, высеченными в мелу, встречается уже и глинобитная печь с полукруглыми сводами, обложенными камнями.

Учитывая вышеприведенные данные, можно предположить с большой долей вероятности, что найденные в старорязанских жилищах булыжники с сильными следами воздействия огня являются остатками открытых очагов, существовавших наряду с печами.

Нужно отметить, что археологически устанавливаемый факт существования открытого очага в древнерусских жилищах показывает несостоятельность утверждения, что восточнославянскому жилищу свойственно «почти полное отсутствие открытого очага»³⁰. Эта точка зрения, заимствованная у Рамма, отрицавшего историческую связь между русской печью и очагом³¹, не подтверждается ни археологическим, ни этнографическим материалом.

Ссылаясь на историческое развитие печи из очага, находившегося в центре жилища, Н. И. Брунов считает, что все древнерусские жилища унаследовали от первобытного жилища расположение печи в середине избы³². Это не совсем верно и вообще и в частности для Старой Рязани, на пример которой Н. И. Брунов ссылается. Прежде всего само положение печи в избе определялось не только и не столько традицией, сколько удобствами отопления по-черному: устье печи всегда повернуто к двери, и, даже когда появляется волоковое окно, для вытяжки дыма его устраивают рядом с дверью. Кроме того, далеко не всегда в древнерусских жилищах печь занимает середину помещения. Даже в древнейших, где традиция очага должна была бы сказываться сильнее, печи часто расположены в углу, как это делается в современных крестьянских избах.

В Старой Рязани центральное положение печи в избе было установлено В. А. Городцовым и А. А. Мансуровым³³. Так как контуры наземного жилища в Старой Рязани почти не удается определить ввиду плохой сохранности дерева, положение печи устанавливалось по расположению подпольных ям. В тех случаях, когда их было две, они располагались по обе стороны печи, тем самым определяя положение печи посередине избы, но, вероятно, не в центре, а у стены. Новые раскопки в этом вопросе не опровергают выводов Городцова. Нельзя лишь утверждать, что центральное положение печи свойственно всем наземным жилищам Старой Рязани, так как в ряде случаев, когда в жилище открыта только одна подпольная яма, определить положение печи не удается, и она могла быть в любом углу, как и в середине избы. Что же касается открытой нами полуземлянки, то здесь печь находилась в северо-западном углу.

²⁸ П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья в I тысяч. н. э., Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 5, 1941.

²⁹ П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, Сообщения ГАИМК, 1931, № 21; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков — Материалы и исследования по археологии СССР, № 8, М., 1948.

³⁰ Д. К. Зеленин, Об исторической общности культуры русского и украинского народов, «Советская этнография», т. III, 1940.

³¹ K. R h a m m, Die Altslawische Wohnung, Braunschweig, 1910.

³² Н. Брунов, О древнерусском деревянном зодчестве, Архитектура СССР, вып. 14, 1947.

³³ См. А. А. Мансуров, Древнерусское жилище, Истор. записки, т. 12, 1941.

Срединное положение печи в некоторых старорязанских жилищах не является исключением, хотя и не представляет общераспространенного явления. В 1947 г. в Старой Ладогe в жилище VIII—IX вв. открыто центральное положение печи. В жилищах древнерусского города Вщижа раскопками Б. А. Рыбакова также открыты печи, расположенные посреди жилища. Любопытно, что в современных избах деревни Вщиж печь стоит так, что прикасается к деревянной стене избы своей задней стенкой. Тулово печи выступает на середину избы и делит ее на две равные части³⁴.

Подпольные ямы. Подпольные ямы открыты почти во всех старорязанских домах. Их число колеблется по данным Городцова от одной до четырех, чаще всего устраивались две ямы. Должен оговориться: так как границы жилища в Старой Рязани часто неопределенны, то весьма вероятно, что открытые ямы не всегда были подпольными, т. е. застланными полом избы. Некоторые ямы, вероятно, были дворовыми (во всяком случае находились вне жилища) или же находились в каких-либо хозяйственных постройках. Большинство подпольных ям овальной формы, некоторые были прямоугольными и приобрели овальную форму вследствие того, что углы осыпались или размылись, часть ям круглых и несколько ям имеют форму глаголя. Площадь подпольных ям — от 1—2 кв. м до 8—9 кв. м, глубина от 0,8 м до 2 м (в нескольких случаях глубже 2 м). Дно подпольных ям иногда утрамбовано глиной. В описанном мною жилище № 3 ямы были смазаны глиной и обожжены. Ямы в полуземлянке (жилище № 4) собственно не могут называться подпольными, так как они были вырыты рядом с полуземлянкой с самой поверхности земли и их верх был расположен значительно выше пола полуземлянки. Судя по находкам на дне ям чешуи и костей рыб, костей животных, зерен злаков, обломков глиняной посуды, ямы служили для хранения продуктов. Обмазанные глиной и обожженные ямы служили для хранения зерна и муки³⁵. Не исключено содержание в зимнее время в ямах молодых домашних животных, которые нуждаются в тепле.

Ямы, какместилища продуктов, известны с древнейших времен. На раннеславянских городищах зернохранилища встречены в виде конусообразных³⁶ или колоколовидных ям³⁷.

Формы ям в киевских жилищах так же разнообразны, как и в Старой Рязани. Здесь встречены ямы овальные, круглые (в плане) и прямоугольные. Отдельные ямы обмазаны глиной и обожжены. На дне одной такой ямы с хорошо обожженными стенками найдены остатки муки. Около одной из землянок найден целый комплекс хозяйственных ям — 12 штук от 25—60 см до 90 см глубины³⁸. Стенки круглой кот-

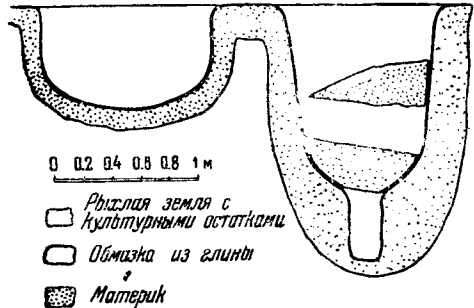

Рис. 4. Зерновые ямы

³⁴ Б. А. Рыбаков, Жернова Вщижского городища, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945.

³⁵ О ямах-зернохранилищах упоминает Русская Правда: «аже крадеть гумно или жито в яме».

³⁶ Донецкое городище.— В. А. Городцов, Результаты исследований, проведенного научн. экспедицией XII Археол. съезда, стр. 113—114.

³⁷ Городище возле с. Петровского.— П. Н. Третьяков, Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла, «Археологія», т. I, Київ, 1947.

³⁸ См. Д. Бліфельд. Указ. раб.

лообразной ямы, раскопанной в киевском жилище на территории б. усадьбы Петровского, были обмазаны беловатой компактной глиной. В Белгородке четырехугольные подпольные ямы иногда достигали больших размеров (2,8 м длины; 1,4 м. ширины и глубины)³⁹. В древних жилищах Ещижа обнаружены как подпольные ямы, так и большие зерновые ямы (емкостью около 2 т зерна каждая), находившиеся с внешней стороны дома⁴⁰. Хозяйственные ямы (погребя) вне жилища были исследованы в связи с землянками на городище у с. Спас (на Оке)⁴¹. В Пронске внутри жилища XII в. открыта овальная подпольная яма, облицованная глиной⁴². Количество примеров можно было бы умножить и проследить существование подпольных ям и хозяйственных ям рядом с жилищами на протяжении длительного периода от раннеславянских до современных южнорусских. Наличие подпольных ям свойственно только южнорусскому жилищу. В северных районах ямы заменяет высокое подполье в домах, приподнятых над землей.

Полы. Самый факт наличия ям большой площади на территории Старорязанского жилища свидетельствует о существовании здесь деревянных полов, так как ямы сверху должны были быть закрыты. Однако в ряде случаев пол удалось проследить в отдельных частях дома, и, кроме косвенных доказательств их существования, мы имеем точно зафиксированные деревянные полы в наземных домах и в полуземлянке. В раскопках Городцова полы в виде фрагментов истлевших досок найдены в 4 исследованных жилищах. Сложное устройство пола в полуземлянке (раскопки 1946 г.) выше описано. Здесь интересно совмещение досчатого настила с глиняной обмазкой пола. Возможно, что деревянные полы не покрывали всего пространства жилища, а, как мы это видим в современных хатах, занимали только часть его. На остальной площади пол был глинобитным или земляным.

Стены. Остатки бревенчатых срубов в Старой Рязани открыты в фрагментах, не позволяющих даже определить размеры сруба: большей частью в виде отдельных бревен, иногда в виде углового соединения бревен. Сруб рубили «в обло», в верхней части нижнего бревна сделан паз для более плотного примыкания бревен. О способе рубки можно судить по сохранившимся в насыпи валов Старой Рязани городням⁴³. Совершенно особый характер носила облицовка стен полуземлянки. Она состояла из тесаных или колотых досок⁴⁴, впущенных в пазы вертикально стоящих бревен. Доски были обмазаны глиной. Надземная часть полуземлянки, вероятно, была устроена так же, или же представляла бревенчатый сруб. Судя по находкам кусков глины со следами хвороста, возможно, что верх был плетеным из хвороста с глиняной обмазкой.

³⁹ В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков, Жернова Вщижского городища, Краткие сообщения ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 16.

⁴¹ Раскопки П. Н. Третьякова.— Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 47—48.

⁴² Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища.

⁴³ См. А. Л. Монгайт, Древнерусские деревянные укрепления, Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII, 1947.

⁴⁴ Доски, найденные в Старой Рязани, толстые, тесаные или колотые (толщ 8 см., шир. 25—30 см) сосновые.

Употребление пилы для продольной распиловки досок в древней Руси неизвестно (продольная распиловка досок появилась только в XVII в.— см. П. Г. Любимиров, Из истории лесопильного производства в России, Истор. записки, т. 16, М., 1945; в Белоруссии, например, употребление пилы замечается лишь в постройках, возведенных за последние 50 лет.— см. Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, Москва, 1928. Пила не употреблялась, например, в Черниговской губ. до середины XIX в.— См. D. Zelenin, Russische (ostslawische) Volkskunde, стр. 260.

Так как верхние части жилищ в Старой Рязани не найдены, то основой для реконструкции должны служить археологические и этнографические сравнительные данные из других районов.

Бревенчатые наземные жилища, конечно, не были такими просторными, как полагал В. А. Городцов («квадрат со стороной в 7 метров»). Археологические раскопки в Старой Ладобе, в Новгороде⁴⁵ показали, что средняя величина сруба равнялась 4×4 или 5×5 м (хотя возможны значительные уклонения в сторону). Раскопки на Райковецком городище⁴⁶ дали приблизительные размеры жилых клеток $2,8 \times 3,6$ м, $2,3 \times 3$ м, $2,6 \times 3,2$ м. Не превышают 5—6 м размеры стен домов, открытых на Дмитровском городище⁴⁷, в Тверском кремле⁴⁸ и в Пронске⁴⁹.

Размеры сруба определялись самим строительным материалом. Даже в позднейшую эпоху, чем рассматриваемая нами, жилище увеличивалось не путем увеличения длины стен основной клетки, а путем пристроек и образования составных клеток — двойной, тройной и т. д.⁵⁰ Размеры сруба определялись длиной бревна, так как не знали или во всяком случае не употребляли приемов наращивания бревна соединением «в зуб». Подобный прием удлинения бревна ни разу не встречен в раскопках. Нет его ни в древнерусских миниатюрах⁵¹, ни в чертежах и рисунках XVII в. Как пережиток известен следующий факт: сравнительно недавно в Вологодской обл., если надо было получить длинную стену, то приставлялся один сруб к другому, а чтобы не делать рядом двух поперечных стен, одну из них или обе заменяли двумя короткими стенами (контрфорсами), срубленными из коротышей только при самых углах⁵². Вообще славянские жилища строятся из горизонтально лежащих бревен. Но археологические данные показывают, что такая система постройки не исключала пристроек и из вертикальных бревен (Суздаль⁵³ и дощатых с бревенчатым каркасом⁵⁴ (Старая Рязань, Киев). Постройки из вертикальных, вкопанных в землю столбов, оплетенных хворостом, известны из городища в устье р. Сонохты. Таким образом, эта система постройки имеет древнюю традицию, не менее древнюю, чем сруб.

Внутреннее устройство старорязанского жилища нам почти неизвестно (кроме наличия подпольных ям и формы и положения печей). Что касается полуземлянок, то можно утверждать, что вдоль стен шли сидения или нары, подобно таким же в суздальских землянках. Непод-

⁴⁵ А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков, Раскопки на Славне в Новгороде Великом. «Советская археология», № 3, 1937.

⁴⁶ Ф. М. Молчанівський, Указ. раб.

⁴⁷ Н. П. Милонов, Дмитровское городище (Кремль г. Дмитрова), «Советская археология», № 4, 1937, стр. 147—168.

⁴⁸ Н. П. Милонов, Археологические разведки в Тверском Кремле, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.

⁴⁹ Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища.

⁵⁰ И. Е. Забелин, Черты быта в русском зодчестве, Древняя и новая Россия, т. I, 1878.

⁵¹ Несмотря на сравнительную редкость изображения деревянных срубов, все же они на рисунках изображены четко. Способ рубки (иногда «в обло», иногда «в лапу») можно определить по рисунку, но ни разу не встретилось изображение наращивания бревен. На миниатюрах из жития Сергия, на которых изображена рубка дома (лист 58 обор., лист 802 обор. и др.), они рубятся в одно бревно без наращивания. — См. Древнерусская миниатюра, 100 листов миниатюр, М., 1933, а также А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры, как историч. источник, М., 1944.

⁵² В. Д. Мачинский, Крестьянское строительство в России.

⁵³ В Скандинавии и отчасти в Германии был распространен в древности способ постройки стен из вертикально стоящих бревен (Stehwerk, Pfostenbau), см. F. Meidhahе, Über die historischen Formen der Holzbaukunst und die geographische Verbreitung derselben, «Sitzungsberichte Anthropol. Gesellsch. in Wien». 1892, Nr. 3.

⁵⁴ Немецкое Riegelwerk, Fachwerk не совсем аналогично, так как там обшивается досками деревянная рама с двух сторон. Здесь же доски зажаты в паз деревянных брусьев.

вижные лавки для сиденья вдоль стен, сохранившиеся в русских избах (и в славянских жилищах вообще) до наших дней, имеют очень древнюю традицию. Лежанки между печью и стеной открыты в киевских полуземлянках, а также в землянках Вышгорода⁵⁵ и суздальских.

Что касается устройства крыши старорязанского наземного жилища, то В. А. Городцов пришел к выводу, что они были двускатными тесовыми или соломенными. К этому заключению его привели обнаруженные в одном случае лежавшие под острым углом друг к другу сгоревшие бревна, которые можно объяснить, как остатки упавших слег, а также найденная в жилищах обуглившаяся солома и желтовато-серая зола, позволившая предположить, что это следы сгоревшей соломенной крыши⁵⁶. Хотя материалы раскопок явно недостаточны для такой реконструкции, нет оснований возражать против нее, так как подобный способ покрытия широко был распространен в Рязани и в прошлом и сейчас. Здесь уместно отметить, что совершенно неясны основания для настойчиво отстаиваемого Д. К. Зелениным утверждения, что четырехскатная крыша у восточных славян древнее других типов крыши⁵⁷. Не только этнографические материалы свидетельствуют о сравнительно позднем распространении четырехскатной кровли, о том же свидетельствуют и рисунки XVII в. (план Тихвинского монастыря, план части Новгорода конца XVII в.). Хотя археология очень мало может дать для реконструкции кровли, но все, что мы можем из нее извлечь, свидетельствует о древнейшем типе двускатной кровли⁵⁸.

Что касается наземной части полуземлянки, то реконструкция этого типа жилища по раскопкам в Старой Рязани осложняется тем, что оно пока лишь изредка встречено в раскопках. Удивительное сходство старорязанской полуземлянки с современными ей жилищами Киевской земли заставляет нас обратиться к последним. Исследователь, благодаря деятельности которого в последние годы была открыта и изучена целая серия киевских жилищ, характеризует их в нижеследующих словах: «Землянки обычно в плане четырехугольные, близкие квадрату, надземная часть этих жилищ восстанавливается только гипотетически и далеко не во всех частях. Судя по весьма фрагментарно сохранившимся остаткам изучаемых частей построек, они представляли несколько различных решений. Широкое распространение имел тип жилища с вертикальными столбами по углам и в середине стен, промежутки между которыми представляли глинобитное заполнение, или же забирались досками, врубленными в пазы вертикальных столбов (так в Старой Рязани! — А. М.). Двускатная кровля таких жилищ опиралась на столбы, остатки которых находятся в средней части двух параллельных стенок. Вероятной формой надземной части жилища являлся также сруб в несколько венцов, сооружавшийся над вырытым в материке углублением»⁵⁹. Тип застройки, расположение жилища относительно двора и относительно улицы, плотность застройки и тому подобные вопросы пока остались невыясненными, так как ответ на них мы можем получить лишь в результате раскопок большими площадями, которые в Старой Рязани только начались. Вообще же можно утверждать, что древнерусские

⁵⁵ Вестник древней истории, 1 (2), 1938, стр. 144.

⁵⁶ А. А. Мансуров, Древнерусское жилище, стр. 71.

⁵⁷ D. Zelenin, Russische (ostslawische) Volkskunde, стр. 265; его же, Об исторической общности культуры русского и украинского народов, «Советская этнография», III, 1940.

⁵⁸ Березники, Боршево, некоторые из открытых в Киеве жилищ. В курганах XI—XIII вв. в Волинской губ. над трупами устроены особые деревянные срубы, венчающиеся деревянной двускатной крышей.— А. А. Спицын, Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, Записки Русского археолог. об-ва, новая серия, т. XI, стр. 286.

⁵⁹ М. К. Каргер. Жилище Киевской земли, Рефераты научно-иссл. работ Отделения истории и философии Акад. Наук СССР за 1945 г., стр. 84—85

жилища XI—XIII вв. большей частью однокамерные, с хозяйственными постройками, примыкающими к жилищу или расположенными в стороне. Три камеры, разделенные между собой глиняными простенками, имело жилище, открытое в Суздале Ворониным⁶⁰. Из двух помещений состояла землянка № 1 из раскопок в Суздале А. Ф. Дубынина⁶¹. Из двух помещений, разделенных деревянной перегородкой, состояли постройки в Белогородке⁶². Можно предположить троечастный план жилищ в усадьбе Петровского, если признать третьей частью наземные сени.

Согласно принятой этнографами классификации, основные типы восточнославянского жилища определяются по высоте пола над землей и по материалу: это изба на подклети и хата. Хата, в отличие от избы на подклети, устраивается непосредственно на земле, а не на возвышении из сруба. Изба на подклети распространена только у северных великорусов. Предполагается, что первоначально широко распространенным типом жилища была землянка, потом хата и лишь сравнительно недавно (в XIV—XV вв.) «на русском Севере глубокий снег, весенние наводнения и необходимость защищаться от лесных зверей заставили русских поднять хату высоко над землей»⁶³. Изучая современные типы крестьянской застройки, В. Д. Мачинский показал, как постоянно при передвижении с юга на север вырастает значение дерева как строительного материала, который все дальше оттесняет плетень, глину, саманный кирпич и, наконец, совсем их вытесняет. Пол поднимается все выше и выше над почвой. Граница между избой и хатой точно не установлена, но проходит по Владимирской и Рязанской областям, в южных частях которых господствует хата⁶⁴. Во Владимирской обл. хата распространена в опольной стороне. Здесь дома без подполья и подклети, низенькие, с глинобитным и деревянным полом. Вокруг же Владимира избы высокие, с теплым помещением для скота под ними. Многие дома в городе ничем не отличаются от деревенской избы⁶⁵.

Нужно думать, что современная этнографическая граница между южновеликорусским и северновеликорусским жилищем определилась еще в древности, когда первые были представлены полуземлянками, а вторые наземными домами. В Рязани, находящейся на границе областей распространения того и другого типа жилища, полуземлянки существовали с наземными домами. Хронологически они одновременны и датируются XI—XIII вв. То же самое мы видим и в Суздале, где рядом с полуземлянками открыты подпольные ямы деревянных наземных домов с глинобитными печами. Можно предположить, что наземное жилище постепенно вытесняло полуземлянку, но оснований для более точной датировки тех и других пока мы не имеем. Необходимо отметить, что, намечая такую исторически сложившуюся границу, нужно учесть, что в древности типы жилища были весьма разнообразны и что в области господства полуземлянок мы найдем всегда наземные дома и в северных районах мы встретим низкие избы с земляными полами. Жилище в большей степени, чем другие элементы культуры, зависит от природных условий, с которыми часто связаны и материал, и техника, и форма жилища. Неправильно было бы думать, что особенности в по-

⁶⁰ Н. Воронин, Раскопки 1936 г. в Суздале, Археол. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., Л.—М., 1941, стр. 95—96.

⁶¹ А. Ф. Дубынин, Археол. исследования г. Суздаля (1936—1940), Краткие сообщения ИИМК, вып. XI.

⁶² В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья.

⁶³ Д. Зеленин, Об исторической общности культуры русского и украинского народов.

⁶⁴ См. K. R h a m m, Die Altslawische Wohnung, а также рецензии Д. Н. Зеленина на книгу Рама, «Живая старина», 1911, и Archiv für slawische Philologie, Berlin, 1911, стр. 594—605.

⁶⁵ Сборник сведений о сельскохоз. постройках. Сельские постройки во Владим. губ. Журнал Минист. госуд. имуществ, кн. VII (ч. 56) 1855, стр. 191.

стройке жилища определяются только некоторым географическим фактором и целиком зависят от климата и почвы. Исторический фактор, древние традиции, связи и влияния также играют немаловажную роль⁶⁶. В самом деле, если бы мы, руководствуясь схемой Мачинского, рассматривали северные жилища, то убедились бы, что далеко не все они подходят под простую схему повышения пола: — чем дальше на север, тем выше. Русские этнографы засвидетельствовали в XIX в. в некоторых местах Русского Севера отсутствие традиции и умения мыть деревянный пол в избе⁶⁷, что свидетельствует о том, что еще недавно здесь полы были земляными. Если мы выйдем за пределы нашей страны, то и здесь на севере мы встретим глинобитные и земляные полы⁶⁸. Таким образом, само по себе географическое положение жилища на севере еще не определяет все элементы его устройства. Кроме того, изучая типы жилища, иногда приходится считаться с такими явлениями, как изменения типа, внесенные законодательными актами, и т. п.: Так, например, в Скандинавии фахверковые дома заменили собой бревенчатые избы в результате королевских указов, запретивших постройку деревянных домов (в целях экономии леса)⁶⁹. Эта сложность явлений заставляет быть очень осторожным при определении границы между различными типами жилища и в древности и сейчас и говорит лишь о преобладании того или иного типа на данной территории в определенную историческую эпоху. Да и самый процесс развития жилища вообще неправильно было бы представлять как в с е о б щ и й процесс постепенного вылезания из земли⁷⁰. В отдельных случаях возможно обратное явление — углубление в землю надземного жилища в целях удобства, тепла и т. д. Известны этнографические примеры существования обоих типов жилища (например, у навахов), причем надземное жилище было примитивнее, чем полужемлянка⁷¹. Уже в неолите существовали жилища двух типов в одном и том же районе и приблизительно одновременно: наряду с полужемлянкой в виде круглой формы ямы с очагом посередине⁷² наземное жилище с углублением посередине для очага⁷³. Исследованное Третьяковым поселение IV—V столетий н. э. на р. Сонохе дало жилье в виде наземных срубов, в это же время в районе г. Костромы, повидимому, преобладали полужемлянки⁷⁴. Любопытно, что полужемлянки весьма архаичного вида удержались в районе Костромы до наших дней. Это «зимовки», или «зимницы», — избушки, углубленные на несколько венцов в землю. Продолговатые срубные постройки под двускатной крышей из накатника, покрытой мохом, землей, корой. Расположенные по стенам лавки, очаг посередине, «таган» для подвешивания котла — все воспроизводит облик раннеславянского жилища⁷⁵.

⁶⁶ См. С. П. Толстов, Русские крестьянские постройки, «Этнография», 1927, № 1—2; его же, К проблеме аккультурации, «Этнография», 1930, № 1—2.

⁶⁷ Д. К. Зеленин, Описание рукописей учен. архива Русского Географ. об-ва, т. III, стр. 1041.

⁶⁸ К. Weinhold, Altnordisches Leben, Berlin, 1856.

⁶⁹ Troels Lund, Das tägliche Leben in Skandinavien; В. В. Суменов, Путевые заметки о севере России и Норвегии, СПб., 1888.

⁷⁰ Такова теория А. Гейкеля, — см. Н. Н. Харузин, Очерк истории развития жилища у финнов, М., 1895 (Из XXIV и XXV книг «Этнографического обозрения»).

⁷¹ В. Харузин, «Этнография», вып. II, 1914, стр. 62, с ссылкой на Ostermann, The Navajo Indians, «Anthropos», Bd. III, H. 5—6, 1909, стр. 862.

⁷² В. А. Городцов, Болотное Огубское городище. Труды Гос. Историч. музея, вып. I, 1926, стр. 107—124; его же, Старшее Каширское городище, Известия ГАИМК, вып. 85, 1934; П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, Известия ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 97—180.

⁷³ Б. С. Жуков, Неолитическая стоянка близ г. Балахны, «Русский антропол. журн.», т. XII, вып. 1—2, стр. 114—118.

⁷⁴ П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 5, 1941.

⁷⁵ К. Завойко, Временные жилища крестьян Костромской и частью Влади-

Массовые городские жилища Поднепровья представлены пока преимущественно полуземлянками⁷⁶, но если бы мы попытались обратиться к глубокой древней традиции, уходящей к городищам скифского времени, то и здесь мы бы встретили наряду с полуземлянками наземные столбовые дома (Каменское городище). Это показывает, что наземное жилище и полуземлянка возникли одновременно и независимо одного от другой еще задолго до того, как сложились восточнославянские племена. Проследить же непрерывную древнейшую традицию в формах и конструкции жилища на одной и той же территории невозможно при нынешнем состоянии источников. Поэтому удивительное сходство трипольских жилищ с современными украинскими и молдавскими мазанками скорее свидетельствует о возрождении старых строительных приемов в новых условиях, чем о непосредственной исторической преемственности. Однако в период XI—XIII вв. мы видим на Руси наличие двух типов жилища — полуземлянку и бревенчатую избу, граница между районами распространения которых примерно совпадает с границей распространения позднейшей хаты и избы на подклети. Таким образом, добытые советскими археологами материалы дают некоторые основания для доказательства ранее высказанной гипотезы о том, что хата произошла из полуземлянки, выбравшейся на свет⁷⁷. Переходные типы от полуземлянок к хате известны и описаны этнографами⁷⁸. Еще в XIX в. (по Л. В. Далю) в Херсонской губ. были нередки хаты, углубленные в почву.

Раскопки в Старой Рязани дали возможность высказать некоторые соображения о типах древнерусских жилищ и о границе между ними. Быть может, дальнейшие изыскания позволят сделать выводы, что различия в типах жилища подобно некоторым другим элементам культуры и быта, разделяющим северных и южных великорусов, существовали уже в XI—XIII вв. Другой вывод, напрашивающийся из изучения древнерусских жилищ, — что русское жилище возникло и развивалось на основе древнейших местных типов и что вследствие некоторой консервативности жилища элементы этих древнейших традиций прослеживаются в современном жилище. Нет оснований предполагать, что древнескандинавское, германское⁷⁹, или греческое⁸⁰, или западноевропейское⁸¹ влияние на русское жилище оказало какое-либо значительное воздействие на форму или конструкцию жилища. Не отрицая внешних влияний, которые сказались на некоторых деталях устройства жилища в разных районах, мы все же можем, основываясь на археологических данных, утверждать, что развитие русского жилища шло на основе глубоких местных традиций, различных для южных и северных районов.

мирской губернии, Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XV, 1920, стр. 127—133.

⁷⁶ Имеется сообщение о наземных деревянных жилищах, якобы открытых Хвойкой в Поднепровье, но оно нуждается в проверке.— В. Е. Козловская. Слав. курганы и городища, как историч. источники, Киев, 1914.— Кроме того на Райковецком городище наряду с полуземлянками открыто несколько наземных жилищ.

⁷⁷ Ал. Харузин, — Славянское жилище в Сев.-Зап. крае, Вильна, 1907; Ф. К. Волков, Этнографические особенности украинского народа, Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II, Пгтр., 1916, стр. 507; В. Петров, 3 історії житла на Україні, Наукові записки Инст. іст. матер. культ. ВУАН, кн. I, Київ, 1934, стр. 75—101.

⁷⁸ Н. Ф. Сумцов, К истории хаты, Киевская старина, XXV, 1889, стр. 493—499.

⁷⁹ К. R h a n t, Указ. раб.— Рамм, начав с утверждения, что все главные особенности великорусской избы восходят к древнеславянским временам, всю вторую часть своей книги посвятил доказательству того, что внутреннее устройство русской избы обязано своим существованием германскому влиянию.

⁸⁰ Д. Зеленин, Russische (ostslawische) Volkskunde.

⁸¹ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ ПО ДАННЫМ «ХРОНИКИ ЛИВОНИИ» ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

В начале XIII в. в Прибалтику, где в то время разыгрывались полные драматизма события, именуемые «обращением язычников в веру христову», прибыл служитель церкви; спустя два десятка лет он написал историю покорения Прибалтики, дошедшую до нас под названием «Хроника Ливонии». Автором «Хроники» принято считать Генриха, священника, близкого епископскому двору Альберта. Автор прямо нигде себя не называет, и только почти два столетия изысканий (начиная с середины XVIII в., со времени выхода «Хроники» в свет) выдвинули и утвердили в исторической науке авторство Генриха, по прозвищу Латвийского.

«Хроника Ливонии» — источник для воссоздания не только политической истории страны. Среди повествования о страстной и, по признанию автора, героической борьбе народов Прибалтики за свою свободу вкраплены как бы небрежно высказанные замечания историко-этнографического характера. Правда, им отводится не первостепенная роль; на первом плане — обращение паствы в веру христову, борьба всеми доступными воинствующей церкви средствами¹.

Сообщения Генриха о земледелии и общественном строе, военном деле и городской жизни как бы растворены в насыщенной, полной жизненной правды повести о политической истории Прибалтики первой четверти XIII в., но извлеченные и сопоставленные с контекстом, эти сведения начинают терять свой случайный характер. Становится понятным, почему у автора появляется интерес к внутренней жизни страны, где ему суждено было прожить долгое время. Генрих хорошо изучил новую ему страну и живущие там народы: он понимает ее специфику, отдает дань ее культуре, сам невольно втягивается в нее; недаром живая речь леттов, ливов, эстов нет-нет и ворвется в традиционную, освященную поколениями средневековую образованность — латынь автора.

Генрих старается записать только то, что он либо видел сам, либо слышал от очевидцев. В 1210 г. при осаде курами Риги он находится в городе, и в «Хронике» появляется запись об их обычаях². В следующем году, когда приход, где он был священником, разоряется эстами, он упоминает об их богах³. Выступая как переводчик в переговорах представителей церкви с ливами и леттами, он подмечает их обычай закреплять заговор против врагов своих клятвой на оружии, наблюдает их жертвоприношения в честь победы над врагом⁴. Находясь свыше года вдали от Ливонии, он в это время ничего не пишет об ее внутренней жизни, но, возвратившись и участвуя в походе 1217 г. на эстов и затем обосновавшись в их стране для массового крещения населения,

¹ Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение. Перевод и комментарии С. А. Аннинского, 1938, стр. 63—64.

² «Хроника». XIV, 5.

³ Там же, XV, 3.

⁴ Там же, XVI, 4.

Генрих сразу сообщает довольно много сведений о верованиях эстов; тут выступают и боги их, и поклонение их священным рощам, и обряды, связанные с жертвоприношениями, и представления о загробной жизни⁵. То, что Генриху не пришлось видеть самому, он передает со слов очевидца, подчеркивая это: «Один священник, бывший в то время в плену у литовцев, рассказывал, что там пятьдесят женщин, потерявших мужей, после этого повесились»⁶. В его сведениях, хотя далеко не всегда объективных, нет ничего фантастически преувеличенного или легендарного, как это бывает с известиями, полученными издалека, как слух, об интересующем автора народе. Генрих писал на основании близкого знакомства с народами Ливонии.

Известия Генриха о культуре и верованиях по большей части — свидетельства очевидца, по-своему трактующего встреченные им явления духовной жизни народов Прибалтики; он пользуется ими как штрихами для обрисовки образа противника, особенно в тех случаях, когда этот противник усиливает стремление сохранить свою самостоятельность в борьбе с наступающей немецкой агрессией. Приверженность языческим обрядам должна выставить в непривлекательном виде ливов и эстов и другие племена, их свирепость, кровожадность, надругательство над христовой церковью. Ценность же этих свидетельств Генриха в том, что он первый сообщил о духовном мире народов Прибалтики; сообщения эти в ряде случаев подтверждаются прибалтийской археологией и этнографией и находят себе аналогии в соседнем славянском мире и за его пределами.

Общезвестно поклонение языческих народов священным рощам и деревьям: в одном только соседнем с народами Прибалтики славянском мире встречаем у Титмара Свентобор, священную рощу лютичей⁷; Гельмольд видел священные дубы, под которыми приносились жертвы местному божеству; в житии Оттона упоминается священное ореховое дерево полабских славян близ Штеттина⁸, также и у восточных славян жертвоприношения совершались под большим дубом, и устав Владимира упоминает тех, «кто молится в рощениях»⁹. Об этом пишет и Генрих под 1220 г. о преследуемых немцами эстах: «и гнались за ними тевтоны из деревни в поле вплоть до роши (lucum) и этот их священный лес (sanctam silvam) обагрили кровью многих убитых»¹⁰. Когда покоренные немецкими рыцарями летты были вынуждены идти войной против эстов, они, идя на приступ, призывают на помощь священный лес¹¹. Сам великий бог эзельцев родился там, где был красивый лес (silva pulcherrima)¹². Священные рощи служат, повидимому, и местом укрытия, ибо преследуемые эсты устремляются именно туда, считая их, очевидно, недоступными для врагов.

Наряду с общими упоминаниями об идолопоклонстве и верованиях можно выделить у автора группу высказываний, связанных с верховным божеством эстов — Таром. С Таром, или, по Генриху, Тарапитой (принимая, как это показал еще в середине XVIII в. первый издатель «Хроники» Грубер, возглас «Тар абита», т. е. «помоги Тар», за обозначение божества), встречаемся в связи с разными эпизодами «Хроники». Генрих пишет о том, что эсты верили, что Тар родился в одной из областей Эстонии — Виронии: «Там была гора и очень красивый лес и,

⁵ «Хроника», XV, 3, 5; XXVI, 7, 8; XXX, 1, 4.

⁶ Там же, IX, 5.

⁷ Титмар Мерзебургский, Хроника, Перевод С. А. Аннинского. VI, 37 (цит. по рукописи).

⁸ См. А. Гильфердинг, История Балтийских славян, 1874, стр. 191.

⁹ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, 1848, стр. 29.

¹⁰ «Хроника». XXIII, 9.

¹¹ Там же, XXX, 4.

¹² Там же, XXIV, 5.

как говорили местные жители, родился великий бог эзельцев, именуемый Тарапита, который оттуда улетел на Эзель. Один из священников пошел и срубил бывшие там изображения и идолы их богов (*imagines et similitudines deorum suorum*), и дивились люди, что кровь не течет»¹³. Наряду с Тарапитой, верховным божеством, существуют другие — прочие боги, как их называет Генрих: «Ибо эсты повели с собой священников в свои замки, проводников Христа, чтобы свергнуть Тарапиту с прочими языческими богами (*diis ceteris paganorum*)»¹⁴. Осаждаемые немцами эсты кричат, обращаясь к Тарапите за помощью¹⁵.

Изображения богов ливов, судя по некоторым косвенным свидетельствам Генриха, были просты и незатейливы, они были деревянными. Один лив, который явился якобы из лесной глуши, так описывает своего бога: «Я видел, говорит, бога ливов, который предсказал нам будущее, образ его от груди и выше рос из дерева (*utago ehexseus ex arbore*) и сказал мне, что завтра придет литовское войско»¹⁶. В передаче автора, во внешнем облике бога сохраняется связь с деревом, первоначально, вероятно, обожествлявшимся ливами, т. е. как бы фиксируется переход от обожествления дерева к придаче этому дереву некоего человеческого образа («от груди рос из дерева»). О том, что ливы поклонялись деревянным богам в образе человека, свидетельствует и другой, приводимый Генрихом случай. Когда после ушедших немцев были найдены вырезанные ими из дерева человеческие изображения, ливы приняли их за саксонского бога, которому приписывали зло, принесенное введением христианства, сняли голову этому изображению и отправили его обезглавленным за море, вслед за отпльвшими из Ливонии немцами.

У полабских славян, например, жрецы были отдельным сословием, отличавшимся от других своим внешним видом; они участвовали в собраниях знати и владели богатствами; они были посредниками между божеством и человеком и одни имели возможность входить во внутренность храма, заботились о священных изображениях и священных предметах. Жрецы имели власть над народом, они приносили жертвы, были истолкователями гаданий. Такой категории в «Хронике Ливонии» мы не встречаем. Генрих приводит широкую номенклатуру терминов общественной власти, существовавшей в стране до прихода немцев; он упоминает старейшин (*seniores*), князя (*princeps*), короля (*rex*), вождя, (*dux*), верхушку Эстонии (*Caput Estoniae*), лучших (*meliores*) могущественных (*potentiores*), богатых (*divites*), знатных (*nobiles*). Среди этих обозначений, отражающих развитый общественный строй распадающегося варварства, Генрих не находит обозначения для лица, профессионально связанного с служением божеству. Конечно, очень вероятно, что во время военных походов, описываемых Генрихом, руководство ритуальными действиями переходило к той общественной прослойке, которая выступала в качестве военных и политических вождей, т. е. в первую очередь к старейшинам. Вестгард, вождь семигаллов, сам занимается гаданием об исходе сражения и, видя, что жребий выпал благоприятный, ищет союзников¹⁷. Зато в том единственном случае, когда у Генриха описывается гадание в мирной обстановке, появляется упоминание о кудеснике (*ariolus*), подтверждающее существование категории жрецов и истолкователей гаданий¹⁸.

Большие возможности в воссоздании картины древних верований дают описания самих обрядов; сюда врывается, часто помимо воли

¹³ «Хроника», XXIII, 9.

¹⁴ Там же, XXX, 5.

¹⁵ Там же, XXX, 4.

¹⁶ Там же, X, 14.

¹⁷ Там же, XII, 2.

¹⁸ Там же, I, 10.

автора, жизнь народа. Например, обряд гадания, во многом напоминающий подобные в славянском мире, выглядит в «Хронике» так: «Собирались народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении, кладут копые, конь ступает через него и волею божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни (гадали о том, даровать ли жизнь захваченному ливами священнику.— Ф. Г.); кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский бог и направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коня, чтобы сбросить бога; когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил ногой жизни»¹⁹. Бросается в глаза сходство отмеченного Генрихом обряда с обычаем гадания священным конем у балтийских славян, о чем сообщает Саксон Грамматик; коня проводили через воткнутые крест-накрест копыя, находившиеся на равном расстоянии друг от друга. Если конь ступал правой ногой прежде, чем левой, то это считалось хорошим предзнаменованием, если наоборот, то дурным. Впрочем, описание гадания с копьем встречается не только у Саксона, оно имеется и у Титмара Мерзебургского: «Со смиренной покорностью,— пишет он,— над воткнутыми в землю крест-накрест остриями двух копьев и, уже бросив перед тем жребий для гадания, вновь теперь гадают, пользуясь конем, как чем-то божественным»²⁰.

Возможность предположить подражание Генриха этим средневековыми хронистам, конечно, исключена; мы имеем сходные тексты, но не тождественные. У Генриха описывается вполне конкретный случай этого гадания (возможно ли даровать жизнь пленному священнику), в то время как в остальных двух случаях гадание происходило в связи с отправлением на войну.

В остальных случаях гадание выглядит, как метание жребия, как испытание судьбы. Сам «жребий» выступает как наименование судьбы: *sors, auxilium deorum suorum sortibus, deorum suorum sortes, mittentes sortes*.

Небольшая разница в оттенках все же сохраняет за словом *sors* значение «жребия». Куры гадают, желая знать, какое время будет удобнее для битвы; семигаллы желают иметь ответ на определенный вопрос, а именно: знают ли литовцы об их приближении? Иногда это слово употребляется в более общей форме: «но пал в иную сторону жребий их богов»,— говорит он об эстах, замыслы которых о нападении на немцев рухнули²¹. Жребий бросают летты, чтобы узнать, от кого им принять христианство — от русских или латинян²², и, наконец, жеребьевкой решается боевое построение войска (кому занимать середину, кому быть во фланге). Таким образом, метание жребия, как его описывает Генрих, наряду с ритуальным значением приобретает и чисто практическое. Слово *sors* получает новое осмысление: выражая собственно религиозные действия, этот термин вместе с тем отражает и пережиточный характер явлений.

С гаданием тесно связано у Генриха и жертвоприношение. Генриху нужно было создать впечатление, что религия «коварных» и «вероломных» племен требует человеческих жертв, но сами факты, им же приведенные в «Хронике», этот тезис полностью опровергают. Во всех случаях, где речь идет о человеческих жертвоприношениях, такой жертвой всегда выступает представитель церкви. В 1186 г. ливы решают принести в жертву своим богам Теодориха, брата ордена цистерцианцев, за то, что жатва у него была обильная, а на их полях погибла, затопленная дождями²³. В другом случае в жертву также намечается священ-

¹⁹ «Хроника», I, 10.

²⁰ Титмар Мерзебургский, Хроника, VI, 17.

²¹ «Хроника», XX, 2.

²² Там же, XI, 7.

²³ Там же, I, 10.

ник. Его посадили на тучного быка, так как сам он был не менее тучен, вывели из замка и стали решать жребием, кого богам угодно избрать в жертву, священника или быка, и пал жребий на быка, которого тотчас же убили»²⁴. И, наконец, в третьем случае, в 1205 г., ливы нападают на пилигриммов, вышедших из замка Йкесколы за хлебом ливов, «а некоторые из этого числа принесены в жертву своим богам и погибли в ужасных мучениях»²⁵.

Разумеется, эти убийства нельзя назвать ритуальными: во всех приведенных случаях мы имеем дело с актом политическим, актом борьбы против захватчиков и эксплуататоров. Следует заметить, что тенденциозную окраску подобные факты приобретали и у других немецких хронистов, у которых акты политической борьбы также трактуются как ритуальные убийства, причем жертвой опять-таки оказывается служитель церкви.

Стремясь показать приверженность прибалтийских народов к принесению человеческих жертв, Генрих вместе с тем сообщает, что наряду с гаданием они стараются умиловить своих богов заклинанием животных. Чтобы снискать милость богов перед походом на замок Беверин, где засели немцы в 1211 г., эсты закалывают быков и другой скот. Если при этом, как было и при гадании, убиваемое животное падает на левую сторону, то это служит дурным предзнаменованием и выражает пнев богов²⁶. Ливы в 1212 г. воздают честь своим богам по древнему обычаю (*antiquae consuetudines*), убивая им в жертву собак и козлов. Отдельные части зарезанных животных, как пишет Генрих, демонстративно бросают в лицо побежденным христианам²⁷.

В связи с этим обращает на себя внимание полное отсутствие указаний в «Хронике» на приношения языческому божеству злаков, хорошо известные у славян. Отсутствие этого тем более удивительно, что Прибалтика ко времени Генриха была страной с уже старой и развитой земледельческой культурой, что отражено и в «Хронике». О земледелии леттов, эстов и ливов Генрих говорит как об одном из основных занятий, особенно последних: часто упоминает он о созревших ливских нивах, о запасах хлеба, которые они имели в своих укрепленных пунктах; как упоминалось, брата ордена цистерцианцев они чуть не предали смерти за то, что жатва у него оказалась обильной, а у них погибла; до появления немцев здесь известно плужное земледелие. Вирония (одна из областей Эстонии) характеризуется Генрихом как страна, замечательная своими равнинами полей²⁸. Наконец, о развитом земледелии свидетельствуют данные археологии: уже в I—II вв. н. э. известны сельскохозяйственные орудия в виде серпа и косы.

Но у Генриха земледелец, житель Прибалтики, в своих приношениях богам жертвует только домашний скот, причем подчеркивается древность этого обряда (*antiquae consuetudines*). Остается предположить, что в период возникновения обычая жертвоприношения у прибалтийских народов они были скотоводами, еще не знавшими земледелия, а став земледельцами, сохранили приверженность старому обряду, не дополняя его возношением злаков. У славян же, соседивших с ними и уже знавших земледелие на той же стадии религиозного мировоззрения (на которой появляется жертвоприношение), в круг возношений попадают и домашний скот, и злаки. Напрашивается вывод уже историко-хозяйственного значения — что славяне, окружавшие с востока, юга и юго-запада прибалтийские племена, раньше узнали земледелие и что именно от славян земледелие распространилось в Прибалтике.

²⁴ Там же, XXX, 1.

²⁵ Там же, IX, 12.

²⁶ «Хроника», XV, 3.

²⁷ Там же, XVI, 4.

²⁸ «Хроника», I, 10; II, 9; XXIII, 7.

Нередко в «Хронике» Генриха проскальзывают как бы не замеченные им самим немаловажные черты духовной жизни народа. Так можно расценивать небольшой, но весьма характерный штрих в его рассказе о деятельности епископа Альберта, относящейся к 1209 г. Генрих пишет, что Альберт отправился на гору Куkenойс, где был прежде форпост полоцкого княжества, и велел укрепить ее для нужд немцев. По ходу рассказа Генрих пишет следующее: «отправившись туда и найдя самую гору покинутой и по нечистоплотности прежних жителей кишашей червями и змеями (*vermeribus ac serpentibus*), велел поручить очистить ее и наново укрепить валами»²⁹. Почему вдруг Генрих упоминает червей и змей? Они не стоят ни в какой связи с его рассказом о действиях его епископа. Между тем для воссоздания древнего культа это замечание имеет важное значение. Здесь говорится о горе (*mons*), кишашей червями и змеями. Именно здесь, в Прибалтике, змея, видимо, прочно заняла место в мировоззрении. Достаточно вспомнить типичные украшения знаменитого Люцинского могильника, в большинстве относящиеся к IX—X вв., где браслеты со змеиными головками составляют чуть ли не массовое явление³⁰. Аналогичным указанием на древнее поклонение змее в этих землях может служить сообщение Геродота о неврах, которым пришлось покинуть свою страну потому, что земля их произвела множество змей³¹.

В 60—80-х годах XVI в. Стрыйковский сам видел, что в Литве народ боготворил черных ужей. Там до сих пор считается грехом убить ужа, а сказки этих мест о необыкновенной красоте царя змея, о чудных переливах красок на его коже, об алмазном гребешке на голове, об ужасном свисте ужиного царя, слышном по всей Литве, подтверждают существование здесь древнего культа змеи³². Генрих же попутно упоминает о змеях, видимо, и не подозревая об этом.

Специфически языческой чертой в глазах Генриха является многоженство, зафиксированное им у эстов и куров, рецидивы которого после принятия отдельными племенами христианства он рассматривает как возвращение к старым верованиям. Одним из преступлений эстов во время мощного восстания против немцев в 1222—1223 гг. является то, что «жен своих отпущенных (*uxores dubissa*) после принятия христианства они снова взяли к себе»³³.

В многоженстве эзельцев, особенно во взятии ими в жены пленных христианок, Генрих видит одну из побудительных причин для организации крестового похода: «Не может быть союза у Христа с Велиалом и доброй связи у язычника с христианкой»³⁴ — восклицает он, цитируя Библию. От Генриха узнаем, что эзельцы брали себе по две-три жены из числа пленниц; что они, будучи хорошими мореплавателями, привозили заморских пленниц из Скандинавии, продавая их курам и другим племенам. Генрих отмечает, притом дважды, и обычай умерщвления жены после смерти мужа³⁵, известный у многих народов. Он не только фиксирует этот обычай, но пытается проникнуть в его смысл. «Один священник, бывший в плену у литовцев, по имени Иоанн, рассказывал, что там пятьдесят женщин, потерявших мужей, после этого повесились. Это потому, конечно, — продолжает он, — что они надеялись служить им и в другом мире»³⁶. Здесь обращает внимание необычный способ самоумерщвления через повешение, практиковавшееся по крайней мере

²⁹ «Хроника», XIII, 1.

³⁰ «Материалы по археологии России», № 14. Люцинский могильник.

³¹ В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1, 1893, стр. 41—42.

³² А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. III, стр. 577.

³³ «Хроника», XXVI, 8.

³⁴ Там же, XXX, 1.

³⁵ Там же, IX, 5.

³⁶ Там же.

у литовцев. В 1221 г., потерпев поражение в бою с немцами, они, по словам Генриха, в количестве пятисот человек повесились в лесу³⁷. В последнем обстоятельстве (повешение именно в лесу), возможно, кроются еще живые связи с культом дерева, с которым, повидимому, и на Руси было связано подвешивание к дереву трупов волхвов, как, например, убитых после восстания 1071 г.; вспомним и просьбу умирающей мордовской девушки:

Не хороните меня, батюшка, на кладбище,
Похороните меня около большой дороги,
Около большой дороги на старом дубе³⁸.

Говоря о победе немцев в 1210 г., Генрих подмечает обычай добывать раненного соплеменника. «Как только кто-нибудь из них падал раненный камнем из метательных орудий и баллистариев, тотчас же брат его или другой соратник (*frater aut consocius*) добывал раненого, отрубая голову»³⁹. Как обычно, Генрих не дает объяснения этому факту. В качестве параллели может быть привлечено известие Льва Дьякона о русских, которые не сдавались неприятелю, но вонзали себе меч под сердце, будучи уверенными, что, погибнув от руки врага, они и на том свете будут служить своим убийцам в качестве рабов. Возможно, что таковы же были представления и у куров.

Повествуя об одном из сражений с литовцами, Генрих усматривает у них обычай, свойственный и другим народам: в случае невозможности воздать почести убитому воину или вождю, стараются заполучить его голову, которая олицетворяет умершего. Захватив в плен вождя ливов Ульдеvene, они обменивают его на голову убитого литовского вождя (*dux*), «чтобы, получив хотя бы голову, там могли бы ему справиться должное погребение с пиром по обычаю язычников»⁴⁰. Если же не удавалось добыть тело или голову, литовцы, возможно, ставили убитому могильный памятник; так можно объяснить могильные памятники без погребений, но с инвентарем, которые встречаются и в Прибалтике,— это акт отдачи последней почести погибшему на чужбине воину.

Еще Геродот отмечает трофейное значение голов убитых врагов, которые служили украшением жилища победителей. То же подмечает Генрих у прибалтийских народов: «Теодор Слиллинг из дружины епископа, наткнувшись на сидевшего в санях Свельгате (литовского князя.— Ф. Г.), того, что собирался уничтожить град божий, пронзил ему так бок копьем, а семигаллы, увидя, что он бьется в предсмертных судорогах, отрубили ему голову, положили на свои сани, куда они складывали одни головы убитых литовцев, повезли в Семигаллию»⁴¹. То же отмечает он у леттов, где старейшины уносят к себе на родину голову убитого по законам родовой местности представителя враждебного племени⁴².

Генрих сообщает и обряды захоронения мертвых. «Но эсты, потеряв столько убитыми, и не думали догонять леттов, много дней в печали собирали трупы убитых леттами и сжигали их в огне по своему обычаю с плачем и возлияниями (*lamentationibus et potationibus*)»⁴³. О том же говорит он в связи с поражением эстов в 1210 г.

Этим ограничиваются сведения о древнейших верованиях и религиозных обрядах в повести средневекового хрониста. Несомненно, сведе-

³⁷ «Хроника», XXV, 4.

³⁸ Н. Воронин, Медвежий культ в Верхнем Поволжье, Материалы и исследования по археологии СССР, № 6, 1941, стр. 158.

³⁹ «Хроника», XIV, 5.

⁴⁰ Там же, XVII, 5.

⁴¹ Там же, IX, 4.

⁴² Там же, XXI, 3.

⁴³ Там же, XII, 6.

ния Генриха не выдуманы, в большинстве своем они не внушают подозрения в неправдоподобности, разве что за исключением приписываемых народам Прибалтики человеческих жертвоприношений. Генриха можно упрекнуть не в том, что он выдумал несуществующее, а в том, что он многое скрыл, придав всем этим верованиям характер убожества.

Показания Генриха приобретают еще большее правдоподобие в связи с тем, что многие из них подтверждают археология и этнография Прибалтики. Выше уже говорилось о комплексе явлений, связанных с культом змеи, и об обилии изображений змеи в типичных местных металлических украшениях, о распространенности легенд, поверий и сказок, связанных с этим культом. Упомянутый Генрихом обычай приносить в жертву быка наблюдался Стрыйковским в Литве в XVI в. — со всеми чертами языческого обряда: по окончании полевых работ вводили быка, предназначенного к жертвоприношению богу оплодотворения; присутствующие с ожесточением бросались на свою жертву с кольями и палками и убивали до смерти, приговаривая: «вот тебе наша жертва, боже земли, благодарим тебя за то, что ты сохранил нашу жизнь в истекшем году, защити же нас и в будущем от врага, меча, морового поветрия». Мясо убитого быка жарилось, часть съедалась, а часть закапывалась как жертва богу земли⁴⁴. О принесении в жертву козла говорит и известная присказка, имеющая широкое хождение в белорусско-литовском Полесье: «за рекою, да за быстрою лесою стоят дремучие, во тех лесах огни горят, огни горят великие, вокруг оней скамьи стоят, скамьи стоят дубовые, на тех скамьях добры молодцы, красны девицы поют песни колядушки, во середине их старик сидит и точит свой булатный нож, возле него козел стоит, хотят козла зарезати»⁴⁵.

О тризнах, сопровождаемых плачем, про которые Генрих говорит в связи с захоронениями, свидетельствуют многочисленные археологические памятники — каменные кучи и круги из камней в ближайшем соседстве с древними могилами. Здесь находят кости домашних животных, обломки грубой глиняной посуды и другие предметы. Места эти овеяны преданиями и легендами и называются либо «чортовыми могилами», либо «чортовыми кучами». Иногда их происхождение связывается с неудавшейся попыткой построить церковь, которая затем провалилась. Легенды воскрешают, должно быть, то религиозное значение, которое в языческое время имели эти памятники⁴⁶.

Манера изложения «Хроники» Генриха крайне затрудняет установление последовательности возникновения культовых явлений, им описанных. В этом отношении приходится довольствоваться лишь предположениями. Обожествление дерева, изгнание враждебной силы водой можно рассматривать как обычай, древнейший по сравнению, скажем, с обрядом приношения в жертву животных, предполагающим развитое скотоводство. Культ змеи имеет более глубокие корни, чем клятва оружием, более характерная для общества с разлагающимся родовым строем. Все эти предположения носят столь же отрывочный характер, сколько отрывочны и скудны сведения Генриха, не ставившего своей задачей дать систему мировоззрения врагов своей церкви. И все же они драгоценны тем, что никто, кроме Генриха, не оставил даже таких скромных свидетельств. Воссоздать полную картину древних верований народа по его сведениям, конечно, невозможно, но в связи с данными археологии и этнографии они приобретают большое значение как первые по времени письменные свидетельства о духовной культуре народов Прибалтики.

⁴⁴ Kronika polska, litewska, zmuska i wszyskiej Rusi Macieja Strijkowskiego, Warszawa, 1846, стр. 147—148.

⁴⁵ И. Срезневский, Указ. раб., стр. 73.

⁴⁶ А. Харузин, Обзор донсторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей, Временник Эстляндской губернии, 1894, стр. 141.

Б. А. ВАСИЛЬЕВ

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

I

ВВЕДЕНИЕ

Под медвежьим праздником в широком смысле слова понимается комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, с свежеванием его туши, с едой его мяса, с «похоронами» его черепа и костей. Этот обрядовый комплекс осмысливается особым медвежьим мифом, менее устойчивым, чем самые обряды. В основе последних лежит представление о медведе как о священном звере, как о хозяине тайги. К числу таких же зверей-хозяев должны быть отнесены благородный олень в лесной полосе Западной Европы¹, тигр в Уссурийском крае, касатка (*Ogca gladiator* — хищное китообразное) на северном побережье Тихого океана и орел у целого ряда племен Сибири. Культ медведя имел наибольший ареал: он охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, всю таежную Сибирь, Амурский край и таежную зону Северной Америки. Следы культа медведя были обнаружены в Швейцарии, а в античную эпоху также во Фракии, в различных странах Малой Азии и в Тавриде. Еще Бахофен отметил значение культа медведя в религиях древнего мира и показал, на основании свидетельств античных авторов, его широкое распространение. Он же впервые поставил вопрос о его глубокой древности и связал его с родовым охотничьим обществом эпохи матриархата². Факт глубокой древности медвежьего культа, его связь с древнейшей формой человеческого хозяйства — с хозяйством охотничьим и с наиболее архаичными формами социальной организации человеческого общества не может не привлечь к нему внимания историков культуры и, в частности, историков религий. Наибольшее количество материалов для суждения об идеологии и обряде медвежьего культа дают нам источники этнографические. Основная библиография медвежьего праздника северной Евразии включает в себе более 100 названий. Библиография по медвежьему празднику Северной Америки также велика³. Однако состояние наших этнографических источников весьма неудовлетворительно. Сведения о культе медведя по большей части фрагментарны, они освещают в лучшем случае лишь те стороны обрядов, которые больше всего обратили на себя внимание путешественников. Полных описаний праздника, начиная с момента сборов на охоту и кончая погребением костей и черепа, мы почти не имеем. Даже классические работы по медвежьему празднику у обских угров и у племен Амурского края имеют существенные дефекты

¹ J. G. McKay. The Deer-Cult and the Deer-Goddess Cult of the Ancient Caledonians, *Folk-Lore*, т. XLIII, 1932, стр. 144—173.

² J. J. Bachofen, *Der Baer in den Religionen des Altertums*, Basel, 1863.

³ A. Irving Hallowell, *Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere*, *American Anthropologist*, 28, No. 1, Библиография, стр. 163—175.

в описательной части⁴. Ввиду этого и принимая во внимание, что возможность собирания новых полевых материалов, хотя бы по воспоминаниям стариков, еще не полностью потеряна, следует эту возможность использовать. Необходимо иметь в виду, что в настоящее время медвежий праздник, как праздник, связанный с охотничьим культом, уже исчез в Амурском крае и в других районах Сибири, а у манси он изменил свое содержание и принял характер народного развлечения и театральных представлений.

Настоящая работа ставит себе целью дать анализ обряда и мифологии медвежьего праздника. Для объяснения конкретных обрядов и мифологических сюжетов мы привлекали сравнительный материал только с тех территорий, которые были исторически связаны с интересующим нас ареалом медвежьего праздника. С методологической стороны мы считаем этот прием весьма важным, так как в нашей работе мы ставим себе целью все время придерживаться конкретно-исторических методов, не увлекаясь привлечением стадийно близких материалов, относящихся к обществам, конкретная история которых протекала независимо (насколько это возможно на земном шаре) от истории избранной нами территории. Как я надеюсь показать, сходство обрядов, простирающееся даже до мелочей, у народностей, удаленных друг от друга на десятки тысяч километров, как например, у саамов (лопарей) и финнов, с одной стороны, у орочей и айнов — с другой, не может быть объяснено конвергенцией. Обряды медвежьего праздника на всей необъятной территории его распространения имеют органическое единство и могут быть объяснены только наличием древних этнических и культурных связей населения на первоначально более узкой территории; позднее, в связи с первичным заселением Севера после отступления великого ледника, а также в связи с позднейшим расселением самодийских, угорских, эвенкийских и так называемых «палеоазиатских» племен; а также заселением Северной Америки, обряды и мифология медвежьего праздника были разнесены по более широкой территории. С другой стороны, колонизационные потоки населения и культурные влияния, которые связывают Юго-Восточную Азию с северной частью Тихоокеанского побережья, в частности с Сахалином и побережьем Татарского пролива, обусловили своеобразие медвежьего праздника амурского (айнского) типа, с характерным для него воспитанием медведя в клетке, стрельбищем, на котором совершалось жертвоприношение медведя, и продолжающимся в течение нескольких дней праздником, несущим на себе влияние праздников Юго-Восточной Азии.

Исходным материалом для настоящей работы послужили те наблюдения над медвежьим праздником орочей, которые были сделаны автором в 1927 г.⁵ Автор имел возможность лично присутствовать при всех обрядах с начала и до конца и получить информацию от знатока старых орочских обычаев — ороча Сергея Сиучинко, который был почетным гостем на этом празднике. Данная работа первоначально была оформлена в виде развернутого комментария к орочскому ритуалу праздника и орочскому медвежьему мифу⁶. В настоящей статье мы сохраняем построение этой работы, но даем ее в сокращенном изложении. Поскольку содержание медвежьего праздника известно, мы в дальнейшем ограничиваемся по большей части лишь ссылками на соответ-

⁴ Н. Л. Гондатти, *Культе медведя у инородцев Северо-Западной Сибири*. Труды Этнограф. отдела Общ. люб. естествозн., антр. и этн., кн. VIII, М., 1888; Л. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, СПб., т. I, 1883, т. II, 1889, т. III, 1901.

⁵ См. Е. М. Шиллинг, *Отчет о работе Центрального музея народоведения за 1928 г.*, Тунгусская экспедиция, «Этнография», 1929, № 2.

⁶ Б. А. Васильев, *Медвежий праздник орочей*. Опыт этнографического анализа обряда и мифологии. Диссертация, 1946, Архив Инст. этногр. АН СССР в Москве.

ствующие источники. За недостатком места мы не можем здесь дать изложение медвежьих мифов и их анализ. Лучше всего записаны варианты ороцкого, нивхского (гиляцкого), айнского и мансийского (вогульского) мифов. Они значительно более архаичны, чем шаманские мифы и сказки, и несомненно древнее шаманских. Вообще, медвежьи мифы не связаны с шаманской мифологией, так же как и шаманский ритуал не связан с медвежьими обрядами. Шаманы не имели никакого отношения к медвежьему празднику и не принимали в нем участия. Это отнюдь не препятствует, однако, тому, что медведь занимает очень важное место в шаманском пантеоне амурских племен наряду с тигром и другими животными⁷. Имеющиеся в моем распоряжении материалы не подтверждают, таким образом, вывода о тесной связи медвежьего мифа с лунарной мифологией, «лунным предком» и шаманской идеологией — вывода, к которому пришли А. Gahs и F. Flor на основании изучения главным образом кетского и селькупского материала⁸.

II

СРАВНИТЕЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРЯДОВ, СОВЕРШАВШИХСЯ ПО СЛУЧАЮ УБИТОГО НА ОХОТЕ МЕДВЕДЯ

Названия и эпитеты медведя

Орочи называют медведя *мана*, что значит старик. Так обращаются в разговоре к уважаемым людям пожилого возраста. То же название мы имеем у нанаев (гольдов), у удэ и ороков — *мафа*.

Название «старик», «дед», «дедушка» в применении к медведю широко распространено в Сибири и Северной Америке. Так, например, дедушкой называли медведя манси, якуты, целый ряд тюркских народностей Сибири, северобайкальские эвенки, ненцы, некоторые племена индейцев-алгонкинов. Некоторые алгонкинские племена называют медведя *padangwas*, т. е. так же, как мужчин старшего поколения⁹. В Швеции медведя также называют «дедушка» и никогда прямо «медведь»¹⁰. В название «дед» вкладывается иногда смысл, указывающий на родственные отношения, что видно из других родственных названий, применяемых к медведю, например: «дед с отцовой стороны» — *посатай* (удмурты); «родной дед» — *асэ* (якуты)¹¹. Кроме родового названия для медведя — *мана*, *мафа*, *орочи*, *ороки* и верхнеангарские эвенки¹² имеют еще множество терминов для различия медведей по полу и возрасту. Если для орочей и других народностей Амурского края название «старик» — *мана* является родовым названием для медведя или, во всяком случае, словом, заменившим родовое название, то для ряда

⁷ Медвежьи мифы см. Б. Пилсудский, На медвежьем празднике айнов Сахалина, «Живая старина», XXIII, вып. 1—2, 1914, стр. 162; Н. И. Липская, Запись текста мифа на ороцком языке и перевод (Архив Инст. этногр., Ленинград); Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, СПб., 1908, стр. 174—175; А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 177—186; Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 78; И. И. Авдеев, Песни медвежьего праздника у вогулов, Доклад на группе фольклора доклассового общества Инст. антр. и этногр. (рукопись хранится в архиве Инст. этногр. АН СССР в Москве).

⁸ Fritz Flor, Haustiere und Hirtenkulturen, Wiener Beiträge, I, 1930, стр. 101—102.

⁹ Hallowell, Указ. соч., стр. 43.

¹⁰ W. Bonser, The mythology of the Kalevala, with notes on bear warship among Finns, Folk-Lore, 1928, т. 39, No. 4, стр. 354.

¹¹ Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. 1, Сб. Музея антроп. и этногр., т. VIII, Л., 1929, стр. 106—107.

¹² Титов, Некоторые данные по культуре медведя, «Сибирская живая старина», 1923.

сибирских и американских племен это название является «подставным», заменяющим родовое название медведя, главным образом во время охоты, т. е. является, в конце концов, термином особого охотничьего языка. Орочи, ороки и улчи употребляют при охоте на медведя подставное название «зверь» — *боо*. То же название *боо* употребляется орочами при охоте и на других зверей: на нерпу и на сохатого (лося). Наименование охотничьих животных — лося, марала, нерпы, соболя во время охоты «зверем» известно не только у племен Амурского края, но и у многих других племен Сибири. Так, например, манси называют медведя «лесным» или «луговым зверем».

Однако далеко не все эпитеты, употребляемые для медведя, можно считать «подставными» названиями и сводить их, таким образом, целиком к охотничьему языку¹³. Среди них имеется такая группа, которая ясно выделяется среди терминов охотничьего языка и подставных названий, употребляемых также и для других животных. Это эпитеты, выражающие представление о медведе как о человеке: «старик, одетый в шубу» (ханты), «лесная или горная женщина» (манси), а также эпитеты, указывающие на высокое «социальное» положение медведя среди духов тайги и гор: «господин» или «хозяин леса и гор», «владыка чащи», «князь зверей» (якуты), «сын горного бога» (айны), «горный человек» (нивхи), «царь скал» (тувинцы), «горный бог» (курильские айны), «царь-человек» (буряты), «священный зверь» (ханты и манси), «вещий лесной зверь», «священный зверь», «мудрый священный зверь» (манси), «дорогое божественное существо» (айны) и т. п. Особый характер указанных выше эпитетов дает нам основание выделять их в отдельную группу, характерную на интересующей нас территории только для медведя и отличную от терминов охотничьего языка. Манси, медвежий ритуал которых отличался особой архаичностью, считали медведя сыном или дочерью бога Нуми-Торыма, причем сам Нуми-Торым, верхний дух, является антропоморфизированным медведем и имеет эпитеты «зубастый», «с когтями на руках» и т. п.¹⁴ Сын его или дочь спускаются им с неба в колыбели. В «утренней» медвежьей песне, которая пелась манси на празднике перед головой и шкурой медведя, говорится:

Сидишь ты как великий Торым...
Почитают тебя великим Пупыхом,
Почитают тебя великим Торымом¹⁵.

Согласно магическим финским песням *Loitsu-runoja*, медведь-отсо родился на небе¹⁶. Штернберг сообщал, что амурские племена называют медведя «божественным сородичем хозяина гор», «существом высшего порядка», «священным зверем»; по представлениям нивхов (гиляков), «медведь сам божество, хотя и маленькое». Штернберг возражал тем, кто склонен недооценивать «религиозное значение» медвежьего праздника. Но вместе с тем мы находим у него и другие цитаты, например: «совершенно неосновательно мнение, что праздник медведя носит религиозный характер или что медведь считается гиляками божественным или духом»; «медведь для него (ороча) не бог и не посланник бога»¹⁷. Аналогичные кажущиеся «противоречия» мы на-

¹³ См., например, Д. К. Зеленин, Указ. соч., гл. 6, стр. 88.

¹⁴ В. Н. Чернецов, Медвежий праздник обских угров (доклад на кафедре этнографии МГУ, 1940, рукопись).

¹⁵ И. И. Авдеев, Указ. рукопись.

¹⁶ W. Bonser. Указ. раб., стр. 346. Магические песни финнов имеются в переводе на англ. язык.

¹⁷ Л. Я. Штернберг, Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933.

ходим и у Б. Пилсудского. Они лежат, однако, в самом существе вопроса: сам мифологический образ медведя антиномичен. При детальном ознакомлении с медвежьей мифологией Сибири не остается сомнения в том, что сущность мифологических воззрений на медведя именно и заключалась в признании того, что медведь одновременно является и зверем, и существом высшего порядка. Именно это внутренне противоречивое, антиномическое воззрение лежит в основе медвежьего мифа и осмысляет также всю обрядовую сторону медвежьего праздника.

Сборы на охоту и танцы-пантомимы

Сборы на охоту у орочей сопровождалась некоторой таинственностью и соблюдением ряда запретов. Говорить о предстоящей охоте много не полагалось, тем более называть медведя его родовым именем. Выслушав сообщение о том, что найден след медведя, охотники ограничивались краткой формулой: «Надо зверя выслеживать». Те же обычаи соблюдали ульчи и целый ряд других племен Сибири при охоте не только на медведя, но и на других животных. Нет необходимости приводить примеры из этой области охотничьих обычаев, поскольку они обстоятельно освещены Д. К. Зелениным¹⁸.

Рис. 1. Представление в масках на мансийском медвежьем празднике. На заднем плане шкура с головой медведицы. Березовский район, сел. Ломбовож-Паул на р. Ляпине (приток р. Сев. Сосьва), 1936 г. Фото Д. М. Вяжлинского

Сборы на медвежью охоту были в прошлом связаны с исполнением танцев-пантомим. У племен Амурского края этих плясок не сохранилось. Однако у стадиально более архаичных манси они были хорошо известны. В течение нескольких дней особые певцы исполняли по вечерам медвежьи песни. Каждый вечер пели семь песен, после которых исполняли медвежий танец, изображающий, как медведь разрывает в клочок человека, нарушившего присягу. На р. Конде танцор надевал на себя шкуру медведя¹⁹. У салымских хантов песни об охоте на медведя также сопровождалась мимическими действиями²⁰. Танцы в шкуре медведя имелись у чукчей и коряков²¹. На празднике манси, кроме медвежьих песен, исполняются небольшие примитивные театральные сценки. Часть этих сценок генетически связана с древними охотничьими магическими обрядами, направленными на получение благоприятных результатов охоты. Есть сцены, изображающие охоту на медведя или

¹⁸ Д. К. Зеленин, Указ. соч., гл. 5, стр. 77.

¹⁹ В. Н. Чернецов, Указ. рукопись.

²⁰ Шульц, Салымские остяки, Записки Тюмен. о-ва научн. изучения местного края, 1, Тюмень, 1924.

²¹ В. Г. Богораз, Чукчи, II, Религия, 1939, стр. 81, 83.

на других зверей²². Пантомимы, разыгрываемые перед головой и шкурой медведя, по представлениям манси, получают свою действенность только через его посредство, так как именно медведь посылает удачу в промысле и влияет на размножение зверей²³.

Медвежьи танцы, имеющие целью благоприятный результат охоты, известны также у некоторых племен Северной Америки. Кетлин (1848) описывает танцы в медвежьих шкурах и масках у сиуксов²⁴. Таким

Рис. 2. Манси (вогулы). Медведица во время праздника на столе в юрте. На шее — женский платок, на когтях — кольца, на носу — металлический кружок, на глазах — монеты. Перед мордой медведицы — изображения различных охотничьих животных, кусок хлеба, кусок сахара и конфеты. Березовский район, сел. Ломбовож-Паул на р. Ляпине, 1936 г. Фото Д. М. Вяжлинского

образом, имеются все основания генетически сближать медвежьи танцы манси с охотничьими танцами и обрядами, имеющими целью привлечение промысловых животных (например, лося, северного оленя, моржа, тюленя, кита бизона)²⁵. Необходимо только учесть, что эти обряды у манси проделали сложный путь развития в направлении к примитивной культовой драме, в основе которой лежит развитой медвежий миф, связывающий медведя с верховным божеством мансийского пантеона.

Данные археологии говорят о вероятности генезиса уже в эпоху верхнего палеолита целого ряда обрядов охотничьей магии, позднее включившихся в обряд медвежьего праздника. Что касается датированных мустьерской эпохой находок черепов и костей пещерного медведя, то я полностью согласен с П. П. Ефименко, что в эпоху нижнего палеолита мы имеем дело с полным отсутствием культового отношения к медведю;

²² Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 80, вторая сцена; см. также П. С. Паллас, Путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. III, 1738, стр. 85.

²³ И. И. Авдеев, Указ. рукопись.

²⁴ G. Catlin, Die Indianer Nord-Amerikas, 1848; см. текст и цветные таблицы.

²⁵ См., например, В. Г. Богораз, Указ. соч., стр. 91 и 99 — привлечение морского зверя: магические рисунки и пляски; П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. II, СПб., 1786, стр. 95; J. Fraser, Totemism and Exogamy, т. III, стр. 137—138 — пантомимы, изображающие охоту на бизонов.

это вытекает из фактов раскалывания костей при еде и возможного использования этих костей в качестве орудий труда²⁶.

Обращение к медведю с речью в тайге

Обращение к живому или убитому медведю с речью было характерно для очень многих племен Сибири и Северной Америки. К живому медведю обращались с речью либо при встрече с ним в лесу, либо во время выманивания его из берлоги, либо на медвежьем празднике, перед тем как пустить в него смертельную стрелу. Орочи, убив медведя, обнимали его и говорили: «Пришел, здравствуй, спасибо». Сведения о наличии обряда обращения с речью к живому медведю у большинства племен Сибири у нас имеются в достаточном количестве. «Подняв медведя из берлоги,— сообщает о кетах В. И. Анучин,— ему говорят: «ты не сердись, дедушка! Пойдем к нам в гости!» и убивают»²⁷. Долгане, сообщал А. А. Попов, будят медведя, лежащего в берлоге, криками и при этом говорят: «Удержи свой гнев». Убив медведя, охотники водили вокруг него хоровод, говоря: «Не мы тебя убили, сам умер, черед придя, указанный богом день подойдя. Плохо не думай и впоследствии наших детей не трогай»²⁸. Эвенки киндигирского рода, найдя зимой берлогу, говорили: «Не тунгус пришел к тебе, а якут заблудящийся! Помаленьку вылезай, отец»²⁹. Пространный текст обращения к медведю охотских эвенков того же приблизительно содержания сообщает Пекарский³⁰.

Обряды над убитым медведем в тайге

Тотчас же после того, как медведь убит, над его тушей совершался ряд обрядов с произнесением тех или иных речей и молитв или с пением соответствующих обрядовых песен. Содержание этих обрядов окрашено благожелательностью к убитому зверю; обряд имеет целью умиловить его, доставить ему удовольствие и обеспечить себе удачу и безопасность на охоте. Hallowell'у удалось показать, что этот комплекс обрядов имел сплошное распространение по всей территории северной Евразии и Северной Америки. Орочский обряд складывается из следующих элементов: 1) обнимание головы и приветствие, 2) привязывание медведя за шею ремнем к елочке с *инао* (стружками), 3) воскурение перед медведем хвои, 4) обрядовое снятие шкуры, 5) вынимание глаз. Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что отдельные элементы этого и других обрядов медвежьего праздника совпадают, часто до полного тождества, даже на крайних противоположных концах рассматриваемой территории, например у хантов и айнов. После того как медведь убит, ороч обнимает его голову, прижимает ее к себе и говорит приветствие, в котором выражается та мысль, что медведь добровольно пришел к охотнику и умер только из чувства расположения к нему. То же наблюдалось у нивхов. «Если медведь достается в добычу гиляку,— пишет Штернберг,— то это только потому, что медведь этого сам хочет. В борьбе с человеком медведь сам дает хорошее место для смертельного удара». По воззре-

²⁶ П. П. Ефименко, Первобытное общество, 1938, стр. 272—277, 533. С работой Abel и Koppers, Palaeobiologica, V, в которой доказывается наличие культа медведя в ориньякскую и мадленскую эпоху, мне не удалось познакомиться (реф. см. «Anthropos», Bd. 29, N. 1—2, 1934, § 217).

²⁷ В. И. Анучин, Предварительный отчет о поездке к енисейским осякам в 1905 г., стр. 13.

²⁸ А. А. Попов, Охота и рыболовство у долган, «Памяти В. Г. Богораза», Сб. статей, АН СССР, Инст. антр. и этногр., 1937, стр. 202.

²⁹ Титов, Указ. соч., стр. 95.

³⁰ Пекарский и Цветков, Очерк быта прианских тунгусов, Сб. Музея антр. и этногр., т. II, 1, 1913, стр. 59—60.

ниям манси, смерть от руки охотника для медведя — одно удовольствие, награда за весь его «праведный путь»³¹. В медвежьей песне поется: «Если человек найдет дверь дома твоего с дверями, то ты опустишь ему навстречу (т. е. дай себя убить) с добрым настроением тихого ветерка. Будешь перенесен в угол дома, обильного пищей, в угол дома, обильного питьем»³². Аналогичным обрядам индейцев посвящена в книге Фрезера глава «Умилостивление убитых медведей североамериканскими индейцами»³³. Иногда смерть медведя приписывается каким-нибудь животным. Так, нивхи обвиняют в смерти медведя жабу, изображение которой делается на празднике; орочи, эвенки и якуты делают вид, что глаза медведя выклевали птицы. Обряд надевания петли на шею и привязывания убитого медведя практиковался, кроме орочей, также и нивхами³⁴. В связи с другими совпадениями в медвежьем празднике обских хантов (остяков) и племен Амура заслуживают упоминания сообщения Гондатти, что ханты, после того как убьют медведя в берлоге, «вытаскивают (его) оттуда и закидывают обязательно аркан на шею»³⁵. Окуривание медвежьей туши практиковалось также у манси. «Когда убитый медведь прибывает в поселок, женщины, обычно старухи, обходят вокруг него с тлеющей березовой чагой в руках. То же самое ежедневно несколько раз делается и в период праздника».

Выбегают навстречу
Многочисленные тетушки города,
Обходят вокруг меня четыре раза
С душистой березовой чагой в руках³⁶.

Обряд снятия шкуры с медведя в тайге

Обряд снятия медвежьей шкуры, исполнявшийся орочами, буквально совпадал с обрядом хантов и манси как по мелким своим деталям, так и по осмыслению, которое давалось ему его исполнителями. «Когда остяки, — пишет Гондатти, — приступают уже к снятию шкуры, то предварительно на грудь и брюхо медведя кладут пять или четыре (если убитая — самка) поперечные палочки, означающие застежки ягушки. Разрезав эти палочки, как бы развязав застежки, слирают кожу со всего тела, за исключением головы и передних лап»³⁷. Манси рассматривали снятие шкуры с медведя тоже как снятие с него одежды. «На брюхо медведя кладутся четыре или пять веток. Разламывание их означает расстегивание пуговиц на его одежде (шкурке)».

Старуха же Ропаска
Расстегивает четыре пуговицы лесного зверя,
Пять пуговиц лугового зверя,
Снимает с него священную малицу³⁸.

Мотив расстегивания застежки на шкуре медведя отмечен Пилсудским также у айнов: «Начали с того, что разрезали кожу во всю длину

³¹ И. И. Авдеев, Указ. рукопись, стр. 16.

³² Запись Мункачи, цит. по Авдееву, Указ. рукопись, стр. 16—17.

³³ J. Fraser, The golden bough, ч. V. т. II, стр. 225 и сл.

³⁴ Л. Шренк, Указ. соч., т. III, стр. 79 и рис. на стр. 78.

³⁵ Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 74.

³⁶ И. И. Авдеев, Песни народа манси, Омск. 1936, стр. 125 и 91. Березовая чага — наросты на березе, издающие при сжигании приятный запах.

³⁷ Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 74.

³⁸ И. И. Авдеев, Песни народа манси, стр. 124 и 77.

живота... Впрочем, посредине этой линии оставили цельною непрерыванною небольшую полоску. Ее порвать надо пальцем и называют это *нума туе* (застежку порвать)». Сравнение медвежьей шкуры с женской одеждой идет у орочей, как мы видели, еще дальше: «Расстегнув халат, они находят под ним нагрудник тунгусского типа с оловянными украшениями и медными бляхами». Тот же мотив мы находим у гольдов, ульчей и у других племен Амурского края³⁹. Аналогичный мотив записал Ионов у якутов: «Медведь был когда-то женщиной, и в этом

Рис. 3. Свежераспяленная для просушки шкура медведя. Голова и лапы обрезаны. Рядом со шкурой ороч, убивший медведя. Река Тумнин, стойб. Хуту-Дота, 1927 г. Фото автора

легко убедиться, если снять с него шкуру и положить на спину. Он тогда имеет вид женщины. Кроме того, на теле видны женские украшения»⁴⁰. Хвостов и Давыдов записали этот мифологический мотив в несколько измененном виде на Аляске⁴¹. Он имеется также у коми-зырян. Отрезание головы вместе с покрывающей ее шкурой от туловища медведя — обычай, широко распространенный в Сибири и в Америке. Вариация этого обычая заключается лишь в том, что при голове иногда оставялась также и шкура с туловища, от которой она отрезалась позднее. От шкуры обязательно отрезались лапы с когтями. Этим объясняется то, что, пока нормы медвежьего культа в Сибири еще соблюдались, невозможно было приобрести полную медвежью шкуру с головой и когтями. Таким образом, описанные выше обряды представляют собою фрагменты когда-то единого и органически связанного комплекса обрядов, распространенных на

громадной территории Евразии и Северной Америки.

Обряд внимания глаз

Внимание у медведя глаз, удаление половых частей, отрезание ушей, языка или частей языка и сохранение этих частей были характерны не только для орочей, но и для ряда других племен Сибири. Айны завертывали глаза в стружки и относили по окончании праздника в лес, вместе с ушами, носом, черепом и другими костями медведя⁴². Ороки завертывали выпутые глаза в ухо медведя и подвешивали их к

³⁹ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы под ред. Я. П. Алькор. Хабаровск, 1933. Отдельные материалы по этнографии гольдов, стр. 503; А. М. Золотарев, Указ. соч., стр. 123.

⁴⁰ В. М. Ионов, Медведь по воззрениям якутов, «Живая старина», вып. III, Приложение, 1915.

⁴¹ «Двукратное путешествие морских офицеров Хвостова и Давыдова в Америку», часть II, СПб., 1812, стр. 53.

⁴² Б. Пилсудский, Указ. соч., стр. 138.

елочке (туруа). Орочи клали их в зарубку на коре дерева в лесу. Ламуты и северобайкальские эвенки⁴³ перед варкой головы медведя вынимали глаза, причем эвенки присоединяли их к связке других частей медвежьей туши и подвешивали на дерево. Забегая вперед, скажу, что в основе этого обряда лежит представление о «возрождении» животных, для осуществления которого необходимо сохранять в целостности череп, скелет, глаза, половые части, иногда язык и другие части туши. Обряд подражания крику птицы при вынимании глаз или при еде медвежьего мяса, описанный выше у орочей, мы находим еще у манси, эвенков, якутов, долган, сагайцев, кетов. Особенностью обряда этих двух племен является то, что глаза проглатывались на медвежьем пире охотником, убившим медведя.

Обряд с половыми частями медведя

Сохранение половых частей медведя практиковалось, кроме орочей, еще у нивхов, ороков, удэ и кетов. Последние клали penis медведя на время праздника в особый домик вместе с глазами, носом и губами. В этот же домик помещалось изображение медведя, нарисованное на бересте⁴⁴. Орочи сохраняли в связке реликвий от медвежьего пира ossa penis, а также половые части медведицы. То же делали удэ. Косточки ossa penis «собираются мужчинами и отдаются ими на хранение женщинам»⁴⁵. «Эти амулеты передаются (наследуются) по женской линии, исцеляют женщин от бесплодия и облегчают роды»⁴⁶. Такие же косточки полового органа медведя, просверленные аналогично удэйским, найдены мной на известном Пижемском (костеносном) городище Кировской области. Мясо медвежьего члена на празднике у орочей ели старики. Соответствующие обряды исполняли также по отношению к половым частям медведицы. Нивхи и ороки надевали кожу половых частей медведицы на деревянные фигурные ложки *иво*, которые вырезались ими по случаю всякой убитой медведицы; надевали ее также и на ножи, которыми режут медвежье мясо на празднике. Эти священные ложки, ковши и ножи хранились затем ороками, айнами, нивхами и ульчами в особых медвежьих амбарах в тайге.

Эти обряды с половыми частями медведя, бытовавшие у амурских племен, представляют собой реликт древних фаллических обрядов, связанных отнюдь не только с медведем и имеющих различный исторический возраст и различное осмысление. Отметим употребление обскими уграми деревянного фаллуса во время танцев на медвежьем празднике⁴⁷, наличие в медвежьем праздничном ритуале манси мимов грубо эротического характера, в которых действующими лицами являются как люди, так и животные⁴⁸, фаллического обряда, совершавшегося над убитым медведем у долган, и соответствующих обрядов у шорцев⁴⁹.

⁴³ М. Г. Левин, Эвенки Северного Прибайкалья, «Сов. этнография», 1936, № 2.

⁴⁴ Kai Donner, Ethnological notes about the Jenisej-ostjak, Helsinki, 1933.

⁴⁵ Легенда В. К. Арсеньева к цилиндрическому сосуду удэ, обещанному косточками медвежьего члена. Экспонат хранится в Музее народов СССР (Москва).

⁴⁶ С. В. Иванов, Медведь в искусстве народностей Амура, «Памяти В. Г. Богораза», Сб. статей, 1937, стр. 8.

⁴⁷ Patkanov, Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, 1897, I, стр. 129; В. Н. Чернецов, Указ. рукопись.

⁴⁸ В. Н. Харузина, Примитивные формы драматического искусства, «Этнография», 1927, № 1.

⁴⁹ А. А. Попов, Охота и рыболовство у долган, стр. 202; Dугенкова, Bear worship among the Turkish Tribes of Siberia, XXIII Internat. Congress of Americanists, N. Y., 1930, стр. 437.

Это были магические обряды размножения животных; аналогии к ним мы можем указать у индейских племен дакота. У последних мужчины, переодетые бизонами, употребляли на весеннем празднике-игрище размножения животных искусственный фаллус для осеменения самок бизонов⁵⁰. В социально более развитых обществах медведь сохраняет значение животного символа плодородия и материнства⁵¹. Повидимому, в этом плане должны быть истолкованы древнекитайские медвежьи мифы и медвежьи танцы в масках⁵² и сохранявшийся еще в античной Греции культ Артемиды Бравронской — медведицы, с сопровождавшими его медвежьими танцами афинских девушек⁵³.

Обряд отрезания кожи с носа

Отрезание кожи с носа у медведя было широко распространенным обычаем. Он был известен у саамов, хантов, тувинцев, кетов, якутов, чукчей, ороков, нивхов и айнов и применялся в Сибири не только к медведю, но также к соболу, волку, лисе и другим зверям. Часто нос медведя или волка служит маской. Например, у кетов исполняется медвежий танец, причем охотник надевает себе на лоб медвежий нос с двумя верхними губами⁵⁴. Чукчи употребляют аналогичные маски из носа и губ волка на празднике волка⁵⁵. У саамов «безволосая кожа с носа медведя срезается в первую очередь, после чего охотник прижимает ее к своему лицу и глазам и лишь затем продолжает свою работу»⁵⁶. Финны также снимали шкуру с головы, отрезали уши и нос медведя, вынимали глаза. Эти реликвии в общей связке хранились так же, как их хранили орочи. Совпадение обряда в деталях поразительное.

Вот беру я нос у Отсо.
К прежде взятому в придаток,
Вот беру у Отсо ухо,
К прежде взятому в придаток
Вот беру я глаз... лоб и т. д.
Не беру для посрамленья
И беру не только это...⁵⁷

Ханты почитали нос медведя наиболее священной частью зверя. Гондатти сообщает, что «на нос медведя надевается берестяной кружок... потому что женщины недостойны... целовать его в губы, что продельвается мужчинами»⁵⁸. Л. П. Потапов сообщает, что алтайские тюрки местом обитания души зверя считают нос⁵⁹. Возможно, что этим воззрением отчасти объясняется хранение охотниками носов вместе с губами различных животных (лисиц, соболей и др.). Этот обычай отме-

⁵⁰ J. Fraser, Totemism and Exogamy, т. III, стр. 139; G. Catlin, Letters and Notes on the manners, customs and conditions of North American Indians, Лондон, 4 изд., т. I, 1844, стр. 83, 127—129.

⁵¹ J. J. Bachofen, Указ. работа, стр. 8 и др.

⁵² Karl Hentze, Mythes et Symboles lunaires (Chine ancienne, civilisations anciennes de l'Asie, peuples limitrophes du Pacifique), Anvers, 1932, стр. 6—17.

⁵³ J. J. Bachofen, Указ. соч., стр. 26.

⁵⁴ Н. К. Каргер, Полевые неопубликованные материалы, сообщенные мне автором в письме.

⁵⁵ Этнографические коллекции и легенды к ним б. Центрального антирелигиозного музея в Москве; коллекции собраны на Чукотке художником И. П. Лавровым.

⁵⁶ Hallowell, Указ. соч., стр. 104, по материалам Scheffer'a 1673 года.

⁵⁷ «Калевала», руна 46.

⁵⁸ Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 75.

⁵⁹ См. Д. К. Зеленгин. Указ. соч., стр. 57.

чен для хантов, алтайских тюркоязычных племен, орочей и др. Орочи хранили эти носы вместе с жуком-бронзовиком, который принимался за душу зверя, в частности лося⁶⁰.

Ритуал варки мяса

Еда медвежьего мяса была действием полностью обрядовым. Мы рассмотрим следующие элементы этого обряда: 1) варка головы и внутренностей в особом «чистом» месте вдали от жилища, 2) обрядовое расчленение туши зверя, 3) употребление особой (подставной) терминологии для органов медведя, 4) возрастные и половые запреты в отношении разных частей медвежьей туши, 5) употребление священной утвари.

Орочи варили священное (запретное для женщин) мясо в лесу, в месте, недоступном для собак. В приготовлении мяса принимали участие исключительно мужчины. Ороки строили для праздника еды медвежьей головы особый конический шалаш большого размера, который употреблялся только один раз; мясо варили мужчины. У айнов женщинам не позволялось жарить и варить те части медвежьей туши, которые им запрещено есть. Допускалось, однако, участие женщин в варке запрещенного для них мяса. Сваренное мужчинами мясо относилось в жилище не через дверь, а «через слуховое окно»⁶¹. Таковы обряды на крайней восточной границе ареала медвежьего праздника в Азии. То же мы находим на крайней западной границе, у саамов. Шеффер сообщает, что «мужчины-лопари варят медвежье мясо в специально построенной хижине, куда женщины не допускаются. Мужчины остаются в этой хижине 3 дня». «Разрешенные для женщин части мяса передаются мужчинами через особых посланцев, причем мясо вносится в дом не через дверь, а передается через какое-либо другое отверстие, часто дымовое»⁶². У хантов в последнюю ночь праздника «шкуру выносят в поле, но женщины в поле не выходят... (они) начинают варить себе медвежий зад, предоставляемый им в их распоряжение; мужчины же в поле готовят себе голову, сердце и лапы; остальное же мясо съедается раньше во время представлений»⁶³. Совпадение этих обрядов у хантов с ороческими и айнскими, как видим, полное, даже в деталях. Расчленение медвежьей туши происходило у орочей по строго соблюдаемому ритуалу, который переходил преемственно от одного поколения к другому. Аналогичный ритуал (подробностей которого мы, однако, не знаем) существовал у айнов, нивхов и, несомненно, также у других племен Амурского края. Саамы также имели очень разработанный ритуал, который даже в частности совпадает с ороческим. Следует отметить, что орочи варили голову после того, как все остальное мясо было сварено. Ульчи варили голову на 15-й день праздника. Ороки устраивали праздник съедания головы через значительный промежуток времени после того, как менее важные части туши уже съедены.

Общезвестным фактом медвежьих обрядов всего северного полушария является запрет ломать или разрубать медвежьи кости. Повидимому, в древности запрещалось нарушать также целостность черепа, поэтому и мозг оставался несъеденным. Южные айны и ламуты Охотского побережья мозга медведя не ели. Манегры («конные» тунгусы Амурского края) «голову медведя приносят в жертву своим богам, она должна быть без повреждений. Ее завертывают в бересту и подве-

⁶⁰ Б. А. Васильев, Старинные способы охоты у орочей, «Сов. этнография», Сб. статей, III, 1940, стр. 170.

⁶¹ Б. Пилсудский, Указ. соч., стр. 134.

⁶² Hallowell, Указ. соч., стр. 103—105.

⁶³ Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 77.

шивают на дерево»⁶⁴. Что касается нивхов, то еще во время Л. Шренка чужеземец не должен был быть свидетелем доставания мозга из черепа, а извлечение мозга было сугубо сакральным делом. Нивхи и северные айны пробивали череп в точно фиксированном месте особым топориком. Если медведь был самцом, отверстие делали в левой теменной кости, если самкой — в правой⁶⁵. Орочи, удэ, ороки и нанайцы также делали на одной из теменных костей небольшое круглое отверстие. Замечательно, что такие же круглые отверстия и в тех же местах имеются на черепах медведей с «костеносных городищ» течения р. Вятки⁶⁶.

Ограничения для женщин в еде медвежьего мяса

В отношении женщин существовали в пределах всего ареала медвежьих обычаев ограничения, которые касались как еды определенных частей медвежьей туши, так и участия женщин в некоторых обрядовых действиях. Женщины не варили запрещенное для них мясо и не присутствовали при этой варке, не смели касаться священной утвари, ограничивались в участии в медвежьем пире, не целовали медведя в нос, закрывали перед ним лицо, не участвовали в его погребении и т. д. Надо особо подчеркнуть запрет для женщин принимать участие в варке и еде медвежьей головы, внутренностей и передней части медведя. Эти ограничения были строже для женщин своего рода и менее строги для женщин, взятых из других родов. Так, согласно ороческому медвежьему мифу, передние ноги предписывается есть жене хозяина медведя, в то время как для «сестер», т. е. для женщин своего рода, вся передняя часть медвежьей туши была запретным мясом. Эти запреты для женщин подчеркивают ритуальный характер медвежьих обрядов, так как женщины у племен Амурского края не принимали участия в жертвоприношении «небу», «морю» и других религиозных актах, кроме шаманских. Однако в древности, в эпоху материнского рода, положение, повидимому, было другое. Достаточно указать, что в ороческом мифе учредительницей всего ритуала медвежьего праздника является женщина. В основном священном айском мифе рассказ ведется от лица горной женщины. В медвежьих песнях манси обращает на себя внимание песня о старой женщине Ропаске — «могучей хозяйке поселка». Ропаска в лесу во время сбора ягод убивает медведя, снимает с него шкуру — священную малицу и приготовляет дом для праздника. Первыми за еду медвежьего мяса у манси садились женщины.

Голова медведя как центральный объект праздника

Обряды, связанные с головой медведя, начинались тотчас же после того, как медведь убит. Первым жертвоприношением медведю у

⁶⁴ T. W. Atkinson, *Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor*, London, 1860, стр. 463. Неудачное выражение Аткинсона «приносят в жертву» ввело в заблуждение Gahs'a, который видит здесь обряд жертвоприношения голов верховному существу (подробнее см. об этом ниже). Что же касается осмотренных мной черепов белых медведей, привезенных Б. М. Житковым с жертвенного места ненцев на «Дровяном берегу» с Ямала, то действительно все 10 черепов (инв. №№ 2101, 1467, 2100, 2213, 1466 и др. Зоолог. музея Моск. ун-та) не имели никаких повреждений теменных костей и, следовательно (если мы в данном случае действительно имеем дело с жертвоприношением), они были принесены в жертву вместе с мозгом.

⁶⁵ Л. Шренк, *Указ. соч.*, т. III, стр. 96 и табл. 51, рис. 5; то же сообщает Пилсудский о северных айнах.

⁶⁶ См. археологические коллекции с Буйского и Пижемского городищ в Кировском краевом музее (датируются около 700—200 гг. до н. э.) из раскопок А. В. Збруевой и моих сборов из культурного слоя.

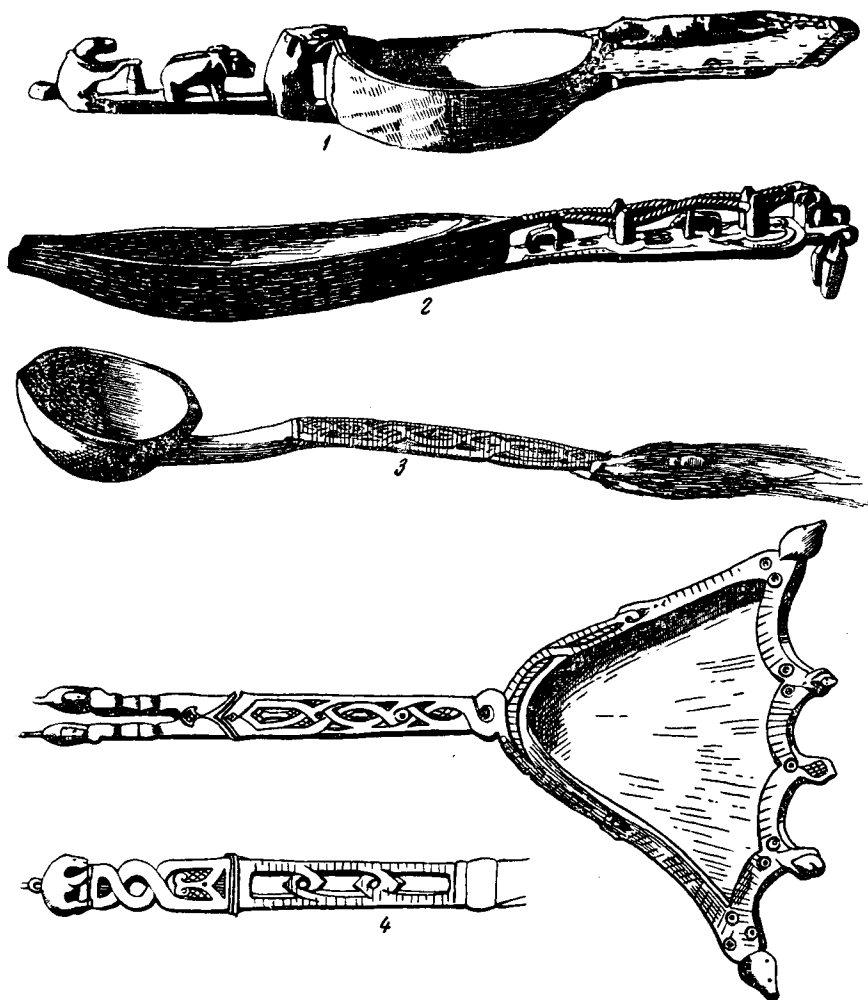

Рис. 4. Ритуальная посуда для медвежьего мяса и нава: 1, 2, 3 — из «медвежьего» амбара ороков Сев. Сахалина; 4 — нивхи Амурского лимана. Музей народов СССР, Москва

орочей являлся ароматный дым хвойных веток, положенных на огонь перед головой медведя. Тожественный обряд существовал также у ороков. По сообщению Л. Шренка, нивхи жгли иглы на огне, посвященном медведю, в надежде, что дым и запах вызовут благорасположение к ним убитого медведя. В дальнейшем течении праздника по всей Сибири центром всех обрядов становится голова медведя. «Когда (гиляки.— Б. В.) привозят в деревню голову и шкуру убитого ими в тайге медведя,— пишет Штернберг,— устраивается триумфальная встреча с музыкой и торжественным церемониалом. Голова помещается на священном помосте, ее кормят, одаряют такими же жертвоприношениями, как и при убиении домашнего медведя». О встрече медведя «как желанного гостя» сообщает также Л. Шренк⁶⁷. Тожественный обычай существовал у айнов. Жертвоприношение в форме принесения *инао* начиналось еще в лесу, на месте, где был убит медведь. Затем шкуру с головой медведя приносили в стойбище, вносили

⁶⁷ Л. Шренк, Указ. раб., стр. 82. Тот же мотив встречи животного как желанного гостя отмечен у коряков и камчадалов.

в жилище через слуховое окно и клали на почетное место в доме. Голову обращали к внутренней части, так как медведь должен был участвовать в общем пиршестве. Кругом морды ставили яства и посуду с *sake* (рисовой водкой), а также трубку и кiset с табаком. Предполагалось, что медведь ест, пьет, курит. Хозяин и присутствующие по его приглашению отпивали *sake* из посуды, стоящей перед медведем, и курили из его трубки⁶⁸. Ороки также оказывали почет голове медведя, окуривали ее дымом хвойных деревьев, угощали рисом и другими кушаньями.

Обращаясь к Западной Сибири, мы замечаем, что праздники хантов и манси также протекали перед головой медведя, положенной на почетном месте в доме⁶⁹. У кетов праздник протекал перед медвежьим черепом, для которого делался особый домик из трех кедровых досок⁷⁰. Праздники оленных и береговых коряжков, чукчей и азиатских эскимосов выделяются тем, что здесь медведь не является исключительным и единственным объектом ритуала. Эти праздники, часто близкие до тождества с праздником медведя, имеют своими центральными объектами также и других животных: китов, моржей, тюленей, диких оленьих быков, лосей, волков, росомах, лис. Для других племен Сибири мы не имеем сведений о таких праздниках. Но на тихоокеанском побережье мы их снова встречаем у айнов, которые наряду с медвежьим праздником устраивали праздники лисы, виверровой собаки (енота), филина, орла, ястреба. Центральным объектом всех указанных праздников были головы животных, занимавших исключительное место в их ритуале. Богораз прямо называет праздники оленных и приморских чукчей, а также эскимосов «праздниками голов».

Приведенные материалы позволяют сказать, что хотя обряды, относящиеся к голове убитого зверя, составляли центральный пункт медвежьего праздника по всей территории Сибири, однако наиболее ярко эти обряды были развиты на тихоокеанском берегу, что заставляет нас вспомнить об обрядах охотников за человеческими головами на Формозе, Филиппинских островах, в Индонезии и Индо-Китае.

Обряд сохранения черепа и костей медведя в связи с мифологическим представлением о возрождении убитого зверя

После того как медвежий пир был окончен и мясо медведя съедено, соблюдались еще некоторые обряды в отношении костей и черепа медведя. Практика сохранения костей медведя была распространена на всей громадной территории Северного полушария — от саамов на западе до алгонкинских племен индейцев на востоке. Эти обряды часто толковались путешественниками как жертвоприношения⁷¹, но в большинстве случаев они должны быть поняты, во-первых, как погребальный и, во-вторых, как магический обряд оживления костей и воскресения убитых животных. Имеется возможность путем сравнения и сопоставления отдельных фрагментов некогда органического комплекса этих обрядов восстановить их смысл у разных племен, в позднейшее время ими часто не осознававшийся. Ороки относили кости и череп медведя в тайгу, в недостижимое для собак место и либо укрепляли череп, повязанный стружками *инао*, на дереве с обрубленной вершиной (иначе говоря, на высоких пнях), либо вешали его на елочки, поставлен-

⁶⁸ Б. Пилсудский, Указ. раб., стр. 127; Batchelor, The Ainu and their Folk-Logic, стр. 472.

⁶⁹ Н. Л. Гондатти, Указ. соч., стр. 75.

⁷⁰ Н. К. Каргер, Из полевых неопубликованных материалов, личное сообщение в письме к автору.

⁷¹ В последнее время А. Gahs в своей работе «Kopf, Schädel und Langknochenopfer» (см. «W. Schmidt Festschrift», 1928) еще раз пытается обосновать ту же теорию.

ные по углам сруба с захороненными костями. Ороки, нанайцы, ульчи, самагиры, нивхи, эвенки, ламуты, ительмены, якуты, ханты вешали черепа убитых медведей на деревья. То же делали многие племена североамериканских индейцев, сведения о практике которых собраны Hallowell. Айны, по сообщению Пилсудского, торжественно переносят черепа и кости медведя на священное место в лесу, где привязывают их к жердям, повязанным *инао*. Пилсудский был свидетелем процес-

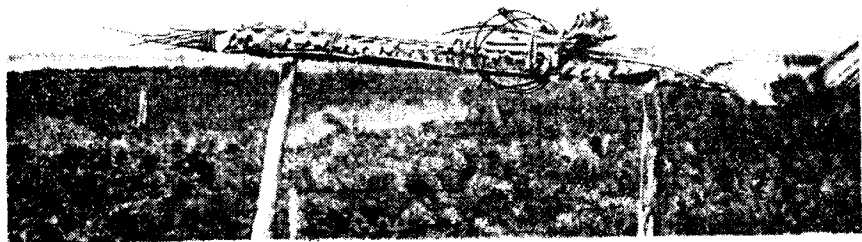

Рис. 5. Скелет медведя, собранный в анатомическом порядке и укрепленный на двух шестах в зарослях кедрового сланника близ орокского стойбища на восточном берегу Сахалина, 1928 г. Фото автора

сии, в которой айны несли на священное место не только череп, но также «глаза медведя, обернутые в стружки, уши, нос, два позвонка, нижнюю губу, лапы и пищевод, потом кости в рогоже, окровавленные еловые ветки и стружки»⁷². Другой элемент медвежьего похоронного обряда, обряд чернения черепа сажей, существовал у орочей, ороков, у «пеших» тунгусов и у многих племен американских индейцев. Смысл его объясняется из эвенкийского и ламутского обряда, описанного М. Г. Левиным. «Ламуты не чернят черепа, но обтягивают его шкурой, ранее снятой с головы медведя, вставляют глаза, вкладывают язык, приделывают уши, привешивают сережки, сделанные из прутика. Реставрированную таким образом голову вешают на дерево и обращают ее на восток»⁷³. То же делали эвенки северного Прибайкалья⁷⁴. Существовавший у эвенков и эвенов обряд объясняет, таким образом, не только чернение черепа, но также сохранение орочами, айнами и другими племенами Сибири языка, глаз, ушей, полового аппарата и других органов медведя. По их воззрениям, все эти органы нужны, чтобы возможно полнее реставрировать съеденного медведя и обеспечить ему возможность возрождения. Ороки чернили не только череп, но даже все кости медведя. Зачерненные позвонки нанизывали на прут из

⁷² Б. Пилсудский, Указ. соч., стр. 138.

⁷³ М. Г. Левин, Полевые материалы по ламутам Охотского побережья, 1930—1932 гг.

⁷⁴ М. Г. Левин, Эвенки северного Прибайкалья, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 75. Этот обряд можно отметить также у эвенков на Шантарских о-вах. Разрубленный пополам череп с медвежьего кладбища на о-ве Большой Шантар хранится в музее зоологии МГУ под № 34933.

тальника в анатомическом порядке, прикрепляли голову, ключицы, лопатки, ребра, конечности и составляли, таким образом, скелет медведя, который укладывали на 2—3 дня на свайный помост близ жилища. По истечении этого срока скелет медведя уносили в тайгу и привязывали к дереву. Обряд покраски или чернения черепов медведя и подвешивания их в лесу описан Hallovell'ом для ряда североамериканских индейских племен. В 46-й руне «Калевалы» описывается аналогичное погребение черепа и костей медведя у финнов. Сохранение всех костей медведя строжайшим образом предписывалось также обычаями юкагиров. Они верили, что, если собрать воедино все кости съеденного животного, оно сызнова оживет⁷⁵. По сообщению Георги (XVIII в.), саамы складывали на «святом месте» кости животных, отчего на таких местах «превеликие скоплялись груды костей и рогов... мяса не приносят они никогда в жертву, будучи крепко уверены, что боги не преминут покрыть кости оным»⁷⁶. Трудно найти более яркое свидетельство, формулирующее столь точно древнее верование племен Сибири и Северной Америки в возрождение убитых и съеденных зверей.

В рамки этого воззрения укладывается также обычай, известный для орочей, ороков, юкагиров и айнов, класть внутрь черепа медведя при его погребении кашу мось, ягоды или стружки. Ороки клали в пробитую в черепе дыру мось (студень, приготовленный из рыбьих шкур). Айны «черепа медведя начиняют клюквой, сараной и еще чем-нибудь из съедобного»⁷⁷. Эти обычаи объясняются из юкагирских материалов: юкагиры, набивая череп стружками, говорили: «мы вкладываем тебе теперь твой мозг»⁷⁸. Медведю символически возвращается, таким образом, съеденный орган. Тот же смысл имеют и описанные выше для эвенков и ламутов обряды собирания воедино всех главнейших органов медведя.

III

СРАВНИТЕЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРЯДОВ МЕДВЕЖЬЕГО ПРАЗДНИКА АЙНСКОГО ТИПА

Воспитание медведя в клетке

Выращивание пойманного в лесу медвежонка в клетке близ дома и ритуальное убиение медведя на особом стрельбище составляют характерную особенность айнского медвежьего праздника. Те же обычаи имелись у ближайших северных соседей айнов, а именно: у нивхов как сахалинских, так и материковых, у ороков, ульчей и орочей. Остальные племена Амурского края, как-то: удэ, гольды, негидальцы, самагиры, так же как и амурские эвенки (орочоны и др.), этого комплекса обычаев не имели. Выращивание медведей в клетках заимствовано племенами Амурского края от айнов. Нивхи и ороки Сахалина, кроме медведей, воспитывали также и лисиц. Кроме указанных выше прибрежных амурских племен, мы нигде в Сибири не встречаем содержания животных при доме в клетках. Что касается айнов, то они воспитывали в своих селениях не только медведей, но и других зверей и птиц, а именно: лису, енота, орла, филина, ястреба. Больше того, еще недавно они устраивали на Сахалине праздники лисы и енота, аналогичные медвежьим⁷⁹. Таким образом, несомненно, что именно на айн-

⁷⁵ W. Jocheison, *The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus*, N. Y., 1924, стр. 148.

⁷⁶ Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. 1, СПб., 1776—1777, стр. 13 (Разрядка моя.— Б. В.).

⁷⁷ Ф. Де-Прерадовиц. Этнографический очерк Южного Сахалина. Сб. историко-стат. свед. о Сибири, т. II, вып. 1, СПб., 1875, стр. 39.

⁷⁸ W. Jocheison, Указ. соч., стр. 148.

⁷⁹ См. Известия Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1905, № 5, стр. 25 (Письмо командированного на о. Сахалин Б. О. Пилсудского).

ской территории, которая была связана культурными отношениями с Амурским краем, находился центр развитого культа животных, воспитываемых в клетке. Мы имеем возможность проследить этот культ еще южнее, а именно находим его на о-ве Формозе. Еще Штернберг указал на тот факт, что малайские племена на Формозе содержали в клетках ящериц. К этим животным можно прибавить леопардов, змей и обезьян. «Каждый род или каждая деревня имеет свое

Рис. 6. Воспитание медвежат у орочей. Медвежонка достали из клетки и прогуливают на цепи по стойбищу, 1927 г. Фото автора

животное и считает себя под особым его покровительством. Они держат в клетках и выкармливают, например, змею, леопарда и тому подобных животных»⁸⁰. Доказательством южного происхождения обычая содержания священных животных в клетках, служит, во-первых, факт постепенного ослабления этого обычая в направлении к северу. Так, северные айны на Курильских островах медвежьего праздника описанного типа совсем не имели. Во-вторых, полное совпадение весьма своеобразной конструкции медвежьего сруба у айнов, с одной стороны, ороков, орочей и нивхов, с другой. Верхние венцы этих срубов придавливались сверху двумя брусками с двумя просверленными в них отверстиями по концам. Через эти отверстия вбивали в землю колья по четырем углам сруба и ставили елочки *коболокто* с привязанными к ним священными стружками *инао*. Кроме того обряд кормления медведя через оконце в клетке при помощи особой ложки на длинной ручке, обряд вывода его на прогулку и другие подробности содержания медведей в клетках тождественны у айнов и указанных выше племен Амурского края. К этим доказательствам мы ниже прибавим совпадения в устройстве стрельбища и в обрядах ритуального убийства медведя. В связи с вопросом о южном происхождении медвежьего праздника амурского типа следует отметить еще два старых обычая айнов и отчасти нивхов. Я имею в виду выкармливание медвежат женской грудью⁸¹ и подпиливание и чернение зубов у мед-

⁸⁰ W. Joest, Beiträge zur Kenntnis der Eingeborenen der Insel Formosa und Ceram, стр. 61.

⁸¹ MacRitchie, The Ainos, Internationales Archiv für Ethnographie, IV, Supplément, 1892.

ведей. В связи с первым обычаем следует сказать, что у некоторых племен Индо-Китая отмечено выкармливание поросят грудью. Вторым обычаем, заключающийся в том, что медвежатам подпиливали верхние клыки, а оставшуюся часть зубов намазывали углем, следует связать со специфической косметикой, характерной для населения Формозы, Филиппин и Индо-Китая, среди которого подпиливание и чернение зубов широко практиковалось. Перенесение этого косметического приема из практики людей на «маленькое драгоценное божественное существо» с точки зрения айнов вполне оправдано.

Рис. 7. Медвежьи клетки в ороческом летнем стойбище на р. Тумнинне. Девочка кормит медвежонка в окошко с помощью длинного совка. Клетки украшены *инао* и елочками, 1927 г. Фото Б. А. Куфтина

Обряд вождения медведя по домам

Перед тем как убить священное животное — медведя на стрельбище вне селения, орочи, ульчи, нивхи и айны торжественно водили его из дома в дом по всему селению. «Шествие с медведями», как назвал этот важный отдел праздника Л. Шренк, представляет собой драматизацию медвежьего мифа. Это — религиозная драма, в которой шаг за шагом медведь и его спутники изображают в действиях отдельные эпизоды медвежьего мифа. Смысл этой части праздника был впервые вскрыт А. М. Золотаревым. «Целый ряд эпизодов медвежьего праздника просто символизирует и изображает ту дорогу, которую (согласно медвежьему мифу.— Б. В.) медведь должен проделать, отправляясь к своим родителям»⁸². Тот факт, что вождение медведя по стойбищу сопровождается безудержным веселием и шутками, отнюдь не противоречит высказанному положению. Священных зверей в каждом доме встречают, как пишет Л. Шренк о нивхах, «как желанных гостей и всюду угощают в знак почета *мосью* из длинных ложек». Шествие с медведем является, таким образом, драматизацией мифа.

Посещение священным зверем жилища членов данного рода, ко-

⁸² А. М. Золотарев, Указ. соч., стр. 127.

торый участвовал в его кормлении в течение ряда лет, должно было принести благополучие и удачу данной семье⁸³.

Символика стрельбища, на котором убивают медведя

Характерной особенностью медвежьих праздников амурского типа является наличие специальной площадки — стрельбища, расположенного недалеко от дома в чистом месте, на котором происходило своеобразное жертвоприношение медведя. Устройство этого стрельбища даже в деталях совпадает у орочей, ороков, ульчей, нивхов и айнов. Всюду мы имеем прямоугольную площадку, обставленную по трем сторонам прямоугольника молодыми зелеными елочками с ветками, обрезанными по всему стволу, за исключением самой верхушки (по-орочки *коболкто*). Длина этой площадки определялась расстоянием полета стрелы. Важнейшей частью стрельбища была ограда в виде плетня или стены из цыновок, которая образовывала одну из коротких сторон прямоугольника. Около этой ограды привязывался медведь к двум столбам, которые были повязаны *инао* особого типа. Высокий виллообразно раздваивающийся столб (по-айнски *тугуси*) с прикрепленными к концам развилин специальными *инао* составлял главную по своему символическому значению деталь стрельбища айнов, нивхов, ороков и орочей⁸⁴. Это так называемый «столб для отсылания медведя» у айнов. Душа медведя, согласно мифологическим представлениям айнов и нивхов, отсюда начинает свою дорогу к хозяину гор. Один ствол этого раздвоенного дерева служит путем для «отсылаемого» медведя текущего года, другой — путем, которым «возвращается» к людям медвежонок нового года. Превращение похищаемой горным человеком айнской и нивхской женщины в медведицу происходит, согласно айнской и нивхской мифо-

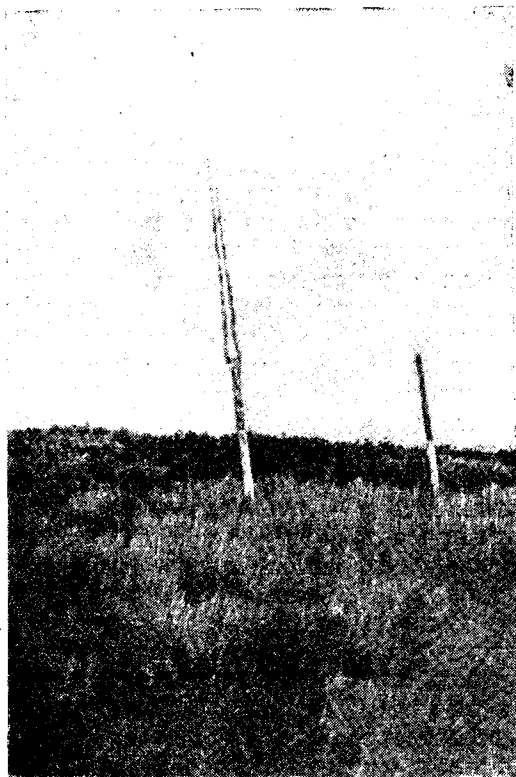

Рис. 8. Столбы с развилкой на заброшенном стрельбище на восточном берегу Сахалина. Главный по своему символическому значению предмет медвежьего стрельбища. Ороки, 1928 г. Фото автора

⁸³ Обряд вождения медведей еще в средние века переживает в качестве народной забавы на Руси и в других европейских странах. Против поводырей медведей высказывались Трулльский собор и Стоглав. Однако на Русь эти поздние переживания культа медведя попадают не из Сибири, а как наследство доэллинской культуры. Отсюда же идет и вышеупомянутое ряжение медведем на святки и масленицу.

⁸⁴ С. Леонтович, Природа и население бассейна р. Тумнин (Приморской обл.), Землеведение, кн. 3—4, 1897, стр. 56. См. негативы Пилсудского в Гос. музее антр. и этногр. в Москве, а также мои статьи «Орочи» и «Ороки» в Архиве Инст. этногр. в Москве.

логии, также через посредство этого раздвоенного дерева. В нивхском мифе похититель, горный человек (медведь), обнимает женщину около этого раздвоенного дерева за шею, и, «когда она на ту развилину дерева вместе с ним повалилась», они превратились в медведей и исчезли из виду. Это превращение во всех медвежьих мифах происходит всегда через посредство полового акта между принявшим человеческий вид медведем и женщиной — героиней мифа. Этот мотив особенно выпукло выражен в айнском мифе: «Однажды до места, где береза с елью срослись, мы дошли. Находясь в этом промежутке между двух деревьев, мой муж мне сказал: «здесь, моя жена, дай мне свои лапки. Поэтому мы занялись совокуплением...» Женщина превратилась в результате в медведицу, а плодом этой связи явился медвежонок, пойманный затем для медвежьего праздника айнами. Таким образом, эти вилообразные столбы не только составляли необходимую принадлежность стрельбища на медвежьих праздниках «айнского» типа, но и теснейшим образом связаны с основным медвежьим мифом, осмысляющим весь ритуал праздника. В каком направлении следует искать им аналогии, показывает наличие подобных вилообразных жердей-памятников у племен Gago, Naga, Kuki-Tschin — Katschin и Wa в Индо-Китае, на которых охотники за головами вешали отрезанные головы своих убитых жертв, а позднее головы медведей, пантер и других диких зверей⁸⁵. Дальнейшие работы Heine-Geldern выяснили, что вилообразно разветвляющиеся столбы воздвигались также для привязывания священного рогатого скота (буйвола, гаяла) при его жертвоприношении, которое совершалось, во-первых, на больших поминках и, во-вторых, на праздниках аграрного типа (для обеспечения урожая риса), устраиваемых богатыми туземцами. Череп и рога быков являлись объектом культа, переплетавшегося с культом человеческих голов⁸⁶.

Мы придаем весьма большое значение всему комплексу обрядов, связанных с содержанием крупного рогатого скота в качестве жертвенных животных, с жертвоприношением буйвола, постановкой особых жертвенных столбов-памятников и проведением особого типа праздников аграрного характера, связанных с культом предков, так как видим в них прототип айнского типа медвежьего праздника. Буйвол, принесение которого в жертву составляет центральный акт этих праздников в Юго-Восточной Азии, является священным жертвенным животным. Надо иметь в виду, что культ быка-коровы имеет большой и сплошной ареал. Он был характерен не только для Индо-Китая, Индии и Кавказа в недалеком прошлом, но также для Ирана, Кавказа, Передней Азии, южных полуостровов Европы и Египта в древности. Значение этого культа в истории культуры и всеобщей истории религий трудно переоценить. Культ быка существовал у древних народов Передней Азии и на Крите. Античная Греция знает Зевсовы афинские буффонии и близкий к ним праздник жертвоприношения быка, совершавшийся в Магнесии⁸⁷. В XIX в. описаны очень хорошо сохранившийся в Сванетии, еще живой культ быка-коровы, праздник жертвоприношения священного быка — «висхва», бой священных быков и игрища-состязания с быками. В. Бардавелидзе отмечает архаичный характер этих праздников, имеющих более архаичные формы, чем античные греческие буфф-

⁸⁵ R. Heine-Geldern, Kopfjagd und Menschenopfer in Assam und Birma, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd. 47, 1917, стр. 15, 65.

⁸⁶ R. Heine-Geldern, Südostasien. In: G. Buschan, Illustrierte Völkerkunde, Bd. II, I, 1923, стр. 911, Abl. 565, стр. 946—947; J. P. Mills, The Lhota-Nagas, London, 1922, стр. 141, 144.

⁸⁷ Е. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб., 1913, стр. 256.

фонии, и связывает их с культурой народов Древнего Востока⁸⁸. Яркие пережитки этого культа сохранялись также у ираноязычных осетин, талышей и у некоторых других народов Кавказа. К востоку от Индии мы встречаем священных буйволов и праздники жертвоприношения буйволов в горах Индо-Китая. Отсюда эти праздники распространились, с одной стороны, в Индонезии, а с другой — на Филиппинах. Так, у игоротов на о-ве Лузон мы находим жертвоприношение буйвола и

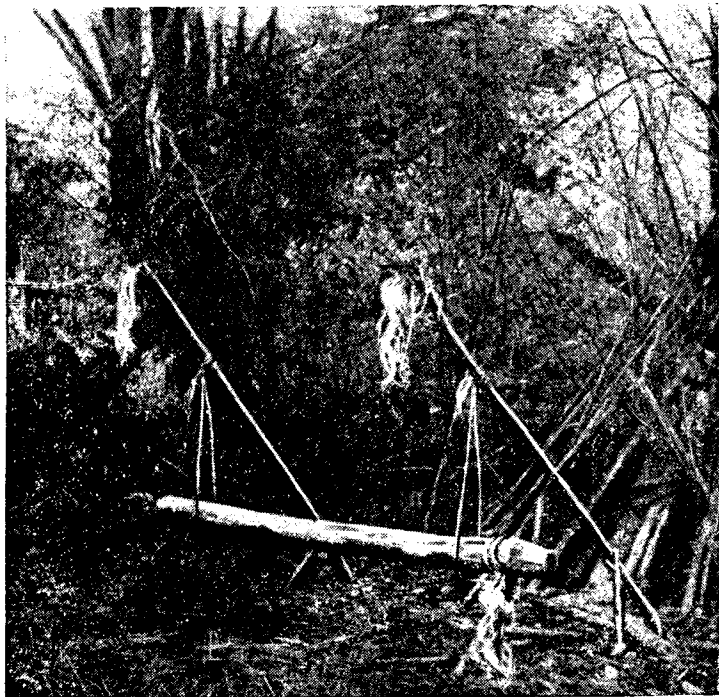

Рис. 9. Музыкальное бревно нивхов. На одном его конце грубая скульптура головы медведя. Его шея повязана *инао*. Женщины играли на этом бревне, ударяя по нему палками. Фото Музея антропологии и этнографии АН СССР

весь комплекс обрядов, связанных с аграрной магией и охотой за головами⁸⁹, а также характерную деталь — вилообразные столбы, к которым привязывались жертвенные животные, столбы, напоминающие обязательную деталь стрельбищ медвежьего праздника.

Музыкальное бревно-барабан

Во время жертвоприношения медведя, так же как и во время хождения с ним по стойбищу, а также при встрече головы и шкуры медведя, играли на особом музыкальном инструменте — барабане. Под тем же названием, как и у орочей, это «музыкальное бревно» бытовало у ульчей и описано Шренком и Штернбергом у нивхов и айнов. На бытование этого инструмента на Филиппинских островах указал также Штернберг⁹⁰. Наличие этого инструмента у нивхов, орочей и ульчей является

⁸⁸ В. Бардавелидзе, Очерки по этнографии грузин, гл. Идеология (рукопись, хранящаяся в архиве Ин-та этнографии, М.), стр. 299—307.

⁸⁹ R. Heine-Geldern, Der Megalithkomplex auf der Philippinen Insel Luzon, «Anthropos», Bd. 24, N. 1—2, 1929, стр. 317—321.

⁹⁰ Штернберг, Айнская проблема, стр. 581 (фотоснимок этого инструмента).

одним из наиболее ярких примеров проникновения южных элементов в культуру народов Амурского края. Игра на музыкальных инструментах, в частности на барабане, сделанном из ствола дерева, является обязательной составной частью церемониала удачной охоты за головами у целого ряда племен Индо-Китая, практикующих этот обычай, а также церемониала человеческих жертвоприношений.

Похороны медведя

К погребальному обряду должно быть отнесено надевание на медведя двух плетеных поясов и погребение его костей на свайном помосте. Назначение этих поясов в ороцком медвежьем обряде неясно, но находит свое объяснение в айнском обряде и в обрядах коряков на празднике медведя и кита. Айны, сообщает Пилсудский, надевают на медведя перед тем, как вести его на стрельбище, два (т. е. столько же, сколько и орочи) плетенных из травы пояса, к которым привязывают «дорожное продовольствие» и другие «дорожные предметы», необходимые душе медведя при путешествии его к хозяину гор. К поясу привязываются маленькие мешочки, в которые кладут листовой табак, съедобные корни и связки клубней сараны, бруснику и другие ягоды. Кроме пояса, айны надевают медведю «сделанные из скрюченных стружек наушники, похожие на те, что носят зимой гиляки»⁹¹. Собранные мной материалы по погребальному ритуалу орочей не оставляют сомнения в том, что в только что описанном айнском обряде надевания пояса мы имеем дело с применением к медведю ритуала погребения человека. Орочи надевали на своих покойников пояс, к которому привязывали миниатюрные мешочки с различными съедобными запасами: клубнями сараны, сушеным мясом лося, рисом и т. п. К тому же поясу привязывалась заменяющая чулки трава, так как, по представлениям орочей, душа покойника на пути в загробный мир — *буни* меняет траву в обуви. Покойника снаряжали так, как снаряжается охотник перед отправкой на промысел. Наушники составляли необходимую принадлежность похоронного обряда, лыжи и посохи — неотъемлемую принадлежность погребального инвентаря. Часть подлинных вещей, так же как в описанном случае у айнов, заменялась моделями. В точности тот же обряд имел место у приморских коряков⁹². Таким образом, высказанное нами соображение, что мы в этом случае имеем перенесение на медведя собственно похоронного обряда, приведенными ороцкими и коряжскими материалами достаточно убедительно подтверждается. Способ погребения костей медведя у ороков, юкагиров и ламутов на Колыме на свайном помосте, т. е. по тому же обряду, каким погребаются мертвецы у ороков, служит другим подтверждением того же соображения⁹³.

С похоронным обрядом, применяемым к костям медведя, связано также представление о собаке как провожатом и проводнике души медведя в загробный мир. На медвежьем празднике убивали собак путем удушения. «Шкуру, голову и кости (убитой) собаки кладут возле *lezing* (маленького свайного амбарчика, в котором выставляют на стрельбище голову и шкуру убитого медведя.— Б. В.) в сруб и туда

⁹¹ Б. Пилсудский, На медвежьем празднике айнов Сахалина, «Живая старина», XXIII, вып. 1—2, 1914, стр. 85, 73, 87.

⁹² W. Jochelson, The Koryak, ч. I, стр. 76, 89, рис. 33.

⁹³ Б. А. Васильев, Основные черты этнографии ороков, «Этнография», 1929, № 1, стр. 19; Иохельсон, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, СПб., 1900, стр. 124; В. Г. Богораз, Ламуты, Землеведение, 1900, кн. 1, стр. 65.

же кладут и кости медведя»⁹⁴. Айны также душили собаку как раз в тот момент, когда медведь испускал последнее дыхание⁹⁵. Орочи кровью убитой собаки мазали закопченный в дыму горячей бересты череп медведя перед его погребением. По воззрениям орочей, души убитых на медвеьем празднике собак направляются в медвежий загробный мир — *бунн*, который расположен недалеко от загробного мира людей. К нему имеется особый поворот с той дороги, по которой идут души умерших людей. Следует заметить, что и этот обряд медвежьего праздника — жертвоприношение собаки — связан с погребальным ритуалом амурских племен. При погребении своих покойников нивхи и береговые коряки убивали собак. Жертвоприношение собак широко практиковалось орочами. Собака играла роль проводника души в загробный мир в древнем Китае и у племен Индо-Китая — миао-цзе, нага, гаро. Наличие связи погребального обряда с жертвоприношением собаки, а также с мифологическими представлениями о собаке как о проводнике души в загробный мир достаточно хорошо выяснено в литературе по Юго-Восточной Азии.

Погребальные обряды, аналогичные таковым у амурских племен (погребение на помостах, жертвоприношение собаки), а также, вероятно, плетеные погребальные пояса были характерны и для Юго-Восточной Азии, что является, с нашей точки зрения, еще одним примером древних культурно-этнических связей Юго-Восточной Азии с северной частью тихоокеанского побережья.

Что касается тех оленеводческих племен Западной и Восточной Сибири, которые на похоронах своих соплеменников убивали оленей, то они, как, например, манси, применяли тот же ритуал и к медведю.

Кормление черепа медведя и прощальная речь

Прежде чем поставить череп на предназначенное ему в тайге место, орочи приносили ему жертву или, что то же, «кормили» его. R. J. Busch сообщает, что виденные им у нивхов свежепохороненные медвежьи черепки имели на себе следы угощения табаком, ягодами, корнеплодами и другими яствами⁹⁶. Об аналогичном угощении черепа водкой саке у айнов сообщает Пилсудский. Орочи, нивхи и айны говорили, кроме того, медведю прощальные речи. Эти речи произносились, во-первых, на стрельбище перед тем, как убить животное, во-вторых, по окончании медвежьего праздника, причем обращались к черепу, и, в-третьих, при установке черепа на «медвеьем кладбище». Аналогичные обычаи соблюдали древние ительмены. Однако последние не только угощали таким способом черепа медведей и других животных, но совершали аналогичные обряды и по отношению к головам убитых русских казаков (!) и своих соплеменников — представителей враждебных родов. «В прежние времена, — пишет Стеллер, — ительмены также украшали головы убитых казаков и врагов из своего же племени венками из трав и вешали их (т. е. головы. — Б. В.) на дерево в честь бога Кутки»⁹⁷. Обряды древних ительменов над головами убитых казаков и своих соплеменников, а также айнские, нивхские и ороческие обычаи с медвежьими черепами генетически связаны не только между собой, но и с обрядами над человеческими черепами в Индо-Китае и на южных островах азиатского побережья Тихого океана — Формозе, Филиппинских и Больших Зондских. Этот тезис становится убедительным при

⁹⁴ Л. Я. Штернберг, Указ. соч., Материалы по этнографии амурских гиляков, стр. 296.

⁹⁵ Б. Пилсудский, Указ. соч., стр. 122.

⁹⁶ R. J. Busch, Reindeer, dogs and Snow-Schoes, N. Y., 1871.

⁹⁷ Стеллер, Из Камчатки в Америку, Перевод с немецкого, изд. Сойкина, 1927, стр. 39.

учете всего комплекса тех индокитайско-индонезийских элементов, которые могут быть вскрыты в культуре ительменов и береговых племен Амурского края.

Связь медвежьего праздника с поминками

О связи медвежьего праздника с поминками у нивхов, орочей и ульчей мы имеем сведения от Л. Я. Штернберга и А. М. Золотарева. Тесную связь с поминками у айнов установил Б. Пилсудский. И все же эта сторона медвежьего праздника выяснена еще далеко не достаточно. О связи медвежьего праздника с поминками у нивхов нам известно, что «смерть сородича, т. е. факт из ряда вон выходящего покушения злого духа, заставляет немедленно же изловить или купить во что бы то ни стало медвежонка». У амурских нивхов после окончания поминок «покупают медведя, кормят его два года и потом устраивают медвежий праздник. Если родственник покойного не покупает медведя, его презируют, ругают: «Ты какой же человек?» Связь медвежьего праздника с поминками у айнов выражена очень ярко. У них медвежий праздник представляет собой грандиозные поминки. Именно такого рода поминками по шести утонувшим рыбакам был тот конкретный праздник, который описан Б. Пилсудским.

Рис. 10. Закопченный в черный цвет череп медведя, украшенный свежими стружками *инао*. Заснят тотчас же после его установки на высоком свежесобрубленном пне. Хуту-Дота, 1927 г.
Фото автора

Мы уже указали выше на общие черты в обряде жертвоприношения медведя у племен Амурского края с праздниками плодородия Юго-Восточной Азии, центральным обрядом которых было жертвоприношение буйвола. Несомненно также органическая связь аграрных обрядов и в том числе охоты за головами с культом мертвых и похоронным обрядом. Отсылая по этому вопросу к работам Mills и Hutton⁹⁸, я укажу только, что на более близкой к Амурскому краю территории, а именно на о-ве Формозе, установлена связь культа предков с человеческими жертвоприношениями и заменяющими их жертвоприношениями обезьян. Привязанную к столбу обезьяну, подобно медведю у айнов, убивали стрелами. Обезьяна служила заменой пленного неприятеля. Такого рода праздник существовал у племен Atanal, пуюма и тцализен на Формозе⁹⁹.

Таким образом, показанная нами связь жертвоприношения медведя

⁹⁸ Mills, Certain Aspects of Naga-Culture, Journal of the Anthropol. Inst., т. LVI, 1926, стр. 30. Наиболее архаичные Konyaks-Naga привязывают к отрезанным человеческим головам пару рогов буйвола, что связано с магией плодородия и земледельческими магическими обрядами; см. также J. H. Hutton, The significance of head-hunting in Assam, Journ. of the Anthropol. Inst., т. LVIII, 1928.

⁹⁹ Об этих праздниках сообщают Г. Бушан и А. Мольтрехт.— См. Мольтрехт, Четыре месяца зоологической и этнографической работы среди дикарей центральной и южной Формозы, Петроград, 1916, стр. 15.

с поминками у айнов и амурских племен является еще одним веским аргументом, свидетельствующим вместе с другими о влиянии на медвежий праздник айнского типа праздников мотыжных земледельцев Юго-Восточной Азии.

Заслуживает также внимания наличие в Индо-Китае праздников переходного типа между охотничьими и сельскохозяйственными. Они сложились в результате слияния чисто охотничьих праздников с праздниками сельскохозяйственными, что хорошо видно на примере нага Манипура¹⁰⁰. Этот еще не вполне закончившийся у нага процесс имеет большой методологический интерес для нашей темы.

IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приходим к заключению, что медвежий праздник на рассмотренной нами территории Евразии и Америки заключал в себе два хронологически неоднородных пласта. К первому, древнейшему — евразийско-американскому — относится вышеописанный комплекс обрядов, связанный с охотой на медведя; этот пласт захватывает север трех частей света. К нему должны быть отнесены следующие обрядовые элементы: словесные запреты и подставные названия, обряды сборов на охоту, медвежьи танцы-пантомимы, имеющие целью как благоприятный исход охоты, так и размножение зверей, извинительные речи, обряды с тушей медведя в тайге — обрядовое снятие шкуры, вынимание глаз, отрезание когтей, половых частей, ушей, носа и т. д.; фаллические обряды, ритуальная варка и еда медвежьего мяса, сохранение в целостности всех костей скелета и черепа медведя и их ритуальное захоронение, идея возрождения убитых медведей и основной сюжет медвежьего мифа, согласно которому медведь является сородичем, превращенным человеком (женщиной), хозяином тайги и гор или стоит в каком-то близком отношении к такого рода антропоморфным хозяевам.

Ко второму, хронологически более позднему пласту, датировка которого зависит от датировки времени проникновения на Японские острова индокитайско-индонезийских элементов культуры¹⁰¹, относятся те элементы праздника, которые могут быть названы условно «айнскими» и которые мы находим только у прибрежных племен тихоокеанского побережья: в Амурском крае и отчасти у береговых чукчей и коряков и древних ительменов. К этому «айнскому» пласту относятся такие особенности медвежьего ритуала, как: содержание медведей наподобие домашних животных при селении в особых клетках; обряд вожения медведя по домам; подпиливание медведям зубов, чернение зубов и выкармливание медвежат женской грудью; широкое употребление инао в медвежьем культе; наличие стрельбища с целым рядом конкретных деталей его устройства (вилообразных столбов и др.), жертвоприношение медведя путем его удушения; сопровождающий это жертвоприношение многодневный праздник с различными состязаниями, употребление ритуальной посуды; некоторые части специфического ритуала обращения с головой медведя — ритуала, находящегося в кругу представлений охотников за головами Юго-Восточной Азии; детали похоронного обряда, применяемого к медведю, особенность праздника, имеющего характер грандиозных поминок по сородичам и одновременно магического обряда для получения удачи, изобилия, благополучия. Новейшие антропологические, археологические, лингвистические и этнографические мате-

¹⁰⁰ Hodson, *The Naga-tribes of Manipur*, London, 1911, стр. 120—153.

¹⁰¹ R. Heine-Geldern, *Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier*, «*Anthropos*», XXVII, Н. 3—4, 1932; его же, *Ein Beitrag zur Chronologie des Neolithikums in Südostasien*, «*W. Schmidt Festschrift*», 1928, стр. 809—813.

риалы согласно свидетельствуют о наличии древних этнических связей и культурных потоков между Юго-Восточной Азией, в частности Индо-Китаем, и островами и побережьем северо-западной части Тихого океана. Это дает нам уверенность в реальности тех связей, которые выше были отмечены, между праздниками, с одной стороны, племен Индо-Китая, о-ва Луцона и Формозы, где главным жертвенным животным является буйвол, и, с другой стороны, медвежьим праздником айнского-амурского типа. Мы приходим к выводу, что своеобразие «айнского» типа праздника является результатом контакта между праздниками мотыжных земледельцев и древним чисто охотничьим «медвежьим праздником охотничьих племен северной тайги.

Медвежий праздник обских угров, подобно празднику айнского типа, имеет также ярко выраженные черты региональной специфики. Сохраняя целый ряд весьма архаичных элементов, он сложился, несомненно, не без влияния того цикла религиозных представлений, который связан с культом священного коня. Этот культ, в основном культ плодородия, более поздний по своему происхождению, чем культ быка, был характерен для степной полосы Западной Сибири, Юго-Западной Азии и Южной Европы. Мы находим его у арийцев древней Индии по данным Яджур-Веды, у массагетов Геродота и западных гуннов. Он сохранялся вплоть до XX в. у ряда алтайских племен и у манси. Весь ритуал жертвоприношения коня в целом, а также его эротический аспект связывают ритуал Алтая, Оби и Урала с древними ритуалами Индии и Индо-Китая¹⁰².

Таким образом, подобно тому, как и в Амурском крае, на Алтае и на Оби древний охотничий тип медвежьего праздника столкнулся и долгое время сосуществовал на одной территории с праздником получения изобилия более высокоразвитых скотоводческих и земледельческих обществ, только здесь жертвенным и священным животным был не буйвол, а конь.

¹⁰² D. E. Dumont, *L'Asvamedha. Description du sacrifice solennel du cheval, dans le culte védique d'après les textes du Jajurveda blanc*, Paris, 1927. Конь живой символ Пражарати — владыки тварей, источника плодородия. Сам Пражарати в образе коня оплодотворяет жену царя. См. также R. H. van Gulik, *Hayagriva. The mantaraiik aspect of horse-cult on China and Japan*, Leiden, 1935, *Intern. Archiv für Ethnographie, Suppl. zu Bd. XXXIII*. Hayagriva — божество северного буддизма, символ плодородия, часто изображалось с головой коня. Идентифицируется с Вишну.

Е. Н. СТУДЕНЕЦКАЯ

СОВРЕМЕННОЕ КАБАРДИНСКОЕ ЖИЛИЩЕ

(По материалам экспедиций 1936, 1939, 1947 гг.)

Изучение современного кабардинского жилища представляет значительный интерес¹, так как дает возможность выявить ряд переходных типов и возникновение новых форм жилища, связанных с коренной ломкой быта кабардинцев, вызванной Великой Октябрьской социалистической революцией и особенно коллективизацией, внесшей резкие изменения в планировку селений.

Из литературы XVIII—XIX вв. известны два типа планировки селений къяужэ². Первый вариант: усадьбы располагались в виде замкнутого круга или четырехугольника. В центре была площадь, куда в случае нападения направляли женщин и детей и сгоняли скот. Существование в прошлом подобного типа селений подтверждается и рассказами стариков, указывающих, что таким же образом строился каждый отдельный хьэблэ — в прошлом родовой поселок, ныне — квартал в селении. Второй вариант — беспорядочно разбросанные группы усадеб (в прошлом членов одного рода), расположенные применительно к условиям местности.

Для современных кабардинских селений характерна их величина, явившаяся результатом административной меры, проведенной в 1865 г. царским правительством: мелкие поселки были объединены в крупные для удобства надзора за свободолюбивыми непокорными горцами — 97 селений Большой Кабарды были укрупнены в 33. Но разделение на хьэблэ сохранилось и по сие время. Конечно, в современном селении оно весьма условно, так как в каждом хьэблэ живут не только члены рода, давшего ему название, но и представители других родов. Однако название его сохранилось. Так, в сел. Ст. Черек существуют Иуан хьэблэ, Шэмпэр хьэблэ, Куашэ хьэблэ, Хьэбжокьюэ хьэблэ и др. Говорят: «В Куашевском хьэблэ зарезали теленка, в Ивановском хьэблэ была свадьба» и т. д.

Вместе с такими явлениями, свидетельствующими об уцелевших пережитках родового строя, на старое кабардинское селение наложили свой отпечаток и феодальные отношения. Центром селения (если не географическим, то общественным) являлась усадьба князя-владельца, обычно мало выделяющаяся своей постройкой; вторым центром, сложившимся позднее, была мечеть.

В Кабарде княжеская усадьба до последней четверти XIX в. отличалась от окружавших ее крестьянских построек только своей величиной и количеством надворных построек. В конце XIX в. в Кабарде возникли

¹ До сих пор исследователи обычно занимались жилищами других адыгейских племен. Между тем кабардинские жилища наряду с чертами сходства с жилищами других адыгейских народностей имеют и существенные отличия (особенно в последнее время).

² Мы даем термины, связанные с жилищем, или в буквальном переводе унэ шхуэ — «большой дом», или по значению (къяужо — селение), или путем объяснения содержания термина (лагъунэ — помещение для брачных пар).

кулацкие и барские усадьбы с постройками русского типа (усадьба Кудашевых в Ст. Череке). Социальная роль помещицкой усадьбы этого периода также изменилась. В более же ранние годы усадьба князя, вернее, его кунацкая, была подлинным центром общественной жизни села. В кунацкой решались судом князя спорные дела и ссоры, она служила местом сбора мужчин селения (свободных сословий и в первую очередь дворянства) для беседы. В кунацкую призывали певца — гегуако с его несложными инструментами и прекрасными песнями. Рабы и крепостные могли находиться в кунацкой только для услуг и, разумеется, не могли сидеть. Строгая субординация и местничество соблюдались и между гостями, причем знатность и богатство гостей соперничали с почтением к их возрасту.

Кунацкая была местом, где кабардинская молодежь узнавала из рассказов и песен прошлое своего народа, где на былых воинских подвигах она училась умению воевать и правилам воинской чести. Но резкое классовое расслоение, типичное и для феодальной Кабарды, и для периода проникновения капиталистических отношений, выразилось в том, что, наряду с этим центром, обычно имелся второй — место на площади или на холме под деревом, где собирались потолковать о своих делах старики-крестьяне и где их окружала почтительно и безмолвно стоявшая молодежь. Наконец, вблизи села обычно бывало излюбленное место, часто у реки, где совершались общественные празднества, моления и т. п.

Современные кабардинские селения отличаются от прежних своей значительной величиной и правильной планировкой. Подавляющее большинство селений делится прямыми и широкими, часто мощеными улицами на ряд кварталов городского типа. Произведенная перепланировка селений сопровождалась передвижкой и перестройкой отдельных усадеб и домов, что способствовало изменению их типа. Административным и общественным центром современных селений является обычно площадь, на которой помещается районный или сельский совет, школа, клуб и т. п. Здесь (а также на базаре в праздничные дни) собираются молодежь и люди старших поколений. Только глубокие старики предпочитают сходиться для беседы на старинных, привычных местах. Разумеется, характер этих собраний и их содержание в корне изменились.

Почтение к старикам сохранилось у большинства до сих пор и выражается в обычае вставать при входе старика и не садиться без его разрешения. Однако это правило не может соблюдаться в библиотеке, кино или на общественных собраниях.

Усадьбы

Характер селений и отдельных усадеб ныне сильно изменился в связи не только с упомянутой выше перепланировкой селений, переносом домов и усадеб, но главным образом с изменившимися при колхозном строе условиями хозяйства и быта кабардинцев.

Рассказы стариков³ и отдельные сохранившиеся дворы дают нам представление о планировке прежних усадеб — щIáпIэ. Для кабардинской усадьбы был характерен огромный двор (иногда несколько дворов), в глубине которого помещался жилой дом. Ближе всего ко входу располагался дом для гостей — хьэшIэш, известный в русской литературе под названием «кунацкая». Как самый дом, так и кунацкая и все надворные постройки были плетневыми, обмазанными глиной. Усадьба вмещала не только двор, жилые постройки, но и ряд хозяйственных помещений для крупного и мелкого скота, хранилища для

³ Примерную планировку усадеб восстанавливали нам в своих рассказах и рисунках старики.

зерна и ток для молотбы⁴. Особенностью кабардинской усадьбы являлось наличие отдельной, изолированной кухни — *щэфланэ*. Местные жители объясняют это тем, что, согласно обычаю, снохи, на обязанности которых лежало приготовление пищи, должны быть отдалены от дома, где жили мужские родственники по мужу и особенно свекор, встреч с которым полагалось всячески избегать. Кроме того, в феодальной Кабарде кухня обслуживалась рабами-унаутами, и ее отдаление от дома подчеркивало желание хозяев избегать общения с рабами. В княжеских усадьбах к кухне примыкали пристройки, в которых помещались унауты.

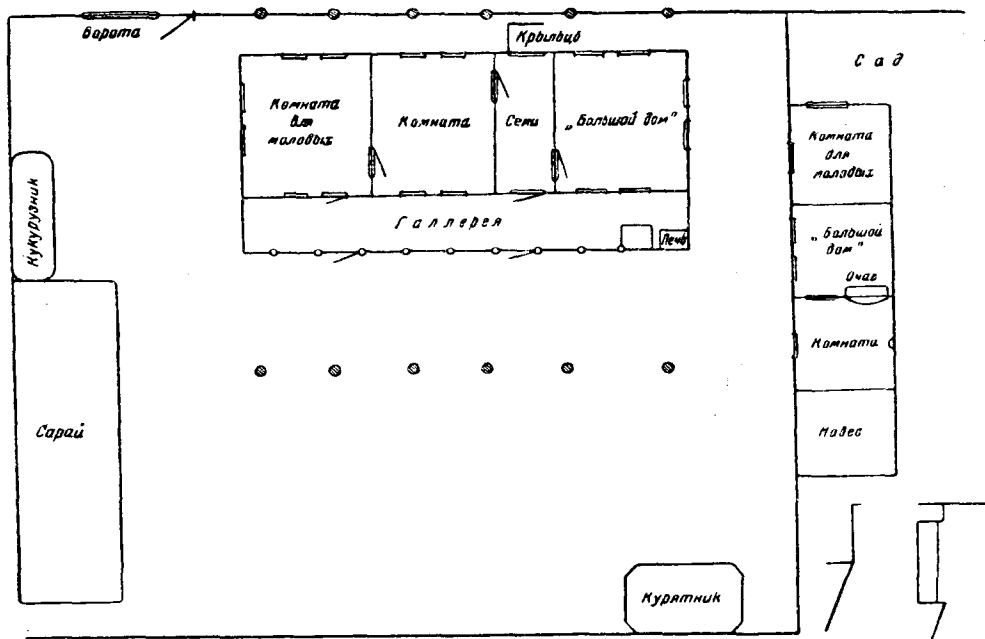

Рис. 1. Двор полевода колхоза с. Ст. Черек, Али Сохова; старый дом построен в 1930 г., новый дом — в 1937 г.

В настоящее время мы встречаемся с несколькими вариантами в расположении дома по отношению к улице. Некоторые дома попрежнему помещаются в глубине двора, но обращены фасадом к улице. Другие же дома строятся близко к улице, но за забором. Изредка дом выходит на самую улицу. Второй и третий типы расположения домов появились только после революции и, главным образом, за последние два десятка лет. Здесь мы видим нарушение традиции замкнутости, характерной для старого кабардинского быта с его строгой изоляцией женской части семьи.

Нарушение этой традиции повлияло и на тип самой жилой постройки. Так, в ряде случаев дома, хотя и стоящие у уличного забора, обращены всеми окнами во двор; в других случаях в глухой стене, выходящей на улицу, проделана дверь (кроме двери во двор на противоположной стороне); наконец, в этой наружной стене появляются окна, к двери пристраивается крылечко русского типа. При всех этих вариантах открытая веранда-навес («коледор»), в том или ином виде имеющаяся в каждом доме, всегда обращена во двор и является обычным местом пребывания женщин в теплое время года.

Для кабардинских усадеб всегда было характерным наличие про-

⁴ Молотбы производилась путем прогона скота по разостланным на току снопам.

сторонних дворов, обнесенных оградой, внутри которой располагались все жилые и хозяйственные постройки, обычно по краям усадебного участка, так что середина двора оставалась свободной. В зависимости от благосостояния владельца имелось несколько дворов различного назначения — жилой, скотный, сеной, двор для молотбы. Отдельный дворик, обычно засаженный деревьями, окружал и кунацкую.

В настоящее время усадьбы кабардинских колхозников отличаются просторными дворами удивительной чистоты. Двор подметается ежедневно, а то и несколько раз в день. Это подчеркивает его назначение как двора-сада, места труда и отдыха хозяев и гостей. Сплошь и рядом во дворе перед домом посажен ряд деревьев. Для сохранения посадок от объедания скотом они окружены плотно и изящно сделанными плетнями, имеющими форму цилиндра или усеченного конуса. В ряде случаев и сейчас в углах двора отделяются хозяйственные дворики с навесами и сараями для скота. Ко двору примыкает фруктовый сад, кукурузник, иногда виноградник, отгораживается местечко для нескольких ульев. Двор — обычно заросший травой; иногда по нему проложены дорожки из камней или кирпичей. «Хозяйственные дворы» стали теперь занимать значительно меньшее место, чем прежде. Вызвано это, конечно, коллективизацией хозяйства. Для современных дворов характерно наличие часто двух домов — старого и нового, причем первый используется как кухня или, реже, кладовая. Это позволяет наглядно сопоставить рост культуры и благосостояния кабардинского колхозника.

Коллективизация Кабарды дала новое содержание планировке жилища: она создала женщине равное положение с мужчиной, уничтожила ее изоляцию, разрушила замкнутость горского жилища. Сказалась новая жизнь на повсеместном уничтожении отдельной кунацкой, хотя кавказское гостеприимство отнюдь не уменьшилось, а изменилось лишь отношение к гостю. Раньше гостя не только не допускали во внутренние помещения, но старались изолировать кунацкую в углу двора, ближе к воротам, а иногда и за пределами двора, следуя традиции замкнутости жизни каждой семьи. Современного гостя принимают в самом доме, иногда укладывают ночевать в одной комнате с хозяевами. Сейчас кунацкой может быть каждая комната.

Таким образом, новое социалистическое отношение к женщине, к гостю изменило старые национальные формы жилища.

Планировка домов

По своей планировке жилища кабардинцев ныне представляют ряд типов, отражающих эволюцию за последние 50 лет.

В значительном количестве еще сохранился наиболее старый тип жилища, представляющий собой (в плане) вытянутый прямоугольник, состоящий из 3—4 и более комнат, расположенных рядом под одной крышей. Окна выходят на одну длинную сторону (позднее окна делаются со всех сторон дома) под навес, куда выходит из каждой комнаты отдельная дверь. Между собой комнаты часто не сообщаются: чтобы попасть в соседнюю комнату, надо сначала выйти наружу, под навес. Такой дом носит название унэ кыхъэ — «длинный дом». Одна из комнат носит название унэ шхуэ, т. е. «большой дом», — это комната, где помещаются родители и младшие дети. Другие комнаты — помещения для отдельных брачных пар — лагъуне. Лагъуне могут быть пристроены и позднее, по мере женитьбы сыновей. Такой дом был в прошлом типичным жилищем неразделенной большой семьи — унэгъуэ зэхэс и вполне отвечал изоляции брачных пар. В большинстве случаев имелась еще отдельная кухня, где снохи приготавливали пищу, которую приносили затем в унэ шхуэ для стариков, в кунацкую для хозяина дома и его гостей. В лагъунэ никогда не ели, очагов там не было совсем или

Планировка домов

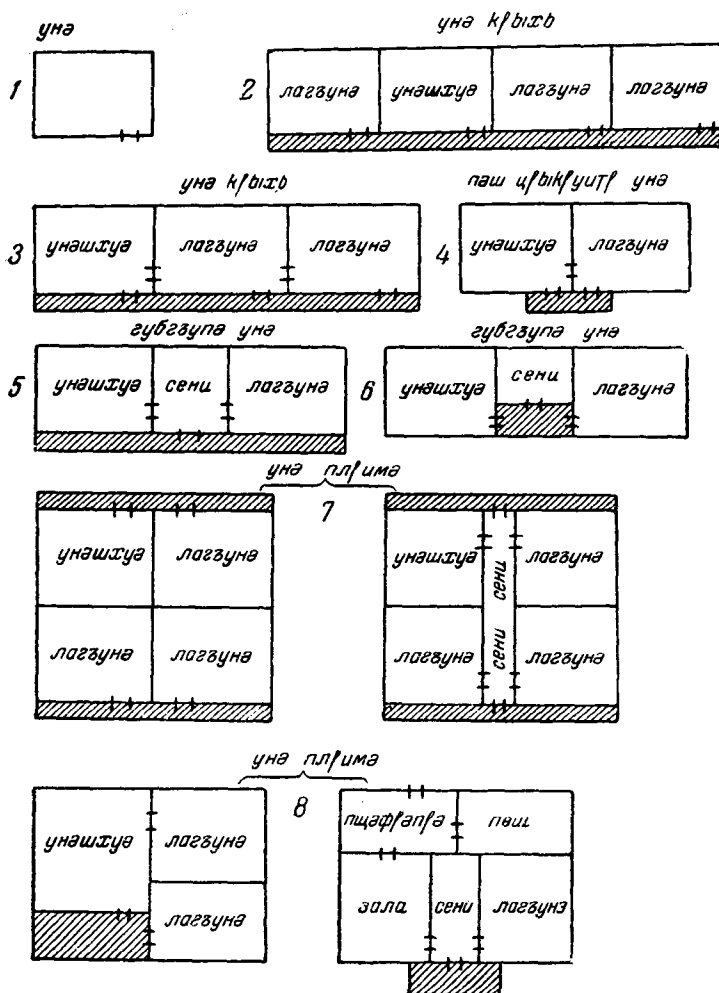

Рис. 3. Планировка домов

они служили только для тепла. Позднее в лагзунэ начали строить печи русского типа.

Вторым, более поздним вариантом является дом такой же прямоугольной формы, но уже с дверями между комнатами; одна комната (обычно средняя) совсем не имеет прямого выхода наружу.

Весьма распространен в настоящее время тип дома с сенями, состоящий из 2—3 комнат. Такой дом часто называют губгзунэ-уна «полевой стан-дом»; эта форма дома действительно часто встречается в полевых станах, где комнаты распределялись так: 1) общежитие для женщин; 2) общежитие для мужчин; 3) комната бригадира и 4) сени. Но этот тип планировки пришел в быт колхозника не через полевые станы, ибо и до коллективизации дома подобного типа уже строились в селениях, представляя собой создавшийся не без влияния русских соседей дом с сенями. Внутреннее использование помещения имело два варианта: при первом из них средняя комната, из которой был выход на улицу и две двери в боковые комнаты, играла роль сеней; при другом варианте из этих сеней выгораживалась третья комната (иногда кухня), вход в которую шел из сеней и располагался напротив наруж-

ной входной двери. Как видно, дом такого типа уже не мог служить жилищем для большой неразделенной семьи, так как в нем имелось только одно помещение для молодой брачной пары.

Довольно часто попадаются в селениях и небольшие однокамерные дома. Они в прошлом были характерны для молодой выделившейся пары или для беднейшей части населения. Такое однокамерное жилище могло путем пристроек впоследствии превратиться в «длинный дом». В наше время такие дома в большинстве случаев показывают, что хозяин еще не совсем стал на ноги после военных потрясений. К этому ряду типов домов примыкает и двухкомнатный дом — пәщыкүйтӱ унә. Каждая из двух комнат имеет отдельный выход, но не прямо во двор, а на закрытое общее крыльцо, иногда представляющее собой остекленную веранду, используемую в ряде случаев как кухня, так как на ней

Рис. 4. Переходная форма жилища с сениями

устанавливается распространенная сейчас железная переносная печка.

Значительные отличия имеют унә плимә — «четырёхугольный дом», который все сильнее распространяется в селениях Кабарды. При наших поездках в 1934—1939 гг. мы встречались с этим типом домов реже, чем в настоящее время. В большей степени они были распространены в долинах Осетии. И там, и в Кабарде местные жители указывали нам, что этот тип жилища заимствован ими от русских казаков. Подобный дом в своем плане — квадратный и разделен на 4 неравных помещения: 3 комнаты и балкон — открытая галерея. При подобном устройстве дома только одна комната изолирована от других и имеет отдельный выход на балкон. Она чаще всего и играет роль лагъунә. Вторая большая комната — проходная, а третья имеет вход только через вторую. Эти две комнаты используются как унә шхуә и запасное помещение — для холостой молодежи и для гостей. Дом имеет окна на все четыре стороны. Кухня строится отдельно. При других вариантах одна из трех комнат служит кухней. В зимнее время готовят часто в жилых комнатах, на плите.

В селении Ст. Черек мы видели усложненный план четырехугольного дома, построенного в 1946 г. В нем 5 помещений, причем к квадрату дома пристроен выступающий балкон-крыльцо. Одно из помещений, по словам хозяев, служит столовой и гостиной. Семья хозяина

состоит из мужа, жены и взрослой дочери. Иногда приезжает погостить сын с женой и мальчиком.

Проходные комнаты, сравнительно недавно совершенно непривычные для кабардинцев, сейчас устраиваются очень часто. Но еще в 1939 г. нам приходилось наблюдать жизнь кабардинцев в домах стандартного типа, построенных в селениях Нартан, Заюково и др. Проходные комнаты в этих домах чаще всего совсем не использовались для жилья и играли роль сеней, прихожей и т. д. Полагаем, что в новом отношении кабардинцев к проходным комнатам сказались те же изменения быта кабардинской семьи (нарушение замкнутости, изоляции женщин и т. п.), которые повлияли на планировку усадеб.

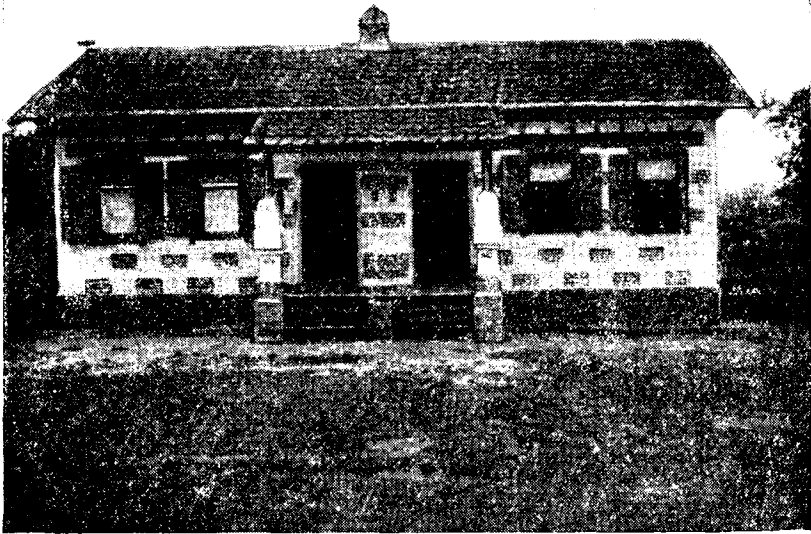

Рис. 5. Дом колхозника, с. Псыгансу, 1939.

Имеются квадратные дома, построенные еще до революции, главным образом местным кулачеством. По планировке они представляли собой спаренные двухкомнатные дома, не имеющие проходных помещений, или спаренные дома с проходными сенями. Такие дома, несмотря на совершенно иной внешний вид, позволяли вести прежний традиционный образ жизни.

В одном из типичных селений мы произвели выборочный подсчет жилищ разного типа, давший следующие результаты: унэ кIыхь (длинные дома) — 3; унэКIыхь — (длинные дома с проходными комнатами и двумя входами) — 3; губгъуэ унэ («полевой стан — дом») — 54; унэ (однокамерный) — 13; пэш цыкIуйтIунэ (двухкомнатный дом) — 30; унэ плимэ — 15.

подавляющее большинство принадлежит домам третьего и пятого переходных типов (84 дома), что вполне естественно. Эволюция жилищ идет явно в сторону квадратного дома.

При сопоставлении со старыми домами, сохранившимися в качестве кухонь, кладовых, не только бросается в глаза общее улучшение жилищ — больший размер дома, черепичная крыша вместо соломенной, высокий докол, большие окна и т. п., но и изменения в планировке дома и использовании его помещений.

Мы уже отмечали, что в прошлом в Кабарде преобладала отдельная кухня. Для родового строя и его пережитков характерно почитание очага, особое отношение к помещению, где готовится пища.

Очаг — центр всей жизни семьи и семейного культа. С очагом связан и ряд свадебных обрядов, в частности привод молодой жены к очагу мужа и принятие ее под покровительство «духа очага» — покровителя семьи, в которую вступает молодая. Это отношение к очагу и помещению для главы семьи — хадзару типично для осетин; хадзар-кухня делалась у осетин очень большой, вместительнее других комнат, но под одной крышей. У осетин сильнее и дольше сохранились пережитки родового строя и, в частности, почитание очага. Поэтому для них хадзар-кухня и сейчас является почетным местом, колыбелью семьи, где находится очаг (ныне плита), где семья проводит большую часть времени.

Рис. 6. Отдельная кухня, с. Заюково, 1936.

Хадзар служит и столовой, и местом приема гостей. В посещенном нами горном осетинском селении Ляц в одном доме над плитой была бережно повешена неупотребляемая надочажная цепь, как бы подчеркивая переход очага к более поздней печи.

Что касается Кабарды, то здесь кухня является только местом приготовления пищи: там не спят и там редко едят. Понятие святости очага, почетности кухни исчезло совершенно. Во дворе этого крошечного домика нет ничего, кроме очага и утвари. Отдельная кухня придает особый характер усадьбе кабардинцев (в отличие от осетин и других народов Кавказа). Вместе с установлением понятия «кухня» (как службы) появился и отдельный термин *пщэфлангэ*. Осетинское же хадзар соответствует кабардинский *унэ шхуэ*, сохранивший свое значение в брачных обрядах и до сегодня. Но это связано не с очагом, а с фактом проживания в *унэ шхуэ* свекра со свекровью.

Существует обряд *унэишэ* — первый выход невестки (*нысаццэ*) в *унэ шхуэ* семьи мужа. Ведут ее в *унэ шхуэ* через три дня после ее приезда. У порога кладут баранью шкуру, чтобы молодая непременно наступила на нее, что обеспечивает богатство и плодовитость. В этот момент ее осыпают орехами, пшеном, конфетами, деньгами. Через некоторое время после ввода молодой сестра мужа поднимает шаль, которая закрывает *нысаццэ* с головой. Кто-либо из родных мужа подносит мед в чашке. Молодая мажет медом губы. Остаток меда отдают

детям, а чашку разбивают. В унэ шхуэ совершается и ряд обрядов, предшествующих возвращению новобрачного в дом родителей после его «скрывания» в доме кого-либо из друзей. Эти обряды также носят характер «введения в дом».

Обряд приведения невесты к очагу исчез, видимо, довольно давно, вероятно, в связи с развитием феодальных отношений, способствовавших не только выносу кухни во двор подальше от дома, но и превращению ее в служебное помещение. Очаг, обслуживаемый рабом — не членом семьи, терял свою святость.

В прошлом наиболее типичным в Кабарде был очаг в виде камина с прямой широкой трубой, над которой подвешивался на цепи котел для варки пищи. Камин подобного рода помещался обычно у той наружной стены, где находились окно и дверь, и располагался между ними. В ряде случаев очаг выступал наружу в виде огромной пристроенной сбоку дома трубы. Подобное устройство (встреченное нами в одном доме в сел. Ст. Черек даже в 1947 г.) совершенно лишало комнату тепла. Все стенки очага выходили во двор, и только устье было обращено в дом. Главной функцией очага было не отопление, а варка пищи. В домах более поздней (послереволюционной) постройки иногда очаг (если нет отдельной кухни) размещается по боковой стене, выходящей в соседнюю комнату.

Во всех современных домах, какого бы типа они ни были и сколько бы комнат ни имели, очаг старого типа устраивается только в одном помещении. Но если когда-то это помещение играло роль унэ шхуэ, то в настоящее время оно служит просто кухней и отчасти столовой, а спят родители в другой комнате.

Нам приходилось наблюдать в устройстве очага и некоторые переходные моменты. Так, в одном доме (селение Ст. Лескен, дом Эльмирзы Шеожева) в задней стенке очага, расположенного в одной из комнат дома, примыкающей к бане (последняя — изобретение хозяина, самоучки-строителя), сделано дополнительно, как в русской печке, устье, где можно варить и печь.

В жилых комнатах уже давно стали строить печь,— вернее, небольшую плитку с дверцей и поддувалом, близкую к печке-голландке. Обычно такая печь выходит в две комнаты и имеет две плитки при одной общей трубе. В каждой комнате имеются теперь такие печки, которые зимой используются и для приготовления пищи, когда в доме нет ни очага, ни отдельной кухни; в летнее время пища готовится на железной печке-временке, установленной на балконе, крыльце, под навесом дома и т. п. Плита прочно вошла в быт колхозника-кабардинца, что не могло не отразиться и на всей его домашней утвари.

Техника постройки

При беседе со стариками о прежних жилищах они единогласно заявляют: «Не умели жить, не умели строить. Дома — плетеные, крыши — соломенные, двери прямо на двор. Когда снег, — в двери, в трубу очага снег задувает, — холодно. Разве можно теперь сравнить...».

Если некоторые со вздохом вспоминают красивую старинную одежду, гордятся ею, как «самой красивой формой», то старый кабардинский дом не находит себе защитников, что неудивительно. Дом строился так: в землю втыкали ряд кольев на расстоянии 30—40 см друг от друга. Затем сверху накладывали длинные балки, скрепляющие остоу. Вбитые в землю кольца (бжэгъу) густо заплетались ветвями орешника. Ветви (бжэ тэхуэ) должны быть свежими (срубленными не более 5 дней назад), иначе они будут ломаться. У проемов дверей ветви или подрубались или оплетались вокруг кола.

Плетеный остов дома назывался унэлэй. В углах вкапывались столбы для поддержки крыши. По боковым сторонам дома ставилось по более высокому столбу с развилкой сверху. На них укладывалась главная балка — тхицакъя. На нее опирались стропила — араф, жерди, которые одним концом покоились на тхицакъя, другим — на балках, лежавших по верху стены. Иногда араф имели на верхнем конце естественные крючки (из сучков), которыми они и зацеплялись за тхицакъя. Поперек араф клалось несколько жердей ерэнкIэ, образуя обрешетку крыши. В некоторых случаях все это еще переплеталось плетнем (бжыхъ). Сверху клалась солома (хъэуазэ), стебли кукурузы, камыш и т. п. Пол в таком доме был земляной, потолка не было совсем. Низенькие двери (бжэ) из толстых тесаных досок, часто двустворчатые, держались на деревянных пятках, входивших в отверстия в пороге, и верхней перекладине двери. Окон не было совсем или делались маленькие отверстия, на ночь затыкаемые куском сена или прикрываемые деревянной ставней. Жилые дома такого типа сейчас совершенно не встречаются, но этот характер постройки можно наблюдать на некоторых кухнях.

Первым новшеством, еще редким, появившимся лет 60—70 назад, были окна с переплетом, иногда с наличниками и ставнями, а также европейского типа двери на петлях — одностворчатые. И то, и другое выделялось первоначально русскими мастерами и сочеталось со старым кабардинским типом постройки. До сих пор окна с наличниками, двери с косяками считаются большой ценностью и при постройке нового дома обычно переносятся в него из старого.

Значительным улучшением в кабардинском жилище явился фундамент. Устраивался он так. В землю вбивались столбы высотой в 25—50 см. Сверху накладывали длинные брусья, составлявшие основание стены. В этих брусьях просверливались дыры, в которые и забивались колья для плетневых стен. Все пространство между землей и брусьями закладывали булыжником правильными рядами. Камнем заполняли и все пространство под земляным полом. Камни пересыпали землей, служившей для заполнения щелей. Сверху также наносили землю и утрамбовывали ее; таким образом, поверх фундамента получался земляной пол, который впоследствии обмазывался глиной с навозом.

При другом варианте (более частом) колья для остова стен оплетали прутьями не сразу у земли, а выше, оставляя место для каменного фундамента описанного выше устройства. Пол в комнатах был земляной, но на открытой галлерее (обязательной части каждого дома), он настился поверх земли досками. Самая галлерей образовалась из навеса — пырхъуэ, который делался (но не всегда) в старых кабардинских домах путем свисания части крыши, опиравшейся на столбы. Навес был открытым. Появление фундамента превратило этот навес в галлерей или балкон, значительно поднятый над землей. На галлерей ведет лесенка, состоящая из камня, старого жернова, древесного пня. Очень редко приходится видеть настоящую деревянную лесенку со ступеньками. Обычай класть что попало вместо лестницы сохранился и донныне. Часто в хороший, большой современный дом надо попадать, становясь на положенное плашмя автомобильное колесо, на части автомашин и даже танков⁵.

Обычай строить плетеные дома сохранился и донныне, хотя внешний их вид совершенно изменился. В 1947 г. в селении Ст. Лескен мне пришлось наблюдать постройку плетеного дома. По своей планировке это был дом позднего типа унI плI ам — четырехугольный с галлереей, занимающей часть этого квадрата. Дом строился на высоком фундамен-

⁵ Возможно, что это объясняется отсутствием в прошлом необходимости в лестнице, так как дома были одноэтажными и пол земляной был в уровень с землей.

те, с высокими потолками, большими окнами. Но весь остов дома и перегородки внутри были плетеными, и процесс постройки совпадал с описанным выше. При возведении стен употребляется помост, называемый теугъапа. В землю вбиваются несколько кольев параллельно стене дома, на расстоянии 60—80 см от нее. Колья имеют вверху развилку. На них опираются горизонтальные колья, вбитые другим концом в заплетенную часть стены, на которые кладется доска. Работают, стоя на доске. По миновании надобности эти леса убираются.

Значительным нововведением, появившимся в некоторых богатых домах еще до революции, был потолок. Теперь он имеется во всех домах. Делается он так. Балки, лежащие на стенах, имеют ряд вырезов. Поперечные балки также имеют вырезы, составляя все вместе прочную раму. Поперечные балки лежат на расстоянии 80—100 см друг от друга. Сверху укладываются плетни. Потолок изнутри обмазывается глиной, а сверху засыпается землей. Таким образом, потолки в домах глиняные с наружными балками. В некоторых домах встречаются деревянные, крашенные, филенчатые потолки.

Описанный выше плетеный дом строили пятеро: четыре старика (соседи) и молодой парень (хозяин) лет 18—19. Старики говорили, что при хорошей работе можно такой дом построить за неделю, а в старину строили и в один день. Но тогда, конечно, много помогали родственники и соседи, за что хозяева выставляли им угощение. Этот обычай назывался шыхъэху. Значительно большего времени требовала заготовка всех лесоматериалов, продолжавшаяся иногда несколько месяцев. Особенно тщательно относились к выбору основных балок, поддерживавших крышу. Они чаще всего делались из чинары.

После постройки дома приступают к его обмазке. Это — женская работа. Мажут обычно не менее трех раз, а иногда и до шести. Обмазка повторяется с значительными промежутками, чтобы глина успела подсохнуть. После окончательной обмазки можно белить. В 30-х гг. XX в. чрезвычайное распространение получили дома из самана. Саман готовится следующим образом: роют (недалеко от воды) яму в 50 см глубины, кладут туда рубленую солому, льют воду, месят ее ногами с землей и глиной и лепят кирпичи размером 30 × 20 × 10 см. Затем их складывают штабелями в шахматном порядке для просушки. Изготовлением самана занимаются женщины.

При постройке саманного дома делается фундамент на деревянных или кирпичных столбах, заложенный булыжником с землей. Кирпичи самана кладут, иногда чередуя один ряд вдоль, другой поперек. Поверх стены кладут ряд черепиц, слегка выступающих за ее край. Весь дом снаружи и внутри обмазывается и белится. Потолок плетеный. Крыша такая же, как на плетеных домах. Однако поперечные брусья на крыше кладутся чаще, сколачиваются гвоздями (раньше весь дом строился без единого гвоздя) и не переплетаются плетнем. Крыши кроются черепицей, которая совершенно вытеснила солому. Только редкие дома (бывшие княжеские или кулацкие) покрыты железом. Многие колхозы имеют свои черепичные заводы. Наконец, в качестве строительного материала употребляется и обычный обожженный кирпич. В ряде случаев из жженого кирпича складываются угловые столбы, а стены делаются из саманного кирпича. Есть немало и целиком кирпичных домов. Первоначально они строились пришлыми мастерами, но в настоящее время есть каменщики-кабардинцы. Кирпич используется с учетом его декоративных возможностей. Так, иногда под окнами ставится ряд кирпичей вертикально, углом вперед, из кирпичей выкладываются рельефные фигуры, чаще всего косые кресты. Передняя часть кирпичей покрашена в голубой цвет.

Дома (за очень редким исключением) обмазываются и белятся. Иногда понизу идет полоса цвета желтой глины. Приходилось нам

видеть и дома, обведенные по низу, а иногда и по углам яркосиней полосой, обычно синькой. Наличники, двери и особенно ставни часто окрашиваются яркими красками, преимущественно синей, зеленой или темнокрасной, иногда в несколько цветов. Белизна самой постройки, красная черепичная крыша, яркие ставни и двери,— все это в сочетании с зеленью деревьев придает селению очень нарядный, веселый вид.

Надворные постройки кабардинцев весьма разнообразны по назначению и формам, но тождественны по материалу,— все они плетеные, как и в старину. Они покрываются соломой, сеном или кукурузными стеблями, редко черепицей, полностью или частично обмазываются глиной и иногда белятся.

Рис. 7. Надворные постройки: птичник и сарай, с. Ст. Черек, 1947.

При входе во двор прежде всего бросаются в глаза овальные или круглые постройки для птиц — джэдэш. Они плетутся способом, описанным выше, разница только в устройстве крыши. Если постройка круглая, то крыша на ней делается в форме гриба. Основой ее служат довольно толстые прутья орешника, перекрещенные довольно небрежно; прутья не сходятся к середине, а скрещиваются в различных местах. Сверху плотным слоем накладывается сено. Чтобы этот слой не сползал, устраивается поддержка: поверху плетеной стены, отступя от края на 30—40 см, втыкают под углом в 45° небольшие колышки и оплетают плетнем; иногда это делается и внутри. Таким образом, получается подобие лотка, на который опирается покрывка крыши. Такой же способ применяется и при постройке навесов, сараев и т. п.

Птичник обмазывается глиной, однако не целиком, а так, что оставляются отверстия — квадратные или ромбоидальные. Эти окошечки, служащие для освещения и вентиляции, придают постройке своеобразный вид. Птичник имеет низенькую деревянную дверцу, а у самой земли — отверстие, прикрытое заслонкой, для выпуска птицы. Внутри устроены нашесть из горизонтально расположенных жердей.

Если постройка продолговатая, то крыша устраивается совершенно иначе — так, как при постройке дома. Опорные столбы с развилками вверху расположены по углам постройки (при ее больших размерах) и посередине боковой стены, а также и внутри постройки (что в настоящее время не делается, но в прошлом было обязательным). На стол-

бах лежат основные балки — тхицакъа, а на ней стропила — араф. Вверху они или зацепляются за тхицакъа сучками или просто кладутся на нее слегка стесанным концом.

Наконец, укажем на способ покрытия часто встречающихся надворных построек⁶ овальной формы. Тогда опорные столбы ставятся по центру внутри помещения, не доходя до узких боковых стен. Балка — тхицакъа также не доходит концами до стен. От ее конца, опираясь на него, радиально расходятся жерди, лежащие на округлую плетеную стенку постройки, образуя округлый скат. Так строятся сараи, навесы, хлева и большие птичники.

Как известно, в большинстве случаев хозяйственные постройки долго сохраняют архаичность формы и технику постройки. Какую же из указанных типов надворных построек можно считать прототипом жилого дома кабардинцев? Вряд ли можно предполагать, что в прошлом у них были круглые дома. Тот примитивнейший способ покрытия круглой постройки, который известен кабардинцам, годится только для построек очень малого диаметра, негодных для жилья. Вместе с тем мы имеем указания на наличие в прошлом столбов внутри дома. Они необходимы и при постройке дома овальной формы. Однако такой дом не может быть разборным, так как общая длина его овально изогнутого плетня слишком велика для перевозки. Имеются указания, что кабардинцы в прошлом зачастую переносили свои селения и дома с места на место, перевоза деревянные части и куски плетня. Для этого удобнее всего был дом прямоугольный, состоявший из четырех частей плетня, совсем не скрепленных по углам и державшихся только на обмазке. Первоначально, вероятно, и такой дом имел внутри опорные столбы, что было неизбежно при его значительных размерах (принимая во внимание большие семьи). Позднее, при постройке маленьких домов, а особенно кухонь, курятников и т. п., эти столбы могли выноситься за стены дома, наружу, как мы часто видим ныне. Роль их уменьшилась с появлением потолков, которые образуют верхнюю раму, скрепляющую весь дом и поддерживающую крышу.

Во дворе кабардинца обыкновенно имеются бэкхъ — плетневые навесы и сараи для скота, для хранения всякого скарба. Наблюдается объединение всех этих служебных построек в одном углу двора или в отдельном (в настоящее время очень маленьком) дворе. Еще более характерна постройка их вплотную друг к другу, под одной крышей. Приходится наблюдать и такую комбинацию: строится большой навес, открытый с передней стороны; делается он, как и все дворовые постройки, плетеным, продолговатой формы, чаще всего с овально закругленными концами; на концах сделаны плетневые загородки, которые как бы заворачиваются внутрь, образуя небольшие помещения с округлой стенкой — одно для коровы, другое для теленка, стенки их не доходят доверху. Перед навесом в загородке или под ним непосредственно устроены плетеные, тоже круглые кормушки (шхальэ) для скота. Навесы, как и другие хозяйственные постройки, обмазываются глиной только снаружи или не обмазываются совсем.

Особый вид и устройство имеют сапетки для хранения кукурузы — ду. Это длинные и узкие плетеные постройки округлой или прямоугольной формы, приподнятые на 50 см над землей на столбах, врытых в землю. Пол у них деревянный или плетеный. Через обе стены в 2—3 местах проходят деревянные бруски с отверстиями на концах, в которые забиты колышки или клинья, чтобы при насыпании кукурузных початков стенки постройки не раздались. В стенке у дна сделано отверстие с деревянной дверцей или заслонкой для доставания кукуру-

⁶ Навес — гуэщ, конюшня — шэщ, телятник — шкэщ, сарай для коров — вуэ, сарай для овец — кат.

зы. Крыша, крытая соломой, тесом или черепицей, несколько отличается по устройству. Стропила (араф) верхними концами вбивают в отверстия, сделанные в балке (тхицакъя) для достижения большей прочности крыши, так как для засыпания кукурузы в сапетку крыша отгибается или снимается совсем.

К надворным постройкам надо причислить и псыунэ — уборные, обязательные в каждом дворе. Часто бывает две уборные — мужская и женская. По типу постройки они напоминают круглые курятники с грибообразной крышей.

Дворы обносятся различными заборами. В 99 случаях из 100 это различного типа плетни, сделанные с большим искусством и разнообразием*.

Постройки общественного назначения — здания сельсоветов, райисполкомов, школ, больниц — возводятся из камня или саманного кирпича и в своей архитектуре и планировке совсем не используют навыков национального жилищного строительства. Между тем в условиях местного климата было бы весьма целесообразным и для этих зданий сохранить крытые галлерей, столь прочно удерживающиеся в домах кабардинцев.

Значительно большее сходство с жилыми постройками, особенно по планировке, имели дома полевых станов и пастушьих кошей. Полукочевое скотоводство кабардинцев способствовало в прошлом выработке жилищ временного типа для пастухов — пшыа: естественные пещеры, плетеные на-

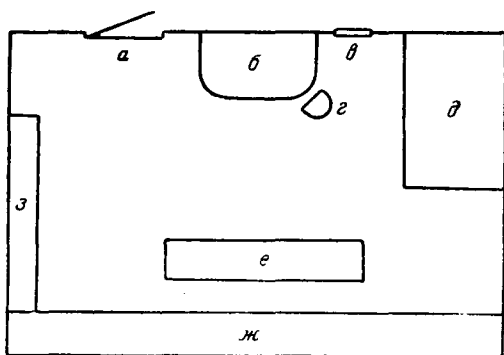

Рис. 8. План внутреннего устройства дома старого типа: а — дверь; б — камин; в — окно; г — скамейка; д — кровать; е — диван; ж — шкаф; з — хозяйственные полки

весы, войлочные палатки (гушха) — из трех воткнутых в землю и дугой согнутых прутьев, прикрытых войлоком. В такой палатке имел право ночевать только старший на коше — лагупеж, или почетный гость. Наконец, строились плетеные балаганы овальной формы, крытые сеном. Внутреннее устройство такого балагана было весьма просто, но имелись те же части, что и в жилом доме. Топился он «по-черному».

Сейчас временные постройки — сторожевые шалаши, устраиваемые на колхозных полях, — делаются в виде односкатных навесов из легкой деревянной рамы, на которую набросаны ветки и солома. Строятся также круглые плетеные шалаши из веток, на которых часто не оборваны листья. Эти живописные постройки также кроют соломой.

Убранство жилища

Внутреннее убранство жилища кабардинца (и других горцев) в прошлом было весьма однообразным, можно даже сказать — стандартным. Лет двадцать назад (не говоря уже о более раннем времени) мы могли, не входя в дом кабардинца, заранее знать, и какие вещи там можно найти, и порядок их расположения. Этот порядок диктовался обязательными абсолютно для всех обычаями старины, предписаниями религии, приметами и суевериями и социальным строем, в частности положением женщины. Каждая вещь в доме имела свое строго определенное место, и перенос ее в другое место в ряде случаев грозил всякими несчастьями. Указать, чем особенно интересуется хозяин и

* В западных районах Кабарды очень часты каменные заборы.

чем отличается от соседа, было очень трудно. Даже богатство и знатность хозяина мало отражались на внутреннем убранстве его жилища. Это было вызвано: 1) преобладанием самодельных вещей, 2) нежеланием обнаружить свое богатство, особенно в Кабарде, где существовал обычай обязательного дарения понравившейся гостю вещи, 3) пренебрежением горца — воина и скотовода — к убранству жилища, в котором он проводил наименьшую часть своей жизни.

Обычно это убранство было таково: по стене за очагом (жанта — почетное место) устраивалась постель, часто на некотором подобии нар: из самана выкладывались столбики, на которые клали настил из досок. Другой вариант — деревянная резная кровать-диван самодельной работы. Этот диван имел боковые и заднюю стенки одинаковой высоты. Лишь в конце XIX в. появляются деревянные кровати обычного типа; ныне преобладают хорошие железные, никелированные кровати, но изредка встречаются и старинные нары (иногда устраиваются в кухне). Расположение кроватей теперь не так точно определено. В унэ шхуэ кровать попрежнему ставится на жанта, в других же комнатах по любой стене.

На день постель с кровати убиралась и складывалась стопкой на полки, вдоль стены или в углу комнаты. На кровати оставалась только циновка — ардген. Но в настоящее время убранству кровати уделяется очень большое внимание. Хорошее пикейное или шерстяное одеяло, несколько подушек в нарядных наволочках — обязательны. Остатком прошлого является обычай поверх покрывала, между подушками складывать стопкой одно на другое запасные (для гостей) ватные одеяла ярких цветов, подшитые белыми пододеяльниками. Часто встречаются отдельные детские кроватки. Но и старинные кабардинские (общекавказские) люльки — гуша, в которых ребенок лежит привязанным, встречаются еще очень часто. Теперь ребенка держат в такой люльке только до года.

Стена напротив двери в прошлом была занята полками, на которых в дневное время укладывалась постель, а также хранился всякий домашний скраб и лучшая посуда (часто целые ряды бутылок, банок и т. п.). Иногда вместо полок ставился длинный во всю стенку узкий шкаф, несколько выше стола, с рядом отделений. Одежда хранилась в сундуках, вешалась на колышках, вбитых в стену, или на веревках, протянутых поперек всей комнаты. Редко даже в наше время встречаются шкафы для платья, и одежда хранится по-старинному, только сундуки заменились современными чемоданами. Последние складываются ярусом на столе, в углу комнаты, а в летнее время — на плите.

Перед полками или шкафом напротив очага ставился диван — шэнтжъей (буквально «скамья для спанья»). Женщины не имели права на него садиться, это было место мужчин. В настоящее время диваны встречаются очень редко. Кроме дивана, для сидения существовали еще шэнт щхъэгуэ — «скамья для обеда» — низенькие трехногие скамеечки или просто деревянные плашки, кусок войлока или некоторое подобие подушки из тряпья. Последние служили сидением для женщин. Вся женская работа, начиная с приготовления пищи, кончая шитьем, производилась на полу. Круглые, низенькие и маленькие трехногие столики (анэ) употреблялись только во время еды. Но теперь во всех комнатах в изобилии стоят столы, стулья, иногда кресла и табуретки. В общем вся обстановка не имеет национальной специфики. Количество предметов старого национального быта в домах очень невелико.

Возьмем для примера семью колхозника в селении Ст. Черек, патриархальную по всему своему укладу. Семья состоит из мужа, жены и двух невесток (вдов умерших братьев мужа) с их детьми. Дом из трех комнат с сенями. Во всем доме нашлось только 11 предметов

старинного кабардинского обихода: цыновка — ардген; столик — анэ: скамеечка — шэнт шхъгуэ; ступка для чеснока, деревянная самодельная корзинка, обмазанная глиной, в которой хранят кукурузу для кур; кумган медный дагестанской работы; кумган чугунный фабричной русской работы, но национальной формы; намазлык — шкура бычка; подчасник вышитый; амulet — дуа; детская люлька — гуша.

Это же можно наблюдать и в большинстве других домов. Однако внимательное наблюдение за бытом семьи, за употреблением привычных для нас предметов утвари позволяет подметить ряд особенностей. Наличие на полке блюда, ножа, а в углу кухни корзинки с картофелем ничего не говорит о национальных особенностях. Но мы застали и такую картину: блюдо с начищенной картошкой стоит прямо на полу, на полу же лежит нож и кучка очисток. Эта деталь говорит об особенной манере кабардинок работать не на столе, а на полу, сидя на корточках или на низенькой скамеечке.

Эта манера отнюдь не является случайной. В доме каждого колхозника-горца имеются обычные городского типа и производства столы, стулья и табуретки. Однако стол городского типа служит у кабардинцев для весьма ограниченных целей. Он является украшением комнаты, на нем пишут, в некоторых случаях едят; но почти никогда на столе не выполняют никакой работы. Казалось бы, что при шитье на ручной швейной машине⁷ вполне естественно поставить ее на стол и шить, сидя на стуле или табурете. Однако такой прием нам приходилось видеть только в некоторых домах и в самые последние годы. Во время довоенных поездок мы видели чаще всего, что горянки шили, сидя на полу и поставив машину на пол; в некоторых случаях машина ставилась на табуретку или специальный еще более низкий столик, а швея сидела на полу.

Чем объясняется такое весьма ограниченное использование обычного стола? У народов Северного Кавказа в прошлом стола в нашем европейском понимании не было. Маленькие переносные столики (чаще всего круглые) были по своему назначению подносами или, точнее, блюдами, поставленными на ножки. Пицца — лепешки, мясо, даже каша клалась непосредственно на самый столик; только жидкости подавались в чашках или мисках. Столик подавался на одного или двух-трех человек. Столики приносились с едой и по окончании трапезы вешались на стену в определенном месте. Столик являлся предметом весьма почитаемым и играющим в ряде случаев роль семейного жертвенника. Особенно сохранилось это отношение к столику (фынг) у осетин. Оставлять стол с остатками еды или даже чистым стоять в комнате без дела, а тем более выполнять на нем грязную работу считалось недопустимым, почти кощунственным. Всякую работу (мытьё посуды, приготовление пищи) производили на полу, сидя на низенькой скамейке, подушке или на куске войлока.

В противоположность русской традиции совместного обеда всей семьи, традиции еды из общей чашки, — в быту горцев Кавказа не существовало ни определенного времени еды, ни общей трапезы; члены семьи ели врозь, чему способствовало и преобладание холодной пищи. Даже когда вся семья была в сборе, ели все же порознь: сначала старик — глава дома, потом мужская молодежь, затем женщины, в первую очередь хозяйка, и, наконец, дети. Это сохранилось в значительной степени и теперь. В связи с этим чаще всего употребляется при еде столик старого типа или заменяющая его табуретка. За обычным «европейским» столом едят только при гостях или только иногда члены семьи — взрослые, молодые мужчины и т. п.

Во время моей поездки в Кабарду в 1947 г. я посетила одну кабар-

⁷ Теперь швейные машины имеются почти в каждом доме.

динскую семью. Она жила в прекрасном доме, обставленном современной хорошей мебелью. Дочь хозяйки — молодая женщина — прекрасно говорила по-русски, одевалась по-городски; вся мебель, в том числе и стол, использовалась как в русском доме. Но мать хозяйки ни за что не хотела есть на столе. Во время оккупации немцы сожгли анэ — круглые столики. Но круглые горские столики теперь не выделяются. Дочь, желая сделать матери приятное, попросила соседа вырезать такой столик — «самый маленький, для одного». Когда этот неуклюжий, грубой работы, но привычный столик был дан старушке, она заявила, что «теперь она вполне убедилась, что война прошла и возобновилась старая хорошая жизнь».

Из мебели городского типа, кроме обычных столов, табуреток (часть в роли анэ) и стульев, встречаются комоды, шифоньерки и шкафы для посуды, но очень редко. Одежда хранится в чемоданах, вешается на стены на вбитые гвозди или настенные вешалки.

Немногочисленные, еще сохранившиеся предметы старого быта, как правило, скапливаются в кухне. Объясняется это наличием в кухне очага, который требует предметов старого обихода и способствует приспособлению к нему новой формы утвари. Так, мне приходилось видеть взамен старых котлов чугуны, предназначенные для русской печи, но приспособленные для очага: в краях чугуна были просверлены дырочки и продета железная дужка для подвешивания. Унэ шхуэ как помещение для стариков является, хотя и не всегда, хранилищем предметов более привычного для них старого быта.

Убранство стен жилища претерпело сильные изменения. В прошлом на стенах вешались цыновки или шкуры, употребляемые как намазлыки, а в некоторых случаях как настенные ковры. В более богатых домах встречались и ковры. Украшением жилищ являлось развешенное по стенам оружие, музыкальные инструменты, коран в особых сумочках. Как украшение воспринималась и нарядная одежда, развешенная по стенам, а также различные предметы, сложенные на упорядоченных полках. Позднее, с проникновением в быт предметов городского обихода, с изменением жилища, появились новые потребности, что сказалось на создании новых предметов или приспособлении старых. Так, для конца XIX и начала XX в. характерно употребление различного типа самодельных приспособлений (не вполне вышедших из употребления и сейчас) для хранения мелких предметов. Это разнообразной формы подчасники, настенные футляры для гребней, для писем и документов, вешалки для полотенец и т. п. Все это изготовлялось женскими руками. Футляры вырезались из картона, обтягивались материей, украшались вышивкой, превращаясь нередко в подлинные предметы искусства. Однако нередко и очень грубые экземпляры, в которых отразился городской, точнее мешанский вкус, появились новые материалы (цветные нитки и шерсть вместо золотых, бисер и блески) и новые, часто безвкусные орнаменты.

Наличие больших окон в новых домах потребовало занавесок, которые чаще всего делаются из марли, тюля или белой ткани. Вообще ткани стали играть большую роль в украшении жилища. У кабардинцев в настоящее время ковры, ткани, клеенка, иногда полосы обоев употребляются главным образом с декоративными целями. Их вешают над кроватями и по стенам, декорируют ими зеркала.

В качестве декоративного элемента используются цыновки местной работы из болотной травы. Прекрасный теплый оттенок материала, несложный, но красивый геометрический орнамент,— все это делает многие из цыновок произведениями искусства. Поддержка этого старинного промысла весьма желательна.

Совершенно новым моментом в украшении жилища являются портреты вождей. Их вставляют в деревянные рамы, иногда декорируют

полотенцем (как и настенные зеркала) или куском ткани. В огромном количестве развешиваются фотографии близких и знакомых. Иногда в кабардинских жилищах можно встретить и фотографии групповые — колхозников, бригады, звена. Попрежнему широко используется для украшения жилища оружие.

В прошлом в богатых домах, кроме посуды, постоянно употреблявшейся в быту, существовал запас «парадной» посуды (медные кувшины и тазы, во многих случаях имевшие прекрасную форму и отделку), которая обычно расставлялась на верхней полке задней стены и служила

Рис. 9. Внутренний вид жилища колхозника, с. Заюково, 1936.

украшением, подчеркивая состоятельность хозяина. Соприкосновение с русским населением внесло в быт горца ряд новых видов посуды, из которых наиболее ценными в глазах горцев были изделия из фаянса (тарелки, чашки, бокал, и т. п.) или стекла (графины, вазы, стаканы и даже банки и бутылки). Все эти вещи стали дополнять и вытеснять старую посуду в ее роли украшения жилища, не являясь, конечно, равноценной декоративной заменой. Ныне полок на стене не делается, но старый обычай выставления посуды еще встречается. Нам приходилось наблюдать кабардинские дома, в которых на столах (используемых вместо полок) расставлялась в декоративных целях различная посуда.

Новшеством является наличие в доме патефонов, велосипедов, радио, электричества и т. п. и, наконец, книг (хотя бы учебников).

Каковы выводы из наших наблюдений?

Раньше жилище кабардинца не отражало степени благосостояния хозяев. Простота постройки и обстановки в XIX в. была свойственна жилищам даже многих кабардинских князей, владельцев крупных табунов и отар. В нашем распоряжении имеется документ, относящийся к 1858 г. и хранящийся в Кабардинском областном архиве (фонд 24, дело 4); это описание имущества, оставшегося после владельца аула, поручика царской службы Хажы Напцева. Она характерна для выяснения

довольно скудного тогдашнего домашнего убранства даже богатых кабардинцев: в описи нет упоминания о кроватях, диванах, шкафах и пр., хотя пересчитаны даже деревянные ложки. Очевидно, для спанья служили нары, подобные описанным выше. Наличие в описи 16 тюфяков и 8 подушек может указывать не только на размер семьи, но и на обычай иметь запасные постели для гостей. В описи упоминаются 10 столиков — это уже описанные нами выше круглые столики-подносы. В некоторых домах в прошлом число таких столиков доходило до 20—30. В описи упоминаются 5 ковров и 6 сундуков, 2 самовара, чайник и погребец с серебряным прибором. Наличие этих вещей объясняется тем, что Напцев был поручиком царской армии, служил в войсках длительное время. Однако, как мы видим, основа быта не изменилась.

Главное богатство заключалось в крепостных и рабах, скоте, оружии и конском уборе, в запасах продовольствия. Только XX век внес дифференциацию в быт, и княжеские и кулацкие дома, построенные в начале века, по внешнему виду и внутреннему убранству начинают соответствовать зажиточности их владельцев. Однако богатство далеко не всегда сочеталось с культурой; последняя часто носила показной характер. Так, простыни существовали больше для вида, а спали на голлом войлоке.

В 1930 г. в Кабарде при раскулачивании одного из крупных скотовладельцев у него в сундуках нашли 202 метра мануфактуры, но в трех комнатах его дома был только один стол, два стула и две деревянные кровати. Любой рядовой колхозник теперь богаче обставляет свое жилище. Никто не скрывает своей зажиточности; все гордятся каждой мелочью, приобретенной для дома, ибо все это куплено на трудовые деньги. Это стремление показать все свои богатства иногда приводит к курьезам вроде выставки новых, ненадежных галош и бот вперемежку с посудой в парадной комнате одного из домов сел. Нарган (1939 г.).

Большое внимание уделяется чистоте и порядку в доме. Каждая вещь имеет строго предназначенное ей место, но теперь оно определяется не обязательным для всех обычаем старины, а личным вкусом хозяев. Чистота в домах замечательная, а ведь этнограф всегда является гостем неожиданным, застающим хозяев врасплох и дом в его обычном состоянии. Земляные полы (которые до сих пор преобладают) тщательно выметаются и поливаются. Книги имеются в каждом доме, разница только в их числе. Например, в доме учителя — 200 книг, а у его брата, малограмотного колхозника — 20.

Так, вся обстановка жилища вплоть до мелочей демонстрирует новую зажиточную и культурную жизнь в кабардинских колхозах, небывалую высоту, на которую поднят каждый советский человек в сталинскую эпоху.

Э. Г. ГАФФЕРБЕРГ

ЖИЛИЩЕ ДЖЕМШИДОВ КУШКИНСКОГО РАЙОНА

(К истории жилища кочевников)

Литературные сведения о джемшидском жилище, как и о самих джемшидах, чрезвычайно скудны. В иностранной литературе подробнее других авторов описывает джемшидов Эльфинстон¹. В русской литературе сообщение о жилище джемшидов мы находим в отчете проф. И. И. Зарубина об экспедиции к «мало известным иранским племенам Туркменистана» (белуджам, берберы, джемшидам и хазара). В этом отчете проф. Зарубин сообщает, что джемшиды «...живут в юртообразных шалашах (чаппари)...»². Подробного описания чаппари в литературе не появлялось, что и послужило поводом к опубликованию настоящей статьи по материалам, собранным мною в экспедиции в Туркменскую ССР в 1928—1929 гг., и по коллекции Музея Института этнографии АН СССР³. Обзор жилищ, бытовавших у джемшидов и хазара, интересен и тем, что он позволяет показать развитие кочевого жилища, представленного здесь всеми его типами: шалаш, полужемлянка, чаппари (удачно наванный проф. Зарубиным «юртообразным шалашом») и, наконец, «ханай-хырга» богатых хазарейцев — настоящая решетчатая юрта.

Основная масса джемшидов живет, как известно, в Афганистане, в северо-западной его части, в местности Бадгиз. Имеются поселения джемшидов также в Иране, в северо-восточной части Хорасана. В Россию джемшиды начали переселяться небольшими группами в конце XIX и в начале XX в. Переселение продолжалось и в советское время. Частично это были уже ранее жившие в России джемшиды, ушедшие в Афганистан во время гражданской войны в Туркмении, но большая часть переселилась на нашу территорию впервые. Переселение было вызвано тяжелым положением джемшидов в Афганистане, как национально меньшинства, недостатком пастбищ в Афганистане, тяжестью налогов, произволом чиновников. Джемшиды расселились в то время в Тахта-Базарском районе Мервского округа Туркменской республики, вдоль реки Кушки, между станциями Калаи-Мор (Комарово) и Чемени-Бид и в направлении к юго-западу от последней почти до самой границы, группируясь главным образом вокруг станции Чемени-Бид.

¹ Mounstuart Elphinstone, An account of the kingdom of Caubul, London, 1842, vol. II, стр. 206.

² «Отчет о научных командировках и экспедициях Академии Наук СССР за 1927 г.», Л., 1928, стр. 247.

³ Среди коллекций отдела Передней и Средней Азии Музея этнографии Академии Наук СССР джемшидское переносное жилище «чаппари» зарегистрировано отдельной коллекцией под № 3801. Оно было приобретено в 1928 г. сотрудниками одного из отрядов Среднеазиатской этнографической экспедиции Д. Д. Букиничем и автором настоящей статьи в Тахта-Базарском районе Мервского округа, вблизи железнодорожной станции Чемени-Бид, вокруг которой было расположено в то время большинство джемшидских селений. Кроме этой коллекции, отдел Передней и Средней Азии располагает зарисовками жилищ джемшидов (35 рисунков) и некоторым количеством негативов (около 100), на которых засняты различные типы летних и зимних жилищ джемшидов и их детали.

В период работ экспедиции (1928—1929 гг.)⁴ основным занятием джемшидов являлось овцеводство. В большом количестве разводили также верблюдов. Большая часть джемшидов в 1927 г., во время проведения в Туркмении земельно-водной реформы, была наделена землей. На отведенных им землях они сеяли главным образом пшеницу, хлопок, бахчевые культуры и люцерну. Джемшиды, наделенные землей, имели постоянные зимние селения — «кшлах» с глинобитными домами и дворами, обнесенными глинобитными стенами. Однако, продолжая заниматься скотоводством, они попрежнему вели полукочевой образ жизни,

Рис. 1. Общий вид части летовки Абдул Кадыра между станциями Комарово и Чемени-Бид. Справа — шатер афганского типа. Фото МАЭ, 3888—115

переселяясь весной со своими стадами на горные пастбища и совершая в течение лета три перекочевки и четвертую обратно в кшлах. Наряду с зимним селением, кшлах, они сохраняли и летний тип кочевого селения «малля» («мхалля», «махалля»), в основном состоявший из переносных жилищ, чаппари.

Летнее, кочевое селение джемшидов, малля, располагалось обычно возле реки, арыка или колодца. От воды зависели зачастую и перекочевки с места на место. Так, летовки, расположенные на берегах рек Кушки и Эгри-Гёка, с пересыханием этих рек и арыков, вытекавших из них, нередко переносились в горы, к горным колодцам, особенно к тем, в которых вода отличалась чистотой и пресностью. В большинстве же случаев арычная вода сохранялась в колодцах, заранее вырытых в арыках (или возле них) и представлявших собою глубокую, узкую яму, не всегда имевшую сверху деревянный сруб⁵.

Зимнее селение джемшидов, кшлах, носило характер настоящего оседлого селения. Встречались кшхлаки довольно больших размеров. Например, селение Шурчешме между станциями Чемени-Бид и Кома-

⁴ Публикуемые материалы относятся к указанным годам.

⁵ Способ добывания воды из ям, выкопанных в русле реки после ее пересыхания, существует в Афганистане до самых восточных его окраин. Афганцы роют яму в русле реки до глубины около человеческого роста и добывают таким образом холодную, чистую воду. Если же рыть глубже, почва дальше становится песчаной и вода в колодце не будет держаться. См. Н. G. Raverty, On Afghanistan and part of Baluchistan, section fourth, London, 1883, стр. 325, 329.

рово, состояло из 85 глинобитных строений, из которых 50 являлись жилыми домами, остальные 35 служили для скота. Зимовало в этом селении более 150 семейств. Семьи, не имевшие глинобитных построек, жили всю зиму в чаппари, которые ставили посреди дворов. Кроме больших селений, как Шурчешме, Чемени-Бид или Ходжа-Надыр, встречались небольшие поселки, состоявшие всего из трех-четырех (жилых) глинобитных домов; летом, когда они пустовали, их можно было принять за хутора. Зимой же вокруг этих трех-четырех домов собиралось еще несколько семейств, которые ставили свои чаппари внутри окружающей селение стены или вокруг нее. Примером могут служить поселки Сеид-Батура, Хасан-Мамада и другие.

Рис. 2. Общий вид части зимнего селения Ходжа Мульк близ ст. Чемени-Бид. Между глинобитными домами поставлены на зиму чаппари. Фото МАЭ, 3854—208

Кишлак снаружи был обнесен глинобитной стеной высотой в человеческий рост. Между дворами отдельных семей были также возведены стены (иногда такой же высоты, иногда ниже). Нередко внутри одного двора жили две семьи — обычно близких родственников. Бывало также, что бедняк, не имевший своего отдельного хозяйства, ставил на зиму свой чаппари во дворе бая, около которого он «кормился». Дворы сообщались между собою проходами, оставлявшимися в стенах при их постройке. Такие же проходы служили для выхода на улицу. Некоторое исключение представлял собою кишлак Ходжа-Надыр, дворы которого с вклинивающимися между ними площадками клевера и хлопка были разбросаны на большом расстоянии. Вокруг кишлака, за редким исключением, сосредотачивалась вся посевная площадь живущих в ней семей.

Таким образом джемшиды имели два основных типа жилищ: переносное разборное жилище — чаппари и глинобитный зимний дом. Кроме этих двух основных типов, у джемшидов-бедняков встречались легкие летние постройки из разнообразного материала, носившие общее название «каппа».

Чаппари представляет собою круглое жилище с крышей, имеющей форму пологого конуса, внешне очень сходное с юртой. Отличается чаппари от юрты тем, что остов стены состоит не из деревянных решеток — «кереге», как у юрты, а из вбитых в землю кольев. Отлично от юрты также устройство крыши. Крыша юрты увенчивается деревянным кругом — «чангарак», насаживающимся на верхние загнутые концы

жердей крыши. Крыша чаппари представляет собою пологий конус из прямых палок, соединенных верхними концами и привязанных к короткой палке или к маленькому обручу. Эти особенности приближают чаппари к шалашу. Таким образом чаппари является как бы переходной ступенью от шалаша к юрте.

Верхние, более толстые концы жердей крыши чаппари привязываются шерстяной веревкой к небольшому деревянному кругу, состоящему из двух скрепленных между собою согнутых кусков толстых веток. Эта часть остова крыши называется «сар-чуй». Для удобства связывания на верхних концах жердей, несколько отступя от края, делаются кольцеобразные вырезы, в которые укладывается веревка. Обычно, чтобы не перетирались веревки, ободок предварительно обтягивается кошмой.

Рис. 3. Установка остова чаппари. Фото МАЭ, 3838—14

Нижняя часть остова стены чаппари снаружи охватывается камышовой плетенкой — «чек», состоящей из стеблей камыша, переплетенных шерстяными бечевками, концами которых чек при постройке чаппари привязывается к кольям стены.

Место установки чаппари в кишлаке, а иногда и на летовке, определялось на несколько лет. Оно представляло собою плотно убитый круг, затвердевший от поливания водой при подметании. По краям круга располагались ямки от кольев стены. Около места, где предполагалась дверь, иногда влево, иногда вправо от нее, делалась очажная ямка. Это место установки чаппари называлось «йорт» или «тей-чаппари».

Чаппари устанавливали следующим образом. Сначала в середину «йорта» вбивали деревянный колышек «ольчак», к нему привязывали веревку, равную радиусу чаппари, и ею отмеряли места, где должны были быть вбиты колья стены. Места эти поливали водой. Одновременно кто-нибудь из мужчин тешой или большим ножом заострял колья стены на специальной деревянной колодке, называемой «мехлаткунй» или «чуйлаткунй». В местах, полных водой, сначала делали лунки, вбивая в них небольшой кол «мех», чтобы колья легче входили в землю и не ломались при вбивании. Сделанные при помощи кола лунки еще расширяли и разрыхляли руками и ножом. После этого в лунки вбивались колья стены, ямки засыпались и утрамбовывались, и у основания кольев для крепости вбивались камни. Нередко некоторые колья, если длина их была недостаточна, надставлялись небольшой длины палками, которые привязывались веревками к верхним концам кольев. Из-за недостатка леса легче было надставить кол палкой, чем достать новый кол нужной длины. Эти палки-надставки иногда были вдвое тоньше кольев. Таких надставок на кольях стены бывало немало, и весь остов стены чаппари имел чрезвычайно примитивный вид. После того как все колья вбиты, их иногда укрепляли еще беревкой, которая

охватывала все кольца на половине их высоты или несколько выше и концы которой привязывались к кольям по сторонам предполагаемого дверного отверстия. После этого приступали к привязыванию остова крыши — «сар-чаппари» или «сар-чуй-чаппари» — к кольям стены шерстяным поясом — «нуар»⁶. При этом применялись два способа.

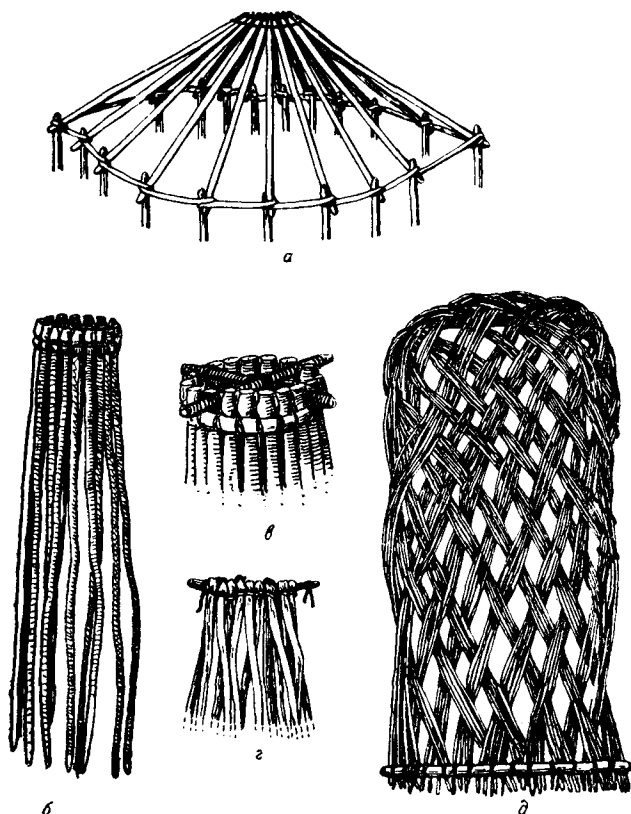

Рис. 4. *a* — способ привязывания остова крыши к кольям стены чаппари; *b* — остов крыши чаппари в сложенном виде (колл. МАЭ, № 3801-2); *в* — способ привязывания жердей крыши к увенчивающему ее кольцу; *г* — способ привязывания жердей крыши к палке; *д* — дверь чаппари, сплетенная из тальника (колл. МАЭ, № 4035—45)

1. Нуар обводился поверху вокруг всего остова стены чаппари, охватывая подобием петель верхние концы кольев стены. Остов крыши в сложенном виде ставился на землю в середине чаппари и поддерживался одним из мужчин. Жерди крыши брали по одной и нижние их концы вставляли в петли, охватывающие верхние концы кольев стены. Когда несколько жердей уже вставлено, человек, поддерживавший крышу в середине, слегка приподнимал ее от земли и, по мере надоб-

⁶ Нуар ткали джемшидские женщины, каждая для своего хозяйства. Ткали их обычно летом, так как основа для них натягивается большой длины и внутри чаппари это делать невозможно за недостатком места. Основу натягивали прямо на земле на двух палках, укрепленных вбитыми в землю небольшими кольями, чтобы основа была достаточно натянута. Ремизки подвешивались к деревянной треноге из трех больших палок, связанных вверху. Нуары нередко украшались тканым геометрическим орнаментом из коричневой шерсти двух тонов; женщины ткали орнамент по памяти, без каких-либо рисунков.

ности, поднимал ее все выше и выше, уже с помощью других участников установки чаппари. Таким образом вставлялись все палки.

2. Один человек поддерживал в середине весь остов крыши в сложенном виде, другой же привязывал конец шерстяного нуара к верхнему концу одного из кольев стены, затем поднимал поочередно нижние концы жердей крыши к верхним концам кольев, крепко охватывая это соединение петлей нуара, и таким образом обводил нуар вокруг всего чаппари. При этом способе привязывания остова крыши стоящий в середине человек также постепенно приподнимал крышу все выше и выше от земли. В обоих случаях петли, охватывающие концы кольев стены, являются единственным скреплением остова крыши с остовом стены чаппари. В очень редких случаях эту работу выполняли и женщины.

Остов крыши чаппари, как и колья стены, джемшиды изготовляли сами. При разборке чаппари остов крыши не разбирался, а снимался целиком и в сложенном виде перевозился на новое место.

Когда крыша укреплена, остов стены обводили цыновкой из камыша — чек⁷. Таких цыновок было обычно две: одна из них привязывалась с одной стороны двери, другая — с другой, причем один конец каждой из них привязывали к одному из кольев, стоящих по сторонам двери, другой — к одному из задних кольев стены чаппари. Нередко для крепости вдоль чека вбивали в землю небольшие колья.

Привязав и укрепив чеки, приступали к привязыванию боковых кошм — «дистаг». Сначала привязывали две кошмы, идущие от двери. Вережки, шедшие по верхнему краю кошмы, привязывали к жердям крыши; веревки, шедшие от верхних углов, примыкающих к двери, перекрещивались над последней и также привязывались к жердям крыши по сторонам двери. После этого с задней стороны чаппари привязывали еще одну или две кошмы, в зависимости от величины чаппари. Четвертая кошма встречалась крайне редко, лишь у богатых джемшидов.

На кошмы шла шерсть осенней стрижки — «пашме-тирмо». Шерсть сортировали на несколько сортов: черная и коричневая, белая, желтая и серая. Черная и белая шерсть шла на пестрые кошмы, предназначавшиеся для внутреннего убранства чаппари, причем белая шерсть окрашивалась в разные цвета. Серая, желтая, коричневая и частично черная шерсть шла на кошмы для покрытия чаппари.

Крыша покрывалась двумя кошмами — «намати-хузук», выкроенными в форме полукругов. Накладка этих кошм — дело довольно трудное, так как кошмы очень тяжелы. Каждую из них предварительно свертывали от двух углов к середине двумя валиками. Сначала накладывали кошму, покрывавшую переднюю половину крыши (рис. 5 б). Для этого ее, свернутую описанным выше образом, забрасывали на крышу. Затем, подталкивая палками изнутри чаппари, разворачивали ее углы, раскладывая ее так, чтобы она плотно охватывала спереди остов крыши,

⁷ Изготавливался чек женщинами следующим способом. К двум, вбитым в землю вертикальным столбам, высотой приблизительно в половину человеческого роста, прибавляли сверху деревянный горизонтальный брус. Поперек верхней его грани клали 7—8, смотря по желаемой высоте чека, длинных тонких шерстяных бечевок или толстых шерстяных ниток. Концы бечевок, спускающиеся по обе стороны поперечины, наматывались на камни и закреплялись на них. Таким образом по обе стороны бруса получалось по ряду висящих камней (равное количество с обеих сторон, обычно 7—8). На нитки вдоль деревянного бруса клали два стебля камыша. Затем каждая пара висящих с противоположных сторон камней менялась местами, причем бечевки перекидывались через положенную на поперечину пару стеблей. Таким образом от каждой нитки через эти стебли перекидывались в противоположные стороны накрест два конца. После этого ненужные концы стеблей отрезались ножом, а стебель слегка передвигался работающей женщиной к себе. Женщина клала на поперечину следующую пару стеблей, вплотную к предыдущей, и весь процесс повторялся снова. Женщина, изготовлявшая чек, сидела обычно перед станком на каком-нибудь возвышении. По мере изготовления чека готовый конец его свертывался валиком на земле у ее ног. По окончании работы нитки связывались накрепко, и концы оставались висеть приблизительно на полметра для привязывания чека к кольям стены чаппари.

и привязывали ее к жердям крыши имеющимися на прямом крае ее небольшими веревочками. Далее, свернутую таким же образом заднюю кошму (рис. 5а), также забрасывали на крышу. Пришитые к ее углам нуары шли книзу и привязывались к кольям по сторонам двери. Две пары веревок, идущие по сторонам центра от прямого края кошмы, переkreщивались над дверью и, разойдясь в противоположные стороны, шли книзу и привязывались к нижним концам жердей стены. Чтобы ветер не поддувал под нижний приподнятый край кошмы в месте привязывания этих веревок, их нередко прикрепляли к кольшкам «мех», вбитым специально для этой цели у основания чаппари. Иногда их привязывали к опоясывающей чаппари веревке, придерживающей боковые кошмы. На задней верхней кошме некоторых чаппари можно было встретить пришитый у середины полукруглого края небольшой кусок кошмы, также полукруглой формы или в виде треугольника с закругленной вершиной. Этот привесок — «пушт-дари» располагался на задней стороне чаппари против двери и служил защитой от сквозняка. Верхние кошмы располагались на крыше так, что полукруглые края их спускались с крыши приблизительно на 0,25 м. Чтобы они плотнее прилегали к краям крыши и ветер не проникал в чаппари, верх стены обводился поверх спускающихся краев кошм нуаром или веревкой.

В летнее время чаппари покрывался не так тщательно. В жаркие дни откидывали край одной из боковых кошм, а иногда и всю кошму, чтобы облегчить приток свежего воздуха. Когда ветер дул в таком направлении, что не допускал свободного выхода дыма из очага, край одной из верхних кошм также приподнимали.

Дверь бывала двух родов: из стеблей гребенщика или тальника и откидная дверь из кошмы. Первая очень искусно сплеталась из ветвей гребенщика или тальника, сложенных по три вместе. Верх двери нередко обшивался шкурой джейрана. Дверь эта обычно привешивалась к колу стены правой своей стороной (если смотреть снаружи) на двух веревочных петлях. Высота двери бывала значительно ниже дверного отверстия, иногда же почти достигала последнего. Наряду с такой дверью большим распространением пользовалась откидная дверь, имевшая форму вертикально висящего вытянутого прямоугольника. Ее делали из камыша или гребенщика таким же способом, как и цыновку «чек». К цыновке пришивали с одной стороны кошму, с другой мешковину или целиком обшивали ее мешковиной или шерстяной тканью. Иногда такую дверь делали просто из старой кошмы, сложенной в два-три слоя и простеганной тонкой веревкой. Тогда, чтобы дверь держалась в расправленном виде, к ее верхнему и нижнему краям пришивались горизонтальные палочки. Верхний конец двери привязывался к верхней кошме над дверным отверстием, нижний спускался до земли. Ширина двери бывала равна ширине дверного отверстия или уже его. При прохождении в чаппари дверь приподнимали. В летнее время она обычно лежала откинутой на крыше чаппари и опускалась только на ночь.

Ориентировка чаппари была различна, в зависимости от удобства расположения в селении или внутри двора. Если чаппари на летовках располагались в один ряд вдоль реки, все они были обращены входом к реке; на летовках, где чаппари были расположены в круг или в виде прямого угла, они были обращены входами к центру селения. Нередко две летовки, расположенные рядами в недалеком расстоянии друг против друга, были обращены входами друг к другу; точно так же в зимнем селении два чаппари, помещающиеся внутри одного двора, располагались входами друг к другу.

В передней части чаппари, вправо от двери (реже влево), помещался вырытый в земле очаг — углубление, формой напоминающее замочную скважину. На круглую часть очага ставился котел, через удлинен-

ную часть подкладывали топливо. Круглую часть иногда обносили очень незначительным возвышением, которое прерывалось не только спереди, над удлиненной частью очага, но и сзади, оставляя отверстие для тяги.

Социальные различия в летнем жилище выражались главным образом в величине его и в качестве материала. Чаппари бая был больше в диаметре, имел иногда большее количество боковых кошм, кошмы были добротные, не дырявые. Иногда чаппари бая, сверх боковых кошм, окружался еще одним чеком. В других случаях стену чаппари сверх кошм обводили еще узорчатым поясом — нуаром, сотканным из черных

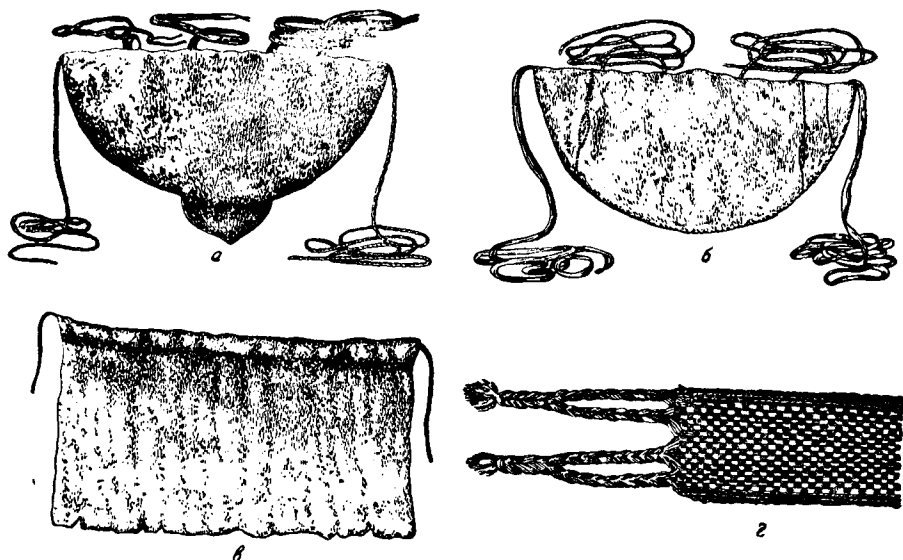

Рис. 5. *а* — кошма, покрывающая заднюю половину крыши чаппари (колл. МАЭ, № 3801—86); *б* — кошма, покрывающая переднюю половину крыши чаппари (колл. МАЭ, 3801—8а); *в* — одна из боковых кошм, которыми обтягивается остов стены чаппари (колл. МАЭ, № 3801—7); таких кошм обычно бывает три; *г* — орнаментированный шерстяной пояс „нуар“

и белых или коричневых и белых шерстяных ниток. Привязывали его больше для красоты, чем для крепости. На чаппари бедняков такой нуар не встречался. Так как кошмы на бедняцких чаппари были зачастую дырявые, рваные, то чаппари обвязывали поверх боковых кошм толстой шерстяной веревкой. Иногда у бедняков весь чаппари был обвязан веревками, чтобы ветхие кошмы не разлетались в разные стороны.

По рассказам джемшидов, в Афганистане они имеют зимние селения с глинобитными жилищами и лишь на летние месяцы переселяются в горы со своими чаппари.

В большинстве случаев джемшиды, имевшие глинобитные дома, все же ставили у себя во дворе на зиму чаппари. Мне приходилось наблюдать, что до самых сильных морозов жизнь семьи сосредоточивалась главным образом в чаппари, а спать уходили в глинобитный дом. Лишь сильные морозы заставляли всю семью проводить целый день в глинобитном доме.

Для отправки на летовку ждали ясной, теплой погоды. Накануне женщины стирали одежду; к вечеру пекли хлеб. Всю ночь не спали: собирали скарб, связывали его в узлы, складывали в «хуржумы» (перекидные сумы). С рассветом разбирали чаппари, связывали его и весь скарб нагружали на быков и верблюдов. Мужчины ехали верхом на лошадях, подростки на быках и ишаках, женщины и дети на верблюдах.

Все надевали праздничные одежды и украшения. День этот был одним из самых веселых в году, молодежь ждала его с нетерпением. Обычно одновременно снимались с места два-три кишлака родственников или просто членов одной группы, пасущей свои стада в одних и тех же местах. Летовки их располагались друг возле друга. Были и такие селения, которые в первую летовку переселялись совсем недалеко от своего кишлака. В таких случаях бедняки свой скарб и жилище переносили на собственной спине. Прибыв на место, богатые убивали барана, готовили ужин. Бедные доили овец и приготавливали из молока «катых» (заквашенное кипяченое молоко).

Рис. 6. Чаппары зажиточного джемшида. На заднем плане за стеной виден чаппар, у которого от задней кошмы крыши идут шесть новых нуаров, три в одну, три в другую сторону. Фото МАЭ, 3854—68

Это первое переселение на летовки совершалось в середине или во второй половине февраля. Задержать его могли лишь очень сильные холода, так как оно совершалось к тому времени, когда половина овец уже объегнилась и начиналась пора ежедневного доения овец и обработки молочных продуктов. Если переезд на летовку совпадал с днем науруза (Нового года) и погода стояла теплая, молодые девушки, прибыв на летовку, доставали бубен и начинали танцевать. Постановка чаппари требует $1\frac{1}{2}$ —2 часов, но бывает, что это затягивается и на несколько часов, в тех случаях, когда палки и кошмы требуют починки.

Когда постройка чаппари закончена, хозяйка выметала пол и поливала его водой. Затем устанавливали «кадак», деревянный настил, на котором держат все постели, одежду и прочий домашний скарб. Сначала вдоль задней стены чаппари (против входа) вбивали попарно два ряда колышков с развилками на верхних концах. Этих колышков, называемых «сархери», вбивали две-три пары, иногда четыре, смотря по достатку хозяев, от которого зависит величина кадака. Для сархери употреблялись фисташковые ветки, имеющие много развилок. Поперек упомянутых двух рядов сархери клали перпендикулярно к задней стене палки «болочуй», вкладывавшиеся в развилки сархери; их также рубили из фисташки или тала. Поперек болочуй вдоль задней стены клали плотно друг к другу доски, называвшиеся «саровоз» или «тахте».

Таким образом получался невысокий деревянный настил, на который складывали всю домашнюю рухлядь, постели и одежду. Все это составляло довольно внушительную грудку, называемую «боро». Каждая из женщин и девушек имела в боро свой собственный узел — «герибанд». Вещи сыновей и совсем маленьких дочерей хранились у их матери. Когда маленькая дочь была уже сговорена и получала ежегодно подарки от своего будущего свекра, для нее, по мере их накопления, создавался свой собственный герибанд, который впоследствии составлял ее приданое — «джихаз». Установка кадака и накладывание на него боро занимали продолжительное время, особенно в зажиточной и многочисленной семье. Каждая из женщин и девушек раскладывала и пересматривала все свое имущество, советовалась с другими женщинами, что шить из того или другого куска материи.

При укладке боро внизу, непосредственно на доски, клали большой хуржум с самыми ценными вещами. Поверх хуржума укладывали остальные узлы с одеждой, на них тюфяки, подушки и одеяла для гостей, а сверху всего постель, на которой вся семья спала ежедневно. Вся эта грудка покрывалась большим паласом или ковром.

По обе стороны боро вдоль стены чаппари располагалась остальная домашняя утварь. Налево стояли большие мешки со съестными припасами (мукой, пшеницей, фисташковыми орешками, ячменем) на положенных на землю палках из фисташкового дерева, чтобы припасы не отсырели. Муку держали в больших, плотных, шерстяных мешках — «джувал» собственного производства, пшеницу, ячмень и фисташку большею частью в обыкновенных мешках. На мешке, стоящем ближе всех к боро, лежал завернутый в «дастерхан» (скатерть) хлеб. Последний при перекочевке обязательно переносился из старой стоянки (иногда даже горячим) в дастерхане или женском покрывале. Тут же между мешками, на подложенных для защиты от сырости палках и кирпичках складывали хозяйственные принадлежности: гребень для расчесывания шерсти («шона»), вилы и пр. Тут же лежал мешок с солью — «намакдан». Рядом с мешками стояли обычно один или два сосуда с маслом («дабба»), формой напоминающие огромную бутылку с широким горлом. Эти сосуды джемшиды делали из размельченных корней и веток растения «гоузбон» (из семейства лилейных), смешанных с поташом собственного изготовления. В сосуд с маслом было принято выкатать сверху арчевую шишку — «ноджум», которая, по представлениям джемшидов, приносила благополучие. Когда масло кончалось, ноджум перекалывали на муку. Небольшие даббы вешали на колья стены или на чек.

Слева от входа, между мешками с продуктами и дверью, складывали деревянную, медную и чугунную посуду. Здесь же подвешивался «тулюм» — кожаный мешок для сбивания масла. При наличии в семье грудного ребенка у этой же левой части стены вешали люльку. Середину чаппари, между боро и дверью, покрывали кошмами. Летом кошмы, не больше двух, лежали весь день только у богатых джемшидов, а бедняки расстилали кошку только при приходе гостей. Зимой же и бедняки старались насколько возможно покрыть земляной пол кошмами, чтобы уберечься от холода. По правой стороне чаппари обычно никакой утвари не клали. Только на колья стены и на чек вешали различные предметы (ружье, патронташ, мешок с зеркалом, мешочки для мелких предметов).

Местом для гостей являлась задняя часть чаппари, расположенная против входа, но ближе к правой, чем к левой части чаппари. Правая часть всегда оставалась свободной от хозяйственной утвари. Только у очага, который обычно располагался справа, ближе к двери, стоял поднос с чайником и пиалом и чугунный «чаджуш» — кувшин для кипячения воды. То и другое также имело отношение к приему гостей, так как гостя первым делом угощают чаем.

Роженица после родов обычно лежала на правой половине чаппари. На правой же половине вешалась обычно занавеска, за которой первое время после свадьбы жили новобрачные. Последнее, впрочем, не всегда соблюдалось: в одном случае у рода кохчи я наблюдала, что такая занавеска висела на левой стороне чаппари.

Хозяйственными постройками возле чаппари являлись временные навесы для просушки сыра «курут» или создания тени для овец, содержащихся по той или иной причине возле дома. Такие навесы строились очень непрочно, представляя собою просто четыре воткнутые в землю палки, на которых устраивался легкий настил из веток. Для просушки курута на этот настил клался дастерхан или кусок ткани. Навес для

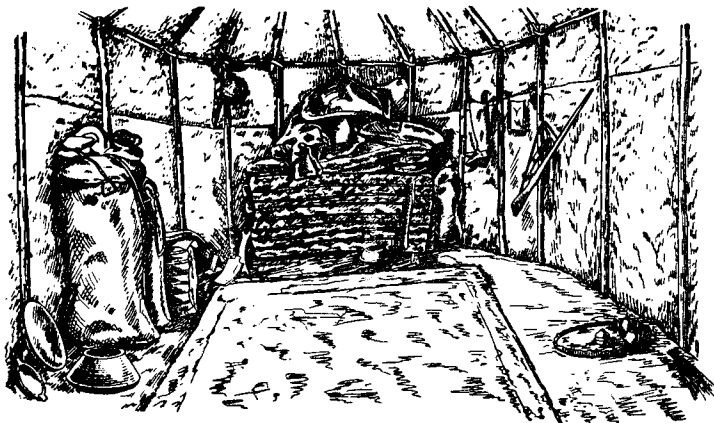

Рис. 7. Внутренний вид чаппари. С зарисовки автора

овец покрывался ветвями гребенщика. В некоторых летовках посередине селения устраивался загон из воткнутых в землю ветвей гребенщика «агаль», куда загоняли на ночь овец с ягнятами⁸. У джемшидов рода муртузаи, кочевавших в районе пограничных постов Ислим-Чешме и Ак-Рабат и не имевших зимних селений и жилищ, я наблюдала хозяйственные постройки из гребенщических плетенок. Они представляли собою 8—10 палок, воткнутых в землю четырехугольником. К этим палкам прикреплялись стены и крыша, сплетенные из гребенщика.

Для выпечки хлеба в кишлаках и на летовках служили специальные печи — «тандур». Тандуры строили всегда вне дома. Обычный, более распространенный тип тандура представлял собою глиняную печь сферической формы 80 см высотой, стоящую прямо на земле. На верхушке тандур имеет отверстия для закладки топлива и лепешек и выхода дыма, а внизу, у самой земли, два небольших отверстия для тяги, расположенные друг против друга⁹. Иногда, большей частью в зимних поселениях, тандур окружался для прочности четырехугольной глинобитной площадкой, сложенной из кусков дерна и лишь сверху обмазанной глиной, и тогда он назывался «тандуре-тахте». Край тандура снаружи иногда украшался геометрическим орнаментом. На летовке обычно имелись один или два общих тандура, которыми пользовалось все население летовки, в кишлаке же тандуре-тахте ставились в нескольких дворах, причем пользовались ими все соседи. Вокруг каждого тандура объединялась группа наиболее близких соседей. Богатые семьи ставили отдельно свои собственные тандуры, так как из-за большого количества

⁸ У таджиков помещение для скота называется «огуль». — См. Н. А. Кисляков, Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу, сб. Сов. этнография, II, 1939, стр. 162.

⁹ Глубина измеренного мною тандура была равна 78 см, диаметр верхнего отверстия — 33 см, дна тандура — 80 см, средняя толщина стенок — 6—7 см.

едоков и частых посещений гостей хлеб приходилось печь иногда два раза в день. Строился тандур всегда женщинами.

Кроме тандуров, возле жилищ во дворах кишлаков и на летовках выкапывались в земле очаги для варки пищи. Они имели такую же форму замочной скважины, как и описанные выше очаги внутри чаппари. До наступления холодов джемшидские женщины пользовались главным образом этими очагами.

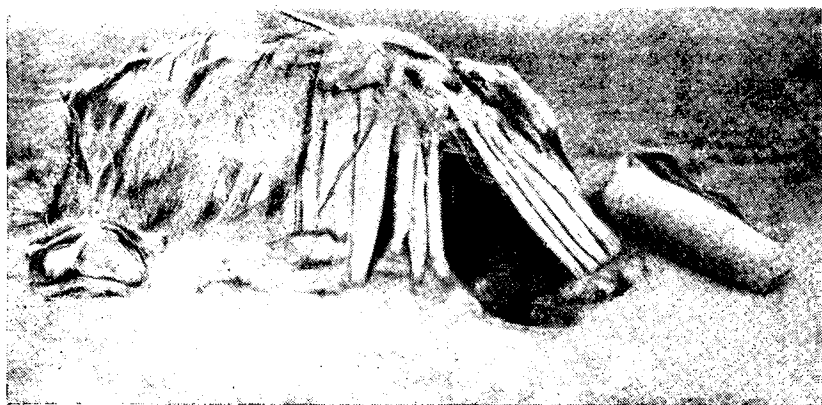

Рис. 8. Полуземлянка, верх которой представляет собой род шалаша из стволов доремы, покрытого гребенщиком и кусками войлока. Фото МАЭ, 3888—12

Для кормления содержавшихся возле дома лошадей, быков, ишаков строили возле жилищ глиняные кормушки «охур»¹⁰. Кормушка для лошади большею частью представляла собою грубо сложенный из глины с соломой цилиндр, высотой иногда почти в человеческий рост. Цилиндр имел с одной стороны вырез, достаточно глубокий и широкий, чтобы лошадь могла просунуть в него голову. Дно кормушки было выложено глиной и поднято достаточно высоко над землей, чтобы лошади удобно было съесть корм. Для быков и ишаков строились низкие круглые кормушки с невысокими стенками и низко расположенным дном. Богатые бай имели четырехугольные кормушки с четырьмя вырезами, так что из такой кормушки могли есть одновременно четыре лошади.

В описываемый период беднейшая часть населения иногда не имела даже чаппари, в котором можно было бы жить на летовке. Почти в каждом летнем селении встречались один или два шалаша или землянки, построенные разнообразными способами и из различного материала. Все эти строения носили общее название «каппа». Примером наиболее легкой и непрочной постройки этого типа может служить шалаш, обнаруженный нами в кочевье рода кембери, построенный из нескольких палок и покрытый травой. Кривые палки были воткнуты в землю в кружок и верхние концы их перевиты веревками, так что шалаш имел коническую форму. Трава была наложена на палки толстым слоем, также

¹⁰ У таджиков — «охурджа»; см. Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 162.

перевитым веревками, а верх шалаша был покрыт кусками ткани и кошмы. Жить зимой в таком шалаше было, конечно, невозможно; обитательница его жила зимой в глинобитном доме у родственников.

Наряду с зажиточными джемшидами, глинобитные домики (конечно, худшего качества) имели бедняки, и именно те из них, которые не имели чаппари, так как жить зимой в большинстве каппа было невозможно. У джемшидов встречался лишь один тип каппа, в котором семьи бедняков ютились круглый год, это — полуземлянки. Последние имели обычно более 50 см глубины и 2—2,5 м длины. Стены возводились из плотно уложенных больших кусков дерна, крыша покрывалась

Рис. 9. Временное летнее жилище „каппа“. Фото МАЭ, 3854—29

одновременно палками, гребенщиком, кусками мешковины и кошмы. У одной из таких полуземлянок наземная часть представляла собой продолговатый шалаш из стволов «доремы» — зонтичного степного растения. Верх шалаша также был покрыт гребенщиком и кусками кошмы. Высота этих полуземлянок была невелика. Не во всякой из них можно было встать во весь рост.

Наиболее просторными и близкими по своему устройству к чаппари являлись каппа, построенные из воткнутой в землю кольев, окруженных чеком и покрытых кусками шерстяной ткани и кошмы (рис. 9). Этот тип каппа находит аналогию у таджиков. У последних, как и у джемшидов, словом «капа» обозначаются временные летние жилища из различного материала, всякого рода шалаша, вплоть до небольшого легкого шалашика для сна на крыше глинобитного дома. Однако по фотографиям прослеживается наиболее распространенный у таджиков тип капа, чрезвычайно схожий не только с джемшидской каппа, но и с чаппари. Остов такой капа состоит из нескольких (4—5) деревянных дуг, воткнутых в землю и скрепленных привязанными к ним гибкими ветвями. Остов обносится «чиг» — цыновкой из таловых прутьев, изготовляемой тем же способом, что и джемшидский чек, с той лишь разницей, что камыш заменен прутьями¹¹. Затем боковая поверхность остова покрывается кошмами, имеющими веревки по верхнему краю, которыми они и привязываются к остоу; при этом оставляется незавешенным отвер-

¹¹ Названию «чиг» указывает, что прототипом этой цыновки является плетенка из камыша, обозначаемая тем же словом.

стие, предназначенное для двери. Оставшееся в крыше пустое пространство покрывается большим куском ткани из козьей шерсти, от краев которой спускаются веревки, привязанные внизу к камням. Веревки эти, придающие устойчивость покрывке крыши, пропускаются под опоясывающую капа веревку, придерживающую боковые кошмы¹². Иногда эти веревки привязываются не к камням, а к опоясывающей капа веревке, как это делается иногда и при установке чаппари (см. выше). Дверное отверстие завешивается одеялом или паласом¹³. Такая

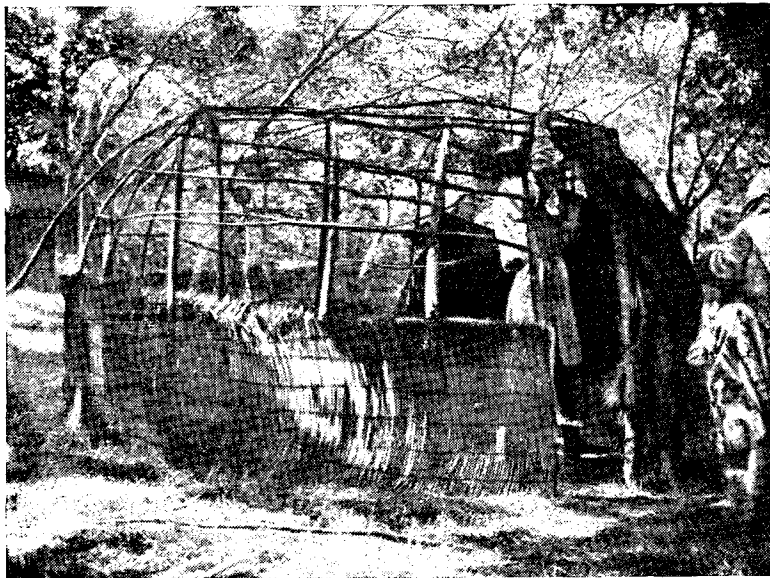

Рис. 10. Установка таджикской капы. Навешивание боковых кошм на остов капы, обведенный чием. Сел. Урмитан Фальгар. Фото МАЭ, 3489-66

подвесная дверь при входе отворачивается в сторону или поднимается вверх. Описанная капа имеет большое сходство не только с джемшидской каппа, но и с чаппари. Однако от последнего она имеет существенное отличие — отсутствие конусообразной крыши из отдельных жердей и выкроенных полукруглых кошм, кроющих крышу. Крыша в таджикской капе еще не отделилась от вертикальной стены.

По сообщению А. Н. Кондаурова, таджикская капа описанного выше типа «больше всего... приближается к юртам кочевых узбеков Южного Таджикистана, в частности к карлукской юрте», остов стены которой сделан из вбитых в землю деревянных жердей и обнесен камышовым чием. По форме такой тип переносного жилища кочевых узбеков совершенно сходен с чаппари. Интересно отметить, что это жилище существует у кочевых узбеков с настоящей юртой, стена которой сделана из решеток. В отличие от юрт других кочевых народов Средней Азии, стена и крыша этих юрт покрыты не кошмами, а камышом, который придерживается охватывающими юрту камышовыми же жгутами.

Большой интерес представляет в этой связи зарегистрированное Варыгиным в 1916 г. в Кулябском бекстве жилище переселившихся из

¹² Публикуемая фотография снята в Фальгаре, в сел. Урмитан старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР А. Л. Троицкой, любезно сообщившей мне подробности установки таджикской капы.

¹³ А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, 1940, стр. 70.

Афганистана хазара. Сравнивая его с юртой кочевых узбеков этого района, покрытой старыми, закопченными кошмами, Варыгин пишет: «Значительно лучше устроены конусообразные, камышовые жилища афганцев племени хазара. Толстые стены из камыша, переплетенного накрест, перевязаны на высоте человеческого роста для прочности травяными жгутами; здесь же берет начало коническая крыша из того же материала; от земли на некоторую высоту такая юрта засыпана землей для устойчивости и для стока воды. Подобные жилища, как это ни странно, не сквозят, не пропускают воды и, как говорят, лучше держат

Рис. 11: Жилище полукочевых узбеков (карлюков). Фото МАЭ. И73—12

тепло». Судя по описанию, мы имеем здесь дело с жилищем, внешне чрезвычайно сходным с чаппари. Оно имеет вертикальную стенку и прикрепленную к ней коническую крышу, но сделано целиком из переплетенного накрест камыша, что отдаленно напоминает решетку настоящей юрты.

Наконец, жилища, совершенно аналогичные чаппари, мы находим у алтайцев¹⁴. Устройство этого алтайского жилища совершенно сходно с устройством чаппари, за исключением более благоустроенной двери (у чаппари дверная рама отсутствует). Такое жилище было зарегистрировано Л. П. Потаповым еще в 1927 г. в долине Катуня близ впадения в нее реки Чуи. Кроется это жилище также кошмами.

Таким образом мы находим у джемшидов и хазара Туркменской ССР (переселенцев из северо-западной части Афганистана), у хазара Куляба, у кочевых узбеков и у алтайцев одинаковый тип жилища, особенностью которого являются: вертикальная стенка из вбитых в землю жердей (в данном случае — отступление в жилище кулябских хазара, где стенка сделана из камыша) и конусообразная крыша. Жилища эти покрываются кошмами, лишь у хазара Куляба они сделаны просто из камыша. В то время как в некоторых каппа мы имеем обыкновенный шалаш, покрытый кошмами, дно которого бывает углублено в землю ради тепла и ради увеличения высоты жилища (джемшидские полужемлянки), в чаппари мы находим уже отделение крыши от вертикальной круглой стены. Это, по мнению Харузина, с которым нельзя не согла-

¹⁴ См. Radloff, Aus Sibirien, I, Leipzig, 1884, стр. 268.

ситься, является первым характерным признаком решетчатой юрты¹⁵. Наличие жилищ типа чаппари у столь отдаленных друг от друга народов, как джемшиды и алтайцы, позволяет рассматривать этот тип жилища как явление стадиальное.

У некоторых богатых джемшидов можно было встретить в качестве летнего жилища афганский шатер, крытый тканью из козьей шерсти, называемый джемшидами «палас». Паласы встречались у джемшидов единицами, преимущественно у рода маудуди, имевшего тесное обще-

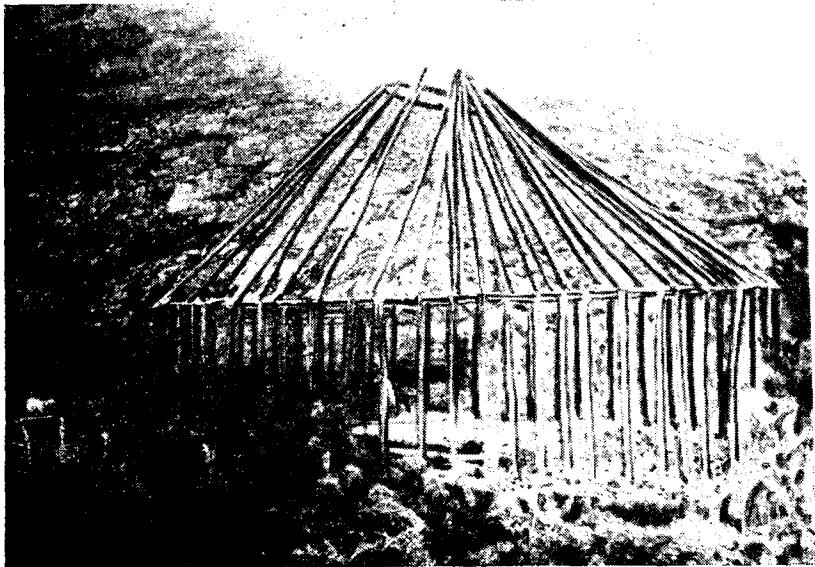

Рис. 12. Переносное жилище южных алтайцев. Фото Л. П. Потапова

ние с другими племенами. Например, кочевье Муллы-Амада, все жители которого жили в паласах, состояло наполовину из джемшидов рода маудуди, наполовину из представителей небольшого иранского племени зейкени. Еще реже, чем палас, встречалась туркменская юрта, покупавшаяся у туркмен и являвшаяся, по мнению джемшидов, самым теплым и благоустроенным из переносных жилищ.

По общему мнению джемшидов, чаппари лучше, чем шатер палас. Летом в паласе прохладнее, так как ткань, покрывающая его, не так толста и плотна, как кошма, и свободно пропускает воздух. Зимой же это преимущество превращается в сильнейший недостаток — в паласе очень холодно, тогда как в чаппари тепло сохраняется значительно лучше. Сохранение тепла в переносных жилищах имело такую важность потому, что около 60% джемшидов зимних домов не имело и, как было уже указано выше, круглый год жило в переносных жилищах. В кишлаке Шур-Чешме из 200 живших в нем семейств только 50 имели глинобитные дома, остальные имели лишь глинобитные хлева для скота или вообще не имели глинобитных построек.

Двумя основными типами зимнего жилища были в описываемый период «дувал-пол» и «дувал-хишти». «Дувал-пол» представлял собою правильной четырехугольной формы дом, сложенный из кирпича-сырца, с двускатной (реже односкатной) крышей. При постройке стен кирпич-сырец цементировался глиной, смешанной с рубленой соломой; этой же

¹⁵ Н. Харузин, История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, стр. 23.

массой обмазывалась уже сложенная стена с наружной и внутренней сторон. Передняя и задняя стены были по форме четырехугольные, в среднем 2,5 м высотой. Боковые стены были значительно уже передней и задней стен. Верхний край их возвышался в виде двух тупых углов, на вершины их клали прямое бревно, служившее гребнем двускатной крыши. Бревно это (обычно ствол тополя) называлось «пол»¹⁶, отчего весь дувал получил название «дувал-пол» в отличие от «дувал-хишти», состоявшего только из сырца и глины. Если дувал был очень длинен, пол делался из двух бревен. Место их соединения подпиралось в этом

Рис. 13. Глинобитный дом «дувал-пол». Слева в утолщении стены — кормушка для лошади. На переднем плане — круглое земляное возвышение, на которое ставится на зиму чаппари внутри двора. Зарисовка автора

случаев вертикальным, врытым в земляной «пол» деревянным столбом, называемым «сутун». От «пол» в обе стороны отходили тополевые жерди, положенные концами на «пол» и на продольные стены. Их называли «дистаг», так же как кошмы, которыми обтягивали стену чаппари.

Дистаг крыли в поперечном к ним направлении ветками фисташки и гребенщика; поперек последних крышу крыли камышом и уже сверху камыша покрывали глиной, смешанной с соломой, которой обмазывали и стены дувала. Глину размешивали с соломой и небольшим количеством воды в вырытой в земле яме, затем в ведре поднимали на крышу и опрокидывали. Когда на крыше накопится несколько рядов таких опрокинутых кучек на определенном участке, их размазывали по возможности ровно, затем накладывали ведром глину на следующий участок и так постепенно замазывали всю крышу. Если крыша за лето раскалялась от зноя, то осенью замазывали сверху точно таким же образом. Приблизительно на середине крыши или несколько в сторону, ближе к двери и очагу, в крыше оставляли отверстие, служившее для выхода дыма и для прохождения скудного света. Края крыши обычно не выступали над стенами. Грань, образуемая скатом крыши с какой-либо из стен, тщательно обмазывалась глиной и имела аккуратный, гладкий вид. Чтобы при дожде или таянии снега глина не размякала, вдоль края крыши делали иногда в глине небольшую канавку, которая заканчивалась идущим перпендикулярно к стене жестяным желобком, вставленным концом в край крыши. Этот желобок отбрасывал воду, чтобы она не размывала стены. Иногда с этой же целью концы камыша и соломы оставляли торчать на некоторое расстояние, чтобы вода стекала по ним. Дверное отверстие оставляли посередине или в левой части передней стены. У зажиточных джемшидов в отверстие это вставлялась дверная рама, к которой прикреплялась одностворчатая (реже дву-

¹⁶ У таджиков четыре балки, служащие основой крыши дома, называются «пуль» (pul). См. Н. А. Кисляков, указ. соч., стр. 155.

створчатая) дверь из деревянных досок. Во многих домах это отверстие просто завешивалось на зиму кошмой. В большинстве случаев дымовое и дверное отверстия являлись единственными источниками света. В очень редких случаях можно было встретить небольшое оконце в стене.

Таким был дувал-пол, принадлежавший зажиточному хозяину. Однако так же называлось глинобитное жилище бедняка, если в основании крыши лежал ствол дерева, хотя бы кривой и тонкий, проходящий вдоль всей крыши дома. Такое жилище имело неправильную форму,

Рис. 14. Дом зажиточного джемшида из кирпича - сырца, с куполами. Сзади к дому пристроены хлева. Фото МАЭ, 3888—3

боковые стенки не имели выступов в виде углов и крыша поэтому была плоской, а не двускатной. Тонкий ствол дерева (или два ствола) перекидывался вдоль всего строения с одной боковой стены на другую, и крыша покрывалась ветками, гребенщиком, соломой, а поверх всего уже глиняной массой.

Строение второго типа, дувал-хишти, представляло собою глинобитную хижину. Крыша ее делалась из глины с примесью соломы. В этом случае она имела закругленную форму. Иногда в такую крышу вмазывали прокладку из гребенщика¹⁷. Большинство дувал-хишти крыли деревянными палками, поперек последних — ветками гребенщика и затем уже глиной, смешанной с соломой. Крыша получалась плоская и довольно устойчивая. Дувал-хишти был жилищем бедняка, а еще чаще — хлевом, поэтому отличался наибольшей примитивностью. Нередко высота такого дувала едва достигала 1,5 м. Небольшое дверное отверстие и маленькое отверстие в крыше были единственными источниками света и свежего воздуха. Иногда для прохождения света и выхода дыма делали одно-два очень маленьких оконца в стене; крыша в этом случае была сплошной.

Дувал-хишти иногда был отдельной постройкой и имел четырехугольную форму. Иногда же помещение для жилья и все хозяйственные постройки концентрировались под одной крышей, являясь единым, довольно бесформенным зданием со многими перегородками. Такие по-

¹⁷ Следует отметить, что прокладка из гребенщика настолько укрепляла крышу, что по ней можно было ходить взрослому человеку.

стройки, объединяющие под одной крышей несколько помещений различного назначения, внешне напоминают постройки ягнобцев. Однако внутреннее устройство джемшидских домов совершенно не похоже на таджикские или ягнобские дома. Таджикская система нар и ягнобский «мур» не находят аналогий в джемшидском зимнем жилище.

Дувал-хишти строили иногда и богатые. Тогда он делался больших размеров, строился из кирпича-сырца. На крыше его возводились купола «тог», также из кирпича-сырца. Внутри такой дом представлял собою одну большую комнату. В ее стенах были сделаны полукруглые

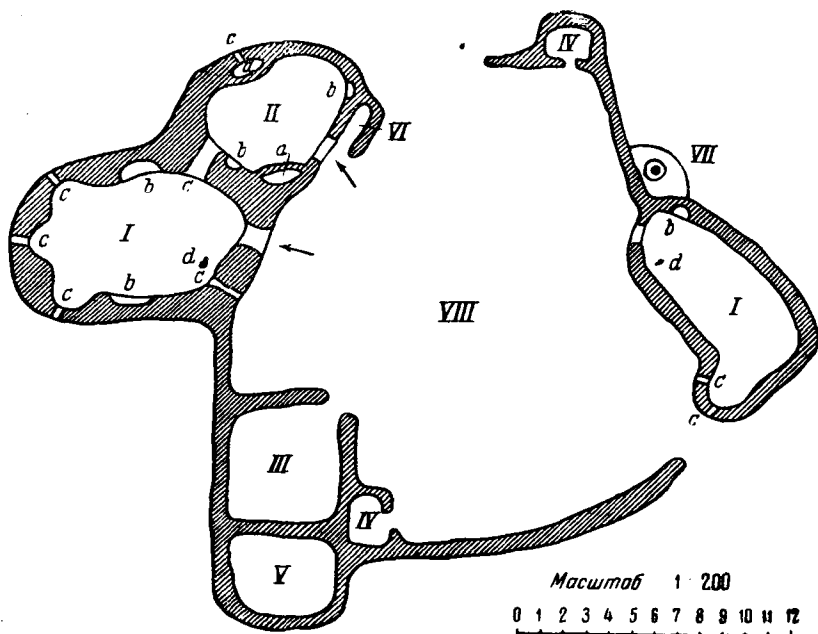

Рис. 15. План джемшидского двора с двумя зимними жилищами и хозяйственными постройками: I — жилое помещение; II — хлев; III — загон; IV — загородка для различного назначения; V — яма с загородкой для самана; VI — загородка для кизяка; VII — тандур; VIII — двор; а — кормушка; б — ниша; с — отверстие для света и выхода дыма; d — очаг.
Зарисовка автора

ниши для хозяйственных надобностей — обычно по две ниши на продольных стенах дома и одна в глубине дома на поперечной стене. Если дом был квадратной формы, над ним возводился один купол, если же продолговатой формы, то два и даже три купола. На вершине купол имел четырехугольное отверстие для выхода дыма и над последним глиняный навес с отверстием, обращенным к фасаду дома. В стенах делали маленькие отверстия, служившие окнами. Весь дом, включая купола, обмазывали снаружи глиной, смешанной с соломой. Такие дома строились специальными мастерами, приглашавшимися из Афганистана.

Ввиду дороговизны дерева в Кушкинском районе, дувал-пол с двускатной крышей, в основании которой лежит толстое бревно, — жилище дорогое, доступное лишь наиболее зажиточным хозяевам. Поэтому процент таких жилищ был в то время небольшой: из 85 построек кишлака Шур-Чешме 64 имели плоские крыши (35 из них были хлева), 16 — купольные и только пять — двускатные.

Хозяйственные постройки (хлев, загон для верблюдов, яма для соломы и пр.) обычно примыкали к жилому дому, причем жилое помещение и хлев в дувал-хишти объединялись нередко под одной крышей, как указано выше. Загоны, хлевы и жилые помещения имели иногда

четыреугольную, иногда неправильную закругленную форму. В стенах хлева, как и в жилом помещении, делали иногда небольшие отверстия для света и свежего воздуха. В углах делались из глины невысокие кормушки для скота.

Загоны для верблюдов и помещения для кизяка представляли собою глинобитные загородки, примыкающие к стене дома или к стене, окружающей двор. Для хранения соломы обычно вырывалась небольшая яма «кадан», которая также окружалась глинобитной загородкой. Чаще всего она примыкала к хлеву или к загону для верблюдов. Двор окружался глинобитной стеной высотой в человеческий рост. Обычно в средней части двора имелась круглая, утрамбованная площадка с ямками по краю — место ежегодной установки чаппари. Нередко в одном дворе жили две семьи и, следовательно, устанавливалось два чаппари, тогда таких площадок было две.

Даже при наличии кишлака и глинобитного дома джемшиды в то время жили зимой в чрезвычайно тяжелых бытовых условиях. При отсутствии закрытых печей и дымоходов тепло в глинобитном джемшидском доме держалось лишь во время сгорания топлива, а запасы последнего были слишком малы, чтобы жечь его непрерывно. И в дувале, и в чаппари было очень холодно. Домашние работы, кроме самых необходимых, в морозы совершенно прекращались. Зимней теплой одежды женщины, как правило, не имели, мужчины имели лишь теплые халаты. Поэтому никто не выходил из дома без крайней на то необходимости. Кишлак замирал. Лишь изредка, узнав по запаху или по выходящему дыму, что в соседнем доме зажгли очаг, детишки бежали туда по протоптанным в снегу от дома к дому тропинкам, тяжело шлепая родительскими башмаками, чтобы отогреться возле огня. Время от времени, кутаясь в покрывало, пробегала к арыку девушка с ведром, разбивала башмаком ледок и, зачерпнув воды, спешила обратно. Внутри жилищ женщины и дети сидели сбившись в кучу возле тлеющего очага, тщетно стараясь впитать в себя скудное тепло. Медленно тянулись холодные дни и ночи, полные ожидания новой весны, нового выхода на леговку.

* * *

Описанные мною основные типы джемшидского жилища постепенно уходят в прошлое, заменяясь жильем более просторным, лучше освещенным и более рационально отапливаемым. Объединение джемшидов Кушкинского района в колхозы открыло для них путь к коренному изменению не только производства, но и всего быта, а это не могло не отразиться и на жилье. Социалистическое переустройство экономики ликвидировало среди джемшидов-колхозников эксплуататорские группы, уничтожило деление на богатых и бедных. Общий рост благосостояния членов сельскохозяйственных артелей привел к тому, что в настоящее время дома отдельных колхозников не имеют таких резких отличий, как раньше, ни в отношении размеров, ни в убранстве. Если, в общем, еще сохраняется внешне привычный тип жилья, то изменение быта уже сказалось на внутренней планировке помещений, на появлении тех или иных предметов мебели (кроватей, столов), новой утвари, швейных машин и пр. Появляются также дома нового типа, как жилые, так и общественные; но даже в этих домах новой стройки все же сохраняются некоторые типичные черты прежнего джемшидского жилища, придающие им этническое своеобразие, значение которого может быть понято лишь в свете изменений кочевого и полукочевого джемшидского жилья прежнего времени.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

Н. И. ЗИБЕР

(К 60-летию со дня смерти)

Шестьдесят лет назад умер один из первых в России пропагандистов экономического учения Карла Маркса, экономист и этнограф Николай Иванович Зибер. Его короткая жизнь (1844—1888) оставила глубокий след в науке — в политической экономии и в этнографии. В области экономической теории Зибер более чем кто-либо другой из его русских современников близко подошел к марксизму; он правильно воспринял экономическое учение К. Маркса, но диалектика исторического развития не была им усвоена достаточно отчетливо, и поэтому, в особенности в первые годы научной деятельности, эволюционная теория оказывала значительное влияние на его теоретические построения. К концу XIX в. появились русские теоретики марксизма, и после работ Г. В. Плеханова и В. И. Ленина теоретические построения Зиберы могли считаться уже пройденным этапом. Но и Плеханов и Ленин не забыли о Зибере — они неоднократно ссылались в своих работах на первого популяризатора марксизма.

Н. И. Зибер занимался в свое время исследованиями в области первобытного права. Он раньше М. Ковалевского обратил внимание на древнейшие формы поземельных отношений; правда, М. Ковалевский ушел гораздо дальше Зиберы в теоретическом исследовании происхождения соседской общины и еще дальше — в области обычного права. Но Зибер вскрыл более глубокие, древнейшие пласты земельных отношений, уходящие в первобытность; он доказал существование коллективных форм владения землей у всех народов на ранних ступенях общественного развития и своими исследованиями занял ведущее место в общей этнографии. Можно сказать, что Зибер-этнограф, исследователь экономики первобытного общества, пережил Зиберу-экономиста.

Н. И. Зибер родился в 1844 г. в г. Судаче, в Крыму, учился в гимназии в г. Симферополе, а затем поступил на юридический факультет Киевского университета. Студенческие годы Зиберы совпали с эпохой проникновения в Россию марксистских идей. Это было вскоре после крестьянской реформы 1861 г., когда прогрессивная часть русской интеллигенции горячо обсуждала вопрос о дальнейшем пути общественного развития России и когда деление на «западников» и «славянофилов» оказалось уже слишком примитивным для услож-

нившихся политических отношений. Самым злободневным вопросом ожесточенных студенческих дискуссий того времени (и не только студенческих, потому что дискуссии охватывали все передовые круги русского общества) был спор о том, неизбежно ли развитие капитализма в России и может ли страна избежать этой перспективы путем государственных мероприятий, поддерживающих и укрепляющих «самобытные» черты русской экономической жизни, среди которых на первое место выдвигалась крестьянская община. Проникшие в Россию, несмотря на цензурные рогатки, и широко рецензированные прогрессивной периодической печатью работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», К. Маркса «Ницета философии», К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии» и К. Маркса «К критике политической экономии» познакомили передовые круги русской интеллигенции как «западнического», так и «народнического» толков с идеями марксизма. Н. И. Зибер имел возможность ознакомиться с гениальными творениями основоположников марксизма в подлиннике, и идеи исторического материализма захватили его полностью. Молодой студент увидел все величие этой стройной научной системы, раскрывающей действительные законы общественного развития, выводящей науку об обществе из области эмпирики и идеалистических построений в мир точных знаний. В лице Н. И. Зиберы марксизм получил горячего защитника и популяризатора. Правда, на первых порах Зибер несколько упрощал основы марксова учения, и народники ему приписывали, вероятно несколько утрированно, выражение, будто для прогресса России русский крестьянин обязательно должен «вывариться в фабричном котле», но тем не менее положительное значение зиберовской пропаганды марксизма нельзя отрицать и умалять. Познакомившись с марксовой работой «К критике политической экономии», Зибер понял, что экономическое учение К. Маркса может стать для него ключом к разрешению жгучих проблем русской современности. Он проникся убеждением в неизбежности развития капитализма в России и вполне реалистично оценил утопичность народнических теорий о русской крестьянской общине, как панацее от зол капитализма. В отличие от «легальных марксистов», бывших по существу лишь буржуазными демократами, «для которых разрыв с народничеством означал переход от мешанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму», — как писал в свое время Ленин¹, и которые, восприняв из учения марксизма лишь положение о прогрессивности капиталистического развития (по сравнению с феодализмом и крепостничеством), стали в конце концов прямыми апологетами капитализма, — Зибер в течение всей своей сознательной жизни защищал угнетенных, а не угнетателей. Правда, он, считавший «Манифест Коммунистической партии» знаменем времени, тем не менее не вполне разобрался в сущности и неизбежности классовой борьбы и не мог понять ее революционного значения, — это было, вероятно, следствием того, что он жил в замкнутой интеллигентской среде, без непосредственной связи с трудовыми массами. Но он искренне сочувствовал всем эксплуатируемым, презирал эксплуататоров, возмущался несправедливостью, ратовал за демократию — только делал это не как революционер, а как гуманист, — во имя любви к человечеству. Это делало поведение Зиберы несколько наивным, вносило донкихотские черты в его характер, но устраняло всякое делячество и приспособленчество. Всегда искренний, отзывчивый, увлекающийся хорошей идеей, Н. И. Зибер был глубоко принципиальным человеком, готовым на большие жертвы и лишения ради того, что он считал морально и политически правильным.

¹ В. И. Ленин, За 12 лет, Предисловие.

По окончании университета Н. И. Зибер, получивший звание кандидата прав, был назначен мировым посредником на Волынь, где проработал недолго. Здесь он соприкоснулся непосредственно с крестьянской жизнью, с бытом мелкого городского люда и стал разрабатывать программу экономического обследования деревни. Вероятно, в этот период Н. И. Зибер ознакомился с немецким изданием «Капитала» К. Маркса и под влиянием этой работы решил специализироваться в области теоретической экономики. В 1871 г. диссертация на тему «Теория ценности и капитала Д. Рикардо, в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» была закончена и блестяще защищена. Об этой работе К. Маркс писал: «Еще в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, исследовал в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» основные положения моей теории стоимости денег и капитала, рассматривая их как необходимое развитие учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западно-европейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой теоретической точки зрения»².

Получив ученую степень магистра политической экономии, Зибер выехал в научную командировку за границу и там завязал связи с крупнейшими учеными и передовыми политическими деятелями. Встречался он и с К. Марксом, который позже проконспектировал первую статью Зибера об экономической теории марксизма, предназначенную для журнала «Слово». Маркс с большой симпатией относился к русскому ученому.

В 1873 г. Зибер вернулся в Киев и был зачислен доцентом университета по кафедре политической экономии и статистики. Преподавать ему пришлось менее двух лет; за это время он окончательно подготовил свою программу статистико-экономического обследования крестьянского хозяйства, использованную прогрессивными кругами земства для постановки народной статистики. В 1875 г. ближайший друг Н. И. Зибера, доцент по кафедре истории М. П. Драгоманов, украинофил-историк и фольклорист, подвергся преследованиям царского правительства за связи с зарубежными украинцами и был уволен из университета. Н. И. Зибер был возмущен этим увольнением и в виде протеста подал в отставку и выехал за границу, поселившись в Швейцарии, где в то время существовала довольно большая колония русских политических эмигрантов. Вернулся Зибер на родину только через 9 лет (1884) в тяжелом состоянии, безнадежно больным и неспособным к работе. Он умер в Ялте в 1888 г.

В своем добровольном изгнании Н. И. Зибер продолжал писать в русские журналы, подготовлял новые книги, которые опубликовывал в России. В 1876 г. он поместил в журнале «Знание» две статьи об экономической теории К. Маркса, в 1877 г. — еще одну статью на ту же тему. В 1878 г. в журнале «Слово» он напечатал последовательно четыре статьи, в которых ознакомил читателя с основными положениями первого тома «Капитала» К. Маркса. В том же году в журнале «Отечественные записки» появилась его статья против Ю. Жуковского, критиковавшего Маркса, а в 1879 г. в журнале «Слово» — статья против Б. Чичерина, критиковавшего марксизм с реакционных позиций. Пропагандистская деятельность Зибера по распространению в России идей марксизма создала ему большую известность среди прогрессивной интеллигенции того времени.

Кроме крупных исследований по теории политической экономии, — последней его работой в этой области было исследование под назва-

² К. Маркс. Капитал, т. I, Госиздат, Л.—М., 1930, Послесловие ко второму изданию, стр. XXXVIII.

нием «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), представлявшее радикально переработанную магистерскую диссертацию 1871 года,— Зибер незадолго до своей болезни, а именно в 1883 г., поместил в трех номерах журнала «Русская Мысль» большую статью «О влиянии прогресса на бедность» и в журнале «Юридический Вестник» (тоже в трех номерах) статью «Общественная экономия и право». Зибер опубликовал в русских журналах много статей-рефератов, знакомивших русского читателя с новейшей западноевропейской экономической и этнографической литературой. Эта популяризаторская деятельность ученого была одной из форм тогдашней публицистики, дававшей возможность, в обход цензурным правилам, распространять среди населения идеи, которые не могли быть высказаны в другой форме.

Н. И. Зибер, будучи за границей, всегда жил интересами своей родины. «Он любил ее мучительной любовью русского интеллигента,— писал в своих воспоминаниях о Зибере либеральный публицист Д. Н. Овсяннико-Куликовский.— На события русской жизни он реагировал великим гневом и великою скорбью. Правительственная реакция той эпохи, в особенности репрессии и казни 1879—1881 гг., возмущали его до глубины души. Я видел его плачущим, когда однажды зашла речь о казни С. Перовской, Желябова и др. Террористических актов он не одобрял, хотя допускал их психологическую — фактическую неизбежность»³.

Народническая идеология была чужда этому раннему русскому марксисту. Он понимал, что капитализм развивается в России не в силу злой воли отдельных лиц, а как результат закономерного хода общественного процесса. Поэтому Зибер, по словам Овсяннико-Куликовского, отрицал «спасительность так называемых коренных «начал» или «устоев» русской жизни. Народничество он отвергал всецело; крестьянская община была в его глазах лишь жалким пережитком прошлого, обреченным на гибель»⁴. И Зибер оказался прав: капитализм через несколько десятилетий достиг громадного развития, капиталистические отношения проникли в русскую деревню, и вопрос о крестьянской общине, как панацее от капитализма, отпал сам собой. Но капитализм в России был переходной фазой общественного развития,— он создал экономические и политические предпосылки для формирования другого, более совершенного строя и в лице рабочего класса подготовил сам себе могильщика.

В своей идеологической борьбе против народничества Н. И. Зибер опирался на наиболее передовую науку — марксизм. Он твердо усвоил основное положение этой науки, сформулированное Марксом в «К критике политической экономии»: в основе всякого общественного развития лежит способ производства материальной жизни, который обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще; не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Зибер, правда, не мог правильно понять марксову диалектику и потому совершенно не замечал тех высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, которые касались вторичного, обратного воздействия общественного сознания на бытие; поэтому он несколько упрощенно понимал значение экономического базиса, придавая ему характер универсальной отмычки для вскрытия всех социальных законов. Но самый тип мышления Н. И. Зибера, сказавшийся уже в первой его научной работе, обратившей внимание К. Маркса, отличался необычайной прямолинейностью и логичностью. Экономический аспект всех исследований, приме-

³ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, П., 1923, стр. 147.

⁴ Там же, стр. 147.

нявшийся Зибером в области общественных явлений и проводившийся им с большой последовательностью, давал ему возможность находить ключевые позиции для разрешения таких проблем, которые были совершенно непосильны для идеалистически мыслящих ученых и политиков. Одной из таких проблем была будущая судьба русской общины. Народническая теория исходила из идеи «прирожденности» этой общественной формы русскому народу, — отсюда следовало, что уничтожение общины противоречит всему историческому развитию русского народа и что все явления, содействующие уничтожению общины, вызывающие распад этой «исконной», специфически русской общественной формы, чужды русским «началам». Н. И. Зибер подверг сомнению основной тезис народников — об «исконности» и «специфичности» крестьянской общины в России. Он решил самостоятельно проанализировать исторический и этнографический материал, относящийся к общинному землевладению и древнейшим формам земельной собственности. В основу исследования Зибер намеревался положить не отвлеченные рассуждения об идее собственности на землю, а установление тех экономических отношений, которые приводят к такой собственности. Так возник у Н. И. Зибера интерес к вопросам первобытного права вообще и к первобытным земельно-правовым отношениям, в частности.

Находясь за границей и имея возможность пользоваться книжными фондами лучших западноевропейских библиотек, Зибер приступил к изучению материалов, касающихся землепользования и форм земельной собственности европейских и внеевропейских народов. К сожалению, в книжных фондах европейских библиотек того времени почти полностью отсутствовали сведения о землепользовании у народов России, вследствие чего исследователь принужден был поставить Россию вне круга своих работ. В результате этих изысканий Н. И. Зибер написал ряд статей, опубликованных затем в русских журналах и вошедших после смерти автора в собрание его сочинений. Статьи эти, под разными названиями: «История швейцарской альменды», «Община и государство в Нидерландской Индии», «Судьбы общинного землевладения в Швейцарии», «Крестьянская община в Эльзасе», «Распределение земельной собственности в Германии», «Первоначальная недвижимая собственность» и др. касались вопроса о том, как сформировалась крестьянская община, как создавалась первоначальная собственность на недвижимость и что ей предшествовало. Автор статей доказывал, что индивидуальная недвижимая собственность является «вторичным фактом в истории общества», новой идеей, «которая постепенно развилась из коллективного права на землю»⁵. Зибер доказывал это положение множеством примеров, взятых из обычного права древних и современных европейских народов, народов Индии и Индонезии, анализом юридических актов римского права, законодательных постановлений европейского средневековья. Из этих примеров Зибер делал вывод, что общинное и коллективное владение землей предшествовало частной собственности на землю и что только разложение древнейшего общинного права привело к образованию частных земельных владений. Автор широко использовал в своих доказательствах метод пережитков и мастерски вскрыл первоначальные формы коллективного владения землей и существование общинных порядков землепользования в средние века в таких европейских странах, как Швейцария, Эльзас и др. Н. И. Зибер пришел к выводу, что тезис русских народников о существовании общинного землевладения только у русских крестьян неправилен, ибо подобные же формы землевладения и землепользования существовали в прошлом у других народов славянского и неславянского происхождения. Общинное землевладение, утверждал Зибер, было

⁵ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900, стр. 27.

лишь одной из форм стадияльного развития поземельных отношений у разных народов и потому не могло считаться «исконно-русским».

Среди упомянутых статей особое значение, пожалуй, имела работа Зибера об общине и государстве в Нидерландской Индии. В своих исследованиях поземельных отношений в древности и в средние века Н. И. Зибер пользовался главным образом источниками обычного права и широко применял для анализа этих источников метод пережитков и сравнительно-исторический метод; в этих методах заключалось много элементов реконструкции и логических допущений. Будучи не только исследователем обычного права, но и экономистом, Зибер понимал некоторую абстрактность своих доказательств и поэтому искал более бесспорные, реально существующие в настоящее время примеры общинного землевладения в тех странах, где капитализм еще не успел окончательно уничтожить следы прежних общественных отношений. В 1880 г. ему удалось отыскать необходимый материал, выводы из которого были опубликованы им в 1881 г. в журнале «Отечественные записки» в большой статье «Община и государство в Нидерландской Индии». В этой статье Зибер, пожалуй, впервые, выступает как этнограф, но он приходит в этнографию уже с выработанными навыками научного исследования в области экономики и обычного права. Это обстоятельство предопределило направление его этнографической работы: Н. И. Зибер не занимается описательной этнографией, его не увлекают частности и локальные особенности, он ищет обобщений, раскрытия стадияльных форм, линий и ступеней развития, т. е. идет по тому же пути, по которому направлялся Л. Морган и который завершил Ф. Энгельс. Это путь широких теоретических обобщений, основанных на конкретном этнографическом описательном материале.

В упомянутой статье Зибер подверг анализу земельные отношения и формы землевладения на островах Индонезии. «Давно уже замечено,— писал он,— что острова Индийского Архипелага представляют единственное в своем роде соединение условий для изучения развития различных форм общественных союзов. На небольшом сравнительно пространстве здесь можно встретить последовательный ряд различных ступеней культуры, начиная от стадного соединения бродячих дикарей-охотников, и кончая довольно сложной, хотя и грубою оседлою цивилизацией»⁶. Различие стадий развития дает возможность одновременного наблюдения отживающих и развивающихся форм во всех областях общественной жизни и прежде всего в экономике. На островах Индонезии в то время имелось несколько форм землевладения: с одной стороны, общинная собственность на землю, коллективные формы землепользования; с другой стороны, частная собственность на землю, крупное и мелкое землевладение, арендные отношения. Существовали и промежуточные формы земельной собственности, связанные с феодальным землевладением и одновременным существованием крестьянской общины. Зибер дал четкую характеристику всем этим формам и показал историческое происхождение каждой из них. Наиболее древней формой являлось, как доказал Зибер, общинное владение землей и коллективное пользование ею. Наиболее же распространенной в XIX в. формой было феодальное землевладение с одновременным существованием зависимой от феодалов крестьянской общины, обрабатывающей землю при помощи небольших семейных коллективов, которые получали от общины ежегодно наделы, с условием уплаты в пользу феодала различных натуральных и денежных повинностей. Периодические переделы земли, подушный принцип распределения наделов, постоянный состав землепользователей и многие другие явления, существовавшие в дессе (яванской земельной общине), необычайно сближали эту индонезийскую форму землепользования со строем русской общины нака-

⁶ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900, стр. 49.

нуне аграрной реформы 1861 г. Так же, как и в русской общине, земельный фонд дессы делился на две части: на земли, находящиеся в общем пользовании, и на земли индивидуального пользования. В общем пользовании русской крестьянской общины были выгоны, луга, водопои, местные леса. В общем пользовании яванской дессы — пустоши, заросли (в которых выпасался скот), леса, водоемы, основные каналы оросительной сети, купальные места, рынки, дороги. Индивидуальные участки, обрабатывавшиеся отдельными семьями, и в общине и в дессе состояли прежде всего из пахотных участков и прочей обрабатываемой земли (огородов), плодовых деревьев, находящихся на приусадебных участках. И так же, как в русской общине середины XIX в., в яванской дессе появилось частное крестьянское землевладение — это были участки, купленные у помещика отдельными общинниками или посторонними общине людьми. Появление таких частнособственнических участков было показателем начинающегося разложения общины, предвестником ее близкого распада.

В настоящее время, когда русская крестьянская община отошла в прошлое и когда правота русских марксистов, боровшихся против народников, доказана всем ходом исторического развития, выводы Зибера о стадильности общинно-поземельных отношений не являются более предметом спора. Но в то время, когда писал Зибер свою статью об яванской дессе и ряд других статей об общинном землевладении, его выводы были встречены народнической публицистикой враждебно. Она оспаривала правильность зиберовского анализа, она пыталась — из-за отсутствия научных доводов, равноценных доводам русского марксиста, — перевести спор из области историко-экономических категорий в область морально-политическую. Русские народники втянули в спор об общине и К. Маркса, апеллируя к его революционным чувствам: известно, что виднейший публицист народнического толка Николай Даниэльсон и Вера Засулич просили Маркса высказаться по вопросу о русской общине, надеясь противопоставить его авторитет русским молодым марксистам. К. Маркс по существу подтвердил мнение русских марксистов о судьбе русской общины: «С самого так называемого освобождения крестьян русская община была поставлена государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными требованиями, она стала беспомощной, легкой добычей эксплуатации торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения. Но это еще не все. За счет крестьян государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, несколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь «сельской общины». Заключение К. Маркса было категоричным: «это стечение разрушительных влияний, если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно, естественно, привести к гибели сельской общины»⁷. Противодействием же неоткуда было родиться — весь ход развития шел к разложению русской общины: прогноз Зибера был правильным.

Обратившись для своей статьи об индонезийской общине к этнографическому материалу, Н. И. Зибер обнаружил, как мало сделано еще в этнографической науке в области теоретического обобщения; он за-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII. стр. 685—686.

думал создать большую работу, в которой последовательно можно было бы разобрать все общинные, т. е. коллективные, формы жизни и работы на ранних ступенях общественного развития. Такая работа была закончена им в 1881 г. и появилась в печати под названием «Очерки первобытной экономической культуры» (1883). Это был объемистый труд, размером больше 30 печатных листов, теоретически обобщающий материал, касающийся не только первобытного экономического строя (как значилось в заглавии), но и всего общественного строя — на стадиях, предшествующих классовому обществу. Сознательно отказавшись от включения в эту работу сведений об обществах, ушедших в прошлое, Зибер несколько сузил тему и затруднил для себя выяснение линии развития, ибо весь период дикости (если пользоваться схемой Моргана — Энгельса) оказался вне поля зрения исследователя. В «Очерках» Зибера исследовались лишь те общества, которые можно отнести к периоду варварства или которые находились на грани между варварством и цивилизацией. Кроме того, автор ограничил рамки своего исследования народами внеевропейских стран, считая ненужным повторять «всем известные» сведения о древнейшем быте европейских народов; сведения же о быте тех народов России, которые стояли на примитивных ступенях общественного развития, Зибер не мог получить за границей.

Исключение автором наиболее древней ступени общественного развития из рамок исследования и недостаточное привлечение материала, относящегося к ранним периодам цивилизации, создало для исследователя большие трудности в отношении расположения материала и сказалось в некоторой степени на конечных выводах. И, тем не менее, «Очерки» Зибера дали яркие, убедительные доказательства того, что на ранних ступенях общественного развития «общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности»⁸.

При исследовании доклассового общества Н. И. Зибер положил в основу совершенно правильное и бесспорное для марксиста положение, что в основе всякого общественного развития лежит способ производства материальной жизни. Поскольку автор старался ограничить свою тему экономикой (процессом производства, распределения и обмена), в работе этой менее сказалась присущая Зиберу узость в понимании марксизма. Можно утверждать, что в «Очерках» он значительно усовершенствовал свой метод и доказал умение разбираться в историческом своеобразии материалов о жизни разных народов, отказываясь от поспешных выводов, основанных только на сходствах и аналогиях; тем не менее идеи эволюционизма еще продолжали оказывать влияние на его построения.

Работая над «Очерками», Зибер не только подбирал нужный материал, но и проверял существовавшие в его время теории о специфике развития отдельных народов. Не отрицая такой специфики, создававшейся в силу различных географических и исторических факторов, влиявших на культуру и быт народов, русский исследователь не склонен был, однако, приписывать всякое сходство обычаев у разных народов общности их происхождения или заимствованию. Он едко высмеял тех ученых, которые, приступая к изучению народных обычаев, бывали «поражены некоторыми сходствами в нравах и обычаях различных народов и отсюда слишком легко заключали, что или эти народы имели общее происхождение, или эти обычаи были перенесены от одной нации к другой. В наших глазах подобное заключение не вытекает непосредственно из сходства юридических обычаев; часто можно сомневаться, допуская без проверки, что такой-то народ или семейство

⁸ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, Соцэкгиз, М., 1937, стр. 3 (Предисловие).

унаследовали обычаи от всех других народов или от всех других семейств; гораздо натуральнее предположить, что человек, подчиненный аналогичным условиям существования, создал сам по себе сходные обычаи в различных местностях и сумел найти для противодействия одним и тем же трудностям одни и те же обычаи и способы действия»⁹. При таком понимании причин сходства многих обычаев у разных народов Зибер, конечно, не мог бы примкнуть ни к антропогеографической школе Ратцеля, ни к сторонникам «культурных кругов», ни к «функционалистам». Но ему оказалось не по пути и с «этнологами-эволюционистами». Популярное в то время учение А. Поста, занимавшегося исследованиями первобытного права и конструировавшего в противовес описательной этнографии «новую науку — этнологию», заинтересовало вначале Н. И. Зибер. Русский ученый ждал от Поста широких обобщений, которых избегали этнографы. Но когда он разобрался в сущности предлагавшегося Постом сравнительно-этнологического метода, то понял, что учение этнологов-эволюционистов не содержит в себе ничего нового и что оно методологически беспомощно. Утверждение Поста о том, что этнологический метод должен быть противопоставлен методу историческому, вызвало глубокое удивление Зибера. «В конце концов,— писал он,— каждый истинный метод должен быть непременно историческим, указывающим генезис известных общественных явлений»¹⁰. Он возражал против утверждений Поста, будто бы исторический метод предполагает изучение явлений только в одной какой-нибудь узкой этнической среде, у одного народа, а метод сравнительно-этнологический будто бы допускает одновременное изучение обычаев нескольких народов. Зибер указывал, что и исторический метод дает возможность изучать общественные явления у разных народов мира, на какой бы ступени развития они ни стояли. «То, что получилось бы в результате надлежащего выполнения подобного исследования, опиралось бы на столь же прочную и верную историческую основу, как и историческое изучение учреждений одного какого-либо народа, и действительная разница между этими двумя путями была бы скорее количественная, нежели качественная, основанная не столько на различии приемов исследования, сколько на большей или меньшей широте научного материала»¹¹, — так формулировал русский исследователь применение исторического метода в этнографии.

Критический разбор методологии западноевропейских «этнологов» и социологов помог Зиберу найти лучший способ применения исторического метода к обобщающим этнографическим работам, который был использован им в исследованиях по экономике первобытного общества.

Н. И. Зибер собрал в «Очерках» очень большой этнографический материал. Из груды словесной шелухи и вымыслов, которыми заполнены сообщения миссионеров, купцов, дипломатов, шпионов и случайных путешественников, Зибер извлек действительно ценные сведения о жизни внеевропейских народов в конце XVIII и начале XIX в.; он расположил отобранный материал по ступеням развития и сделал только такие обобщения, которые непосредственно из этого материала вытекали; он сформулировал только те выводы, которые мог бесспорно доказать, оставив открытыми проблемы, требующие дальнейшего изучения. Исключительная эрудиция автора «Очерков», марксистский метод, которым он пользовался, его величайшая научная добросовестность привели к тому, что и теперь — по прошествии без малого семи десятков лет — «Очерки первобытной экономической культуры» остаются на-

⁹ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900, стр. 3—4.

¹⁰ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. II, СПб., 1900, стр. 19.

¹¹ Там же, стр. 20.

стольной книгой каждого этнографа, занимающегося проблемами общей этнографии.

В своих «Очерках» Зибер начинает исследование с форм общественного труда различных внеевропейских народов. Приведа сначала наиболее примитивные формы кооперирования общественного труда (рыбная ловля, общинная охота, пастушество), Зибер переходит к более сложным формам трудовой кооперации — к общинным работам по выжиганию лесов, к работам по орошению земель, сооружению общественных домов, постройке судов, организации общественных запасек, уборке урожая. Сравнение различных обычаев у народов Азии, Африки, Америки, Океании, относящихся к тем или иным формам трудовой кооперации, заставляет Зибера сделать вывод, что простая кооперация труда в тех формах, которые были им описаны, естественно обуславливает совместное потребление всего произведенного и, как следствие — общую собственность на недвижимое и даже движимое имущество. «Служа условием существования первобытного экономического строя, кооперация означенного рода в то же время является источником для зарождения и развития целого ряда нравственных и юридических воззрений, которые часто переживают на многие столетия вызвавшую их к существованию общественно-экономическую организацию, и тем ясно доказывает живучесть и значение лежащих в ее основании начал». Это положение автор развивает дальше на богатом материале, доказывая, что и в более поздние эпохи, на последующих ступенях общественного развития сохраняется полностью или частично коллективное производство и распределение, пережитки которых можно найти даже у народов, имеющих в настоящее время классовый строй.

Содержание «Очерков» известно каждому интересующемуся этнографией читателю, поэтому нет необходимости его здесь излагать. Следует, однако, отметить, что основные взгляды Н. И. Зибера на первобытную экономику вполне совпадали с взглядами Ф. Энгельса, изложенными им в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», хотя работа Энгельса, базировавшаяся на других этнографических и исторических источниках и высказываниях К. Маркса о первобытном обществе, появилась в свет лишь через год после опубликования в России книги Зибера. Такое совпадение основных взглядов не случайно: Зибер был передовым ученым, стоявшим на уровне современных знаний, и поэтому, пользуясь марксистским методом исследования, неизбежно должен был прийти к тем же результатам, что и основоположники марксизма.

Н. И. Зибер, так же как и Ф. Энгельс, придавал особое значение родовым институтам в истории человеческого общества. Он решительно выступил против «патриархальной теории» и на большом этнографическом материале показал, что материнский род является ранней и повсеместной стадией развития родового строя и предшествует патриархату; он убедительно доказал при этом, что матриархат органически связан с коллективным общественным производством. В советской литературе уже отмечалось, что историко-материалистическое миропонимание дало возможность Зиберу научно объяснять такие явления, которые для идеалистически мыслящих ученых оставались загадкой. Так было и с родовым строем. Зибер, например, очень удачно и правильно, впервые в науке, объяснил имевшееся в конкретных обществах смещение матриархальных и патриархальных начал «переходным состоянием общества и происходящей или происшедшей сменой двух исторических порядков, — положение, которое до сегодняшнего дня никак не могут или не хотят усвоить буржуазные этнографы. Крупнейшее значение имеет впервые выставленный Зибером общий тезис, что род вообще является «прежде всего экономической, а потом родовой организацией», тезис подлинно марксистский, в свою очередь чуждый зарубежной

науке, являющийся сейчас для советской этнографии руководящим в исследовании рода»¹².

Отдельные неправильные положения автора «Очерков», касающиеся происхождения собственности на недвижимость и вопроса о так называемой трудовой собственности, вызваны тем, что Зибер не вполне освободился от современных ему буржуазных юридических концепций; можно его также упрекнуть в недооценке классической работы Л. Моргана, что сказалось в преуменьшении Зибером влияния родовых институтов на экономику¹³, но эти отдельные недостатки не могут умалить исключительной ценности всей фундаментальной работы русского ученого о первобытной экономике. Она была и остается образцом этнографического обобщающего исследования, касающегося одного из основных вопросов общей этнографии — вопроса об экономической основе доклассового общества.

Николай Иванович Зибер был первым русским этнографом, наиболее близко подошедшим к марксизму. Хотя в его марксистском мировоззрении были существенные пробелы, ибо он воспринял у К. Маркса главным образом экономическую сторону учения, влияние исторического материализма на всю научную продукцию этого исследователя было решающим. Марксизм дал в руки Зибера самый передовой метод научного исследования общественных явлений, он предохранил ученого от эклектики, сделал его монистом и материалистом. И если основная и самая крупная этнографическая работа Н. И. Зибера не потеряла до сих пор своей научной ценности, то наибольшая заслуга в этом принадлежит тому великому учению, которое, как неугасимый путеводный маяк, указывает ученым, изучающим законы общественного развития, генеральное направление, по которому им следует вести исследование.

¹² М. О. Косвен. И. Я. Бахофен и русская наука. Советская этнография, № 3, 1946, стр. 23.

¹³ См. Предисловие к книге Н. И. Зибера, Очерки первобытной экономич. культуры, М., 1937, стр. IX—XII и XIV—XX.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

А. Н. БЕРНШТАМ

АРАВАНСКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ДАВАНЬСКАЯ (ФЕРГАНСКАЯ) СТОЛИЦА ЭРШИ

Во время работ Тяньшано-Алайской археологической экспедиции летом 1946 г. нам удалось осмотреть известные в литературе¹, но еще ни разу не изданные наскальные изображения у сел. Араван в 25 км к северо-западу от г. Ош Киргизской ССР. Две группы композиций расположены на юго-западной стене невысокой скалы, стоящей на правом берегу р. Араван, рядом с шоссе, идущим из г. Ош в г. Фергану. Время испортило изображения, но не настолько, чтобы не разобраться в основном сюжете. В исследовании этих изображений мы особенно обязаны сотруднику экспедиции С. С. Сорокину, добравшемуся до них и сделавшему прекрасные графические и акварельные зарисовки.

Верхний рисунок расположен на высоте, примерно 15—16 м от подошвы скалы на камне размером 2 × 2 м (рис. 1). Он состоит из изображения двух лошадей, исполненных твердым (металлическим?) инструментом; им мастер выбивал патины скалы мелкими точками (т. е. частыми ударами), соединением которых образовало плоскость изображения. Этот рисунок, как ясно стало из обследования на месте, более поздний, чем первоначально прорисованная композиция на той же площадке — изображение людей и горных козлов. Метрах в трех ниже снова повторено на плите 1,30 × 0,70 м в меньших масштабах изображение двух лошадей, выполненных в той же технике, что и предыдущая пара. Стилистические особенности изображений столь отличны от обычных наскальных изображений Тяньшана и окружающих районов и в то же время столь типичны для определенного круга изображений за пределами указанной территории, что не смогли не привлечь нас к специальному рассмотрению этих композиций, выполненных явно незаурядным мастером.

Более древняя группа изображений находится на верхней плоскости. Здесь изображены три архары (h — 16—17 см), идущие влево, под ними — две человеческие фигуры (h — 17—19 см). У левой фигуры руки расставлены в стороны от туловища, у рядом стоящей правая рука поднята вверх, левая уперта в бок. Рядом с ними у ног — неизвестные крупные предметы и слева прямоугольное очертание какого-то предмета. Ниже в левом крае — фигура человека, изображенного в профиль, голова обращена направо. Его левая рука поднята и упирается в лоб, правая — в бедро; у его ног изображение собаки, перед ним четыре кружка (?). Далее следует изображение козла (оленя?) с запрокинутыми назад рогами, трактованными в типично скифском стиле²; перед козлом (оленем?) опять изображение собаки. Заключают композицию три человеческие фигуры, одна под другой. Верхняя (в профиль?) стоит с расставленными в стороны руками. Фигура заключена в изображение в виде ворот, на левой стороне которых имеется как бы изображение сосуда. Две нижние фигуры стоят в одинаковых позах: левая рука поднята вверх и примкнута к голове, правая упирается в бедро.

Техника нанесения рисунка (точечная) и стилистические особенности: слабый контур тела животного — схематизированный, но без окончательной утраты реалистической основы, трактовка рогов козла (оленя) — дают все основания связывать его

¹ Протоколы ТКЛА за 1898 г.; М. Массон, Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, Краткие сообщения ИИМК, VI, Л., 1940.

² На такую трактовку уже обращал внимание М. Массон. (См. Краткие сообщения ИИМК, VI, стр. 53).

с сакским кругом памятников этого района, прежде всего с изображением козлов на скифского типа котле, найденном в 1940 г. на строительстве Большого Ферганского канала³. Аналогичные изображения имеются и в ущелье Чимташ в Таласской долине, где они были нами осмотрены в 1938 г.; они также датируются находкой скифского типа котла, ныне хранящегося в Эрмитаже. Скифское время этой композиции, в свете приведенных данных, для нас несомненно. Сложнее обстоит дело с семантикой изображения. Сцена, несомненно, культовая. Люди исполняют какой-то культовый танец. Они не вооружены, это не сцены охоты, известные нам по изображениям, например с Кугарга на Ферганском хребте, в свое время зарисованным

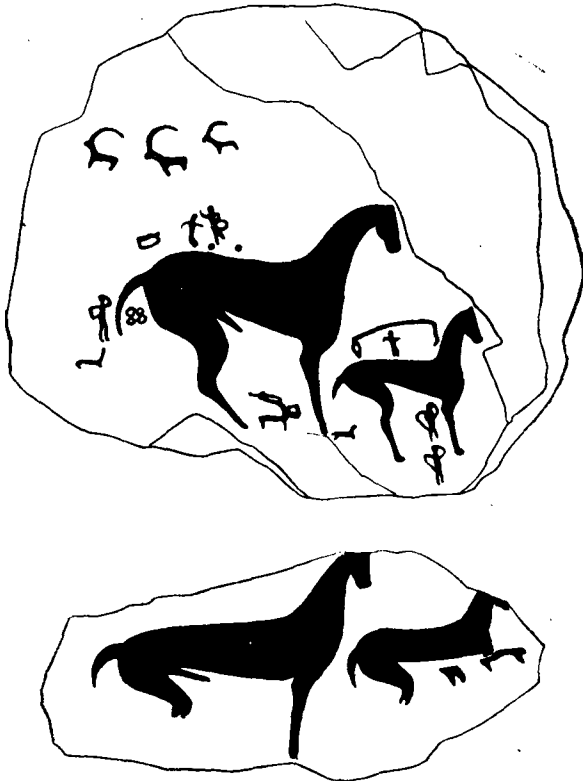

Рис. 1. Изображение древних ферганских коней на скале у селения Араван

Н. Хлудовым и И. Пославским⁴, ныне изученным Б. М. Зимма⁵. Животные, здесь изображенные, — не предмет охоты, а символы благополучия, скорее всего эмблемы солярного культа. Это участники ритуала, к которым, быть может, обращены эти культовые танцы. Так надо понимать роль козлов в наскальных изображениях Тяньшаня и прилегающих районов как культово-магических посредников человека с солнцем. Подобно тому как в этой функции изображение оленя и лося выступает на севере и северо-востоке Азии, в центральноазиатском круге тотемов, от Монголии до Средней Азии, ведущее значение имеет изображение козла и архара. Это не столько тотемный, сколько солярно-космический образ, особенно четко вскрываемый в одном из изображений в Саймалы-таш, где козлы шествуют среди изображений солнечных дисков. Очевидно, что на Араванской скале и были изображены эти культовые сцены, связанные с почитанием солнца. Вспомним, что, по свидетельству Геродота, кочевники Средней Азии массагеты «чтут только солнце, которому приносят

³ М. Массон, Указ. раб.—Изображение опубликовано М. Массоном в газ. «Пионер Востока», № 91, 1939.

⁴ Н. Г. Хлудов. Перевал «Саймалы тас», на котором найдены камни с надписями. Протоколы ТКЛА, VII, Ташкент, 1902, стр. 40—43; И. Пославский, По поводу заметки Н. Г. Хлудова,— см. там же, стр. 44—48; см. его же, Из поездки на Саймалы-Таш, Протоколы ТКЛА, VIII, Ташкент, 1903, стр. 75—83.

⁵ Материалы, собранные Б. Зимма во время поездки на перевалы Ферганского хребта летом 1946 г. С фотографиями меня ознакомил Б. Зимма, которому я приношу свою глубокую благодарность за эту любезность.

в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстреему из всех богов подобает «быстрее животное»⁶. Если для степняков «наибыстреем» считается лошадь, то «всякому бывавшему в горах не приходится доказывать то положение, что «наибыстреешими» и недоступными в горных условиях являются козлы и больше всего архары, изображаемые повсеместно, в том числе и на Араванской скале.

Совершенно в иной технике и манере исполнены здесь и нижеупомянутые две пары лошадей. Композиции повторяют друг друга. Жеребец помещен слева и почти вполтину больше стоящего впереди него изображения кобылицы. Размеры верхнего и нижнего изображений почти одинаковы. Жеребец верхней композиции имеет $1,10 \times 1,05$ м, кобылица $0,52 \times 0,61$ м. На нижней плите размеры жеребца $1 \times 0,70$ м и кобылицы $0,50 \times 0,50$ м. Изображение лошадей крайне типично и стилистически весьма индивидуально. Маленькая сухая голова посажена на плавно изогнутой «лебединой» шее. Тело поджарое, ноги сухие, нервные, утончающиеся книзу. Круп сильный, все тело напряженное, что подчеркивается слегка приподнятым и отставленным от крупа хвостом. Напряженность, явно выступающая во всем экстерьере, связана не только с предкоитусным состоянием пары, это чувствуется и в изображении кобылицы, нарисованной в более спокойном состоянии. Это общая характеристика лошади, а не только ее состояния в определенный момент. Подтверждается настоящее заключение аналогиями. Характерные черты экстерьера мы можем найти в ряде иконографических материалов Центральной Азии от Шандуна до Хорезма; как например, в изображении лошадей на нонн-улинских тканях⁷ и в шандунских барельефах II—I вв. до н. э., прекрасно изданных и описанных Э. Шаванном⁸, в изображении лошадей на деревянных дощечках из Хотана VI—VIII вв. в издании Стайна⁹, в изображении лошади на шите с горы Муг, также VII—VIII вв.¹⁰, в хорезмийских всадниках¹¹ на монетах вплоть до VIII в. Этот тип лошади мы бы связали с кушанским кругом, отличным от лошадей Монголии и Переднего Востока. Напомню, как отличаются от него изображения лошадей, например на стелле Тайцзуна VII в. н. э.¹² или скульптура лошадей в многочисленных китайских статуэтках всадников Танского времени¹³. Отличны изображения переднеазиатских лошадей с хеттами, проникшие в Малую Азию¹⁴ и получившие затем широкое распространение в Европе. Быть может, только в ранних изображениях лошадей античного искусства проскальзывают экстерьеры, сходные с нашими изображениями¹⁵, но ко времени последних, т. е. всего вероятнее к III—II вв. до н. э., на Переднем Востоке, не говоря уже о Европе, преобладает иная порода, более тяжелая. Разбираемые изображения фиксируют нам, очевидно, местную породу лошадей — ферганскую, которая высоко ценилась на Востоке и прежде всего в Китае, но это была далеко не единственная порода лошадей, распространенная в этих областях¹⁶. Впрочем, этот вопрос выходит за пределы наших интересов в данной статье и может составить самостоятельный сюжет исследования.

⁶ Геродот, История, I, 215.

⁷ К. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 39—40.

⁸ Ed. Chavannes, Mission archéologique dans la Chine Septentrionale, Paris, 1909, ч. I, см. табл. XIX, ср. также XXIV, XLI, XLIV и др.

⁹ A. Stein, Ancient Chotan, т. II.

¹⁰ А. Якубовский, Культура и искусство Средней Азии, Л., 1940, стр. 25, см. рис. на стр. 27.

¹¹ С. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 4/5, 1938; ср. Краткие сообщения ИИМК, I.

¹² См., например, в сводке: Oswald Siren, La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming, Paris — Bruxelles, 1930, табл. 93.

¹³ См. Oswald Siren, Chinese Sculpture from the fifth to the fourteenth Century, London, 1925.

¹⁴ Ср. гипотезу W. Leonardt'a, Hettiter und Amazonen, Leipzig, 1911.— О ней в статье А. Захарова, Хеттский вопрос, «Новый Восток», № 1, стр. 251.

¹⁵ См. последнюю доступную нам монографию: S. D. Markman, The Horse in Greek Art, The Johns Hopkins University Studies in Archaeology, № 35, Baltimore, 1943; ср., например, рис. 25, 32 и другие.

¹⁶ Укажу на одну из последних известных нам статей по этому вопросу W. Eberhard: «Çin kaynaklarına göre Orta Asyadaki at einseri ve beygir yetistirme hakkında malûmat. Ülki, Bir Tesrin, 1940 İki Tesrin, 1940 («Сведения китайских источников относительно вида лошадей и выращивания их в Средней Азии»). Об этом авторе см. нашу рецензию в журн. «Вопросы истории», № 7, 1946. Явно вторым центром разведения аналогичных даванским породам лошадей был район Тохаристана и сопредельных областей Гудо (Хуттал), Гэшими (Кашмир), Шини (Чаганиан). Сюань Цзан отмечает область Тяньма в Шумане (ср. Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux, СПб., 1903, стр. 196 и 276). Однако, в свете китайских источников, эти центры более поздние (VI—VIII вв.), чем даванский, что может свидетельствовать о распространении ферганской породы лошадей и ее разведении в других районах. Быть может, это связано с распространением в этих районах тюрков.

Сцены с изображением лошадей, так же как и предшествующий по времени сюжет на верхней плите, явно культового содержания. Этот сюжет посвящен идее размножения лошадей, одним из центров которого являлся, вероятно, окружающий район. Фергана в целом являлась местом разведения этой высокоценной породы, и первые сведения о них нам сообщают китайцы. Сообщения эти широко известны, и нам остается их только напомнить. Китайцы отмечают, по сообщению Чжан Цянья,

что в Давани: «Много шаньма — добрых лошадей» (善馬). Они имеют кровавый

пот и происходят от породы тяньма — «небесных лошадей» (天馬)¹⁷. В другом ме-

сте подчеркивается, что даваньцы разводят траву му-су (目宿), которую любят ло-

шадьи Давани¹⁸. Траву му-су — это люцерна, которая была вывезена, как и виноград, в Китай¹⁹. Ханьшу не приводит новых деталей и лишь редактирует версию Ши-цзи²⁰. Важно отметить, что комментатор Цяньханышу, по имени Мэнцзюй, приводит любопытную легенду в качестве комментария. Текст следующий: «Во владении Таюань имеются высокие горы (гао-шань). На этих горах имеются лошади, которых невоз-

можно поймать. Выбирают пятишерстных (у-сэ 五色 'т. е. пестрых) кобылиц

и пускают их к подошве гор для случки с (горными). От этих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом. Поэтому (их) называют потомством небесных лоша-

дей (天馬子)²¹.

Приведенный комментарий Мэнцзюй'я исключительно интересен в свете изображений на Араванской скале. Совершенно очевидно, что место для нанесения культового рисунка, воспроизводящего идею размножения лошадей ферганской породы, выбрано не случайно. Рисунок нанесен на скалу, издана обожествляемую и носящую символы горных владык — архаров и теке. Здесь оказались тесно переплетены: солярный культ, восходящий к сакскому периоду, с культово-магическим рисунком более поздней, очевидно раннекушанской поры Давани. Известно, как тесно переплетен солярный культ, культ солнца — силы, определяющей всю жизнь человека и его окружения, с культово-магической ролью изображения солнца и его символами. Этот культ был знаком и художникам, нарисовавшим эти две пары лошадей, несомненно сопрягавшим сюжет своего рисунка с бытующим в его среде почитанием горных владык — архаров, resp. — важнейших компонентов солярного культа.

Характерно, что эта преемственность сохранилась и в мусульманский период. Изображения, которые мы анализировали, были почитаемы и мусульманами. Родник, вытекавший у подножья скалы, также почитался окружающим населением. Здесь был выстроен мавзолей, ныне разобранный до основания. У подножья скалы мы обнаружили фрагменты керамики от эпохи Давани до XIX в., а все кусты и поныне увешаны лоскутками материи. О почитании мусульманами этого урочища отмечалось в литературе. «В селении Араване, в 25 верстах от гор. Оша, есть скала, на которой нарисована лошадь с жеребенком, под скалой ключ и мазарька Дульдуйлата. По легенде, в этом месте Алий привязывал свою лошадь, когда отправлялся на битву

¹⁷ Ши-цзи, 123, л. 3-а.

¹⁸ Ши-цзи, 123, л. 14-а.

¹⁹ В. Lauffer, Sino Iranica, Chicago, 1919, стр. 208 и сл. — В. Lauffer возводит му-су к древнеиран. buso, сарыкольскому wux — трава. Hirth связывает ее с тюркским buřak. Lauffer считает возможным связывать ее с тюркским термином, обозначающим сено из люцерны, bida, bedä, но последнее возводит (вслед за Томашеком) к персидскому beda.

²⁰ Цяньханышу, гл. 96-а, л. 17-б.

²¹ Цяньханышу, гл. 96-а, л. 17-б — 18-а. Ср. кит. текст «Мэнцзюй юе: янь Таюань го ю гаошань, ци шан ю ю ма бу кэдэ, иньцзюй усэ мума чжи ци ся, юй цзи шэн цзюй цзе хань сюэ инь, хаюке тяньма цзы юнь». Сходная легенда приведена в Суйских анналах в отношении лошадей Тохаристана и повторена в Цзю Таничу: «На севере есть гора Поли. На южной (стороне) пещера, внутри (которой) имеется божественный конь (шэньма). Жители пригоняют на пастбище (к горе) кобылиц, от которых рождаются жеребята, потеющие кровью» (Бэй ю Поли шань. Ци ян сюэ, чжун ю шэн ма. Гожэнь ю мупинь, юй цзэ шэн цзюй чже ханьсюэ), Цзю Таншу, гл. 210-б, л. 5-б.

Урашт В. Минорский³². Китайская транскрипция Эрши, несомненно, вариант одного и того же названия — Урашт. С нашей точки зрения, он может быть локализован только в определенном месте, т. е. отождествлен с Мархаматскими развалинами на реке Араван, над которой и стоит скала с уломянутыми изображениями. Другого города, явно весьма крупного (как следует из описаний китайских источников), на пути между Кувой и Ошем нет, так же как нет такого города на перегоне Ош —

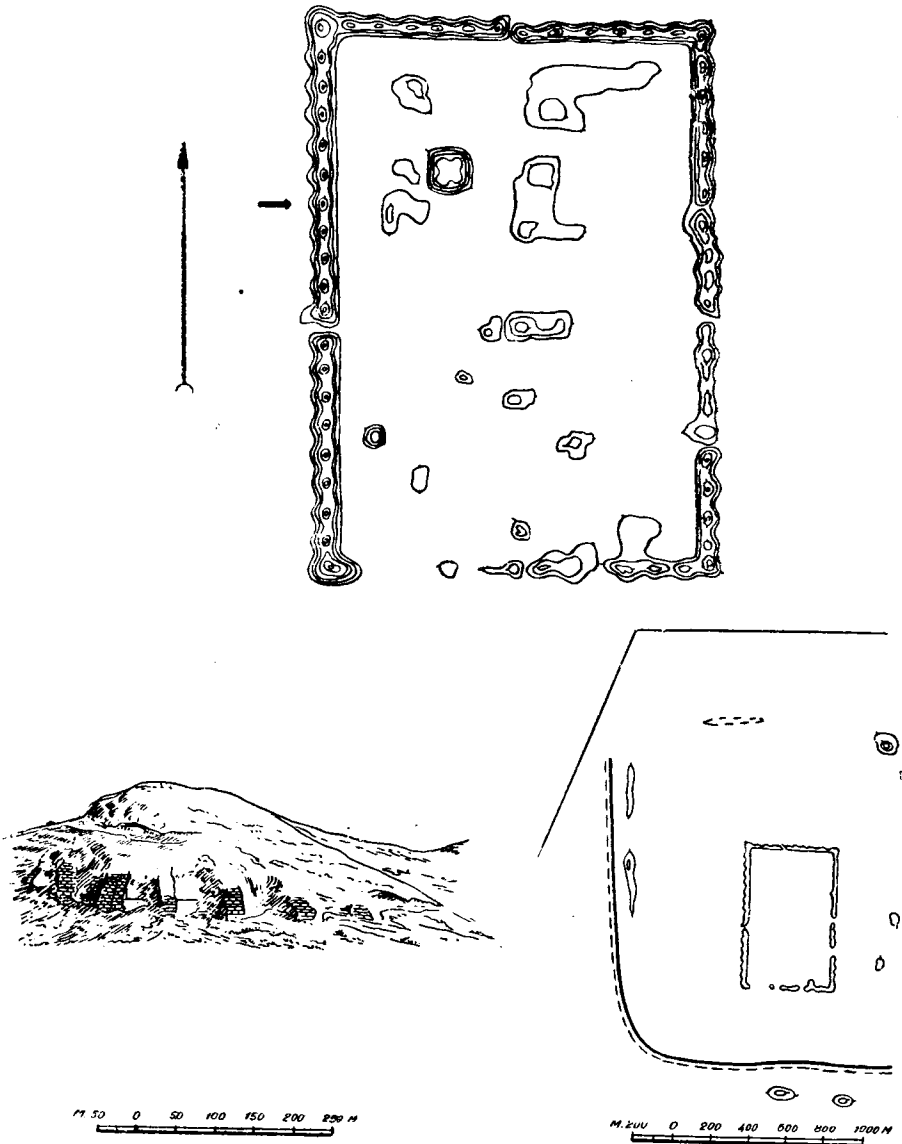

Рис. 2. Мархаматское городище Эрши (Урешт)

Куршаб. Крепость Кургажин-тепе, стоящая между Ошем и Куршабом и обследованная нами в 1946 г., значительно меньше Мархаматских руин и центром древней Давани быть не может.

Мархаматские развалины величественны. Они занимают большую площадь, имеют несколько рядов стен, окружены различного времени тепе, в том числе и древними и кушанскими. В зоне Араванской долины курганы — сако-усуньского времени (например, Тулейкинская группа по дороге Араван — Ош), а западнее Мархамата известен Кувинский могильник даванско-кушанского времени. Сакские комплексы из этого района обнаружены во время археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Само Мархаматское городище сохранило те

³² Hudud al-Alamī, стр. 115.

основные конструктивные черты, которые позволяют видеть в нем упомянутые китайским источником «внешнюю стену» и «внутренний город», и расположено оно на берегу реки, которая этот город питала, чего нельзя сказать ни об одном из городищ, в частности, о Кургашии-тепе на пути из Оша в Куршаб. Характерно, что город Ю, который мы уже в другом месте отождествили с Узгеном³³, находится на востоке Давани, на ее границе.

Таким образом, мы приходим к выводу: развалины у с. Мархамат, на берегу р. Араван являются развалинами древнего города Эрши, средневекового Урешта, центра Ферганы в даваньско-кушанский период. Тем самым отпадает совершенно произвольное в литературе отождествление Эрши с Кокандом³⁴.

Но Эрши не только политический центр древней Ферганы. Это центр разведения «добрых лошадей» — «шаньма», «драгоценных лошадей» — «баома»³⁵, и как бы свидетельством этому являются наскальные изображения Айрымачтау у с. Араван, документирующие указания китайских источников об экономическом значении Эрши.

³³ Археологические контуры Тяньшаня и Алая, Известия Кирг. филиала АН, II—III, Фрунзе, 1946.

³⁴ Отождествление, предложенное И. Бичуриным. Позднее Эрши отождествляли с Кирополем и приурочивали к Ура Тюбе, город «Ю» — с «Антиохией в Скифии». — См. по этому поводу К. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 12.

³⁵ Мы сознательно не употребляем принятый в литературе термин «аргамак» (Бичурин, Массон), так как китайцам позднее этот термин был известен и они его транскрибировали а-лу-гу-ма. — См. уйгурско-китайский словарь в труде J. Klapproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ХУТТАЛЬСКАЯ ЛОШАДЬ В ЛЕГЕНДЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕДАНИИ

Сведения о большом значении, которое имело коневодство для хозяйственной жизни приамударьинских областей, входивших в состав древней Бактрианы, восходят к глубокой древности. Говорят об этом данные древней топонимики, имена мифических персонажей, относимых легендой к этой стране, и, наконец, прямые свидетельства источников. Не ставя перед собой специальной задачи исследования этого вопроса для Бактрии в целом, ограничусь указанием на факты, хорошо известные в специальной литературе. Так, столица Бактрии, как и река, на которой она стояла, носили название Зариаспа (современный Балх). Аурватаспа и Виштапса — имена мифических царей этой страны¹. Успех деятельности Заратустры в легендарной истории его проповеди, как известно, также связан с излечением им любимой лошади царя Бактрии (Балха) Гиштаспа². Об этом же говорят и сведения исторические.

В ахеменидское время лучшие конные отряды войска, служившие под знаменами царей этой династии, набирались именно из бактрийской сатрапии³. В Бактриане же производил ремонт конского состава и Александр Македонский⁴. Лошади этой страны, позже получившей название Тохаристан, были известны китайским хроникам⁵.

Не остался незамеченным интересующий нас факт и в ранней летописи арабов. В этом отношении весьма характерен один рассказ Табари, свидетельствующий о высокой ценности происходивших из Тохаристана лошадей, который относится ко времени правления халифа Хишама ибн Абдал-Мелика (725—744).

«Рассказал мне ал-Валид ибн Хулайд. Однажды увидел меня Хишам ибн Абдал-Мелик, когда я ехал верхом на тохаристанском коне. И сказал он: «О, Валид ибн Хулайд, что это за скакун?» И ответил я, что его привез мне Джунайд. И позавидовал он мне и сказал: «Клянусь Аллахом, слишком много стало тохарских лошадей». Когда умер Абдал-Мелик, то среди его лошадей нашли лишь одного тохаристанского скакуна. И стали ссориться сыновья Абдал-Мелика по поводу того, кому должна достаться эта тохаристанская лошадь. И не было среди них (сыновей) ни одного, кто бы не думал, что если он не получит ее то не наследует ничего (существенного)»⁶.

Нет сомнения в том, что и в памятниках материальной культуры древней Бактрии, когда они в полной мере станут достоянием науки, найдет свое отражение интересующий нас вопрос. Но и то немногое, что и сейчас можно отнести к этой области, говорит об этом с полной определенностью. Я имею в виду в первую очередь знаменитый амударьинский клад золотых вещей. Среди изображений животных, представленных на вещах этого клада, лошадь занимает в количественном отношении первое место. Характерно, что лошадь же представлена и наиболее разнообразной техникой исполнения (скульптура, чекан, гравирование и пр.). Такое сугубое внимание к этому животному, конечно, не является случайным. Оно свидетельствует о большом значении, которое имела лошадь для страны, где эти вещи были созданы⁷. Лошадь нашла определенное место и в изобразительном искусстве греко-бактрийского времени⁸.

Непосредственно интересующая нас область Хутталь, соответствующая современным Кулябской и Курган-Тюбинской областям Таджикской ССР (в средние века границами области считались Пяндж и Вахш), в древности входила в состав Бактрии⁹. И те факты, которые были приведены выше, в определенной мере могут быть отне-

¹ Cp. Pauly-Wissowa, Real Encyclopädie der class. Alt., s. v. Baktriana (асп по-персидски обозначает лошадь).

² Le livre de Zoroastre... publ. par F. Rosenberg. St.-Petersb. 1904, стр. 49 и сл.

³ Pauly-Wissowa s. v. Baktriana.

⁴ «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 48.

⁵ См. ниже.

⁶ At-Tabari, Annales, Secunda series, стр. 1735.

⁷ O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, London. 1905 (см. таблицы).

⁸ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, Государственный Эрмитаж, М.—Л., 1940, стр. 9, 92 и таблицы.

⁹ Pauly-Wissowa, s. v. Baktriana.

себя к нашей области. Это мне кажется тем более законным, что и указанный клад, по наиболее вероятной версии, был найден на правом берегу Аму-Дарьи, в местности Тахт-и-Кувад на самой границе с Хутталем¹⁰. И если принять, что указанные памятники в определенной мере характеризуют материальную культуру древней Бактрии, то мы должны это суждение отнести и к правобережным областям, в том числе и Хутталю.

О Хуттале, как стране по преимуществу коневодческой, говорят и свидетельства более непосредственные. Уже Томашек, а затем и Маркварт обращали внимание на следующий рассказ из эпической поэмы индусов «Махабхарата». По случаю устроеного героем поэмы Юдхистрой праздника в нем были представлены многих народов дальних и ближних стран, которые принесли с собой в виде даров, как это было во всеобщем обычае, лучшие произведения своих стран. Среди этих посольств были и представители страны Ванксу. В этом названии указанные исследователи справедливо видят передачу имени реки Вахш, а страна, которая была представлена, — считается именно Хутталем. Дар, который они привезли с собой, для нас крайне интересен. Они привезли с собой, как говорится в поэме, «лошадей диких, очень быстрых, цвета кошенели, пегих (buntfarbige) и цвета утренней зари»¹¹.

Это описание, интересное само по себе, важно для нас и по тому элементу легендарности, который в нем чувствуется. Обстоятельство это безусловно не случайно. Оно свидетельствует о том, что с этими лошадьми связывались какие-то необычные представления. И действительно, в отношении происхождения лошадей приамударьинских областей и особенно Хутталя сохранились, и в других источниках соответствующие рассказы. Так, в китайских хрониках Суй-шу и Тан-шу сохранилась легенда о «божественном» коне, который живет на вершине одной из гор (или в пещере) Тохаристана. К местопребыванию этого коня местные жители пригоняют пасти кобылиц, от которых и происходят потоковые лошади¹². Здесь мы видим легенду, аналогичную известной легенде о даванских (ферганских) небесных лошадях, «потоющих кровью», которую мы находим у китайского историка Сы-ма-Цзяна (II в. до н. э.)¹³.

С циклом этих легенд безусловно связан и нижеприводимый рассказ арабского географа IX в. ибн Хордадбега, специально посвященный мифу о происхождении породы лошадей, известной в средние века под именем хутталской (или хутталянской).

«В городе, — рассказывает наш автор, — носящем название Хутталян, принадлежащем ал-Харису ибн Асаду, двоюродному брату Абу-Давуда ибн Аббаса, свершившего нападение на Фируза, имеется тысяча с лишним источников, и среди них два — один у нижних ворот, а второй — у верхних ворот (города). Верхний носит название Назкуль. Рассказал Абу-л-Фадл, объездчик лошадей ибн ал-Хариса ибн Асада, что происхождение хутталейских скакунов, порода которых славится, из этого источника. И было это во время тамошнего царя по имени Бик. У него было множество кобыл, табуны которых паслись на пастбищах. В часы полудневной жары они прибывали к этому источнику на водопой под тень дерева, которое там было. И так собирав пастух к источнику своих лошадей, а тот источник был обширный, имел 400 на 400 локтей. Вода в нем была спокойная и чистая. И однажды увидел пастух, когда он проснулся от сна, среди табуна своих лошадей какую-то лошадь, более высокую чем другие. И показалась ему это видение страшным. И стал он следить за этим, пока не настало утро, и тогда (лошадь эта) спустилась в источник. И остался пастух удивленным. И не переставал он следить за этим, когда он возвращался к источнику. И вот однажды появился тот конь из источника, а с ним кобылицы и много таких же жеребцов, и смешались они с его лошадьми, и паслись они постоянно вместе на пастбище, и привыкли они к его лошадям. И оплодотворили эти жеребцы кобыл из царского табуна, за которым смотрел тот пастух. Жеребята, которые родились, были крупные, превосходные, красивые станом. И когда это увидел пастух, обрадовал его это. И уведомил он об этом своего господина, и сильно обрадовался этому царь. И отправился он со своими дружинниками на охоту в сторону пастбищ его табунов и стад. И прибыли они к загонам того пастуха, и приказал он своему наезднику, чтобы он поймал жеребенка из жеребят, которые происходили от жеребца, вышедшего из источника. И поймал он арканом одного из жеребят и, оседлав его, объездил. И он точно летал между небом и землей, послушный узде, легкий в беге. И когда он вернулся и слез с него и расседлал его, то все те лошади вышли с пастбища вместе с теми жеребятами, которые пришли с ними, но исключая тех, которые родились (среди табуна). И вернулись остальные в источник. И до сих пор не появлялось из источника ни одной лошади больше. От (оставшихся) пошла порода хутталейских скакунов.

И рассказывал мне этот рассказчик со слов купца Абдаллаха аш-Шахмы, чело-

¹⁰ O. M. Dalton, Указ. раб., стр. 1.

¹¹ Tomaszek, Zentralasiatische Studien, I, Wien, 1877, стр. 46; ср. I. Markwart, Wehrot udn Aranz, Leiden, 1938, стр. 31.

¹² И. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб., 1851, стр. 255.

¹³ Там же, стр. 4.

века известного в Балхе и его окрестностях, что он купил одну лошадь этой породы ростом в три рыночных локтя и в ширину один локоть»¹⁴.

Миф, связывающий лошадь с водой, конечно, не случаен. Маркварт, который неоднократно касался вопроса о месте коны в мифологии ирано-индийских народов, возводит его к представлению, согласно которому жеребец «олицетворяет божество воды и растительности» и является одновременно символом «молнии, рожденной из воды»¹⁵. Но особый интерес этот миф представляет еще и потому, что в нем, заключено одно из звеньев той цепи представлений, которая была установлена Н. Я. Марром между водой — небом — солнцем (утренняя заря) и лошадью, притом на материалах, очень далеких от приведенного выше¹⁶.

Мне представляется совершенно несомненным, что соответствующие лингвистические исследования на местном материале могли бы стать в интересующем нас аспекте чрезвычайно плодотворными. Автор данной заметки, не будучи лингвистом, понятно, за такую задачу не может взяться. Я хотел бы лишь здесь привести несколько фактов из области фольклора и этнографии и некоторые другие материалы, безусловно стоящие в связи с этими представлениями. Так, в современном таджикском фольклоре существует представление о «водяном коне» (*осн-и-оби*) имеющего пребывание в определенных озерах, откуда он выходит по временам на поверхность¹⁷. В Хорезме лодка называется, как и лошадь, словом «ат». Фольклорные записи из Хорезма свидетельствуют о существовавшем в древности обычае бросания в Аму-Дарью лошади¹⁸. М. М. Дьяконов обратил внимание на рассказ о гибели сасанидского царя Иездагерда I, согласно которому чудесная лошадь, ставшая причиной смерти этого царя, вышла из источника и туда же вернулась¹⁹. Для нас это тем более интересно, что местом гибели царя был Хорасан (У Табаря — Гурген, у Фирдоуси — окрестности Туса), в культурно-историческом отношении находившийся в тесной связи с приамударинскими областями. Наконец, я хотел бы обратить внимание на один известный памятник изобразительного искусства, который, как мне представляется, связан по сюжету именно с указанной легендой о хутталаянской лошади. Я имею в виду серебряную чашу, найденную в 1896 г. близ дер. Квацнилеевой Молотовской области и опубликованную Я. И. Смирновым²⁰. Описание ее дано в работе К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства», где убедительно доказывается принадлежность этой чаши к кругу дошедших до нас памятников греко-бактрийского царства. Сюжет, представленный на чаше, К. В. Тревер связывает с определенными мифами греческого и индо-иранского мира, согласно которым лошадь олицетворяла собой Митру-солнце²¹.

Мне представляется, что в отдельных чертах сюжета, изображенного на этой чаше, можно видеть и намеки на приведенные выше мифы, связывающие лошадь с водой. Об этом говорят прежде всего «болотистые» растения, изображенные на чаше и напоминающие не то камыш, не то тростник. Мне кажется также, что и розетка в виде раскрытого лотоса или другого водяного растения, помещенная в круге на дне чаши, может означать водный бассейн, озеро или источник.

Не связана ли и «необычность» изображения рядом двух жеребцов», как пишет К. В. Тревер, с тем обстоятельством, отмечаемым легендой, что жеребец, выходящий из воды, появляется среди табуна наземных лошадей, где должен был быть и свой жеребец. Мне кажется, что именно с этим кругом представлений, зафиксированных в рассказе о хутталаянской породе лошадей, и связан этот памятник, приамударинское (бактрийское) происхождение которого, таким образом, становится еще более осязательным.

Наряду с приведенными выше материалами легендарного характера мы имеем целый ряд исторически вполне достоверных данных относительно хутталаянской по-

¹⁴ Bibliotheca Geographorum Arabicorum (в дальнейшем BGA), VI текст стр. 180, перев. 140.

¹⁵ I. Markwart, Wehrot und Arang, Leiden, 1938, стр. 88. Связь лошади с водой и специально с Аму-Дарьей нашла свое отражение и в фольклоре среднеазиатских народов. Так в узбекском цикле эпических сказаний о Кёроглы, жеребцы Дюр-ат и Гыр-ат, служащие герою поэм, принесены двумя кобылицами-матками «от двух водяных коней», вышедших из реки Джейхун (Аму-Дарья)». См. В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 169.

¹⁶ См. Н. Я. Марр, Приволжские и соседские с ними народности. Избранные работы, т. V, стр. 238—308.

¹⁷ Такое поверье записано А. З. Розенфельд в селении Самсалык Комсомолобадского района, недалеко от Об-и Гарма, т. е. несколько севернее Хутталая; по этому поверью, «водяной конь» живет в озере, вблизи указанного селения. Пользуясь случаем, приношу здесь благодарность тов. Розенфельд за указанное сообщение.

¹⁸ Эти два факта сообщены мне К. Л. Задыхиной, за что приношу ей свою благодарность.

¹⁹ T. Noeldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, 77, note 1.

²⁰ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. X.

²¹ К. В. Тревер, Назв. раб., стр. 95.

Фрагмент серебряной чаши с изображением коней, найденной вблизи дер. Квацнилеевой, Пермской губ (ныне Молотовской обл.). Гос. Эрмитаж

роды лошадей, свидетельствующих об устойчивой славе этой породы на протяжении ряда веков, по крайней мере вплоть до монгольского завоевания. Так, в китайской хронике Тан-шу о Хуттале (Ку-то-ло) говорится, что он «имеет много великолепных лошадей»²². Арабо-персидские географы IX и X вв. также, как правило, говоря о Хуттале отмечают в качестве особенности экономической жизни Хутталя, развитое скотоводство. Так, Истахри пишет, что «в Хуттале разводится множество лошадей, которых вывозят во все страны»²³. Другой географ X в. — ал-Макдиси пишет, что из Хутталя вывозят лошадей и мулов²⁴. То же сообщает и анонимный автор персидского географического сочинения X в. «Худуд ал-Алем», говоря, что «из этой (страны) вывозят много хороших лошадей»²⁵. Аль-Якуби называет породу хуттальянских коней «Бикийя» — бикийскими по имени их владельца, царя Хутталя²⁶, о котором упоминает и легенда ибн-Хордадбеха. Однако впоследствии за ними закрепляется название «хуттальянские» или «хуттальянские». Так, в рассказе Утби о посылке даров Махмудом Газневи караханидскому правителю Средней Азии упоминаются и «хуттальянские лошади»²⁷.

Особый интерес представляет рассказ Низами-Арузи-Самарканди, составителя сборника «Чахар-макала» из биографии поэта XI в. Фаррухи. Последнему в награду за касыду (оду), написанную по случаю таврировки лошадей в табунах чаганианского правителя, было разрешено взять столько годовалых жеребят, сколько он сумеет сам поймать. «По распоряжению кетхудо эмира, — рассказывает наш автор, — была пригнана тысяча голов жеребят — все они были белоголовые и белоногие хуттальянской породы»²⁸. Это замечание о преобладающей, видимо, масти лошадей этой породы чрезвычайно любопытно в связи с приведенным выше рассказом из Махабхараты, в котором пегие (bunfarbige) лошади перечислены среди лошадей других мастей, привезенных из страны Ванксу.

Отмечу, наконец, что Закарья Казвини — автор XIII в., писавший в Иране, также отмечает, что из Хутталя «вывозятся быстроходные лошади, подобных которым нет ни в одной из других стран»²⁹.

Хуттальская лошадь пользовалась популярностью в арабско-персидской поэзии.

²² И. Бичурин, Указ. раб., стр. 168.

²³ BGA, I, стр. 279.

²⁴ BGA, III, стр. 325.

²⁵ Худуд ал-Алем, Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930, л. 25-а.

²⁶ BGA, VII, стр. 290.

²⁷ Китаб-ал-Йамини, Каирск. изд., 1286, X, стр. 232.

²⁸ Chahar Magala, Gibb memorial series, vol. XI, 1910, стр. 40.

²⁹ El-Cazwini's Kosmographie, II, hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848, стр. 352.

Так, один из ранних поэтов, писавших в Средней Азии, некий Муради, обиженный чем-то на правителя Хутталя и его жителей, в эпиграмме пишет:

О, тот кто расспрашивает о низком Харисе
И о его грязном народе,
Знай, что они из Хутталя. Хутталь же страна,
Прославленная лошадьми, но не людьми.

Поэт Азраки, прославляя подвиги своего героя, пишет:

Он бросил (мощной) рукой острое копье
И оседлал хутталянского (необъезженного) жеребца.

Знаменитые поэты XII в. Хакани и Низами, писавшие в Азербайджане, также находят случай прославить хуттальскую лошадь. Так, Хакани пишет в оде, посвященной одному из феодалов:

Когда он верхом на хуттальском скакуне гарцует,
То конюший его кажется правителем (всего) Хутталяна.

И, наконец, Низами дает хутталянского скакуна Александру Македонскому:

Сел Искандер на того хуттальского скакуна,
Точно гора поднялась и (помчался) точно молния сверкнула³⁰.

Здесь своим поэтическим сравнением Низами невольно связал древнее представление о лошади, олицетворяющей молнию, с хуттальским конем, предок которого, согласно легенде, вышел из воды. Добавочный интерес представляется и в том, что конь нашей породы дается историческому лицу — Александру Македонскому и, таким образом, миф связывается с историческим преданием.

* * *

Заканчивая эту небольшую заметку, я хотел бы подчеркнуть, что приведенный материал может иметь, помимо его культурно-исторического интереса, и некоторое практическое значение. Дело в том, что вопрос о происхождении и истории той или иной породы лошадей в практической иппологии, в коневодстве имеет первостепенную важность. В особенности большое значение имеет эта сторона дела при изучении вопросов, связанных с коневодством в Средней Азии. Сошлюсь на следующие слова из предисловия к специальному сборнику, посвященному коневодству Средней Азии: «Одно отношение, например, к ахалтекинской лошади будет у нас, если мы будем считать ее за «помесь арабской лошади и персидской», за какой-то боковой приросток малой ценности. И совершенно иное будет отношение, если мы на основе изучения всех доступных нам материалов должны будем прийти к выводу, что в ахалтекинской лошади мы имеем современного представителя древнейшей в мире культурной породы»³¹. В сборнике, откуда взято приведенное положение, среди других статей помещена специальная работа Г. Г. Хитенкова, посвященная современной локайской лошади, имеющей центром своего распространения ту область, которая, главным образом, и интересует нас в данной заметке, а именно Хутталь (совр. Кулябская и Курган-Тюбинская области).

Некоторые результаты, произведенного Г. Г. Хитенковым специального обследования, представляются нам крайне любопытными, поскольку они повторяют те попутные и случайные замечания иппологического характера, которые оставили и наши древние авторы. Так, Г. Г. Хитенков пишет: «На основании индексов сложения, локайскую лошадь следует отнести к лошадям быстрых аллюров верхового назначения» (стр. 207). А в другом месте: «Локайская лошадь обладает прекрасными свободными движениями на шагу и на галопе» (стр. 216). Однако попытку автора установить историю происхождения этой породы надо признать, повидимому, несостоятельной. Так, автор статьи делает заключение, что локайские лошади происходят из не крупной узбекской лошади монгольского корня и что «представляется вероятным, что локайские лошади в прошлом испытали влияние арабских лошадей» (стр. 230).

В неопубликованной, к сожалению, статье М. Е. Массона «К истории происхождения локайской лошади», намеченной к изданию Институтом востоковедения Ака-

³⁰ Стихотворные отрывки взяты мной из примечаний издателя указ. соч. «Shahar Maqala» Мирзы Мухаммеда Казвини, стр. 167.

³¹ Сборн. «Конские породы Средней Азии». Под общ. ред. проф. В. О. Витта, издание Всесоюзного научно-иссл. ин-та коневодства, М., 1937, стр. 7.

демии Наук СССР, на которую указал мне ее автор, за что приношу ему здесь свою благодарность, с большой обстоятельностью опровергается указанный вывод Г. Г. Хитенкова. Из выводов, к которым пришел сам М. Е. Массон, для нас особенно интересен следующий: «Локайская лошадь несет в себе кровь издревле славившихся хуттальских верхово-вьючных лошадей горного типа, очевидно родственных также бадахшанским и другим лошадям Аму-Дарьи и известных еще до арабского завоевания». Свои заключения М. Е. Массон основывает на обширном и разнообразном историческом материале вплоть до наблюдений нашего времени (например, периода гражданской войны). М. Е. Массон, между прочим, привлекает ряд сообщений тех источников, которые использованы и в этой заметке, как-то: рассказы из «Махабхараты», сообщения Истахри и Макдиси, а также данные китайских хроник. Относительно последних М. Е. Массон замечает, что для него неясно лишь сообщение о феномене кровопотения. В связи с этим разрешу себе привести следующий рассказ путешественника начала XIX в. Борнса, который имел возможность наблюдать это необычайное явление в Средней Азии. Характеризуя туркменскую лошадь, он, между прочим, сообщает следующее: «Если случится, что лошадь через меру разгорячена или если она совершила какую-нибудь трудную работу, то природа сама открывает ей вену на шее и таким образом пускает животному кровь. Я этому не верил, пока собственными глазами не убедился в справедливости сказанного»³². Это сообщение Борнса особо убедительно подтверждает упомянутый вывод М. Е. Массона, с которым мы можем только солидаризироваться.

³² А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1850, стр. 381.

Л. И. ЛАВРОВ

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ И ПЛЕМЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ АБАЗИН В XVIII и XIX ВЕКАХ

Разделение абазин на различные сословно-классовые группы, произошло еще до выселения их на Северный Кавказ. Это подтверждается существовавшей сословной терминологией: названия абазинских сословий в подавляющем большинстве напоминают собою соответствующие абхазские термины или совпадают с ними. Как бы то ни было, но к XIX в. среди абазин уже существовало четкое классовое разделение населения. Феодальные отношения, хотя и не полностью вытеснили родовые порядки, не являлись уже господствующими. Существовало сложное сословное деление, с четко очерченными правами и обязанностями каждого сословия. Самым бесправным было положение раба — «унавы» (гівнагівы), т. е. «домашнего человека»; он же иногда назывался — двъуа и хайдвъей. Унавы не вправе были иметь собственность; все что было у него и на нем — принадлежало хозяину, как и сам унавы.

Унавы происходили из военнопленных. Женщина-рабыня «псаз» (или агівнапхівыс, чегівын) постоянно находилась при своей госпоже; на ней лежала вся женская работа в доме. Если господин сажал раба на землю и тот обзаводился некоторым собственным имуществом, то его именовали «лыг» (у шкаравцев — грыгва, т. е. «мегрелец»). Лыг по сравнению с унавы пользовался некоторыми правами. Если унавы можно было продавать как угодно, то лыга — лишь вместе со всем его семейством. Лыг имел собственные средства производства, которыми он обрабатывал хозяйское поле. Если унавы и псаз являлись рабами, то лыг соответствовал крепостному. Собранный лыгом урожай делился следующим образом: 1/10 часть шла в пользу духовенства («зекят»), часть — на семена, часть — на продовольствие табунщиков, пчельников, приглашенных рабочих из числа свободного населения и пр., часть — для продовольствия гостей владельца, а остаток делился поровну между всеми лицами семейств владельца (вместе с его рабами и рабынями) и работавшего крепостного. После стрижки овец, лыг должен был отдать своему владельцу всю шерсть с баранов и волохов, овечью шерсть на одну бурку, лучшую белую шерсть на одну черкесску, а оставшаяся делилась между владельцем и лыгом опять-таки по числу членов их семейств. Если лыгу удавалось что-либо заработать на стороне, то он обязан был половину своего заработка отдать владельцу, а если при этом лыг пользовался каким-нибудь принадлежащим владельцу инструментом, то отдавал две трети. При выдаче дочери замуж лыг получал лишь одну пятнадцатую часть калыма, остальное брал владелец¹.

Если лыг получал освобождение, то он переходил в особое сословие «азатов» или вольноотпущенников. Азат не являлся совершенно свободным человеком и обязан был рядом повинностей, но в то же время имел право свободного перехода от одного владельца к другому и мог иметь собственных лыгов и унавы². Если вольноотпущенник не сам был освобожден, а его отец или дед, т. е., если он со дня своего рождения был вольноотпущенником, то он именовался «азатыж», т. е. «старый азат».

Так как феодальные отношения у абазин не успели достичь полного своего развития, то поэтому самым крупным по численности сословием было лично свободное крестьянство — «акавы» (ахъагівы) или «тльфакошао» (тлфакъващао). Но процесс шел в сторону закабаления тльфакошао, и они, несмотря на свою юридическую свободу, обязаны были принимать некоторое участие в полевых работах в пользу знати и поставлять определенную долю продовольствия, шерсти, дров и пр. К сожалению, мы не знаем подробностей правового положения тльфакошао.

Рангом выше предыдущих стояли «амыста». Это была медкая знать, составлявшая свиту и вооруженную дружину князя и так называемых амыстаду. У них были свои рабы и крепостные, трудом которых и жили амыста. Они пользовались

¹ «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области», Газ. Кубанские войсковые ведомости, 1867, №№ 15—18.

² Ф. Щербина, История Кубанского казачьего войска, II, Екатеринодар, 1913, стр. 566.

праем свободного перехода от одного князя или амыстаду к другому. Особую категорию знати составляли «амыстаду», т. е. «большие амыста» (у шкаравцев — тавад). Они возглавляли отдельные селения, в которых не было князей; они, как сказано выше, имели собственную дружину из амыста и ничем, кроме внешнего почтения, не были обязаны по отношению к князьям.

Высшим сословием абазинского общества были князья «аха» (ахла), возглавлявшие отдельные племена³. Дети от брака князя с женщиной из нижестоящего сословия не считались князьями, но причислялись как бы к особому сословию, но высшему имя «тума». Когда кабардинские и бесленевские князья подчинили себе ряд абазинских племен, то князья последних были уравнены в правах не с князьями своих покорителей, а с нижестоящим черкесским сословием тлеколтешей. Черкесские князья, строго следившие за «чистотой» своей крови, не допускали браков с абазинскими князьями; последние женились на дочерях карачаевских князей «таубнев», также подчиненных Кабарде, и дочерях черкесских тлеколтешей.

Абазинский народ делился на две племенные группы: «тапанта» (тапантá) и «шкарауа» (шхъарауа), каждая из которых состояла в свою очередь из ряда мелких племен. Тапанта известна среди черкесов под именем «басхяг» (басхягъ), что, по предположению проф. Г. П. Сердюченко, должно означать: «нижние абазинцы»⁴. Ногайцы называют тапантовцев — «алты-кесек абаза», т. е. «шестидольная абаза». Ногайское наименование происходит от старинного деления тапанты на шесть племен. Правда, у К. Главани (1724) она названа «пятидольной абазой» — «беш-кесек абаза» (у К. Главани «бес-кесек абаза»), Проф. Г. П. Сердюченко справедливо допускает, что в начале XVIII в. в состав тапанты входило пять племен. Начиная с середины XVIII в., все документы называют их «шестиродными».

Племена тапантовцев именовались по фамилиям своих князей: лоовцы, бибердовцы, дадаруковцы, клычевцы, кячевцы и джантемировцы. Лоовцы в середине XVIII в. обитали вместе с другими тапантовцами по обоим берегам р. Кубани и между рр. Кубанью, Кумой и Малкой. Многочисленная и сильная фамилия князей Лоовых выводила свое происхождение от арабских эмиров и славилась своими табунами. Лошадь с тамгой Лоовых и Трамowych (Трамраа — фамилия крупнейших амыстаду у Лоовых) высоко ценились по всему Северному Кавказу. По преданию один из Лоовых ценою дочери и ценою собственной головы приобрел некогда сказочной красоты производителей, которые и положили основание прославленному конскому заводу⁵. Но, несмотря на богатство и силу, Лоовы платили дань кабардинским князьям. Одна часть их племени находилась в зависимости от кабардинских князей Жамбулатовых, а другая — от Мисостовых. Лоовы управляли с помощью своих амыстаду: Камардовых (Къамардраа), Лиевых (Лираа), Джиджевых (Джиджураа), Джуготановых (Джугъватанраа), Шереметовых и Лафишевых, но самыми известными и почти самостоятельными были амыстаду Трамowych, имевшие в 1774 г. два селения (севернее Бештау и на р. Теберде). Лоовцы в 1786 г. бежали в верховья Кубани, а в 1787 г., в количестве трех селений были переведены с верховий Кубани на верховья р. Кумы, откуда, в начале 1789 г., часть лоовцев, во главе с кн. Сарал-ипа Лоовым, бежала за р. Кубань. С этого времени лоовцы оказались разьединенными. В 1790 г., как говорит В. Толстов, в пределах России было два лоовских селения: одно на р. Куме (выше нынешней ст. Бекешевской), другое (Шахима Лоова) — на р. Тахтамыш или р. Тамлык. Посетивший в 1793—1794 гг. Кавказ акад. Паллас указывает четыре их селения: одно, с населением около 1500 чел., в верховьях р. Кумы, другое на р. Карданьке, третье («Аслан-кыт») на р. Хасаут и четвертое (возглавлявшееся Трамowych, «Трам-кыт») на рр. Теберде и Шоне. По другим данным, в 1794 г. в числе российско-подданных значилось: трамовцев — 248 душ муж. пола и 157 душ жен. пола, и остальных лоовцев — 2709 мужчин и 2579 женщин. По очень неточным (хотя и официальным) сведениям 1802 г. на р. Куме проживало 150 хозяйств этого племени. В 1804 г. они, вместе с другими тапантовцами и ногайцами, бежали за Кубань, откуда в следующем году снова возвратились на прежние места 122 хозяйства, подвластных кн. Али-Мурзы Лоова, и 140 хозяйств, подвластных кн. Девлет-Гирея Лоова, а остались за Кубанью Исмаил и Кази Лоовы с тремя семействами амыста. Но в 1811 г. застаем селение Девлет-Гирея на р. Куме, когда жители его, вместе с подданными кн. Кады-Гирея и Трамова, получили разрешение передвинуться к ст. Ессентуковской. Селение Трамова обосновалось между ст. Ессентуковской и Константиногорской в 20 в. от г. Георгиевска, где оно и продолжало находиться, во всяком случае, до 1823 г. Другая половина лоовцев пребывала в ущельях.

³ Краткая характеристика социального строя абазин дана в двух газетных статьях автора: Абазинцы («Красная Черкессия», 1940, № 190) и Абазаква ристория: ахъазла («Черкес къапш», 1940, № 103).

⁴ Г. П. Сердюченко, Абазинцы и первые сведения об их языке, Ученые записки кафедры языка Ростовского Пединститута, II, Ростов н/Д, 1940, стр. 17; его же, Абазинцы, газ.—Красная Черкессия, 1940, № 288.

⁵ В. П. Пожидаев. Хозяйственный быт Кабарды. (Историко-этнографический очерк). Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды, II, вып. I, Воронеж, 1925, стр. 47.

рр. Карданик, Марух, Хасаут и Теберда. В 1831—1832 гг. часть их переселилась на р. Куму, но в 1835 г. снова осела на р. Кубани между нынешними Хумарой и Усть-Джегутой. Оттуда в 1860-х гг. ловцы частью выселились в Турцию, частью образовали теперешние селения Инджикчун и Кубину. Оставшиеся у верховой р. Кумы образовали сс. Красновосточное и Койдан; это потомки тех, кто переселился на Куму в течение XVIII и XIX вв. Еще в 1867 г. существовало одно ловское селение в низовьях р. Теберды.

По народным преданиям сел. Красновосточное сперва находилось во Псху, потом на Теберде, потом в районе ст. Прочноокопской, потом в Кабарде у горы Урды, потом на р. Золка, затем у устья р. Эшкакона, затем между ст. Михайловской и ст. Бекешевской и, наконец, с 1861 г., на своем последнем месте. Сел. Кубина, по словам стариков, сперва находилось на р. Куме, потом на р. Карданик, откуда переместилось на р. Учкул, отсюда на р. Джегуту и потом, в 1862 г., на нынешнее место. Сел. Инджикчун, согласно преданиям, записанным проф. А. Н. Генко, сменило следующие места: Гунахчир, Учкул и, с 1861 г. находится на нынешнем месте. Автору этих строк старики сообщали о передвижениях Инджикчуна несколько иначе: Абхазия, Теберда, Урды и нынешнее место, а по словам других: р. Кума, Учкул и нынешнее место.

Бибердовцы, во главе которых стояли князья Бибердовы (Бибардраа) со своими амыстаду Макяровыми (Маклярраа) и Джандаровыми (Джандарраа), считались данниками кабардинских князей Жанбулатовых (по Ш. Ногмову) или Мисостовых (по Макарову). В 1787 г. часть их переселилась из-за Кубани к верховьям р. Кумы (выше ст. Бекешевской), а другая часть продолжала обитать на р. Марухе. В 1790-х г. на р. Куме жило бибердовцев, по одним сведениям, около 1600 чел. (Паллас), а по другим — 1079 мужчин и 1049 женщин (Дебу). В 1804 г. они бежали за р. Кубань, откуда в 1805 г. 115 семейств во главе с кн. Атажуко Бибердовым снова водворились на Куме, а 50 семейств с кн. Мисостом Пшимахо Бибердовым остались за Кубанью. Недолго жили бибердовцы на Куме. Вскоре они бежали к своим одноплеменникам на р. Марух, где в 1831 г. подверглись разорению царскими войсками. В документах нет сведений о времени и обстоятельствах позднейшего переселения бибердовцев. Во всяком случае известно, что в 1833 г. они еще считались в числе «непокоренных» горцев Закубанья, а в 1866 г. уже жили на том месте, где и ныне живут их потомки — эльбурганцы. По сохранившимся преданиям селение Бибердовское, прежде чем перейти с р. Марух на нынешнее место, находилось некоторое время в районе, где позже возникло сел. Койдан, потом в местности Джанатоши (где ныне сел. Ново-Георгиевское), отсюда перешло на свое нынешнее место. По преданию, записанному проф. А. Н. Генко, с р. Марух бибердовцы переселились в 1855 г., с Койдана — в 1858 г. и с Джанатоши — в 1865 г.

Дударуковцы возглавлялись князьями Даруко (Дарыкьва), которых черкесы называли Дударуко. Подобно Лоовым, эта фамилия выводила свое происхождение от арабских эмиров. Заметим, что эта фамилия, без черкесского окончания «ко» (что значит «сын»), существовала также и среди осетинской знати. Дударуковцы платили дань кабардинским князьям Атажукиным. До 1746 г. они обитали в районе р. Кубани, а в 1746 г. бежали в местность Тюмеги. Перед 1787 г. они жили, как сообщает Рейнегс, на р. Малом Зеленчуке в количестве 400 семейств. В 1787 г. дударуковцы были переселены из-за Кубани к верховьям р. Кумы, где они оставались до 1804 г. Правда, Паллас почему-то не знает дударуковских поселений на р. Куме, а указывает их на р. М. Зеленчуке. Возможно, что часть дударуковцев действительно там проживала. В 1794 г. всего дударуковцев числилось 2227 мужчин и 1735 женщин. По мало достоверным данным 1802 г. на р. Куме их было 170 семейств. В 1804 г. они бежали за р. Кубань, откуда в 1705 г. 133 семьи снова выселились на Куму, а за Кубанью продолжали оставаться 24 семьи во главе с кн. Алим-Гиреем Дударуковым. Через несколько лет большинство проживавших на р. Куме дударуковцев снова бежало и поселилось на левом берегу р. М. Зеленчука, где-то в районе нынешних селений Заюко или Кошхабля. В 1824 г. их поселение там было разорено. Незадолго перед 1834 г. остатки сел. Дударуковского были переведены на место, где оно пребывает и в настоящее время под именем сел. Псыж. По преданиям сел. Дударуковское находилось, кроме того, на р. Марухе, потом на р. Теберде. У проф. Г. П. Сердюченко неправильно говорится, будто «Псыж (б. Дударуковский) остался на том же месте, где он находился еще в конце XVIII в. (1782 г.)»⁶.

Клычевцы, возглавлявшиеся князьями Клычевыми (Кълычраа), платили дань кабардинским князьям Атажукиным. Очевидно, их имел в виду Г. Главани в 1724 г., когда в составе тапанты указывал, наряду с ловцами, бибердовцами и дударуковцами, каких-то кимликов, которые включали всего 60 семейств. Более определенное упоминание их имеем от начала 1780-х гг., когда они проживали на р. М. Зеленчуке. Очевидно, в 1787 г. клычевцы, вместе с другими тапантовцами, переселились из-за р. Кубани на Куму. Во всяком случае в 1790-х гг. упоминается поселение клычевцев на р. Калмурзе (правый приток Кубани, впадающий в послед-

⁶ Г. П. Сердюченко, Абазины и первые известия о их языке, стр. 28.

нюю несколько южнее Усть-Джегуты) и такое же поселение на р. Куме, где их в 1794 г. числилось 316 мужчин и 249 женщин. (По Палласу же — около 600 человек, а по данным 1802 г. — 125 семейств). Кумские клычевцы в 1804 г. бежали за Кубань, откуда в 1805 г. в количестве 112 семейств опять возвратились на р. Куму. Но вскоре ими был совершен новый побег на Б. Зеленчук, где они известны в 1812—1814 гг. Там они жили до 1834 г., когда принесли присягу на российское подданство и вскоре переселились на р. Кубань, где их застаёт начало 1850-х гг. В 1865 г. сел. Клычевское уже существовало на том месте, где оно находится и по сей день под именем Псаучья-дахе. К собственно клычевскому населению его присоединились кабардинцы и ряд других племен, которые продолжают совместно проживать в Псаучья-дахе и в настоящее время.

Кячевцы, по словам Палласа, считались ответвлением клычевцев и вместе с ними были в числе данников князей Атажукиных. Во главе их стояли князья Кячевы (Кячраа). До 1787 г., как сообщает Рейнеггс, они обитали в верховьях М. Зеленчука, а в 1787 г. были переселены на правый берег Кубани, несколько выше устья р. Мары. По преданию же, записанному проф. А. Н. Генко, первоначальным местом обитания клычевцев была территория около нынешних селений Кургокинского и Карамузинского. В 1802 г. кячевцев считалось 160 семейств. В 1804 г. они также бежали за р. Кубань, а в следующем 1805 г. 88 кячевских семейств были возвращены на прежнее место. Но за этим последовал новый побег. В 1831 г. их селение подверглось разгрому царскими войсками. В то время оно находилось в верхней части бассейна М. Зеленчука. Тогда же, в 1830-х гг., часть земель кячевцев была расположена на территории, где позже возник Сентинский монастырь. В начале 1860-х гг. маленькое поселение кячевцев находилось на правом берегу р. Мары, в 15 км от ее устья. В 1883 г. в нем оставалось всего лишь 2 кячевца, так как остальные расселились по другим селениям. Больше всего поселилось кячевцев в сел. Туанова, а после его перевода они обосновались в сел. Егйбовское (ныне Абаза-кыт).

Джантемировцы, данники кабардинских князей Мисостовых, в 1794 г., в количестве 2165 мужчин и 2099 женщин, проживали около теперешнего Пятигорска. Вообще же в бассейне верхней Кумы они известны с 1746 г. Название свое они получили от фамилии князей Джантемировых, которые ими управляли. В 1800 г. г.-л. Кнорринг в своем рапорте Павлу I писал, что у «вод теплых и кислых около Константиногорска и окружных вод находящихся... жителиствуют Жантемирова роду абазинцы — народ добронравный и послушный»⁷. Но в 1804 г. они бежали за Кубань, а через несколько лет вернулись на старые места. Писавший в 1823 г. С. Броневский сообщает: «Жантемировы аулы расположены по Куме и Подкумку малыми усадьбами до самой Кисловодской крепости, числом до 500 дворов»⁸. Там они продолжали оставаться до второй половины 1860-х гг. Очевидно, теперь джантемировцев следует искать среди абазин, смешавшихся с населением Большой Кабарды.

Остается неясным, в состав каких тапантовских племен входили абуковцы, тамбукаевцы и махоковцы. Из них первые получили свое имя от фамилии воглавлявших их амьстаду Абуковых. Селение их известно с 1852 г. В начале 1860-х гг. оно находилось у слияния р. Эшкакона с Кумой. Тогда же жители его переместились в кабардинские селения Верхний и Нижний Куркужин. В настоящее время абуковцы смешались с кабардинцами и потеряли свой язык. Селение амьстаду Тамбукаева известно с 1809 г., когда оно находилось на левом берегу Кубани. Второе и последнее упоминание о нем встречается от 1820 г., когда оно находилось также где-то за Кубанью. Сел. Махоковское известно за Кубанью в 1820 г.

Остается сказать о сел. Бабуковском, образованном в русских пределах в XVIII в. абазинами и кабардинцами, добровольно переселившимися из-за Кубани. И. Бентковский неправильно считает, будто сел. Бабуковское образовалось возле г. Георгиевска около 1790 г.⁹ Еще в 1774 г. оно находилось на р. Малке несколько ниже устья р. Кичмалки. В то время оно уже состояло наполовину из кабардинцев, наполовину из абазинцев. В 1821 г. ген. Ермолов решил организовать из них постоянный конный отряд численностью в сто сабель, подчиненный командиру Волжского Казачьего полка. В августе 1822 г., по приказанию царя Александра I, этот отряд был преобразован в казачью сотню того же полка, жители селения объявлены казаками, а само селение получило название Бабуковской станицы. В 1861 г., после целого ряда ходатайств со стороны бабуковцев и нескольких вооруженных выступлений их против правительства, их исключили из казачьего сословия и разместили по другим абазинским и кабардинским селениям. Кроме станицы Бабуковской, в 1851 г. существовало на р. Кубани сел. Бабуковское, жители которого совершили в то время побег в горы.

⁷ «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией», I, Тифлис, 1866, стр. 734.

⁸ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, I. М., 1823, стр. 333.

⁹ И. Бентковский, Бабуковцы, газ. Ставропольские губ. ведомости, 1879. № 50.

В настоящее время в Кабарде проживают многие из окабардинившихся потомков различных тапантовских племен (напр. в с. Малка).

Группа шкарауа состояла из следующих племен: мысылбай, там, кизилбек, баг, чегрей и баракай. Племя мысылбай (мысылбай, а также псылбай, мысылбарышц, басылбай), в русской литературе более известное под именем «башилбаевцев», управлялось двумя княжескими фамилиями: Сидовыми (Сидаа) и Егибоковыми (Гябáквваа). Первые причисляли себя к роду абхазских князей Марчанаа, а вторые происходили будто бы из кабардинцев. Среди их амыста остались известные: Камардовы (Къамардраа), Исмаиловы, Тлоховы и Хахануковы. Первое упоминание мысылбаев принадлежит Эвлиа-Челеби в 1641 и в 1676 гг., когда они могли выставить, по его словам, 7500 храбрых воинов и обитали уже на Северном Кавказе¹⁰. По сведениям же К. Главани в 1724 г. их было около 200 семейств. В то время они не подчинялись черкесам и имели собственного князя¹¹. В середине XVIII в. они упомянуты у М. Пейсонеля в двух формах: «племя Бертебай» и «племя Сейди»¹², причем первое из этих названий является опиской (во французском тексте неясно написанное Beslebai могло быть прочтено как Berlebai), а второе происходит от фамилии князей Сидовых. В 1758 г. мысылбаи уже обитали в верховьях р. Урупа и подчинялись кабардинскому князю Арсланбеку, управлявшему в то время бесленеями. В 1760—1761 гг., из-за убийства чемгуями их князя Чанбары Егибокова, приходившегося родным дядей крымскому хану, они вели войну в союзе с татарами против чемгуев. В 1769 г. царское правительство намеревалось переселить мысылбаев в Кабарду на р. Черек, но вынуждено было отказаться от этого из-за противодействия кабардинцев. В 1773 г. Гюльденштедт насчитывал в их составе до 1000 семейств. В начале 1780-х гг. Рейнегтс указывал их численность в 600 семейств на верховьях р. Урупа и 120 семейств («племя Ситте», т. е. Сидовых) на верховьях р. Марухи. В 1787 г., когда кабардинцы переселили тапанту на восток, мысылбаи заняли бывшие тапантовские земли. Но при этом не произошло значительной передвижки населения, так как в 1791 г. мысылбаи продолжали обитать на верховьях р. Урупа. В 1793—1794 гг. Паллас уточнял их земли: верховья р. Урупа, реки Кефар и Цих (?) и, частично, реки Большой и Малой Тегени. В 1822 г. сообщалось, что мысылбаи ушли «в старые свои жилища к вершинам рек». В том году русское командование считало, что это племя состоит из 460 семейств, а в 1830 г. оно же определяло их численность только в 200 семейств, хотя место обитания мысылбаев в эти годы не менялось. В 1837 г. они переселились с гор на плоскость. Во то время было известно одно их селение (принадлежавшее Мамат-Гирею Сидову) в верховьях р. Урупа. Общую численность племени в конце 1830-х гг. Ф. Торноу определял в 2000 человек. Пребывание мысылбаев на плоскости оказалось непродолжительным: в 1842 г. они снова ушли в горы на прежние свои места. В 1850 г. жители сел. Сидова, находившегося в ту пору в 7 верстах выше укр. Надеждинского, вместе с другими мысылбаями (которых теперь считают в количестве 327 хозяйств или 2677 человек, а по другим данным — 860 душ мужского пола) переселились из верховий р. Урупа на правый берег р. Б. Зеленчука, но в 1851 г. мысылбаи снова ушли с Б. Зеленчука на рр. Фарс и Псефир. В следующем году царские войска разорили мысылбаевское селение Кюсан Камардуд (т. е. Камардова), а два других (Токам-Блянау и Егибоковское) перевели ближе к Кубани. Нынешнее сел. Абазакт (бывшее Егибоковское), очевидно, с этого времени и находится на своем месте. Большая часть мысылбаев, в связи с продвижением царских войск, также передвигалась на запад. Так в 1858 г. мы застаем их в верховьях Большой и Малой Лабы (выше нынешних станиц Ахметовской и Андрюковской). В то время они образовали 6, а по другому сообщению 4 селения: Сидова, Худакирова, Исламова (все три на левом берегу Б. Лабы) и Жеткерова (на правом берегу М. Лабы). Численность их в то время составляла около 250—350 дворов. В 1861 г. селения мысылбаев были сожжены войсками, а население их переселилось в Турцию. Небольшая часть мысылбаев проживает в настоящее время в Абазакте и, частично, в Инджиккуне, Псаучьядахе, Кувинском, Эльбургане, а также в двух селениях Адыгейской авт. области — в Ульском и Кош-хабле.

Что касается зависимости мысылбаев от черкесских князей, то на этот счет имеются весьма противоречивые свидетельства. Известно лишь, что в начале XVIII в. они были свободны от внешней зависимости, а в середине того же века потеряли эту свободу. Разные авторы называют в качестве верховных владетелей мысылбаевского племени то кабардинских князей (причем упоминаются то Атажукины, то Мисостовы, то Жанбулатовы), то бесленеевских князей Коноковых и

¹⁰ Ф. Брун, Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря, Записки Одесского об-ва истории и древностей. X, Одесса, 1875, стр. 180.

¹¹ Ксаверио Главани, Описание Черкесии 1724 г. «Сб. Мат. для опис. местн. и племен Кавказа», XVII, Тифлис, 1893, стр. 155.

¹² М. Пейсонель, Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах, Краснодар, 1927, стр. 21.

Шолоховых. По словам же С. Броневского (1823 г.) часть мысылбаев вовсе не платили никому дани.

Племя там впервые упоминается в начале 1780-х гг. Им управляли князья Заурумовы (Заурймаа) и амьста Куджевы (Квьджраа). Но в то же время они платили дань бесленевским или (как утверждают некоторые источники) кабардинским князьям. Название «там» старики абазины производят от имени какой-то женщины. Заурумовы причисляли себя к роду абхазских князей Марчанаа, а именно той половины последних, которые назывались Варданыжвлара¹³. Не безынтересно отметить, что среди черкесского племени хатюкаев также была знатная фамилия Заурумовых¹⁴, а игравшие большую роль в истории Кабарды Тамбиевы, кажется, происходили из тамовцев. Предания выводят фамилию Тамбиевых из мдавеев (джикетское, т. е. абазинское племя на черноморском побережье), но сам термин «там-бий» означает в переводе «князь тамовский». Тамовцы обитали до 1837 г. в верховьях Б. Лабы, когда были выслены несколько ниже по той же реке. В конце 1830-х гг. их считали около 550 душ. В 1842 г. они снова ушли на верховья Б. Лабы выше нынешней ст. Ахметовской. Около 1850 г. их считали 511 дворов, а по другому подсчету — 270 душ муж. пола. По данным 1858 г. тамовцев было 690 душ, или 150 дворов. В это время существовало два (по другим сведениям — три) тамовских селения: Большой Там (Тамды) на правом берегу Б. Лабы, и Малый Там (Тамкыып), на левом берегу той же реки. В 1861 г. они выселились за Главный Кавказский хребет к мдавеев, а оттуда в Турцию. Небольшая же их часть вместе с кизилбекскими образовала нынешнее селение Кувинское. Несколько человек тамовцев поселилось в сел. Куртсковском и Инджикчкуне.

Кизилбековцы получили свое название от княжеского рода Кызылбековых (Кызылбек Ыраа). Эти князья, по одному преданию, происходили от той ветви абхазских князей Марчанаа, которая называлась Лагажвлараа, а по другому — они потомки бежавшего на Кавказ крымского хануко (царевича) Кызылбека. Среди их амьста известны: Герговы (Гяргя), Папновы, Каниматовы, Аджбиевы, Маргушевы. Ю. Клапрот и С. Броневский считают кизилбековцев независимым племенем, а Новицкий (конец 1820-х гг.) относит их к платящим дань бесленевцам. Первое известие о кизилбековцах относится к 1742 г. Их селения располагались по р. Андрюк (приток М. Лабы). Ген. Засс, лично руководивший военными операциями против этого племени, так определяет его местоположение: «В скалистых горах, прилегающих к правой стороне М. Лабы, на дне глубоких оврагов, поросших густым лесом, таятся аулы кизилбековцев»¹⁵.

Засс говорит, что племя это состояло из одного селения и нескольких хуторов. По сведениям же 1858 г. было 6 или 5 отдельных селений (Сегат-Гирея, Султана Аканч, Докжей Докшокова, Сарал-ипа Кизилбекова, Самалха). В 1830 г. войска сожгли кизилбековское селение Кумнилало — очевидно Каниматова, которое было расположено в 50 верстах от Каладжей. Численность племени определялась (приблизительно) разными документами различно: 200 семейств, 100 семейств, 500 душ, 375 семейств и 3000 душ, 220 человек мужского пола, 600 душ и 300 душ. Кизилбековцы в 1861 г. выселились в Турцию. Немногочисленные оставшиеся на Кавказе кизилбековцы положили начало (вместе с тамовцами) селению Старо-Кувинскому, а также расселились по другим абазинским и черкесским селениям (Ульский, Апсуа, Хабез, Инджикчкун, Псаучья-дахе, Ходзь).

Племя чегреев (чегрей) в литературе более известно под именем шахгиреевцев. Их возглавляла фамилия Цикисовых (Цыкисшвраа) и амьста Кубатовы, Шаторовы, Кельмурзиевы. Они платили дань бесленевским князьям Шолоховым и Коноковым. Чегреи впервые упоминаются в середине XVIII в. Жили они в долине М. Лабы выше ст. Андрюковской. В 1834 г., в связи с принятием ими присяги на российское подданство, чегреи частично выселились на плоскость (надо думать ниже по М. Лабю). Кажется, потом они снова ушли в горы и в 1851 г. вторично присягнули и вышли из гор. Но в 1858 г. мы их видим снова в горах на прежнем месте. Тогда, по словам полк. Лисаневича, они составляли три селения, но более достоверные сведения говорят за то, что селений этих было четыре (Мухаммеда Кубатова, Эфенди Шаторова, Кальмурзиева и Цикисова или Цекшнеева), которые располагались по обоим берегам верховий М. Лабы. Но берега этой реки, кажется, не были единственным местом чегрейских поселений. В 1859 г. царские войска подвергли разгрому одно их большое селение на р. Ходзь. В 1861 г. чегреи покинули свои селения и провели зиму 1861—1862 гг. в районе главного Кавказского хребта, а весной 1862 г. в подавляющем большинстве выселились в Турцию. Небольшая часть чегреев подчинилась русскому правительству и переселилась на левый берег р. Ходзя, откуда потом перешла на то место, где и теперь расположено их селение Апсуа (быв. Чегрей или Шахгиреевское). По словам стариков — жителей этого се-

¹³ По материалам А. Н. Генко.

¹⁴ См. Статью, Этнографический очерк черкесского народа, Кавказский сборник, XXI, Тифлис, 1900, стр. 85.

¹⁵ «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией», X, Тифлис, 1885, стр. 595.

ления, они, прежде чем поселиться на нынешнем месте, некоторое время проживали в бассейне р. Ходзь в местности Нахуйха (Нахвйха). Небольшое количество чегреев поселилось в сел. Старо-Кувинском, Ульском, Ходзь и др.

Племя баг (багъ) на Северном Кавказе известно с начала XVIII в. Возглавлялось оно фамилией Багошевых. Кроме того, существовали у баговцев амыста: Шукоты, Танашевы, Шамшевы. Баговцы были данниками бесленеевских князей. Обитали до 1862 г. в верховьях р. Ходзь. Племя состояло из одного или двух селений, из которых одно (с. Багушева) находилось на левом берегу р. Ходзя и состояло из 60—65 дворов. Общая численность баговцев определялась в 205 дворов, или 480—600 душ. В 1863 г. баговцы переселились в Турцию. В России их оставалось всего лишь 27 человек, поселившихся тогда в сел. Апеуа, Ходзь и Унароковском.

Племя баракаев (Быракъай) управлялось князьями Лаховыми (ЛахIраа) и амыста: Ганшоковыми, Куганчуковыми и Анчоковыми. В начале XVIII в. баракаин уже считались данниками бесленеевских князей, но в начале XIX в. на них притязали и князья Кабарды. Они проживали на р. Губс до 1830-х гг., когда вынуждены были переселиться на плоскость. В 1841 г. они снова бежали на прежние места, где и оставались до 1862 г., живя в трех селениях: Бзекезово — в низовьях р. Губса (25 дворов) и два селения Барака Лахова в верхнем течении Губса (одно в 35, а другое в 40 дворов). В 1862 г. баракаин перенесли свои жилища западнее, в Даховское ущелье, откуда в 1863 г. переселились в Турцию. Общая численность баракаев определялась по-разному: от 100 до 500 дворов или от 85 душ до 1 250 душ. В данном случае правдоподобнее большие цифры. После выселения баракаев в Турцию на Кавказе их осталось 460 человек, которые разместились по разным черкесским и абазинским селениям. Больше всего их осело в с. Ульском (156 чел.).

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ ЭТНОГРАФИИ КAVKAZA

Важнейшие решения, принятые за последние годы ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, вскрывают чуждые буржуазные направления в советской литературе и искусстве и определяют дальнейшие пути развития культуры нашей великой страны. Основной чертой формалистического направления, разоблаченного и осужденного постановлением ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба», был отрыв от народной, национальной почвы и преклонение перед упадочной, гнилой культурой современного Запада. Партия призвала работников искусств изучить и критически освоить культурное наследие всех народов и всех эпох, оценить богатство народного творчества народов нашей Родины для создания подлинных советских произведений искусства, вдохновляющих на великие дела в труде, науке и культуре.

В реализации этих постановлений ЦК ВКП(б) активное участие должны принять советские этнографы, исследующие пути развития и становления национальных культур и все виды многогранного народного творчества. Учитывая это, Институт этнографии АН СССР организовал расширенную сессию Ученого совета, посвященную вопросам этнографии Кавказа с широким привлечением ученых кавказских республик.

В работе сессии, проходившей в Москве с 1 по 7 апреля 1948 г., приняли участие научные сотрудники Института этнографии Академии Наук СССР, Отделения этнографии Института истории Академии Наук Грузинской ССР, Института истории, археологии, этнографии Академии Наук Азербайджанской ССР, Института истории Дагестанской базы Академии Наук СССР, Научно-исследовательского института Кабардинской АССР, Научно-исследовательского института Адыгейской автономной области, Научно-исследовательского института физической культуры Грузии, Государственного Музея этнографии (Ленинград), Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Ленинград). Сессия поставила своей задачей оказать помощь местным научным учреждениям в поднятии на должный уровень этнографической работы на Кавказе, наметить пути научной связи с этнографами Кавказа, коллективно обсудить подготовленный Институтом этнографии к печати Кавказский том издания «Народы мира», а также прослушать и обсудить ряд научных докладов.

Совещание открыл директор Института этнографии АН СССР проф. С. П. Толстов, который от лица института приветствовал собравшихся участников сессии и наметил основные задачи последней. С. П. Толстов подчеркнул исключительную важность обсуждения обобщающего труда «Народы Кавказа», подготовленного совместно с коллективом сотрудников Института этнографии, работниками Грузинской, Армянской, Азербайджанской Академий Наук и научно-исследовательских учреждений автономных республик и областей Кавказа.

Заведующий сектором Кавказа Института этнографии АН СССР проф. М. О. Косвен в докладе «Теоретические и практические задачи этнографии Кавказа» отметил основное различие между буржуазной и советской этнографией. В то время как первая остается в значительной мере наукой эмпирической и целиком подчинена классовым интересам и реакционным целям, советская этнография приобрела подлинно научные основы, стала подлинно гуманитарной наукой. Только великое учение марксизма-ленинизма и марксистско-ленинская методология дали научно-теоретическое основание советской этнографии, определили ее содержание, ее цели, ее нужды. Проф. М. О. Косвен указал далее, что основную задачу этнографии Кавказа, в соответствии со всей советской этнографией, составляет задача изучения возникновения, образования, развития и современного состояния культуры народов и наций Кавказа. Из этого вытекает практическая задача создания монографических описаний всех народов Кавказа. Опытом такого монографического описания и является том «Народы Кавказа», представленный на обсуждение сессии. Важнейшую

и особую задачу советского кавказоведения составляет изучение процесса превращения старой, подчас отсталой, культуры народов Кавказа в новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Член-корр. Грузинской АН Г. С. Читая сделал обзор этнографической работы в Грузии; И. М. Джафар-Заде познакомил сессию с этнографической работой в Азербайджане, Е. М. Шиллинг — с работами этнографических экспедиций в Дагестанской АССР.

Далее сессия заслушала следующие научные доклады*: В. В. Бардавелидзе (Грузия) — «Земельные владения грузинских святылищ»; А. Н. Робакидзе (Грузия) — «К вопросу о пчеловодстве в Грузии»; Р. Л. Харадзе (Грузия) — «Территориально-общинные объединения грузин-горцев»; В. И. Элашвили (Грузия) — «Фехтование в системе военно-физического воспитания хевсур»; Ш. Д. Инал-Ипа (Абхазия) — «Абхазская брачная постройка «амхара»; К. Х. Дзоккаева (Северо-Осетинская АССР) — «Преобразование экономического быта осетинского крестьянства»; Л. Б. Панек (Ленинград) — «Социальные отношения лезгин»; Л. И. Лаврова (Ленинград) — «Доисламские верования черкесов»; М. В. Саидовой (Москва) — «Переход от первобытно-общинного строя к феодальному в Дагестане»; Ю. В. Ивановой (Москва) — «Пережитки сельскохозяйственных культов у народов центрального Дагестана»; З. А. Никольской (Москва) — «К вопросу об эндогамии у аварцев».

Специальное заседание сессии было посвящено обсуждению рукописи тома «Кавказ» сборника «Народы мира».

Закрывая сессию, С. П. Толстов отметил плодотворную работу последней, разрешившей на этнографическом материале большие исторические вопросы, и приветствовал начало координированной работы над общими проблемами всех этнографов Кавказа. Далее С. П. Толстов подчеркнул актуальность поставленных перед этнографами Кавказа задач, в частности задачи этнографического изучения колхозов и др.

В принятом на сессии постановлении Ученый совет Института этнографии констатировал, что работа в области этнографического кавказоведения достигла за последнее десятилетие значительных успехов, о чем свидетельствует высокий научный уровень прочитанных докладов. Отмечая, наряду с этим, недостаточность подготовленности этнографических кадров в некоторых республиках Кавказа, участники сессии выразили пожелание о создании в Тбилисском государственном университете специализации по этнографии и открытии в университетах Еревана и Баку этнографических кафедр. Сессия отметила необходимость всемерного расширения и углубления уже начатой работы по изучению социалистического переустройства культуры и быта народов Кавказа, чему много может способствовать организация совместных этнографических экспедиций и систематический обмен опытом. В постановлении отмечается необходимость тесной увязки работы по этнографии Кавказа с работой археологов, лингвистов, антропологов, а также специалистов по этнографии Передней Азии и других смежных с Кавказом областей. Отмечая крупное значение проведенной сессии для развития этнографической работы на Кавказе, постановление указывает на целесообразность ежегодного созыва подобных совещаний, а также на желательность издания неперiodических сборников по этнографии Кавказа.

З. Никольская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРУЗИНСКОЙ ССР¹

Грузинская советская этнография имеет неплохие традиции. Ее истоки восходят к древнейшим описаниям нравов и обычаев грузинских племен, сохранившихся в хетских, ассирийских и урартских клинообразных надписях. Достаточно сослаться на летопись Сардура, чтобы для нас стало ясным, какой богатый и разнообразный материал имеется в клинописях. Не менее ценные материалы сохранились в арамейской, еврейской, греческой и римской письменностях.

Нужно иметь в виду, что древние авторы не всегда довольствуются лишь описанием этнографических явлений, но ставят и по-своему решают важные теоретические вопросы. К этим вопросам относится, в частности, проблема этногенеза грузинских племен. В V в. до н. э. Геродот пытается обосновать родство колхов и египтян, а в I в. до н. э. Страбон сходство бытовых явлений грузин-горцев и сарматов объясняет родством этих племен. В XI в. эта проблема занимала грузинского историка Леонтия Мровели, который в своем труде «История грузинских царей и наших первейших эпонимов и родов»² устанавливал единство происхождения грузин

* Авторефераты названных докладов печатаются в специальном выпуске «Кратких сообщений» Института этнографии АН СССР.

¹ Доложено 2.IV 1948 г. на сессии Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященной вопросам этнографии Кавказа.

² См. «Летопись Грузин», вариант царницы Анны, ред. С. Каухчишвили, Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).

и других кавказских народов, а именно: грузин, айев- (армян), черкесов, лезгин и албанцев.

Яркое описание быта, нравов и обычаев грузинских племен дал в первой половине XVIII в. грузинский ученый Вахушти Багратиони в своем известном труде «Описание царства грузинского» («История Грузии»), первое рукописное издание которого появилось в Москве в 1745 г.³ Как известно, Вахушти долго жил в Москве на Пресне и находился в тесном общении с современными ему русскими учеными. В своем труде Вахушти приводит данные о характере населения отдельных районов Грузии и ее соседей, о природных ресурсах, о хозяйстве, костюмах, постройках, средствах передвижения, брачных обрядах, кровной мести, религиозных верованиях и т. д. При этом Вахушти нередко указывает на явления старого быта и на обычаи самобытные и заимствованные. Он же выделяет черты быта горцев в отличие от таковых равнинных жителей и выясняет основные тенденции движения населения с гор в предгорья и равнины и обратно — из равнин в горы. Следует также указать, что ему не чужды четкость в употреблении некоторых основных терминов этнографии, как-то: «эне» (русское — нрав) и «чвеулеба» (русское — обычай), а также сопоставления и сравнения этнографических явлений, — тот подход, который в эпоху Вахушти в западноевропейской науке находился еще в зачаточном состоянии и из которого впоследствии выработался сравнительный метод⁴. К сказанному следует добавить, что программа, согласно которой Вахушти описывает грузинские и другие племена в этнографическом отношении, довольно пространная и отнюдь не уступает лучшим программам этнографических описаний того времени⁵.

Достоинства «Описания царства грузинского» отметил издатель первого печатного грузинского текста и первый переводчик его на французский язык (1842, СПб.), действительный член Российской Академии Наук М. Ф. Броссе. В своей статье «О необходимости и способах изучения памятников старинной Грузии» (Тифлис, 1847) он писал: «Вахушти описал свое отечество, как еще ни одно азиатское государство, кроме Китая, не было описано». К сожалению, так хорошо начатая работа Вахушти Багратиони впоследствии достойных продолжателей не нашла. Грузинские энциклопедисты в начале XIX в. лишь спорадически отображали грузинскую этнографическую действительность.

В середине XIX в. отмечается некоторое оживление на этнографическом фронте в Грузии в связи с подъемом этнографической работы в центре России и на Западе (основание Русского географического общества с этнографическим отделением в Петербурге, Этнографического общества в Париже, 1837 г., в Лондоне, 1842 г. и т. д.); издается труд Вахушти (1842), основывается Кавказский отдел Русского географического общества (1851), основывается при нем «Кавказский музей» с этнографическим кабинетом, первым куратором которого был этнограф и поэт Р. Эристави (Эристов), тогда же Д. Цицивили-Панаскертели пишет работу на тему «Нравы и обычаи Грузии» (Отд. рук. Музея Грузии, колл. № 1479), но это оживление — плод местной общественной инициативы — царским правительством было погашено, и Кавказский музей в 1856 г. прекратил свою деятельность.

В 1865 г. на базе коллекций бывшего Кавказского музея правительство основывает Кавказский музей, пригласив его директором немца Г. Радде. Известно, что Г. Радде лучшими кавказскими этнографическими коллекциями снабжал немецкие музеи (Гамбург, Лейпциг, Берлин). За все время существования этого музея к его работе не привлекались местные работники. Нужно также отметить, что за тот период существования музея, когда его директором и почти единственным научным сотрудником был Г. Радде, — в музее господствовал раритетный, антикварный метод собирания этнографических коллекций.

В связи с национально-освободительным движением в Грузии с 60-х гг. XIX в. под руководством Ильи Чавчавадзе создается группа работников, которая, несмотря на тяжелые условия, плодотворно подвизается на ниве грузинской этнографии. В эту группу входили: Н. Хизанашвили (Урбнели), В. Нижарадзе (Тависупали свани), Ив. Гварамдзе (Виние месхи), Д. и М. Джанашили, Ф. Сахокия, Н. Джанашиа, Важа-Пшавела, А. Казбеги и др. Ими собраны ценные этнографические материалы, которые тогда же публиковались в грузинской периодической печати («Дробеба», «Ивериа», «Моамбе», «Гутнис деда»). На базе деятельности этой группы этнографов впоследствии в 1907 г. было создано Общество истории и этнографии Грузии.

Этнографическая действительность каждого народа представляет сложное, противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего и

³ Вахушти, География Грузии, перев. М. Джанашили, Записки кавк. отдела РГО, кн. XXIV, в. V; Wakhushcht, Description géographique, publiée... par Brosset, SpB. 1842; то же на груз. яз., ред. Н. Бердзенишвили и Т. Ломаури, Тбилиси, 1941, и др. издания.

⁴ Ср. J. F. Lafitau, Moeurs des sauvages américains etc., Paris, 1724; Ch. de Grosses, Du culte des dieux fétiches etc., Paris, 1760.

⁵ Ср. «Инструкцию» 1738 г. русского академика Г. Ф. Миллера; напечатана впервые в 1900 г. в сборнике Музея антропологии и этнографии, т. I; его же Vorlesungen zur Beschreibung der Historie und Geographie in Russland, 1744 (рукопись в Архиве АН СССР).

нового, прогрессирующего. Эти элементы должны быть рассматриваемы в их развитии, в движении. Вместе с тем правильным можно считать лишь такой метод фиксации этнографических явлений, когда дана возможность перейти от более или менее субъективно-количественных к объективно-качественному описанию этих явлений. В этой связи необходимо напомнить указание товарища Сталина о том, что «ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений» («Краткий курс истории ВКП(б)», М., 1938, стр. 101). В полевой этнографической работе это требование выполнимо лишь при комплексном изучении явлений, когда, с одной стороны, в комплекс включаются сопряженные, базисные и надстрочечные явления, а с другой — когда каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике, функции и т. п. При этом нужен текстуальный материал собирать по первоисточникам, а вещественный — по оригиналам.

С точки зрения этого метода глубина этнографического наблюдения гораздо важнее, чем его широта. Важнее углубленное изучение тесного района, чем разбредное — широких пространств, как, например, округов, областей и т. д. Перекрестное получение материала и хорошо составленная на месте «биография одного конкретного пахотного орудия» дает больше, чем поверхностное описание десятка этих орудий. При этом работу нужно проводить по отдельным мелким и крупным социальным единицам: в семье, роде, в родовых объединениях и т. п.⁶

Этот подход дал нам возможность вскрыть этнографические факты и явления, имеющие важное значение, как-то: рачинское пахотное орудие, двуполое божество Ламарка, священный тайный язык (так называемый *djvart ena* — «язык богов») хевсурских священнослужителей, обрядовое графическое искусство сванов, родовые знаки собственности и т. д.

Отсутствие эффективного метода полевой работы в прошлом способствовало тому, что мы за редкими исключениями имеем материал случайного характера. Отсутствие эффективного метода помешало Гакстаузену должным образом описать этнографическую действительность Грузии 40-х гг. XIX столетия, М. М. Ковалевскому заметить ряд существенных моментов у грузин-горцев и т. д.

Работа М. О. Косвена «Очерки по этнографии Кавказа»⁷ наглядно показывает, насколько мы в беспомощном состоянии по ряду узловых вопросов из-за отсутствия надлежащих этнографических фактов. М. О. Косвен пишет: «если бы она (семейная община.— Г. Ч.) была лучше описана, если бы ею занялись раньше и интенсивнее, Кавказ по праву прослыл бы в науке такой же классической страной, какими считаются юго-славянские страны с их задругой». Мало того, отсутствие должного полевого материала в вопросе о «шиншах» привело автора к неправильному решению вопроса⁸. Между тем опубликованное в наших изданиях исследование этнографического материала, собранного за последнее время, показало, что в хевсурской номенклатуре родства термин «шиншоба» выражает недифференцированное понятие коллатерального брата || сестры.

К указанному выше методу полевой этнографической работы мы пришли не сразу, и в этой области предстоит дальнейшая работа над усовершенствованием его.

Известно, что нет науки без фактов. Этнография главным образом черпает факты в живом быту; чем больше этих фактов, тем легче понять и осмыслить их в свете марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития. Между тем советская этнографическая печать до сих пор не обращала внимания на разработку метода собирания этнографических материалов. Нашим периодическим органам надлежит серьезно заняться этим делом.

За советский период состоялись комплексные этнографические экспедиции как в отдельные районы Грузии, так и вне ее пределов. В настоящее время отдел этнографии Музея Грузии располагает ценными этнографическими коллекциями не только Грузии и Кавказа, но и Ирана, Абиссинии, Индии и др. Так была создана мощная база этнографических коллекций как для научно-исследовательских, так и для экспозиционных работ. Это собрание материалов по своему количеству и по научной ценности во много раз превосходит все дореволюционные собрания этнографических коллекций, вместе взятых. Следует также отметить, что за советский период, помимо центральной коллекционной базы в Музее Грузии, были организованы этнографические отделы при краеведческих музеях.

К сегодняшнему дню в Грузии имеется 20 краеведческих музеев. Из них более интенсивная этнографическая работа ведется в Абхазском краеведческом музее, в Историко-этнографическом музее г. Тбилиси, в Историко-этнографическом музее

⁶ Ср. собранные по этому методу материалы в работе В. В. Бардавелидзе. Календарь сванских народных праздников, т. I. Новогодний цикл, Тбилиси, 1940.

⁷ «Сов. этнография», 1946, 2, стр. 117.

⁸ Там же, 120—121.

евреев Грузии, в Горийском историко-этнографическом музее, в Телавском краеведческом музее, в Казбекском краеведческом музее.

За последние десять лет в Музее Грузии Отделом этнографии были организованы следующие выставки: Хевсуретия, Сванетия, Грузинское резное дерево XIX в., Грузинский костюм XIX в., Кавказские ковры (к 60-летию со дня рождения товарища Сталина), Абиссиния, Образцы грузинского шитья, Грузинские ковры, передвижные выставки в Хуло, Батуми, Бармаксызе, Душети, Барисахо и др. В экспозициях ставилось задачей раскрыть экспонируемый этнографический комплекс как сумму человеческого труда, в классовом разрезе, и как показатель культурного уровня различных ступеней исторического развития. При этом мы старались каждую этнографическую тему давать в динамике, не довольствоваться лишь экспонированием, скажем, пахотных орудий, недавно бытовавших в тех или иных районах Грузии, а показать их происхождение и развитие. К этому же мы стремились и при показе нового быта и достижений Советской власти⁹.

Собранный материал лег в основу постановки и решения ряда проблем первостепенного значения. Ниже мы коснемся некоторых из них.

1. Племенной состав населения Грузии. В свете учения товарища Сталина о нации была принята следующая номенклатура общественных объединений: нация, национальная группа, этническая группа (см. «Список национальностей Груз. ССР», 1938, а также «Этнографическая карта Кавказа», 1941).

Во время экспедиционных работ вскрыты новые этнические группы. Так, в Аджаре в 1933 г. было обнаружено до того не известное курдское племя «зырки». Установлено также, что термин «урум» имеет конфессиональное значение и что этнический состав триалетских урумов смешанный. Выяснено, что эти урумы состоят из «гюмишханцев», «пасенов», «овов» и «крос». Из них гюмишханцы и пасенцы выходцы из древних грузинских провинций Халдеи и Басиани. У них хорошо сохранились грузинские традиции; в частности, они имеют женский головной убор «дабла» (от грузинского слова «дабали», означающего низкий), бытующий также у лазских женщин. Пасенцы привезли с собою из Турецкой Грузии (в 1830 г.) грузинское рукописное евангелие, которое у них было окружено ореолом святости и служило объектом особого почитания. У них же сохранились интересные легенды о происхождении этой рукописи. Среди триалетских урумов, кроме этих грузин, оказались также и грузины — лазы. Таким образом, доказываются, что триалетские урумы по происхождению вовсе не турки, каковыми считали их раньше¹⁰.

Отпадает утверждение о том, что «хевсуры грузинизованы по языку». Анализ племенного состава показал, что в хевсурское племя в прошлом включилось как его составная часть иноплеменное население, впоследствии ассимилировавшееся с ним (ликокцы). Основная форма хозяйства, бытующая у хевсур (крупный рогатый скот) и отличающаяся от хозяйственных форм других грузинских горских племен (мелкий рогатый скот), указывает на тесную связь хевсур с равнинной Грузией. Этой специфической хозяйственной формы объясняется ряд особенностей хевсурского быта¹¹.

Кстати, можно заметить, что все предания хевсур настойчиво указывают на трех братьев — родовых предков в соответствии с тремя основными родами, существующими до сегодняшнего дня в Хевсуретии: Арабули, Джинчараули и Гогочури. Поэтому вряд ли можно ссылаться на Хевсуретию в качестве примера существования в ней дуальной системы, как это делает М. О. Косвен¹².

Из других вопросов, выявленных работой над племенным составом населения Грузии, можно указать на следующее: сваны Егерского общества (Верхняя Сванетия) сохранили предание о том, что до прихода сванов их территорию населял народ, именуемый ими «Буш-ар» (единств. число — «Буш»). Егерцы в селении Искарри указывают на могильники этого вымершего народа. Исследование показало, что сванское предание точно сохранило название народа, приблизительно жившего на этой территории в VII—X вв. В армянской анонимной географии, составленной, как предполагается, по Птолемею, по соседству с абхазами и басилами упоминается народ по имени «Буш-к» (единств. число «Буш») ¹³.

Вне поля зрения грузинской советской этнографии, к сожалению, остаются грузины, живущие компактными массами в Турции и Иране. В Турции грузины занимают территорию исторической южной Грузии, насильственно отторгнутую в разное время турками от остальной Грузии. Южная Грузия — территория верховьев рек Евфрата, Аракса и Куры, бассейнов рек Чорохи и Галиси (Кизыл-Ирмака) — с древнейших времен была населена аборигенными грузинскими племенами — тубалами, мусками, халдами, кападокийцами (древнее название Кисвадна), таохами, мосиника-

⁹ Г. С. Читая, Этнография Грузии за советский период, «Сов. этнография», 1939, № 3.

¹⁰ См. Г. Читая, Триалетские урумы, 1940.

¹¹ В. Бардавелидзе и Г. Читая, Грузинский народный орнамент, т. I, Хевсурский, Тбилиси, 1939 г.; Г. Читая, Сене хевсурского дома, Анналы, т. I, Тбилиси, 1947.

¹² М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, 2, стр. 125—126.

¹³ (См. Г. Читая, Хевсурский Кавказурни и сванский Бушар, 1943).

ми, халибами, а в средние века и до сегодняшнего дня — таойцами, месхами, кларджами, шавшетцами и лазами. В Иране. грузины живут в селах Гиляна, Мазандерана, Иранского Азербайджана и на юге в Ферейдане (Испагань). Из них большинство насильственно выселено из Восточной Грузии Шах-Аббасом в XVII веке.

2. Проблема периодизации истории грузинского народа. Для правильного понимания этнографических явлений существенное значение имеет периодизация истории изучаемого народа. Грузинская советская историография в этом вопросе достигла значительных результатов. В известном учебнике «История Грузии с древнейших времен до конца XVIII века» (Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, под редакцией С. Джанашиа, т. I, Тбилиси, 1947) история Грузии делится на следующие периоды: 1) первобытно-общинный строй у грузинских племен, 2) рабовладельческое государство Грузии античного периода, 3) феодализм с подразделениями: а) раннефеодальные отношения в Грузии. б) грузинская феодальная монархия; в) позднефеодальные отношения в Грузии. Одним из серьезных достижений этой периодизации (акад. С. Джанашиа) является установление факта существования в Грузии на определенном отрезке времени рабовладельческого общества, наличие которого историками Грузии раньше отрицалось. Признавая бесспорным существование в Грузии рабовладельческого общества, факт в свою очередь подтвержденный археологическими материалами, добытыми из раскопок Самтавро — Армази — Багинети — Триалети, нужно подчеркнуть, что это общество по существу было разновидностью древневосточного рабовладельческого общества.

В системе рабовладельческого общества Грузии важное значение имел первобытно-общинный уклад. Община являлась некоторым ингредиентом и феодального общества Грузии. Этим объясняется сохранность архаических форм общинного строя в быту и идеологии рабовладельческих и феодальных государств Грузии; этим мы объясняем их живучесть и в капиталистическую эпоху вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. При этом нужно заметить, что общинный уклад, приспособляясь к основной господствующей форме производства, создавал главным образом на перифериях грузинского государства весьма своеобразные отношения. Так, в горных районах Грузии при наличии родового и общинного укладов феодальное государство через своих представителей осуществляло защиту своих классовых интересов. В этом немалое значение имела зависимость хозяйства горных районов от равнинных. В силу распространения у горских племен формы хозяйства мелкого рогатого скота, обусловленной зимней стоянкой в долинах, горские племена были вынуждены находиться в определенных взаимоотношениях с феодальным государством. Последние исследования (В. В. Бардавелидзе) вскрыли, как в горных районах Восточной Грузии при существовании частной собственности на землю общинное земледельческое хозяйство продолжало бытовать под прикрытием дохристианских святилищ. Мало того, там же вскрыт своеобразный институт «сакмо» — социально-религиозное объединение, включающее некоторые элементы феодальных отношений, как, например, «сакаргкмо», которое при новых отношениях сохраняло характер старинной общинной организации. Туда же ведут объединения, как хевсурское «садрошо» и сванское «свимра», характерные для военной демократии (Р. Л. Харадзе), так и своеобразный институт «молджраг», указывающий на социальное расчленение общества и выдвижение сильного рода под покровительством святого, родового патрона. Объединенный в молджраг, сильный род пользуется рядом преимуществ по отношению к слабым родам: взывание двойной виры в свою пользу, захват прерогатив священнослужителей, а также суда и расправы (Г. Читая и В. Бардавелидзе).

Проблема периодизации истории Грузии, решенная в общих чертах, требует дальнейшей проработки и углубления.

3. Этногенез и историко-культурные проблемы. В западноевропейской литературе немало тенденциозных, ошибочных и совершенно неприемлемых теорий о происхождении грузинского народа (Карст, Маргвелашвили и др.). По Карсту оказывается, что картвелы суть восточные арийцы, составляющие среди иберов высший слой. Мало того, в наименовании kartvel Карст видит в первой части kar (карийцев), а во второй — tubel — tubal. Выставив фантастическую этимологию, автор далее указывает, что тубалы давно известны как носители понто-каспийско-кавказской металлургии и что первыми носителями металлургической культуры были восточноарийские племена, которые как высший слой и победители доминировали в северо-западной части Передней Азии¹⁴.

Следует указать, что наименование картвел по законам грамматики грузинского языка имеет совершенно другую этимологию, ничего общего не имеющую с этимологией Карста. Точно так же наименование тубал (еврейских авторов), tabal (ассирийских надписей), по свидетельству древних авторов (Иосиф Флавий) и по утверждениям ученых исследователей (Сен-Мартен, Киперт, Марр, Джавахишвили, Джанашиа), название грузин — iber || hiber'ов, т. е. вполне реального исторического, отнюдь не индо-европейского народа, жившего на территории расселения грузинской ветви хетто-иберской группы народов (другие названия этой группы: яфетическая, алародийская, азиатская, субархетская и кавказская).

¹⁴ J. K a r s t, Die Vorgeschichtlichen Mittelmeervölker, Heidelberg, 1931, стр. 25.

Другой автор — Маргвелашвили выставил положение о формировании грузинских племен в соседстве прародинны индо-европейцев.

Отметая эти лженаучные утверждения, грузинская советская историография и этнография рассматривают этногенез как процесс исторически развивающихся взаимных связей, скрещений и культурных влияний племен и народов. Исторические свидетельства о многочисленности грузинских племен определенно указывают на сложный состав грузинского народа. Доказано, что издавна большая группа племен, объединенных близким родством, общностью языка, хозяйства, культуры и быта, населяла территорию, единую по своему облику, между кавказским хребтом на севере, озерным нагорьем верховьев Тигра и Евфрата на юго-востоке и бассейнами Чороха и Галиса (Кызыл-Ирмак) на юго-западе. Здесь в исторические времена предки грузин под первенствующим влиянием того или иного племени создавали рабовладельческие государства и государства-федерации, которые, как неустойчивые, распались, и создавались другие государственные образования под верховенством другого грузинского племени и в другом центре.

Автохтонность исторического процесса сложения грузинского народа не подлежит сомнению. Однако для конкретного решения этого вопроса нужно еще много поработать нашим историкам, лингвистам, археологам, этнографам. На долю этнографов возлагается работа определить этническую особенность грузинских племен, подразумеваемая под последней конкретную совокупность специфических, особенностей в отношении быта, духовной и материальной культуры.

В этом отношении часть работы грузинской советской этнографией проделана. Изучение земледельческого быта показало, что в этой отрасли народного хозяйства трудовое крестьянство располагает прочными познаниями, которые указывают, с одной стороны, на определенный уровень развития этой культуры, а с другой, — на древность и самобытность. При этом земледельческая культура так глубоко вкоренилась в народный быт, так врослась в плоть и кровь народного организма, что, помимо практического использования ее достижений, отдельные элементы этой культуры стали объектами почитания и даже святости. Материалы экспедиций показали, что здесь земледельческая культура представляет сложную, цельную систему и что она включает разнообразные трудовые процессы. Крестьянство располагает досточными знаниями почвы, определяет ее влажность и водопроницаемость, различает почву твердую, мягкую, тяжелую, сухую, мокрую, холодную, теплую, выжженную, промерзлую. Различаются также почвы искусственные, создаваемые террасообразно по горным склонам, и почвы с двумя урожаями в году. Кроме того, крестьянство приурочивало пахоту и посев к таким моментам, которые связаны с метеорологическими явлениями: туманность, полезный и вредный дождь, ветренность, равноденствие, а также лунный календарь, местоположение планет, прилет птиц и др. Исследование установило, что крестьянство умеет из яровых семян выводить озимые (дикадолиспури), сеять смешанные культуры в целях получения увеличенного урожая (зер-дика), различает хлеба северной (теневогой) стороны и южной (солнечной) стороны, хлеба, приспособленные к изменностям, предгорьям и горным высотам, пользуется эффективными методами очищения полей от сорняков.

Точно так же сложной оказалась и оросительная система полей, обработка лесных участков, распашка низменностей, предгорий, горных склонов и горных высот, летняя, осенняя и весенняя вспашки, взмет и двоение. Вместе с тем был изучен институт супряги, который связан с существованием сельского хозяйства больших масштабов, пахотного орудия больших размеров. В пахотные орудия таких больших размеров впрягали 8—12 волов и буйволов, причем в процессе работы лемех и резак (весом 20 кг) отрезали дерн размером в 60—80 см. Кроме того, были выявлены разнообразные виды пахотных орудий со всеми им присущими конструктивными и функциональными особенностями, приспособленные к различным почвам и различным заданиям распашки.

К сказанному следует добавить, что в местных пахотных орудиях особенно бросались в глаза тщательная отделка и слаженность как отдельных частей, так и всего орудия в целом. По всему было видно, что крестьянство располагает глубоким знанием пахотных орудий вплоть до отдельных деталей; оно же обладает богатой и разнообразной терминологией и питало к этим орудиям исключительную любовь. Эта любовь ярче всего отразилась в народной поэзии, в которой воспеваются и вол, и сам живой носитель и творец земледельческой культуры — пахарь.

Из указанных выше вопросов земледельческого быта Грузии мы коснемся одного-двух видов пахотных орудий.

Как известно, фашистские «ученые» выставляют теорию о нордическом происхождении пахотного орудия. Один из них (Friesen) объявил, что самое древнее пахотное орудие в мире — это орудие, найденное в торфянике Walle. На основании ряда фактов установлено, что орудие из Walle нельзя считать древнейшим плугом в мире и что на сегодняшний день древнейшим пока известным пахотным орудием является Урское орудие, которое распространилось по Древнему Востоку и, развившись, дало много дериваций. В частности, путем постепенного усовершенствования оно достигло высшей ступени развития среди картельских племен. Его мы имеем в виде рачинского пахотного орудия. Монографическим изучением этого орудия доказано, что оно получено на почве высокой земледельческой культуры Грузии путем

внутреннего усовершенствования основных элементов пахотных орудий грузинских племен и представляет собою высшую ступень развития основного типа древнейших пахотных орудий, завершение и венец этих последних. Вместе с тем рачинское пахотное орудие по своей овальной подошве и другими усовершенствованиями — уникальное пахотное орудие, не имеющее аналогов в пахотных орудиях других народов вообще и, в частности, в орудиях индо-европейских народов¹⁵.

Между тем немецкий ученый Браунгарт силится утверждать, что бытующее в горных районах Грузии пахотное орудие — рачинский сахвниели — принесли и оставили в Грузии иранцы при своем прохождении через Кавказ с севера на юг¹⁶. Однако рачинское пахотное орудие не имеет даже приблизительного сходства ни с иранскими, ни с другими орудиями индо-европейских народов, в частности со средне-европейскими пахотными орудиями.

П. Лезер, разбирая один из сложных вопросов о происхождении четырехстороннего пахотного орудия, приходит к выводу, что данное пахотное орудие могло возникнуть в Средней Европе или на Дальнем Востоке, причем Лезер утверждает, что где бы это пахотное орудие ни возникло, на западе или на востоке, в обоих случаях оно проходило через Кавказ, где мы его находим будто бы в качестве извне полученного элемента культуры¹⁷. Если считать допустимым утверждение Лезера о происхождении четырехстороннего пахотного орудия на перифериях древней цивилизации, едва ли нужно было этому пахотному орудью проходить обходным путем через Кавказ, чтобы попасть в Среднюю Европу или Китай. Но так как Лезер, несмотря на существование прямого пути (Средняя Европа — степной коридор — Китай), настаивает на обходном пути (Средняя Европа — Кавказ — Китай), — в этом нельзя не видеть порочности основного положения автора и метода его работы.

Работа «Мтиульский Киборджи»¹⁸ показывает, что четырехстороннее пахотное орудие — грузино-закавказского происхождения, что оно развилось на местной почве и составляет часть самобытного интегрированного культурного комплекса.

По существу дело обстоит так же и с молотильным аппаратом для проса — груз. сацехвели (Anke). Западноевропейские ученые полагают, что Грузия и в данном случае является лишь передаточным звеном между Западом и Востоком. Анализ грузинских, южнокавказских и переднеазиатских сацехвели — Anke с привлечением других сравнительных материалов — по-иному освещает роль Грузии в этом вопросе и иначе объясняет его происхождение. Во всяком случае роль Грузии как передаточного звена снимается вполне обоснованно.

Работами этнографов выявлены также самобытные черты в обработке металлов. Древние авторы сообщают о секрете, состоящем в том, что грузинские племена — металлурги (халибы, они же халды, чаны) получали сталь путем примешивания к железной руде во время выплавки каких-то камней; медь мосиников отличалась особым блеском, а сплав имел более интенсивный желтый цвет, чем сплав меди других народов. Изучение сохранившегося до начала XX в. железнорудного промысла в Западной Грузии в Цедиси (Онский район) выявило, что местные металлурги к железной руде примешивали перлюзит, как показал химический анализ руды упомянутого пункта. Цедисские металлургические орудия по своему качеству высоко ценились как в средние века, так и до начала XX века. Таким образом, секрет древних ковалей железа и изобретателей раскрыт благодаря изучению данных этнографической действительности. Эта самобытная черта халибов роднит их с халдами и грузинами¹⁹.

Изучением златокузнечества установлено, что оно, являясь одним из ответвлений широко известного в древности высокого мастерства обработки металлов, до сих пор почти повсеместно бытует в Грузии, сравнительно хорошо сохранив свои архаические черты: литые сплошное и полое с наполнением пастой, чеканка и гравировка с накладкой плющильного золота, усеянного драгоценными камнями, филигрань, чернь, известные у древних табалов, халдов, иберов и колхов. В некоторых местах это ремесло является преимущественным занятием определенных родов; в Верхней Сванетии им занимаются также женщины. Следует также отметить, что возникновение мифа об аргонавтах, возможно, связано с историческим прошлым грузинских племен²⁰.

¹⁵ Г. Читая, Рачинское пахотное орудие, Известие ИЯИМК, т. I, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.); его же, Овальная подошва рачинского пахотного орудия, Тр. Тбил. гос. ун-та, т. XVIII, 1941; его же, Материалы из истории пахотных орудий Грузии, Изв. Музея Грузии, т. V; его же, Из этнографической поездки в Агбулагский район, Изв. Музея Грузии, т. IV (на груз. яз.).

¹⁶ K. Braungart, Die Urheimat etc., 1912.

¹⁷ P. Leser, Entstehung und Verbreitung des Pfluges, Leipzig, 1930.

¹⁸ Г. Читая, Мтиульский Киборджи, 1946; его же, Ксанское пахотное орудие, Изв. ИЯИМК, т. V—VI, 1940 (на груз. яз.); его же, К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий, Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, №№ 3 и 4, 1941.

¹⁹ Н. Рехвиашвили, Цедисская сталь, Изв. АН Груз. ССР, 1941 (на груз. яз.); его же, Кузнечество в Раче, 1943 (на груз. яз.).

²⁰ Г. Читая, Материалы по златокузнечеству в Грузии, 1941; его же, Рачинское пахотное орудие; Л. Бочоришвили, Златокузнечное ремесло в Сванетии, Сообщение АН СССР, т. VII, № 5, 1946 (на груз. яз.).

Изучение керамики позволило выдвинуть положение о типологическом единстве грузинской керамики, о тесной связи ее с древнегрузинской керамикой и о далеко идущих аналогиях, связывающих ее в один культурный комплекс с Северным Кавказом и Передней Азией. Выдвинут вопрос о местном происхождении гончарного круга²¹.

Продолжалась работа над формами охоты в Грузии; изучены грузинские зверо-рольные снаряды, выявлены неизвестные до сих пор типы грузинских и казахских западней, что дало возможность восполнить существующие их классификации. Наблюдения над охотой с ловчими птицами в Гурии вскрыли ряд существенных особенностей, значительно отличающих гурийскую перепелиную охоту от так называемых «татарского» и «персидского» способов охоты с ловчими птицами. В связи с проблемой охоты изучены способы изготовления пороха кавказскими горцами на базе местного сырья²².

В кругу вопросов, относящихся к проблеме ранних форм хозяйства, выдвигается вопрос о пчеловодстве Грузии.

В свете культурно-исторического сближения Грузии и Северного Кавказа интересным является дидойский «чарх» — станок для выделки деревянной посуды. Привлечением сравнительного материала из быта грузин-горцев установлено типологическое единство указанных станков, причем на основе грузинского этнографического материала прослежены промежуточные формы станка, характеризующие последовательность его развития от простых ручных до сложных водяных станков²³.

В исследованиях этнографов Грузии за последний период внимание было заострено над изучением проблемы матриархата. Выявлены новые, уточнены старые материалы. Установлены особые формы когнатического родства, выделяемого у сванов специальным термином *lanbašna*. Ланбашна является родственным объединением по женской линии и, выражая понятие племянников (детей сестры), семантически восходит к авукулату²⁴. Оказалось, что хевсурская индивидуальная семья таит в себе больше древних черт, восходящих к матриархату, чем большая патриархальная семья. В первую очередь на это указывает отсутствие легализации индивидуальных брачных отношений²⁵. Отклонены утверждения зарубежных этнографов (Т. Маргвелашвили и др.) о том, что матриархат не присущ грузинским племенам и что патриархат — расовое свойство грузин и греков; точно так же утверждения о том, что обычай кувады грузинскими племенами получен от дояфетического населения Передней Азии и что матриархат у данаров исчезает под влиянием грузин²⁶.

Изучение структуры рода установило, что посредством расчленения *gens'a* (дзир — корень) на дзвели мамани (старые отцы) и ахали мамани (новые отцы), являвшихся последующими разветвлениями старых отцов, образовывались новые *gens'y*, а место старого *gens'a* занимала фратрия (гвари), объединяющая между собой вновь выделенные родственные *gens'y*. С точки зрения искусственного развития рода следует указать на харквабит шамакрилоба, которое заключалось в жертвоприношении в родовое святилище родовому патрону сильного рода слабым родом²⁷. Существующее наравне с кровным родством молочное родство — мамандзудзеоба получило новое объяснение в факте существования наиболее ранней формы молочного родства по матери — дедамдзудзеоба. Основным элементом этой ранней формы родства по своей общественной значимости, предшествующей кровному родству социального объединения, являлось вскармливание грудью, что впоследствии сохранилось в институте адапции (В. Бардавелидзе).

Изучение института «шиншоба» показало, что в хевсурской номенклатуре родства термин «шинши» выражает, как это было указано выше, недифференцированное понятие коллатерального брата || сестры. Имея как матрилокальный, так и патрилокальный характер, шинши делятся на «дедит шинши» и «мамит шинши». Представляя, с одной стороны, детей родных или коллатеральных сестер и, с другой стороны, детей родных или коллатеральных братьев, указанная форма родства исключает детей брата матери и детей сестры отца. Это родство, называемое шиншоба, доходит до III — IV колена, переходя в матрилокальной части только через женщин, в патрилокальной же только через мужчин.

²¹ Л. Бочоришвили, Кахетинская керамика, 1938; ее же, Керамика Ксанского ущелья, Изв. гос. музея Грузии, т. XIV, В.; ее же, Верхнемеретинская керамика, *Анналы*, т. II, 1948 (на груз. яз.).

²² А. Робакидзе, Пережитки коллективной охоты в Раче, 1940; его же, Хевсурская западня, Изв. гос. музея Грузии, XIII В, 1947; его же, Изготовление пороха в Хевсурети, *Анналы*, т. I, 1947; его же, Перепелиная охота в Грузии, *Анналы*, т. II, 1948.

²³ А. Робакидзе, Дидойский «чарх», 1942; его же, Древние формы пчеловодства в Грузии (в Сванетии, в ущельях М. Лиахви, Ксани и Арагви), 1946.

²⁴ Р. Л. Харадзе, Пережитки большой семьи у сванов, Тбилиси, 1939.

²⁵ Р. Харадзе, Семейное право хевсур, 1940 (на груз. яз.).

²⁶ Г. Читая, Курс лекций по этнографии Грузии, 1945.

²⁷ Р. Харадзе, Родовые объединения хевсур, *Анналы*, т. II (на груз. яз.); ее же, Хевсурское «гвари» и «дзир». Тезисы V сессии Отд. общ. наук АН ГССР, 1941 (на груз. яз.).

Институт шинши имеет параллели в некоторых кавказских племенах: чеченское — *siða* нигушское — *siða* бацбийское — *siða* и т. д. В языке указанных племен семантическая сущность общего корня *si* выражает понятие брата || сестры²⁸. Тот же термин шинши в халдском *sinî* означает дом, хранилище и в хуритском *šep-nî* — брат.

Специальное изучение кровной мести установило, что в хевсурском судопроизводстве руководствовались так называемыми «андрези» — завещаниями, повествующими о ранее случившихся убийствах, ранениях, разводах и разделах. Андрези завещались посредством специально выделенных для этого лиц, называемых «меандрезе». Особого внимания заслуживает в хевсурском обычном праве система композиции, где основным вопросом является состав виры. При определении виры за ранения в основном руководствовались местом раны, ее глубиной и длиной. В случаях головных увечий решающее значение имело состояние черепной коробки. Лицевые раны измерялись количеством зерна, соответствующим при выплате виры количеству коров; при этом учитывалось нахождение раны в открытой или закрытой части лица. Как в хевсурском, так и в сванском обычном праве установлена виновность субъективного порядка, при которой различается характер намеренного действия *gizamaobit mokvla* от случайного *išobrat mokvla*.

Дифференцированный характер виры по отдельным категориям родства способствует определению функциональной стороны структуры рода²⁹.

Изучение брачного института выявило, что сохранившаяся в Мтиулетии древняя форма заключения брака состоит из четырех ступеней: залог (белга), малое обручение (батара лишани), большое обручение (диди лишани) и свадьба. Наличие этих ступеней свидетельствует о существовании брачного сговора для несовершеннолетних, а постепенное сокращение количества ступеней в процессе исторического развития — о переходе к новым формам заключения брака. Установлено также, что в урегулировании брачных отношений правомочными являлись родители брачующихся, коих решения всегда были согласованы с желаниями коллектива, соблюдая тем самым допустимый в рамках большой семьи демократический принцип³⁰.

Поздняя форма заключения брака посредством износа — груз. «урвади», представлена также и в древнем грузинском официальном праве. Форма брака, основанная на вещественном вознаграждении со стороны жениха, имеющая параллели в кавказских материалах, сближается с законами древнего вавилонского, ассирийского и хеттского права³¹.

Достигнуты успехи и в изучении древнейших религиозных верований. Анализом многочисленных народных преданий, обрядов и песнопений, связанных с божеством Барбале (по материалам Парского общ. Верхней Сванетии — Бабар), выяснено, что оно в качестве древнейшего олицетворения солнца занимало одно из важнейших мест в религиозных верованиях грузин. В народном представлении оно являлось покровителем крупного рогатого скота (в особенности коровы), исцелителем больных, выражением женского начала и олицетворением солнца. Соларный культ послужил одним из основных факторов, определивших древнегрузинский календарь. Выявлено, что личное имя этого божества, с одной стороны, тесно увязывается с грузинскими и кавказскими терминами, обозначающими светила и свойства их, а с другой — вполне закономерно (и фонетически и семантически) соответствует сумерскому термину *birbiru*, обозначающему лучезарность, блеск, ясность, зрение, полноту и т. д.³²

В специальной монографии выявлено другое божество грузинского пантеона Нана. Нана — великая мать богов и всего сущего, вечное женское начало, источник плодovitости, верховная владычица неба и земли, культ которой достиг высокого расцвета с развитием земледельческой культуры. Великая мать являлась главной ипостасью богини солнца Кал-бабар, тесно увязанной с растительным покровом земли и морской влагой. Фасианская статуя богини, которую видел Ариан, вероятно, воспроизводила Нану. В отличие от обычных иконографических изображений великих матерей с держащими у груди или лежащими на их коленах младенцами Нана грузинскому народу рисовалась в образе матери, качающей люльку и убаюкивающей лежавшего в ней ребенка. Великая мать неба, благодаря своей лучезарности, была одновременно едина и множественна в долях (*siñi*).

Изображение креста, свидетельствуемое в культе богини Кал-бабар и Великой матери, является священным символом и эмблемой лучезарности небесного огня. Кроме долевого божества — детей Наны, она же наделяла какой-то долей своей

²⁸ Р. Харадзе, К вопросу системы родства у хевсур, Изв. ИЯИМК им. Марра, т. V — VI, Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

²⁹ Р. Л. Харадзе, Обычное право Хевсур. I. Кровная месть. Анналы, т. I. 1947 (на груз. яз.).

³⁰ И. Чкония, Брачный институт у мтиульцев, 1947.

³¹ Р. Л. Харадзе, Пережитки древних форм брака у грузинских племен, 1945.

³² В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин (божество Барбар-Бабар), Тбилиси, 1941 (на груз. яз.); ее же, Сванское песнопение «Барбар-долаши», Изв. ИЯИМК им. Н. Марра, т. V — VI, Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

лучезарности отдельных личностей того или иного родового коллектива, а то и целые роды. Такие «одаренные» или меченые роды и отдельные личности находились на грани обожествления. Они («нацилиани») имели свои метки «нацили» между лопатками в виде части собственного тела, белоснежного и излучающего солнечное сияние (битао, буатл), а у некоторых из них обнаруживали изображения солнца и луны.

Небесное царство Наны рисовалось в виде страны или сада богов, важнейшим композиционным мотивом которого являлись чинар и яхонтовый марани. Анализ материалов устанавливает, что чинаровое дерево связано с древнейшей культурой высокоствольной лозы, что оба растения служили объектами почитания и что они воспроизводили мировое дерево грузинского народа³³.

Третье божество грузинского пантеона — Гмерти, единое общегрузинское верховное божество неба. Он выковал небо, основал земную твердь и воды и озарил их светом Мзекали, он создал богов и людей, он же охранитель мирового порядка (Мориге), вознесен на седьмое небо, восседает на золотой скамье и созерцает вселенную. В его распоряжении находились «хтисшвили» — большие и малые божества, между которыми он распределил обязанности и каждому разграничил род деятельности и сферу влияния; при нем находились его верные псы или волки.

Однако Гмерти общегрузинским верховным богом со столь абстрактным значением должен был сделаться на поздней ступени культурно-политического развития древних грузин. В районах разведения мелкого рогатого скота это божество под именем Сагрто почиталось в качестве покровителя и защитника родовых объединений, проявляя воинственный характер (Беготкрис Сагрто). Его местообитанием являлись вершины и расщелины скал, расположенные над горными пастбищами. Он олицетворялся в виде золотого барана. У грузинских же племен, занимающихся разведением крупного рогатого скота, в частности у сванов, это божество представлено в виде повелителя неба Пусд Абуадши, за культом которого скрывается культ солнца и культ быка. В начале Пусд был зооморфным хозяином полудиких священных бугаев висхев и состоял в интимных отношениях с их матерью, священной королевой мухв'ом: мухв зачинала только в том случае, если этого хотел Пусд.

Новую эру в культуре Пусда знаменовало начало пахотного земледелия, когда Джраг — бог луны — перехитрил Пусда, завладел его бугаями и навсегда связал их ремнями ярменных заноз; отныне Гмерти превращается во всевышнего покровителя домашних животных и в божество плодородия и размножения растительности и людей, постепенно сливаясь и в конце концов окончательно заместив Кал-бабар. Появляется представление о солнце — мужчине. С этого времени религия грузин проникнута духом строжайшего патриархата и появляется новая триада богов.

Основным моментом празднеств в честь этого божества являлось осуществление мистерий «рождения быка господня»; здесь же совершались бои священных быков и состязания с бугаями. По крупной роли культа быка и значения самого быка в обрядах древнегрузинская религия входит в обширный религиозный мир древних культурных народов Передней Азии и Средиземноморья.

Одна из разновидностей, посвященных Гмерти хлеб, так называемый джвар, представляла собой схематическое изображение головы быка. Аналогии к этим священным эмблемам быков встречаются часто в Грузии и у других соседних племен. Помимо этого, оно (схематическое изображение головы быка) обнаруживается и в древнегрузинском письме в качестве изображения фонемы q (x горланного). Это подтверждается и тем обстоятельством, что, во-первых, данная графема называется грузинским словом qaq, обозначающим бык, и, во-вторых, она относится к так называемым дополнительным буквам древнегрузинского алфавита³⁴.

Ценные результаты получены от исследований сванского праздника мертвых «Липанал» и связанного с последним графического искусства сванов. В рисунках сванов, выполнявшихся на гладкой поверхности стен и перегородок дома ежегодно в праздники («Липанал» и «Бембгу»), приуроченные к началу сезона возрождения природы, установлены в качестве наиболее традиционных и архаичных элементов геометрические изображения (точки, дуги и т. п.), генетически восходящие к магическим знакам. Сравнительный материал из сванской религиозной практики дал возможность восстановить процесс воспроизведения этих древнейших рисунков, заключавшийся в магическом соединении действия со словом посредством графического изображения знака и одновременного произнесения имени животного (свиньи, овцы, коровы или быка). Магический знак дуги воспроизводил комплексный образ животного и помещения (т. е. перегородки помещения) для животных жилого дома. Оригинальная архитектура сванского дома, уникальная конструкция помещения (в частности, перегородки с полуовальными оконцами, помещения для скота), обеспечивавшая постоянный контакт между человеком и животным, центральное место этой перегородки в религиозных обрядах, характер самих обрядов,

³³ В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин, III. Великая мать Нана, 1947.

³⁴ В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин. II. Гмерти, 1946.

а также значение магического рисунка (дуги) и роль, выполняемая орнаментальным мотивом дуги и полукруглыми арками в сванском искусстве,—заставляют предполагать возникновение такого помещения для скота с оригинальной перегородкой внутри сванского дома на древнейшей стадии.

В другой работе устанавливаются пережитки тотемизма у сванов и прослеживается дальнейшая судьба тоtems — волка, уже в астральной религии выступающего в качестве «собаки» антропоморфных богов. В работе, посвященной изучению обрядов, связанных с почитанием оспы у кавказских народов, свидетельствуется наряду с рациональными средствами защиты от оспенной эпидемии практика установления молочного родства с божествами оспы посредством аталычества и символического усыновления. Дальнейшая проработка этнографического и фольклорного материалов (в частности нартовских сказаний) и преданий, засвидетельствованных в грузинских исторических источниках, показала широкую распространенность идеи молочного родства в верованиях кавказских народов применительно не только к различным божествам, но и к миру животных (волков, оленей), в целях защиты от данных животных и божеств и приобретения в их лице покровителей и родовых патронов. Пережитки религиозной практики объединения с миром животных посредством аталычества и символического усыновления дают основание выдвинуть гипотезу о возможной генетической связи тотемизма с институтом молочного родства³⁵.

Однако, указывая на самобытные черты грузинской народной культуры, не нужно упускать из виду, что она отнюдь не занимает изолированного и обособленного положения, как это может казаться при ее изучении без рассмотрения достаточного сравнительного материала. На известные параллели, родство и тождество отдельных элементов культуры Грузии, Кавказа, юга России, Передней Азии указывалось не раз.

В освещении современных научных данных эти черты находят свое обоснование в той картине этно-культурных образований, которые имели место в обширном районе Кавказа и Передней Азии. Этот район в настоящее время кажется с точки зрения научного анализа настолько цельным, что трудно себе представить изучение любой проблемы культурного прошлого Грузии без учета данных всех частей названного района. Для иллюстрации приведем примеры.

Изучение выявило, что «древо жизни», связанное с культом Великой матери Наны, является древнейшим сюжетом грузинского народного искусства, широко распространенным в этнографической действительности Грузии. Мы его встречаем на дереве, камне, ткани. Он представлен также в Ингушетии и на албано-дагестанских памятниках. Его варианты — лазский и сванский — имеют прямые аналогии в хуритских памятниках. В албано-дагестанском памятнике главный элемент мотива «древа» заменен рыбой. Рыба в качестве оплодотворяющей силы засвидетельствована во многих грузинских обрядах, как-то: гурийская новогодняя форель, имеретинское божество Ларса, живая рыба триалетских бездетных женщин, живые форели священного водоема в Триалети и др. Эти факты несомненно вводят нас в круг замечательных памятников материальной культуры, каковы знаменитые каменные рыбы-вишапи. Вишапи (по-хуритски *Vi-sti-i-sa-ar-hi*. || *Pi-sa-o-sa-ar-hi*) — божества плодородия, найденные на территории расселения древнегрузинских племен (Триалети, Джавахети, Гехамские горы и др.). Мало того, этот элемент, являющийся наряду с древом жизни одной из важных составных частей в формировании древнегрузинского мировоззрения, отразился также в мировоззрении грузин в виде Сула — Калмахи (калмахи — форель), отца полубога, получеловека Амირани³⁶.

Другой пример. Из зафиксированных в этнографической действительности Грузии четырех основных типов жилых построек два типа: 1) западногрузинский — в виде деревянной постройки, квадратной в плане, с очагом в центре, дверью посередине стены и двух- или четырехскатной крышей, и 2) восточногрузинский — в виде каменной постройки, квадратной в плане, с очагом в центре, дверью в фасадной стене посередине, куполообразной крышей с плоским перекрытием, — восходят к постройке хуритско-хетского типа с очагом в центре, квадратному в плане и со ступенчато-пирамидальной крышей³⁷.

На этих примерах ясно можно видеть, что в этнографическом быту Грузии сосредоточен исключительно ценный материал. Значение этого материала для изучения культурно-исторических и этно-генетических вопросов в связи с историей не только Грузии, но и древнейших народов Кавказа и Передней Азии едва ли можно переоценить.

³⁵ В. Бардавелидзе, Сванский праздник «Липанал», 1944; ее же, Обрядовое графическое искусство сванов, 1945; ее же, Пережитки тотемизма у сванов, 1945; ее же, Древнейшие обряды и воззрения, связанные с почитанием оспы у кавказских народов, 1943 (на груз. яз.).

³⁶ Г. Читая, Мотив древа жизни в лазском орнаменте, Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 (на груз. яз.).

³⁷ Г. Читая, Крестьянский дом в Кваблвани (дарбазский тип), «Обозреватель историко-этнограф. общества», I, 1926; ео же, Жилые и хозяйственные постройки бассейна р. Ханисцали, 1944; ео же, Жилище лазов, 1945 (на груз. яз.).

Помимо разработки вышеуказанных проблем, ведется планомерная работа по изучению топонимики, установлению номенклатур социальных группировок (мамани, садзмо, дзири, гвари, сопели, теми, хеви, томи), по изучению древних форм народного хозяйства, одежды, жилищ и хозяйственных построек, народного транспорта, техники, по обшине, общинным землевладениям, брачным институтам, по анимизму, зоолатрии, народному орнаменту, а также по новому быту и др., которые после систематизации, анализа и обобщения должны пролить свет на актуальные историко-культурные проблемы.

За советский период исключительное внимание было обращено на подготовку кадров. В Тбилисском государственном университете имени Сталина на факультетах истории и филологии систематически с 1929 г. читаются курсы общей этнографии, этнографии Кавказа, Грузии, Передней Азии. В результате были подготовлены молодые кадры, которые усиленно собирают этнографические материалы в различных районах Грузии.

Подготовка аспирантов проходила как при этнографическом отделении Музея Грузии им. С. Джанашиа, так и при Институте истории им. И. Джавахишвили и в Государственном университете имени Сталина.

Сильно развилась и краеведческая литература (С. Макалатия, Д. Гулия, Г. Тедорадзе, А. Мамулаишвили, Дж. Ногаидели, З. Едили, И. Аджинджал, Азынба)³⁸. Эта литература печатается в Тбилиси, Сухуми, Батуми, Кутаиси, Сталинири.

За время Отечественной войны этнографы Грузии приняли участие в разработке тем оборонного характера. Опубликованы научно-популярные статьи и очерки, проведена серия лекций на специальную тематику. Были организованы закрытые выставки по особому заданию (средства передвижения и др.).

Новый пятилетний план этнографических исследований после многолетних работ в горных районах в основном предусматривает изучение равнинной Грузии, изучение пережитков ее древней материальной культуры и хозяйства, древней идеологии и религии грузинских племен, их древних социальных взаимоотношений, а также составление карты этнического состава населения южной Грузии, создание университетского курса этнографии Грузии.

По этому плану предполагается, во-первых, широкое развертывание экспедиционной работы — комплексные экспедиции, кроме Картли, будут направлены также в Кахетию, Мегрелию и другие районы и, во-вторых, усиление подготовки новых кадров. Будет организовано два этнографических стационара: в Хевсуретии и Сванетии.

Выполнение одной части пятилетнего плана уже дало значительные результаты. Так, Карталинская комплексная этнографическая экспедиция 1947 г. выявила трудовые навыки и производственный опыт, накапливаемые трудовым населением на протяжении веков. Одним из таких приобретений является грузинский плуг, связанный компактным поселением, общинным домом (ертобис сахли), хозяйством крупного рогатого скота, своеобразием форм организации труда и сельскохозяйственной системой (система орошения, обработка почв разных видов, севооборот, выведение новых сортов хлебных злаков), хозяйственными постройками, большой семьей, а также с культом очага, виноградной лозы и ореха. Экспедиция выявила характерные для равнинного населения основные элементы культуры: большой плуг, молотильную доску, торню, арбу, известь, «лесную овцу», компактное поселение, комплекс жилищ и хозяйственных построек, культ лозы и ореха, тем самым установив демаркационную линию, отделяющую равнинную культуру от горной. Экспедицией собраны также ценные этнографические коллекции.

Для университетского курса коллективом Отдела этнографии Института истории им. Джавахишвили АН ГССР проделана предварительная, но плодотворная работа составлением очерков по этнографии Грузии.

В данное время этнографическая работа ведется в Отделе этнографии Института истории им. Джавахишвили АН ГССР, являющегося руководящим учреждением в деле изучения проблем истории культуры Грузии, в Отделе этнографии Музея Грузии им. Джанашиа, на этнографической кафедре Тбилисского гос. университета имени Сталина, в Абхазском научно-исследовательском институте АН ГССР, Югоосетинском научно-исследовательском институте АН ГССР, в краеведческих музеях (Гори, Кутаиси, Батуми, Телави, Ахалцихе, Казбег), в Грузинском научно-исследовательском институте физической культуры. Работа этнографов Грузии проходит в тесном контакте с историками, археологами, лингвистами, фольклористами Грузии.

Сохраняя профиль этнографии, это общение дало плодотворные результаты. Впереди предстоит большая работа. Она должна идти в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к идеологическому фронту, четко сформулированными в ряде документов первостепенного значения. Наша дальнейшая работа должна быть еще более целенаправленной и целеустремленной. Задача состоит в том,

³⁸ С. Макалатия, Краеведческая работа в Грузии, «Советская этнография», 1939, № 3; его же, Горная Рача (1929), Месхет-Джавахеги (1933), Тушети (1935), Ишави (1937), Хеви (1939), Самегрело (1940), Хевсурети (1940); также Труды Горинского историко-этнограф. музея, т. I; Труды Историко-этнограф. музея евреев Грузии, т. I, II, III; Труды Абхазского краеведч. музея, т. I, 1947.

чтобы изучением всего того, что создала народная многовековая культура, внести свою посильную лепту в великое дело строительства новой социалистической культуры, многогранной своими национальными формами.

Г. Чугаев

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

1 июля 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук заведующим отделом Европы Института этнографии Н. Н. Чебоксаровым на тему: «Северные китайцы и их соседи». Представленная работа, объемом около 60 авт. листов текста, сопровождаемого многочисленными рисунками и картами, посвящена истории формирования антропологического состава народов Восточной Азии в связи с их этногенезом. В основу работы положены оригинальные материалы, собранные автором среди китайцев, дунган, иссык-кульских калмыков и целого ряда других этнических групп, а также данные по краниологическим сериям китайцев, монголов, нанайцев, корейцев, малайцев и др., находящимся в музеях Москвы и Ленинграда. Итоги антропологического анализа сопоставляются в работе с результатами археологических, этнографических, лингвистических исследований. Широко использованы литературные источники и неопубликованные материалы советских исследователей, относящиеся к народам Сибири и Дальнего Востока. В качестве официальных оппонентов выступили: доктор биологических наук В. В. Бунак, доктор историч. наук С. П. Толстов, доктор историч. наук С. В. Киселев, кандидат (ныне доктор) биологич. наук Я. Я. Рогинский. Оппоненты весьма высоко оценили представленный труд. Как отметил проф. С. П. Толстов, автором широко привлечена вся имеющаяся антропологическая и почти вся историко-этнографическая и археологическая литература, имеющая отношение к этногенезу китайцев, которую диссертант подверг детальному критическому анализу, противопоставив объективные данные науки псевдоученым конструкциям расовых и близких к расизму авторов. Работа Н. Н. Чебоксарова отражает передовую методологию советской антропологической науки, в выработке которой он на протяжении многих лет принимает активное участие. Концепция Н. Н. Чебоксарова, подчеркнул С. П. Толстов, является концепцией историко-материалистической, ч в этом ее огромное достоинство, ее новизна в применении к проблемам этнической антропологии и этногенеза народов Восточной Азии. Расы рассматриваются автором не как замкнутые, противостоящие друг другу категории, а как категории движущиеся, постоянно меняющиеся. Возражения С. П. Толстова, как и В. В. Бунака, в основном касались структуры работы, зачастую приводящей к повторениям, а иногда и к противоречиям, и затрудняющей подведение итоговых выводов по отдельным антропологическим типам и областям. Спорные положения, по мнению С. П. Толстова, имеются в главе о дунганах, происхождение которых диссертант связывает с кара-кидзянями, оппонент же склонен скорее видеть в дунганах потомков военных поселенцев Таньской эпохи в Ганьсу и Синьцзяне, исламизировавшихся и смешавшихся с тюркским населением. В. В. Бунак, давая высокую оценку работе в целом, расходится с автором в отдельных положениях. Он не согласен с принятым диссертантом способом соподчинения выделяемых расовых вариантов, а также считает, что, положив в основу своей гипотезы расогенеза китайцев теорию грацилизации, Н. Н. Чебоксаров должен был установить пределы применения этой теории, которая грешит переоценкой взаимной связи признаков. Я. Я. Рогинский особо остановился на вопросе об автохтонном происхождении китайской культуры; на основании тщательного исследования антропологических, археологических и этнографических данных Н. Н. Чебоксаров с несомненностью установил, что китайский народ возник на месте в результате взаимодействия нескольких этнических вариантов; тем самым автор опроверг «теорию» о пришлом происхождении китайцев и заимствовании ими своей культуры с далекого запада. Большой научный интерес, по мнению оппонента, представляет конечный вывод автора о том, что среди монголоидов могут быть выделены четыре расы, географически ясно локализуемые и морфологически своеобразные (северноазиатская или сибирская, северовосточная или восточноарктическая, восточноазиатская или дальневосточная и южноазиатская), а также выводы автора о расовых вариантах, входящих в состав этих четырех рас. С. В. Киселев, отмечая имеющую самостоятельный научный интерес разработку автором ряда «периферийных» тем, считает, что центральный раздел о происхождении и развитии китайцев имеет исключительное значение для науки. Замечания оппонента касаются вопроса об индонезийских влияниях в иньской культуре; в противоположность Н. Н. Чебоксарову, С. В. Киселев считает, что именно иньская культура Северного Китая, тесно связанная с предшествующим развитием, оказала сильнейшее влияние на культуру южной части Азиатского материка. Спорным представляется оппоненту высказанное автором положение о большой близости карасукцев к севернотибетскому типу, что, с точки зрения С. В. Киселева, не согласуется с новейшими археологическими открытиями. Оппоненты квалифицировали представленную работу как крупное событие в антропологической и этнографической литературе; давая новое освещение крупнейшей проблеме расо- и этногенеза населения одной из важнейших областей эйкумены, этот труд, по их мнению, представляет огромный интерес для советской

и мировой науки. Н. Н. Чебоксарову единогласно присуждена степень доктора исторических наук.

1 июля 1947 г. научным сотрудником Института этнографии Е. М. Пещеревой защищена кандидатская диссертация на тему «Женское гончарное производство». Работа, написанная по материалам, собранным лично автором в течение ряда лет в различных районах Таджикистана, представляет собой монографическое описание гончарного производства, вступящего и по сей день среди горных таджиков, ягнобцев и припамирских иранцев. В диссертации дано подробное описание процесса этого производства на отдельных его стадиях, с выделением локальных особенностей, показан последовательный переход от наиболее примитивных ступеней развития его техники к более усложненным, вплоть до развитого городского производства, рассмотрены особенности орнамента на женских керамических изделиях, дано описание организации этого вида женского труда и связанных с ним верований и обычаев. Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский и доктор исторических наук С. П. Толстов — высоко оценили представленную диссертацию как образцовое этнографическое исследование, основанное на более чем двадцатилетней работе автора, привлечшего, помимо результатов своих полевых сборов, широкий сравнительно-этнографический и археологический материал. Исследование это, подчеркнул С. П. Толстов, представляет большой интерес не только для этнографов, но и для археологов, так как оно дает ключ к пониманию ряда археологических фактов, не освещенных или неправильно освещенных в специальной литературе. Работа Е. М. Пещеревой еще раз показала, какое значение для понимания археологических памятников имеет правильно поставленное этнографическое исследование. Диссертанту единогласно присуждена степень кандидата исторических наук.

23 декабря 1947 г. защитили кандидатские диссертации окончившие аспирантуру Института этнографии Л. А. Старцева и Ж. Я. Бухбиндер-Дехтеренко. Диссертация Л. А. Старцевой — «Похоронные причитания Олонекского края» — построена на материалах предыдущих публикаций этого рода, на исследовании неопубликованных материалов, хранящихся в архивах Москвы и Ленинграда, и на личных записях диссертантки. Как отметили официальные оппоненты, проф. И. Н. Розанов и кандидат филологич. наук В. И. Чичеров, выбор темы для диссертации обусловлен весьма малой изученностью этого жанра фольклорных произведений и тем интересом, который представляет этот жанр для понимания жизни народа в прошлом и настоящем и для раскрытия процессов современного народного искусства. Оппоненты отметили детальную разработку историографии вопроса, представляющую собой первый опыт критического обзора литературы о причитаниях. Значительный интерес представляет данное в диссертации исследование связей причитаний с похоронным обрядом и верованиями, хотя, по мнению В. И. Чичерова, диссертантка, успешно проведя анализ отражения в плачах дохристианских верований, недостаточно полно вскрыла противоречие между образами христианской легенды и мотивами и образами плача. Не выяснены также связи похоронного обряда и причитаний с семейной общиной великоруссов, характерной для населения Олонекского края XIX — начала XX в. Большое значение имеет поставленная Л. А. Старцевой проблема связи и различий былин и причитаний в условиях русского севера, и выводы, к которым пришла диссертантка, представляются оппоненту правильными; но, подчеркнул В. И. Чичеров, желательнее было бы при дальнейшей работе над темой более детально разработать вопрос о соотношении причитаний с отдельными видами былин, в первую очередь с новеллистическими и, в меньшей степени, с героическими, что может помочь внести значительные коррективы в распространенную теорию происхождения эпической песни из погребального плача. Наибольший интерес по своей тематике представляет последняя глава диссертации, посвященная разбору причитаний, созданных в послеоктябрьский период. Диссертантке удалось проследить процесс отъединения жанра причитаний от похоронного обряда, образования качественно нового жанра, порвавшего с древними верованиями. Вместе с тем в работе подчеркивается и огромное социально-политическое значение плачей как одного из видов современного фольклора. Возражения со стороны В. И. Чичерова вызывает данная диссертанткой классификация причитаний, которые она делит на две большие группы: причитания, отражающие личные чувства, и причитания, отражающие чувства коллектива; тем самым диссертантка в некоторой степени противопоставляет личность советского человека коллективу, что ярко опровергается разбором приводимых ею самой текстов. Оппоненты подчеркнули, что, несмотря на имеющиеся в диссертации недочеты и некоторую недоработку поставленных в ней вопросов, она представляет собой оригинальную аналитическую работу и является несомненным шагом вперед в деле изучения жанра причитаний. Выступивший в прениях проф. П. Г. Богатырев отметил успешно проведенную Л. А. Старцевой полевую собирательскую работу, материалы которой умело использованы в диссертации. Л. А. Старцевой присуждена степень кандидата исторических наук.

Кандидатская диссертация Ж. Я. Бухбиндер-Дехтеренко, также защищенная 23 декабря 1947 г., озаглавлена: «Туркмены накануне и в период завоевания их царской Россией». Официальными оппонентами выступили: доктор исторических наук А. П. Окладников и кандидат историч. наук Н. А. Кисляков. Работа, представляющая собой историко-этнографическое исследование туркменских племен, распа-

дается на три части. Первая из них содержит раннюю историю туркмен и общую характеристику их племенного состава и их расселения перед столкновением с царской Россией. Во второй части рассматривается положение и быт в XIX в., главным образом, туркмен-теке, явившихся основным объектом военной агрессии царизма и оказавших ей наиболее стойкий и организованный отпор. Третья часть исследования рассматривает взаимоотношения туркмен с царской Россией перед завоеванием Туркмении и их героическую борьбу, кульминационным пунктом которой явилась защита крепости Геок-тепе. Исследование основано на обширном литературном материале с привлечением восточных нарративных источников, на архивных документах и полевых материалах, собранных автором путем опроса стариков — участников и очевидцев описываемых событий. Как отметили оппоненты, привлечение нового фактического материала и критический пересмотр с марксистских позиций ранее известных данных позволили диссертантке дать полноценное, оригинальное исследование, заполняющее существенный пробел в области разработки узловых вопросов истории туркменского народа. При этом диссертантка сумела строго критически подойти к выводам дореволюционных авторов — идеологов царской России, в частности Гродекова, выявив истинную политическую сущность их концепций, и, с другой стороны, — вскрыть идеализаторские построения представителей националистической идеологии, каким был, например, Хан Йомудский. Наряду с этим оппоненты отметили и ряд имеющихся в работе недостатков и недоработку отдельных вопросов. Так, заметил А. П. Окладников, диссертантка не дала достаточно четкой характеристики социально-экономических отношений у туркмен, ограничившись беглым замечанием о наличии прослойки бедняков, зависевших от богатых сородичей, тогда как, подчеркнул оппонент, необходимо было прямо указать, подкрепив это фактическим материалом, что в период перерастания патриархально-родовых отношений в феодальные существование родовых учреждений вполне совмещается с эксплуатацией богатыми сородичами бедноты. Обойден в работе вопрос о рабстве у туркмен. Несогласен А. П. Окладников с характеристикой, данной диссертанткой аламанству, которое она рисует как особую форму антифеодальной борьбы и борьбы за независимость, игнорируя экономическую сторону аламанства как постоянного, хорошо организованного и выгодного военного промысла. Следовало бы также полнее раскрыть на фактах высказанное диссертанткой положение о том, что присоединение к России было «меньшим злом» для туркмен, постоянно подвергавшихся угрозам агрессии со стороны среднеазиатских ханов и иранских шахов. Увлечшись описанием героической борьбы туркмен за свою независимость, отметил Н. А. Кисляков, диссертантка недостаточно объективно подошла к оценке роли российского завоевания, не показав его положительных сторон. Другое замечание Н. А. Кислякова относилось к вопросу о консолидации туркменских племен в рассматриваемый период, значение которой диссертантка явно преувеличила, видя в этом процессе, якобы прерванном российским завоеванием, предпосылки для образования самостоятельного туркменского государства. Между тем только советская власть обусловила возможность консолидации туркменских племен, до этого раздиравшихся межплеменной и межродовой борьбой, и создания ими своего национального государства — Туркменской ССР. Все указанные недостатки, по мнению оппонентов, не препятствуют признанию ценности представленной работы и присуждению ее автору степени кандидата исторических наук. Ж. Я. Бухбиндер-Дехтеренко присуждена искомая степень.

13 апреля 1948 г. защитили кандидатские диссертации окончившие аспирантуру Института этнографии А. И. Першиц и Н. П. Новоселов. Темой своей диссертации Н. П. Новоселов избрал «Военные игры русского народа и их отношение к эпохе военной демократии». Доктор исторических наук А. П. Окладников, выступив в качестве официального оппонента, дал подробное освещение представленной работы. Автор ее, сказал оппонент, «впервые в русской этнографической и исторической литературе нарисовал полную и яркую картину того в высшей степени своеобразного явления русской народной жизни, которое известно под названием кулачных боев, дал ему исчерпывающее объяснение как закономерному историческому явлению...». Автору удалось на основе чисто этнографической трактовки проблемы убедительно показать корни и важное значение в истории русского военного дела традиций древнего возрастного деления воинов, с которым было связано глубокое построение войска, и наличие резервов, обеспечивающих удачный окончательный удар, рассчитанный на полное сокрушение и окончательный разгром врага свежими силами. Привлекая сравнительно-исторический материал, автор диссертации показал, что кулачные бои не являются исключительной особенностью русской действительности, а находят себе аналогию на широком фоне исторического прошлого других народов. Кулачные бои прошли длительный путь эволюции и достигли наибольшего развития на определенной исторической ступени, на ступени военной демократии, при переходе от первобытно-общинного строя к классовому обществу и государству. Отмечая удачное разрешение диссертантом целого комплекса поставленных перед собой проблем, А. П. Окладников подробно остановился и на слабых местах работы. К таковым он отнес в первую очередь недостаточно фундированную интерпретацию диссертантом некоторых фактов первобытной истории. Так, например, диссертант отрицает возрастную дифференциацию в среде первобытных коллективов и связывает ее с началом разложения кровнородственных связей и с развитием связей территориаль-

ных. А между тем, указал А. П. Окладников, многочисленные факты свидетельствуют о древности возрастного разделения труда и появления его задолго до разложения семейных связей. Основное положение диссертанта о связи военных игр с эпохой военной демократии требует, с точки зрения оппонента, уточнения периодизации. Если бы диссертант в своем исследовании пошел глубже в прошлое, он мог бы показать, как возникают военные игры из обычной в родовом обществе военно-охотничьей тренировки его членов, из той системы воспитания юношества, которая характерна для этого общества и обусловлена его коллективистскими началами. Большой интерес представляют бегло упомянутые диссертантом, но не исследованные им факты существования женских кулачных боев, участия женщин в мужских боях, также уводящие нас за исторические пределы зрелого классового общества и снова поднимающие вопрос об амазонках. Проф. В. В. Мавродин, особенно отделил то значение, которое может иметь обсуждаемая диссертация для разработки чисто исторических проблем. Так, например, русские кулачные бои «стеною» представляют собой своеобразную «археологическую находку», дающую возможность исторической науке использовать новые материалы для освещения ранних эпох военного быта и военной практики восточных славян. Прослеживая связь военных игр с древнейшими военно-погребальными обычаями, диссертант сделал первую попытку дать объяснение обычаю славянской тризны, рассматривая ее в тесной связи с культом предков, получившим в условиях всенной демократии новые общественные атрибуты. «Таким образом», — резюмирует оппонент, — изучение географического распространения народной военной игры на территории СССР и характера возрастного комплектования «стенок» может оказать историкам существенную помощь в разрешении проблем этногенеза восточнославянских племен». Вместе с тем, анализируя этнографический материал, диссертант сумел оттенить особенности характера русского народа, выявив разительные отличия русских кулачных боев от военных игр стран классической древности и Запада, где уже в сравнительно ранние эпохи эти игры оказались кровавой забавой в руках социальных верхов. В правилах русской кулачной борьбы отразились высокие моральные качества русского народа, который и в борьбе с врагом не проявлял бесцельной жестокости. В дискуссии выступили проф. П. И. Кушнер, проф. М. О. Косвен, проф. С. П. Толстов, И. И. Потехин, М. Г. Рабинович, проф. В. К. Никольский. П. И. Кушнер и И. И. Потехин указали, что, по существу, заглавие диссертации не соответствует ее содержанию, ибо автор ограничился исследованием только одного вида военных игр — кулачной борьбы. При этом проф. Кушнер выразил сомнение в целесообразности разработки данной темы в наше время. Отвечая ему, М. Г. Рабинович, указал, что обсуждаемая работа является значительным вкладом в дело изучения древнерусских военных игр и военного искусства и постановка данной темы безусловно нужна для Института этнографии, подготавливающего монографию о восточных славянах, в план которой должна входить и обсуждаемая тема. С этим высказыванием полностью солидаризировался и проф. С. П. Толстов. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

Диссертация А. И. Першица, защищенная в тот же день, посвящена вопросу о родоплеменной организации и племенном составе кочевников Северной Аравии в XIX—XX вв. Выступив в качестве официального оппонента, проф. С. А. Токарев отметил в первую очередь то значение, которое имеет постановка данной темы для выяснения ряда общих вопросов, связанных со спецификой общественного уклада кочевых народов, — родоплеменной структуры, семейно-брачных норм, большой и малой семьи, роли пережитков родовых отношений в классовом обществе. Актуальность разработки данной темы в настоящее время, когда, с ростом национально-освободительного и антиимпериалистического движения среди народов Востока, арабские страны начинают играть все более заметную международно-политическую роль, — не подлежит сомнению. Тем более, что, обобщающего исследования об общественном строе бедуин в мировой литературе не имеется; работа А. И. Першица в значительной мере восполняет этот пробел. Большой интерес, по мнению С. А. Токарева, представляет раздел о большой семье у кочевников. Умело анализируя материал, удачно критикуя своих предшественников, автор показал, что фактический материал, говорящий о большой нерасчлененной семье, относится лишь к оседлому населению, у кочевников же и полукочевников господствует малая семья. Представляют интерес также замечания диссертанта о различных формах земельной собственности — на обработанную землю и на пастбища, которые всегда оставались в общеплеменном владении. В главе о внутриплеменных отношениях диссертант, выступая против имеющейся в буржуазной литературе тенденции переоценивать «демократизм» общественного строя бедуин и архаизировать этот строй, показал наличие имущественного расслоения в среде бедуин. Исторически прослеживая взаимоотношения типов кочевого, полукочевого и оседлого хозяйства, А. И. Першиц отверг господствующий в буржуазной литературе взгляд о том, что кочевой быт — исконное и древнее состояние арабских племен; указав на глубокую древность земледельческой культуры в Аравии, диссертант тщательно проследил сложный исторический процесс перехода кочевников к оседлости, отметив и обратный процесс номинализации оседлых земледельцев. Остановившись на недочетах работы, проф. Токарев выразил сожаление о том, что автор не увязал вопрос о взаимоотношениях между бедуинами и

оседлыми племенами Аравии с проблемой возникновения и распространения ислама и арабского халифата, не показал, какое значение имели эти взаимоотношения и для зарождения вахабитского движения как идеологического отражения противоречий между земледельческим и кочевым населением Аравии. Недостаточно четко сформулировал диссертант свои выводы о типе и формах эксплуатации у кочевников, чем ослабил силу своей критики, направленной против буржуазных исследователей. Второй оппонент проф. В. Б. Луцкий, целиком присоединяясь к высокой оценке, данной С. А. Токаревым представленной работе, более подробно остановился на тех ее положениях, которые представляются ему спорными или недостаточно разработанными. Диссертант, по его мнению, не провел четкого различия между политикой империалистических мандатных властей Сирии, Палестины и Ирака и политикой феодальной администрации правительства Саудовской Аравии. Он не показал, что политика мандатных властей направлена к разжиганию межплеменных войн, к использованию отдельных племен как военной и политической опоры империализма. Не показал диссертант и различия между процессом оседания в Саудовской Аравии и в бывших подмандатных областях, где этот процесс наталкивался на отсутствие свободных земель, захваченных империалистическими властями и их феодальной агентурой. Автор преувеличивает антагонизм между номадами и оседлым населением, не акцентируя внимания на таких важнейших явлениях, как их совместные действия в национально-освободительном движении. В частности, трактуя восстание 1920 г. в Ираке как восстание кочевников и полукочевников, вызванное кризисом животноводческого хозяйства, диссертант не показал, что в его основе лежал колониальный гнет империализма. Правильно отмечая классовую дифференциацию внутри бедуинских племен, автор не всегда улавливает глубину этой дифференциации и смыкание шейхской верхушки с английскими колонизаторами. В заключение оппонент отметил имеющиеся неточности в транскрипции и погрешности в части использования источников. Третий оппонент, кандидат историч. наук Т. А. Жданко, разобрав содержание представленной работы, подробно остановилась на тех явлениях, свойственных исследуемым автором племенам, которые находят себе параллели у некоторых народов нашей страны — казахов, якутов, каракалпаков. Таковы вопросы о большой и малой семье, о патронимии, о «подплеменах». «Это звено родоплеменной структуры арабов, — отметила Т. А. Жданко, — на наш взгляд вполне аналогично каракалпакским и узбекским «тюбе» — парным или четным сочетаниям крупных родов, которые, как и арабские «подплемена» Першицем, трактуется нами как реликт древней дуальной организации».

В своем ответном слове диссертант, основываясь на данных исследованного им фактического материала, отвел ряд замечаний, высказанных оппонентами (например, по вопросу о вооруженных набегах бедуинских племен на земледельческое население, о различии в мероприятиях мандатных властей и феодальных правительств Саудовской Аравии и др.). Что касается вопроса о возникновении ислама и халифата, ответил диссертант, то этот сложный вопрос нельзя затрагивать мимоходом и потому он сознательно был опущен. Все оппоненты сошлись в оценке работы как весьма солидного научного исследования, целиком базирующегося на марксистской историко-материалистической методологии, которое, в виду актуальности темы и отсутствия в литературе подобного обобщающего труда, желательнее скорее издать. Диссертанту присуждена искомая степень.

О. Корбе

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ В. И. РАВДОНИКАСА «ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА»

8 и 15 мая Группа общей этнографии (Институт этнографии АН СССР) провела обсуждение книги проф. В. И. Равдоникаса «История первобытного общества», т. 2, 1947. Обсуждение коснулось как 2-го, так и 1-го тома, вышедшего в 1939 г., так как обе эти книги представляют единый курс лекций, прочитанных проф. Равдоникасом на Историческом факультете Ленинградского университета.

В кратком вступительном слове С. П. Толстов выразил пожелание, чтобы в первую очередь обсуждению подверглись такие важные вопросы, как данная в книге периодизация истории первобытного общества, соотношение археологического и этнографического материалов в освещении автором проблем первобытности, проблемы первобытного мышления и т. д.

Впервые задача освещения первобытного общества на основе археологии и этнографии была поставлена советской наукой, вооруженной марксистско-ленинской методологией, сказал М. О. Косвен. Автор, поставив перед собой эту трудную задачу, с ней не справился, так как этнографический материал дается отдельно от археологического. Автор пользовался источниками XVII—XIX вв., забывая о новейших работах этнографов, ссылается на случайных для этнографии лиц. Работы советских этнографов не использованы. М. О. Косвен перечислил ошибки, допущенные В. И. Равдоникасом в вопросах общего характера. Так, В. И. Равдоникас некритически заимствовал Бюхервский термин «присваивающее хозяйство» по отношению к охоте

и собирательству; упростил вопрос о происхождении скотоводства; не признает преобладающую роль женщин при матриархате и преувеличивает роль дяди по матери; «открывает» два вида патрилинейности и два вида патрилокальности. Совершенно неправильно освещен в книге вопрос об отношениях между племенами на нижней ступени варварства, характеризующихся как состояние вечной войны. Автор не замечает, что этим самым он помогает реакционным буржуазным этнографам, провозглашающим изначальность войн, неизбежность их. В связи с этим он столь же неправильно и неисторично расписывает жестокость первобытного человека, преувеличивает канибализм, скальпирование и пр. Необходимая критика современной реакционной буржуазной науки заменяется критикой давно устаревших теорий, авторов, ушедших со сцены. Все перечисленные недостатки, закончил М. О. Косвен, не дают права считать книгу проф. В. И. Равдоникаса подходящим пособием для подготовки студентов высших учебных заведений по курсу истории первобытного общества.

По мнению С. А. Токарева, книга В. И. Равдоникаса представляет большой и в целом полезный труд, где впервые дается схематическое сочетание археологического и этнографического материала. Основной недостаток обсуждаемой книги заключается в ее структурной неслаженности: в 1-м томе и 1-й части 2-го тома автор придерживается периодизации Моргана, во 2-й части 2-го тома переходит к археологическому принципу периодизации. Неудовлетворительное использование в книге этнографического материала проф. Токарев объясняет двумя причинами: недостаточной разработанностью некоторых проблем в самой этнографической литературе и недостаточным знакомством автора с данными этнографии. Из первого ряда причин вытекают такие ошибки, как помещение под одну рубрику нижней ступени варварства народов, стоящих на самых различных ступенях развития. Сюда попали народы С. Америки, Океании, Западной Африки, значительная часть народов Азии, Эскимосы, по мнению автора, сохраняют даже «ряд особенностей высшей ступени дикости» и оказываются более отсталыми, чем пауасы. Разделы средней и высшей ступеней варварства заменены описанием народов «с патриархально-родовыми отношениями и их пережитками»; в число таких народов включаются готтентоты, кафры, кочевники Азии, народы Сев. Кавказа и даже южные славяне. Автор придерживается уже отброшенной советскими этнографами теории «кровно-родственной семьи», ошибочно противопоставляет мужские дома и союзы тайным обществам. В главе 15-й, где под «общественными представлениями» нижней ступени варварства фактически фигурируют религиозные представления, В. И. Равдоникас принимает безоговорочно старую анимистическую теорию Тэйлора, упрощенно трактуя с ее позиций проблему происхождения религии. В разделе «Язык и мышление» нет упоминания о существовании различных морфологических типов языков, но говорится суммарно о «языках племен нижней ступени варварства». Для иллюстрации этих языков берутся неудачные примеры из книги Леви-Брюля и делается неверный вывод о преобладании мистических представлений в первобытном мышлении, нашедших отражение в первобытных языках. Все формы фольклора представляются возникшими из мифов. С. А. Токарев отметил ряд мелких неточностей и ошибок, допущенных в обсуждаемой книге: австралийцам приписывается знакомство с земледелием, Штернберг ошибочно назван специалистом по эскимосам; племена прерий упоминаются как охотничьи, без объяснения, каким образом они стали таковыми; узелковое письмо приписано индейцам С. Америки, иероглифическое письмо — народам Перу, в то время как в действительности, наоборот, кипу — узелковое письмо было в Перу, а иероглифическое — у мая и мексиканцев. Однако нельзя критику сводить к перечислению одних недостатков. Книга имеет и ряд достоинств. К ним относятся: толкование происхождения скотоводства; утверждение, что возрастные деления предшествовали образованию родового строя; выведение кросс-кузенного брака из экзогамной организации и многое другое. Если присоединить к этим достоинствам ценный и обильный археологический материал, заключил свое выступление С. А. Токарев, то можно считать, что положительные стороны книги перевешивают ее недостатки.

Проф. С. В. Киселев отметил, что автор «Истории первобытного общества» стремился выйти за пределы традиционной формы изложения, привлекая этнографический материал для конкретизации общих заключений. Работа В. И. Равдоникаса — первый опыт написания конкретной истории первобытного общества, но он неудачный. Прежде всего не обосновано последовательное сужение материала — палеолит дан во всемирно-историческом масштабе, а бронза — уже только в пределах Европейской части СССР. Постепенное сужение материала привело к тому, что в книге нет изображения развития культуры племен эпохи бронзы на территории СССР, не выявлено огромное значение взаимоотношений юга нашей страны с Балканскими странами, с восточным Средиземноморьем. Анализ археологического материала мало удовлетворителен даже в тех случаях, когда В. И. Равдоникас привлекает уже обсужденные в археологических кругах факты, и почти отсутствует в спорных и наиболее острых вопросах. К числу таковых относятся проблемы западноевропейской археологии. В вопросе о колчоловидных сосудах, указал С. В. Киселев, автор мог бы использовать работы польских археологов для опровержения фантастических построений немецкой реакционной археологии. Крупной ошибкой является также отнесение всех мегалитических памятников к неолиту. Вследствие такого некритического отно-

шения все достижения европейской культуры с конца IV до II тысячелетия до н. э. оказались в неолите. И неолит Европы, особенно Северной Европы, поскольку археология южных ее частей не освещена автором, представился чрезвычайно высоко развитым. Такое одностороннее освещение поддерживает порочную теорию, что именно Северная Европа явилась центром исконной цивилизации, носителями которой были пресловутые «нордийцы». Для раздела неолита автор собрал большой материал, но выводы, сделанные им на основании этого материала, часто ошибочны. Само понятие неолита, как эпохи полированных и сверленых орудий, устарело и является чисто формалистическим. Неверное понимание неолита привело автора к тому, что он, в сущности, показал не столько неолит, сколько энеолит, что ясно видно из разбора глав, посвященных «неолиту» Северной Африки, Западной Европы и западной части СССР. По мнению С. В. Киселева, критикуя буржуазные взгляды на фатьяновскую культуру, следовало дать положительную критику, в частности, показать, что путь распространения ладьевидного и других топоров был весьма сложен и связан с проникновением металлического топора в Придунавье, что эти топоры — не северноевропейского происхождения. Совершенно необоснованно опущены Балканы и Эгейский мир, что лишает изображение истории населения Европы необходимой конкретности. Если ко всем перечисленным недостаткам книги прибавить еще крайне трудное изложение, сказал С. В. Киселев, то становится ясным, что проф. Равдоникас не смог создать руководство для студентов: его книга не дает достаточно критического рассмотрения фактов археологии и не учит студентов, как историку нужно работать с археологическими памятниками. Совершенно недопустимо приведение сотен имен буржуазных ученых и полное замалчивание имен советских археологов.

Проф. А. Я. Брюсов высказал мнение, что книга В. И. Равдоникаса не дала ничего нового. Наибольший интерес в книге представляет описательная часть, дающая представление об обычной буржуазной западноевропейской схеме смены культур. Но автор во многих случаях ограничивается примерами, некритически взятыми из работ западноевропейских археологов, тогда как работы советских археологов дали бы ему более полезный и яркий материал. В книге имеются частные ошибки: устаревшее и неверное утверждение, будто свайные поселения стояли иногда над водой; что камни пилили кремневыми пилками; несостоятельны обе гипотезы о происхождении скотоводства; необедителен показ на археологическом материале перехода от матриархата к патриархату и т. д. Основной порок книги заключается в том, что вместо истории первобытного общества читателю преподносится смесь этнографии с археологией. Не вскрыта генетическая связь между культурами. Отсутствует в книге историографическая часть, что является общим недостатком всех учебников по археологии. Нет раздела, в котором были бы показаны судьба народов Европы в неолите и бронзовом веке. Расширение этнографической части не спасает книги В. И. Равдоникаса, над которой довлеют старые схемы.

М. В. Райт подвергла критике представление В. И. Равдоникаса о половозрастных классах. В. И. Равдоникас считает, что они исчезают уже на низшей ступени варварства, в то время как данные этнографии говорят нам о том, что половозрастные классы играют важную роль в возникновении военной демократии, при разложении рода. Примером могут служить племена найду, массаи, джагга.

Доцент Д. Г. Редер познакомил собравшихся с результатами обсуждения книги В. И. Равдоникаса на кафедре древней истории Московского областного педагогического института. Члены кафедры пришли к выводу, что в книге имеется два серьезных недостатка: 1) во 2-м томе чувствуется совершенно механическое соединение археологического и этнографического материала; 2) автор небрежно использовал ценнейшие выводы Ф. Энгельса и Моргана, исказив схему периодизации истории первобытного общества и приписав свои домыслы Энгельсу. Переходя к отдельным замечаниям, Д. Г. Редер отметил, что картина развития земледелия и скотоводства дана автором поверхностно в тех случаях, когда он ссылается на древнеегипетские материалы. У Равдоникаса получается, что древний Египет не знал высшей ступени варварства, потому что в Египте поздно вошло в употребление железо. Равдоникас не учел, что у египтян был материал, заменявший им железо, — эбеновое дерево. Таким образом в Египте средняя ступень варварства знаменовалась изобретением обработки земли мотыгой, а высшая ступень — обработкой земли плугом с лемехом из эбенового дерева. Д. Г. Редер выразил сожаление по поводу того, что автор не использовал исследования советского археолога Гольмстен, доказавшей, что на территории европейской части СССР вначале был приручен мелкий скот, в лесной полосе главным образом свиньи, в степной — овцы. Приручение крупного рогатого скота произошло позднее. Египетские материалы подтверждают эти выводы. Перечислив далее частные ошибки книги, Д. Г. Редер высказал убеждение, что книга в ее настоящем виде нуждается в коренной переработке.

Выступление И. С. Гурвича касалось недочетов 1-го тома. К ним относится неправильное утверждение, будто бы Энгельс переработал схему периодизации Моргана. Крупным недостатком является также изложение метода пережитков в отрыве от этнографического материала и помещение его между лингвистической и фольклорной главами. Множество фактических ошибок и тяжелый стиль изложения мешают

книге проф. Равдоникаса служить удовлетворительным пособием по курсу истории первобытного общества.

М. Г. Левин, отметив достоинства книги как опыта построения марксистского учебника, указал на отдельные ошибочные положения. Утверждением, что северный олень — наиболее древнее домашнее животное, автор, сам того не желая, ставит себя в зависимость от концепции культурно-исторической школы, стремящейся вывести все скотоводство из оленеводства. Перечислив далее другие частные недостатки книги, М. Г. Левин перешел к рассмотрению методической стороны «Истории первобытного общества». Очень сжатая и неполная 1-я часть может быть названа введением в изучение истории первобытного общества, но не учебником истории первобытности, так как в ней отсутствует археологический материал. Во 2-й части достаточно привлечен материал этнографический, и вся она носит узко специальный характер, являясь, в сущности, руководством для археологических спецкурсов. Первая часть не дает знаний, достаточных для того, чтобы студент первого курса мог разобраться в археологических тонкостях 2-й части. Но и как руководство для спецкурсов по археологии 2-я часть также не годится, так как в ней опущен материал по СССР. Результаты обсуждения, сказал М. Г. Левин, должны убедить нас в необходимости создания силами Института этнографии учебника — Введение в этнографию.

Б. И. Шаревская выступила с критикой глав, посвященных истории религии, подчеркнув необходимость особенно серьезного отношения к этим главам, так как в книге В. И. Равдоникаса делается попытка дать изложение марксистско-ленинского учения о религии как о форме идеологии. Однако изложение не удовлетворяет требования такой важной задачи. Глава «Происхождение религии» представляет собой собрание отдельных высказываний основоположников марксизма-ленинизма о происхождении религии вне всякой связи с конкретным материалом. По мнению Б. И. Шаревской, следовало показать борьбу двух начал — религии и положительных знаний на примерах из обществ, стоящих на различных ступенях развития. При изложении материалов, посвященных происхождению религии и вообще духовной культуре, приводятся теории зарубежных авторов — Тэйлора, Фрезера, Левз-Брюля, но забыты работы русских исследователей — Штернберга и Богораза. Фольклорные и лингвистические разделы даны целиком под углом зрения теории Леви-Брюля; в тексте обильно используется его терминология (мистические силы, таинственные силы и пр.). Совершенно пропущен шаманизм; определение тотемизма ошибочно. Все примеры взяты автором из материалов зарубежной этнографии прошлого века.

В. К. Никольский предупредил собравшихся, что он выступает лишь с предвзвешенным мнением. Труд проф. Равдоникаса еще не закончен (2-й том представляется незавершенной работой, 1-й том вышел в 1939 г., а 3-й еще не готов). Однако с критикой медлить нельзя, так как «История первобытного общества» — учебное пособие, уже сейчас практически применяющееся. В. И. Равдоникас построил курс по своей программе (главы 2-го тома полностью совпадают с программой, написанной проф. Равдоникасом еще в 1938 г.), очевидно, неудачной. В соответствии со своей программой, проф. Равдоникас делит историю первобытного общества на 5 ступеней, включая особую кровнородственную общину в качестве промежуточного состояния между стадом и материнским родом. Далее, в 3-й книге автор обещает рассмотреть патриархат, военную демократию, сельскую общину, процесс образования классов и государства. Таким образом, заключил В. К. Никольский, проф. Равдоникас фактически отошел от Энгельсовской периодизации первобытного общества, и по сравнению с этим недостатком все остальные отступают на второй план. Проф. Равдоникас дезориентирует педагогические кадры периферийных вузов и студентов, подгоняя ступени культуры периодизации Моргана — Энгельса к археологической классификации материала. Крупным недостатком книги является также загруженность текста иностранными именами, приведением теорий второстепенного значения. Педагогическим кадрам и студенчеству нужен учебник, отвечающий требованиям коммунистического воспитания новых кадров историков.

На освещении В. И. Равдоникасом вопросов первобытного искусства остановился А. Н. Рейнсон-Правдин, поставивший автору в вину небрежность и излишнюю сжатость изложения материала по этому вопросу. В книге нашло отражение лишь искусство низшей ступени варварства, причем речь идет лишь о стиле искусства, роль же искусства, его общественное значение и пути развития автором не вскрыты.

Б. О. Долгих присоединился к мнению М. Г. Левина о неаправильности толкования В. И. Равдоникасом оленеводства как ранней стадии развития скотоводства, указав при этом на некоторые фактические неточности, имеющиеся в разделе об оленеводстве.

С заключительным словом выступил С. П. Толстов, выразивший сожаление, что В. И. Равдоникас не смог принять участие в обсуждении. В дискуссии, отметил С. П. Толстов, выделилось два основных комплекса вопросов: методический и теоретический. В методическом отношении книга проф. Равдоникаса представляет собой смешение курсов лекций по археологии и по истории первобытного общества. Это неправильно с педагогической и методической точек зрения, так как курс перво-

бытного общества является введением в историю древнего мира, тогда как курс археологии имеет свои специфические задачи. Автор учебника не учитывает бюджета времени студента: на курс первобытного общества отводится менее 30 часов, а учебник содержит 30 печатных листов. И как учебник истории первобытного общества, и как курс археологии книга неудовлетворительна, и появление ее не устраняет необходимости создания продуманного сжатого курса истории первобытного общества в духе концепции Ф. Энгельса.

В критике теоретических сторон книги более всего замечаний было высказано по центральной проблеме истории первобытного общества — его периодизации. С. П. Толстов не согласился с В. К. Никольским, указав, что нельзя противопоставлять археологическую периодизацию периодизации Моргана, так как обе они построены на основании развития производительных сил общества и совпадают. Основная авторская неудача в этом вопросе заключается в том, что проф. Равдоникас пытался приспособить периодизацию Моргана к своим взглядам. Для подтверждения своей схемы периодизации профессору Равдоникасу пришлось свести все племена, кроме австралийских, на низшую ступень варварства, а для иллюстрации средней ступени варварства искусственно привлечь кочевников — казахов, киргизов, калмыков и даже монголов Чингис-хана. Средняя ступень варварства выделена автором нечетко, в то время как археологами она прекрасно выделяется в неолите и энеолите и иллюстрируется культурой Триполья. В. И. Равдоникас допустил грубую теоретическую и политическую ошибку, слишком акцентировав жестокость, якобы особо присущую первобытному человеку; он не пожалел красок для описания различных ужасов скальпирования и каннибализма, которые якобы были широко распространены среди племен высшей ступени дикости и низшей ступени варварства. Автору следовало использовать дневники Н. Н. Миклухо-Маклая, который показывает разницу между миролюбием папуасов, не видевших еще белого человека, и туземцами, развращенными европейской колонизацией. Рисуя отношения между племенами уже на низшей ступени варварства, как состояние вечной войны, В. И. Равдоникас, хочет он этого или не хочет, лет воду на мельницу фашиствующих этнологов. В вопросах первобытной идеологии чувствуется зависимость В. И. Равдоникаса от Проппа и его единомышленников: выведение искусства из религии, фольклора из мифологии; концепция Леви-Брюля взята за основу и в этих вопросах и в освещении проблемы истории языка. Проф. Толстов особо подчеркнул необходимость критического подхода к подобной разработке вопросов первобытного мышления, так как в книге нашли отражение взгляды не только В. И. Равдоникаса, но и довольно большой группы историков культуры, ведущих свою концепцию еще от школы Веселовского. Из всех перечисленных недостатков книги, сказал С. П. Толстов, можно сделать следующие выводы: 1) необходима тщательная критика до выхода книг в свет; 2) так как значительная часть ошибок В. И. Равдоникаса зависит от недостаточной разработанности общих проблем этнографии и археологии, необходимо усилить теоретическую работу в среде этнографов и археологов.

И. Золотаревская

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Г. Ф. ДЕБЕЦА «ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ СССР»

29 мая 1948 г. в Институте этнографии АН СССР (Ленинград) состоялась дискуссия по обсуждению вышедшей в свет в 1948 г. книги Г. Ф. Дебца «Палеоантропология СССР».

После вступительного слова директора Института проф. С. П. Толстова, отметившего, что эта книга представляет большой интерес для работников различных специальностей, занимающихся вопросами этногенеза, выступил автор книги. Он изложил историю работы, основные принципы построения книги и главнейшие выводы.

С обстоятельной рецензией выступил доктор медицинских наук В. В. Гинзбург, подчеркнувший, что после А. П. Богданова, работавшего во второй половине прошлого века, Г. Ф. Дебец является первым, кто широко осознал значение палеоантропологии. В течение 20 лет Г. Ф. Дебец лично изучил почти весь краеведческий материал музеев Советского Союза. Автор книги подчеркивает таксономическую неравноценность отдельных изучаемых признаков и в этом отношении он является одним из основоположников советской антропологической школы, принципы и задачи которой так четко сформулировал покойный А. И. Ярхо. Дебец на многих страницах книги разоблачает, с одной стороны, антинаучные взгляды расистов, с другой, — взгляды крайних миграционистов и биометриков. В то же время Г. Ф. Дебец критикует точки зрения, схематизирующие стадиальность развития общества. Книга Дебца исторична, она показывает изменения расовых типов во времени и общее направление изменчивости

Homo Sapiens, которое сводится к брахикефализации и к грацилизации. Нет сомнения, что это стоит в связи с социальным развитием человечества, благодаря чему оно все более активно относится к природе. Автор, однако, не вскрывает механизма эпохальных изменений расовых типов. Г. Ф. Дебец убедительно показывает значение антропологического материала как исторического источника в решении проблем этногенеза. Некоторые разделы книги носят фрагментарный характер, вследствие неравномерной археологической и антропологической изученности Советского Союза. Заканчивая свое выступление, В. В. Гинзбург отмечает отсутствие предметного указателя, который необходим для рассматриваемой книги, являющейся настольным справочником. Книга представляет собой выдающиеся достижения советской науки; такой работы не проделал еще ни один антрополог в мире.

Доктор исторических наук А. П. Окладников в своем обстоятельном выступлении сказал, что выход в свет капитальной работы Г. Ф. Дебца является исключительно важным событием для работников смежных областей: этнографов, лингвистов, археологов и историков. Книга ставит широкие генетические проблемы, остро интересующие археологов и других представителей гуманитарных дисциплин; такая обобщающая свodka очень нужна. Очень важно отметить в качестве положительной стороны книги независимость суждений автора, выступающего со своими взглядами, основанными на собственном материале, при освещении общих исторических и археологических проблем. Г. Ф. Дебец выступает как биолог и решает чисто биологические вопросы, но так, что смело вторгается в соседнюю область гуманитарных дисциплин со своими оригинальными суждениями, и в целом ряде случаев его точка зрения оказывается более правильной, чем у историков и археологов. Существенно и то, что автор является не только антропологом, он наполювину и археолог. Его статья по неолиту Прибайкалья — серьезная и незаслуженно забытая работа. Естественно, что только Г. Ф. Дебец, располагающий таким большим материалом и исследовательским опытом, мог выполнить такую, первую в своем роде, обобщающую сводку, являющуюся настольной книгой для археологов. Если Богданов является отцом русской антропологии, то Г. Ф. Дебец по праву может быть назван отцом советской палеоантропологии. Значение книги не только в том, что она является образцовой сводкой накопленного материала, но главным образом, в том, что она — неиссякаемый источник новых мыслей, идей, творческих замыслов, и в этом отношении нельзя не признать, что антропологи опередили археологов.

Л. И. Лавров считает, что книга открывает перед историками ряд важнейших проблем, часть из которых разрешена автором, а другая часть поставлена. Масса проработанного материала и литературы, правильные методологические позиции дают возможность считать книгу выдающимся событием в исторической науке. Далее Л. И. Лавров отмечает, что Г. Ф. Дебец выступает в своей книге как слишком последовательный «маррист», не учитывая, что учение Марра требует коррективов — не все можно принять в его учении. В заключение Л. И. Лавров отмечает, что необходима также пространственная, антропологическая свodka современного населения Советского Союза.

В. П. Якимов отмечает, что выход в свет этой книги — выдающееся событие в русской и мировой науке. Положительным моментом является тот факт, что формирование признаков проследено не только статистическим, но и морфологическим методом. Основная ценность книги в том, что она ставит ряд вопросов, требующих исследования биологов, этнографов, археологов и антропологов. Спорным является вопрос о протомонголоидном типе с сравнительно сильно выступающим переносьем, чему противоречат данные об обломке лобной кости ребенка с Афонтовой горы. Спорным является также сам термин палеоантропология. Автор считает, что все ископаемые остатки человека относятся к палеоантропологии. Объединение всех погребенных остатков человека от XVII в. до неандертальцев под этим названием создает терминологическую путаницу. Правильнее считать, что к палеоантропологии относятся все ископаемые остатки человека до кроманьонца.

М. Г. Левин (редактор книги) выражает сожаление, что было мало высказываний по заключительной главе книги, где даны общетеоретические выводы и заново, в других совершенно позиций, освещен вопрос о кроманьонидном типе. Концепция автора о протоевропейском типе, краниологические признаки которого теперь сохранились в Скандинавии, направлена против «нордистских» теорий, рассматривающих все черепа, сходные с северо-европейскими, как доказательство миграции «северной расы».

В ходе обсуждения возник ряд вопросов, касающихся применения этнографических понятий (племя, союз племен, народ) к доисторическому населению Советского Союза.

Г. Ф. Дебец в своем заключительном слове указал, что написание этой работы было возможно только благодаря бурному расцвету научно-исследовательских институтов и музеев в послеоктябрьский период. Это дало автору возможность получить в свое распоряжение огромный краниологический и костный материал; большое значение имела помощь археологов, которые своевременно информировали автора о новых находках. Наиболее важным моментом явились методологические достижения советской науки, изучающей материал в процессе развития и взаимосвязи явлений. Неясным пока остается для автора вопрос о механизме процесса грацилизации — почему в одних местах протоморфные признаки в черепе больше задерживаются, а в других меньше.

С культурным и общественным развитием той или иной народности это не всегда согласуется.

С. П. Толстов, подводя итоги обсуждения, заявил, что работу Г. Ф. Дебеца можно оценить как крупный вклад в антропологическую науку. Критические замечания не уменьшают общей положительной ценности книги. Значимость монографии в том, что в ней поднят ряд общих вопросов, которые будят мысль, заставляют людей ставить новые проблемы. Положительным моментом работы является увязка антропологического материала с теоретическими взглядами академика Н. Я. Марра. Благодаря школе Марра возможно было создание советской школы в антропологии. Отклонение от принципиальной линии Марра в вопросах этногенеза повело бы к признанию расистской теории. Однако учение Марра не должно рассматриваться как догматическое застывшее, а должно развиваться, что и делает Г. Ф. Дебец в своей области. Выход в свет книги Г. Ф. Дебца — серьезный удар по реакционной теории зарубежных антропологов.

Закрывая заседание, С. П. Толстов высказывал пожелание антропологам — идти дальше в познании истины.

Б. Фирштейн

ЭКСПОЗИЦИОННАЯ РАБОТА МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В порядке осуществления своего пятилетнего плана Музей заново открыл в новом помещении Отдел Северной Америки. Основные коллекции этого Отдела собраны среди народностей Аляски, Калифорнии и Алеутских островов русскими путешественниками до продажи бывших русских владений Соединенным Штатам (1867 г.) и составляют одно из ценнейших собраний бывш. Кунсткамеры, так как относятся к тому времени, когда эти племена еще не подверглись губительному влиянию американской «цивилизации» и не утратили своей культуры; многие предметы являются уникальными. Вторую группу коллекций составляют сборы из районов, находящихся за пределами бывших русских владений в Америке. Большая часть их получена уже после 1917 г. путем обмена с зарубежными музеями, благодаря энергичной деятельности Л. Я. Штернберга и В. Г. Богоразы. Эта группа дает хорошее представление о культуре и быте отдельных племен.

Экспозиция состоит из следующих разделов: 1) вводная часть, 2) эскимосы, 3) алеуты, 4) северозападные индейцы, преимущественно тлингиты, 5) атабаски, преимущественно кенайцы (-тананна), 6) индейцы Калифорнии, 7) равнинные индейцы (или индейцы прерий), 8) алгонкинские племена восточных лесов, 9) ирокезы, 10) индейцы пуэбло, 11) заключительная часть.

Вводная часть экспозиции освещает вопрос о появлении человека на Американском материке, останавливая внимание на так называемой берингоморской теории заселения Америки из Азии через Берингов пролив; на археологическом материале прослежена последняя по времени волна этого переселения, а именно эскимосская. Культура древних эскимосов показана на археологических коллекциях: большая часть их собрана экспедицией Арктического института, производившей в 1945 г. рекогносцировочные раскопки в ряде пунктов Чукотского полуострова. Остальные экспонаты были собраны Бетгаком и Борисовым в начале XX в. Эти материалы полностью подтверждают гипотезу о существовании на крайнем северо-востоке Азии единой древней эскимосской культуры, распространившейся отсюда в арктические области Северной Америки. Изучение всех собранных материалов позволило С. И. Руденко установить наличие на арктическом побережье Азии всех стадий этой культуры, ранее выявленных на крайнем северо-западе Америки.

Наиболее древние находки датируются I тысячелетием до н. э. Впервые они были обнаружены в американской части Берингова пролива, на Пунукских островах, в Оквикской стоянке. Экспедицией Арктического института обнаружены на Уэлене более богатые следы той же культуры, названной по этим двум находкам узелно-оквикской. В экспозиции показаны многочисленные орудия из камня (обтесанные), оленьего рога, моржового клыка, кремня и окременелого туфа, гарпуны и другие предметы, характерные для этой стадии, иллюстрирующие технику морской и сухопутной охоты и рыбной ловли. Показаны также древнеберингоморская стадия и ее синхронный, так называемый бирнирский вариант (последние столетия до н. э. и первые н. э.) и тулепунукская стадия (V—VII—XVII вв. н. э.). Последняя демонстрируется большим числом промысловых орудий, в частности орудий сибирского происхождения.

Карта географического распространения древней культуры показывает пути и этапы продвижения ее из Азии в Америку. Небольшой комплекс предметов материальной культуры приморских чукок убедительно демонстрирует общность культуры древних и современных народов кругополярной зоны. Особый раздел вводной части посвящен открытию Америки с востока (иностранные путешественники) и с запада (русские землепроходцы). Выделен материал о Российско-Американской компании и ее главных деятелях и оттенена роль русской науки в исследовании Северно-западной Америки.

Довольно полные этнографические коллекции позволили подробно экспонировать технику, хозяйство и искусство гренландских и аляскинских эскимосов. При этом особое внимание было уделено предметам, общим для всех кругополярных народов (типичная одежда, орудия, оружие, утварь, средства передвижения и пр.). Коллекция предметов из раскопок, произведенных в Гренландии в 1924 г., представляет полную параллель археологическим предметам с Чукотского полуострова. Из особо ценных экспонатов следует указать на предметы коллекций И. Г. Вознесенского, посланного в 1839 г. Академией Наук в «Русскую Америку» для сбора естественно-научных и этнографических коллекций (художественная резьба по дереву, деревянная утварь с инкрустацией из раковин и кости, маски и другие принадлежности мистерий жителей о-ва Кадьяк). Особо выделено богатое собрание по искусству (изделия из моржовой и мамонтовой кости).

К числу ценнейших коллекций отдела (также из собрания И. Г. Вознесенского) принадлежат экспонаты, иллюстрирующие быт алеутов конца XVIII и начала XIX в. Из числа орудий морского промысла особенный интерес представляют стрелы на бобра с отскакивающими наконечниками. В промысле бобров алеуты достигли такого совершенства, что они составили основную рабочую силу в промысловых партиях Российско-Американской компании. Из предметов одежды показаны две парки¹ на мужском и женском манекенах, одинаковые по покрою, что характерно для старинной алеутской одежды. Каждая парка изготовлена из 40—60 птичьих шкурок. Из женских орудий, употребляемых при шитье одежды, интересна пекулка из камня (так называемый «женский нож»). Широкое лезвие пекулки позволяло использовать ее в качестве скребка, ножа, ножниц.

Должны быть отмечены камлени — непромокаемая промысловая одежда из кишок морских животных, надеваемая поверх парки. Одна из камлей по покрою является подражанием русской шинели с пелериной первой половины XIX в.

Исключительный интерес представляют старинные образцы плетения, привезенные И. Г. Вознесенским. Корзины, сумки, бумажники и другие предметы изготовлялись женщинами из тонко расщепленных стеблей дикорастущих трав. Материал заготавливают и сушат летом. Расщепляют его отточенным для этой цели ногтем большого пальца, получая таким образом нити не толще шелковинки. Процесс плетения показан на дополнительном иллюстративном материале. Экспонированные предметы наглядно свидетельствуют о высоком уровне техники плетения, достигающего и ныне некоторый заработок алеуткам.

Уникальное значение имеет собрание деревянных головных уборов, служивших для защиты глаз охотника от ослепительных солнечных бликов на водной поверхности. Обращают на себя внимание на этих головных уборах украшения из моржового уса, резные фигурки и пластинки из кости, а также рисунки, изображающие моменты морской охоты. Такие головные уборы были распространены только среди алеутской родовой знати и стоили очень дорого. За один убор надо было отдать байдарку или 2—3 рабов.

Рис. 1. Воин с острова св. Лаврентия в полном боевом вооружении (XVIII в.)

¹ Парка — русское название алеутской одежды из птичьих шкурок. Алеуты в своих парках, по свидетельству миссионера Вениаминова, не боялись «ни морозу, ни ветру».

Манекены (чукотский воин в пластинчатом панцире, воин с о-ва св. Лаврентия в панцире из тюленьей кожи, охотники, эскимос, добывающий огонь, алеуты в одеждах из кишок и птичьих шкурок и др.), а также карты и иллюстративный материал дополняют экспозицию арктических народов.

Из индейских групп наиболее развернуто удалось показать тлингитов (или колошей, как называли их русские). Оседлые рыболовы, обитатели покрытого лесами и изрезанного фиордами тихоокеанского побережья к югу от полуострова Аляски, тлингиты развили приемы рыбного лова, изготовление лодок, строительную технику, ткачество, изобразительное искусство (сложнейшая скульптурная резьба по дереву, резьба по кости и рогу, роспись).

Племя тлингитов делилось на две фратрии — Воронью и Волчью, их родоначальниками считались ворон и волк (показаны головные уборы обеих фратрий, раскраска лица, отражающая фратриальную принадлежность, модель тотемного столба). Фратрия состояла из нескольких родов. Каждый из них владел своими родовыми угодьями (охотничьи и рыболовными), имел своего вождя, свой тотем, т. е. свое животное-покровителя: медведя, орла, лося, кита, лягушку и др. Изображениями тотемов (или их частей) украшались дома, одежда, байдарки, предметы обихода и пр. Из отдельных предметов в этой связи обращают на себя внимание: 1) резные изображения животных, выставляемые над крышей дома (медвежья голова, изображение бобра); 2) тканый шерстяной плащ (XVIII в.) с выпущенными черными кистями, символизирующими волчьи хвосты; 3) сосуды для рыбьего жира в форме ворона, бобра, выдры и пр.

Рис. 2. Воронья пляска мужчин племени тлингитов в Аляске

Толстые шлемы являлись надежной защитой против каменных и костяных наконечников стрел. Этой же цели служил наличник (забрало) с выемками для глаз. На тело надевалась рубаха из толстой лосиной замши, у воинов-рыболовов покрытая символической росписью; поверх нее — пластинчатый панцирь из деревянных планок, соединенных тонкими сухожильными шнурами, также покрытый спереди защитной росписью (сравни панцирь из костяных пластинок у чукоц и эскимосов). Неотъемлемой частью вооружения являлся обоюдоострый кинжал с двумя лезвиями. Кожаные ножи для него носились на груди. С воинами в таком вооружении пришлось столкнуться Баранову и другим русским «землепроходцам» в начале XIX в. на северо-западном побережье Америки.

Ознакомившись с тлингитским материалом, Энгельс пришел к выводу, что ко времени прихода европейцев тлингиты стояли на высшей ступени варварства, т. е. достигли высшей ступени развития первобытно-общинного строя².

Для экономики тлингитов в прошлом характерны накопление богатств у родовой верхушки, развитое патриархальное рабство, разнообразная меновая торговля. Тлингиты

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма. Перевод, редакция и примечания В. Адоратского, Соцэкгиз, 1931, стр. 339, письмо Энгельса Марксу.

делились на «знатных», т. е. богатых, из числа которых избирались старейшины родов — «тойоны», и на бедных. В знак дружественных отношений русские власти дарили тойонам серебряные медали с надписью «Союзные России» (глинги считались независимыми и не несли никаких повинностей). Имущественное неравенство и начавшееся на его основе классовое расслоение (отмечавшееся русскими путешественниками еще в XVIII в.) среди тлингитов-колошей сказывалось и в одежде (манскены вождя и рядового члена племени), в украшениях и пр. Знатным тлингиткам прокалывали нижнюю губу и вставляли в отверстие втулку — «калужку» (из дерева, камня или кости), бедные женщины не имели права на это украшение.

Из шаманских принадлежностей тлингитов интересны серии масок — антропоморфных и звериных (шаман сменяет маску одну за другой по мере смены призываемых им духов); шаманские передники и нагрудники с изображением бобра, лягушки и др. в зависимости от родовой принадлежности шамана, а также прочие шаманские головные уборы со множеством символических деталей.

Ныне численность тлингитов под влиянием колониальной политики империализма сильно сократилась. Они лишены большей части своих земель и прежних средств существования. Многие из них работают на рыбоконсервных заводах, рудниках и пр.

Заканчивается экспозиция тлингитов выдержкой из «Правды» от 19 ноября 1947 г.: «*«Нью-Йорк, 18 ноября (ТАСС). Индейские племена тлингит и хайда в Южной Аляске предъявили правительству США иск, обвиняя его в неприятии мер для охраны принадлежащих им земель от расхищения лесными компаниями, компаниями по производству рыбных консервов и горнозаводчиками. В иске указано, что племенам принадлежало 16 млн. акров земли, из которых изъято 15 млн. акров».*

Небольшим, но очень ценным собранием замшевой одежды и оружия, давно вышедших из употребления, представлены атабаски, точнее приморская группа их из Южной Аляски, танаина (кенайцы русских источников). Эта коллекция собрана на побережье Кенайского полуострова летом 1842 г. И. Г. Вознесенским. Большого разнообразия по покрою и отделке достигает женская одежда из белой оленьей замши, украшенная шитьем из целых и расщепленных игол дикобраза. Своеобразна одежда, представляющая комбинацию обуви и штанов, завязывающаяся у пояса. Исключительно ценно собрание старинного оружия: луки, обтянутые сухожильными нитями, стрелы с костяными наконечниками, колчаны — шитые иглами дикобраза и расписной колчан с магическими изображениями животных, томагавки — боевые топоры с костяными гравированными рукоятками, кинжал характерной формы. Собрание дополняется бытовыми хозяйственными и культовыми предметами канадских атабасков, полученными из Американского музея естественной истории в Нью-Йорке (в 1905 и 1908 гг.).

С появлением английских и американских купцов, устремившихся сюда в погоне за пушниной, атабаски из свободных охотников превратились в жестоко эксплуатируемых поставщиков пушнины для торговых компаний («Компания Гудзонова залива» и др.). Современное положение туземцев Северной Канады напоминает положение сибирских «кинородцев» царской России: они вымирают от недоедания и болезней.

Колоссальную ценность представляют коллекции по племенам Центральной Калифорнии, собранные И. Г. Вознесенским в долинах рек Сакраменто и Сан-Жоахим в 1840—1841 гг., т. е. незадолго до открытия золота в Калифорнии (1848), когда туда хлынули тысячи золотоискателей. Большая часть населения Калифорнии была истреблена, некоторые племена совершенно исчезли с лица земли. Численность индейцев Калифорнии до «золотой лихорадки» была не менее 250 тыс., в наше же время их насчитывается всего 14 тыс., добывающих пропитание в качестве наемных рабочих. Экспозиция дополняется копиями акварелей из быта индейцев, зарисованных в 1816 г. близ русской колонии Росс художником, находившимся на борту брига «Рюрик», зашедшего сюда во время кругосветного плавания (под командованием Коцебу).

Основу хозяйства индейцев Калифорнии составляло собирательство, лежавшее главным образом на женщинах. Мужчины были заняты охотой; в экспозиции представлен замаскированный под оленя охотник с луком и стрелами, подкрадывающийся к добыче³. Интересна большая коллекция стрел (160 штук) с кремневыми, обсидиановыми и стекляными наконечниками, собранная И. Г. Вознесенским среди калифорнийских племен. Уникальны мужские обрядовые украшения, головные наколки из птичьих перьев, головные сетки и шпильки к ним, налобные повязки из перьев золотистого дятла, два полных обрядовых костюма родовых старейшин: один «моллок» — из кожи коршуна с крыльями и хвостом, другой — «кукшуй», представляющий большую сетку с вязанными в узелки пучочками «врановых» (вороньих) перьев, закрывающую всего человека с головой. Экспонированы и мужские обрядовые пояса с вотканными в них птичьими перышками и вапмумом⁴.

Высокого совершенства достигли индейцы в своих плетеных изделиях. Особенно хороши корзины с вплетенными яркими птичьими перышками и вапмумом, служившие для хранения украшений, головных уборов и пр.

³ Этот вид охоты в Калифорнии наблюдал французский путешественник Лаперуз еще в 1786 г.; см. Н. Чуковский, *Водители фрегатов*. М., 1947, стр. 147—148.

⁴ Вапмум — отполированные и просверленные кружочки из раковин. Ими украшали одежду, ожерелья, серьги и пр. Снизки такого вапмума служили у индейцев единицей обмена.

Равнинные индейцы населяли раньше лесостепные пространства бассейна рек Миссисипи и Миссури и занимались земледелием; лишь временами они уходили в степи (прерии) для охоты за бизонами. С приходом европейцев индейцы были оттеснены на запад, в безлесные степи, где им пришлось перейти от жизни оседлых земледельцев к кочевой жизни охотников за бизонами, ныне совершенно истребленными.

В экспозиции имеются: мужской комплекс обработки шкур и заготовки впрок пеммикана — сушеного мяса, индианка с детьми, кожаная утварь самого разнообразного назначения и выработки (бурдюк для воды, сумы для пеммикана, для сбора ягод, сундучок для хранения домашних вещей, различные сумки и сумочки для табака, для швейных принадлежностей и пр.), образцы одежды. Вождь в праздничной одежде, воин, исполняющий военную

Рис. 3. Ирокезский сахем (старейшина)

пляску «собачий танец», — дают возможность говорить об общественной жизни индейцев в прошлом. Принадлежности шаманского лечения, почитание родовой связки (военного узла), передаваемой из поколения в поколение, культ бизона, одежда, надеваемая во время «Пляски Духа», знакомят с верованиями индейцев.

Выставленные коллекции дают также возможность проследить, как в результате столкновения с европейскими захватчиками менялся весь строй жизни индейцев: с распространением европейской лошади пешая охота маскировкой сменилась конной охотой загоном; в волокушу для перевозки груза впрягалась уже не собака, а лошадь; лук вытеснялся ружьем, каменный томагавк сохранился лишь как обрядовое оружие, приняв форму медного или железного топорика, иногда в сочетании с курительной трубкой («трубка мира»); привозное сукно вытеснило прежнюю замшу, а шитье разноцветным бисером пришло на смену прежней изящной вышивке из игол дикобраза.

С середины XIX в. «Индийская страна» (земли равнинных индейцев) перестала существовать: из нее образовано было несколько штатов, а индейцы были загнаны в отведенные для них районы, так называемые резервации. К 80-м гг. XIX в., в связи с проведением трансконтинентальных железных дорог, был окончательно истреблен бизон, а резервационные индейцы переведены на полуголодные пайки и обречены влачить жалкое существование.

Индейцы восточных лесов и области Великих озер представлены алгонкинскими племенами и ирокезами. Центр экспозиции алгонкинов — охотник племени чипчевеев в берестяной皮袍е, трубя в берестяной рог, подманивает лосей-самцов к воде (осенняя охота). Зимняя охота на характерных лыжах-ракетках, столь разнообразных у ряда североамериканских племен, подсочка ранней весной кленового сока для выварки сахара, соби́рание в лодки зерен дикого риса, в изобилии произрастающего в озерах, — вот в недавнем прошлом основные источники питания алгонкинских племен, не утратившие некоторого значения и в настоящее время. Посуда из дерева и бересты, пле-

теные кошельки из шерсти и растительных волокон и небольшая коллекция одежды дополняют этот уголок экспозиции.

Огромный интерес представляют ирокезы, родовая организация которых, описанная Морганом и Энгельсом, сыграла такую большую роль для науки о развитии человеческого общества. Союз пяти ирокезских племен был некогда грозной силой; союза с ним добивались правительства соперничавших на востоке Американского материка Англии и Франции. В экспозиции обращают на себя внимание фигура вождя племени сенека в плаще, украшенном вампумом, с боевой дубинкой в руке, а также обрядовые головные уборы — рога, возлагавшиеся на вновь выбранного сахема, и убор, символизирующий окровавленный скальп. Домашняя утварь, сплетенная из кукурузных листьев, и отдельные предметы, связанные с уборкой и обработкой кукурузы, свидетельствуют об основном занятии ирокезов — земледелии; антропоморфные маски, сплетенные из этих же листьев, связаны с праздником урожая.

Индейцы-пуэбло живут на засушливом юго-западе США в общинных домах-селениях и издавна занимаются земледелием в условиях искусственного орошения. Индейцы-пуэбло одними из первых испытали все зверства конкистадоров (поход Коронадо 1540—1542 гг.), и в их же селении Таос вспыхнуло последнее восстание индейцев против захватывавших их земли американцев (1910 г.). В этой сухой стране дождь является предметом надежд и чаяний жителей, и все религиозные обряды направлены к его вызыванию. Центральная экспозиция изображает внутренность полуподземного общественного дома «кива», служащего и храмом, со входом через крышу. Во время новогодних празднеств, совпадающих с зимним солнцестоянием, индейцы-пуэбло исполняют в кива мистерии, связанные с их космогоническими представлениями, во время которых обращаются к своим предкам с просьбой об урожае и делают их изображения в виде кукол — «качина».

Из выставленных коллекций индейцев-пуэбло особого внимания заслуживает керамика. Сосуды, сделанные без гончарного круга и обжигаемые на кострах, достигают большого изящества и разнообразия по формам и росписи. Изготовление их на продажу является подсобным промыслом индейцев-пуэбло.

Заключительная часть экспозиции рисует современное положение индейцев в стране долларовой демократии и расовой дискриминации. Две большие карты показывают сравнительное распространение индейских племен в Северной Америке — в XVII и в XX вв. На первой карте туземные племена занимают весь материк, а европейцами захвачены лишь небольшие области на востоке: Новая Англия, Новая Франция и др. На второй — мы видим индейцев загнанными в резервации, находящиеся почти исключительно в западной части материка. Ряд карт и фотографий, копии старинных гравюр и рисунков самих индейцев освещают их борьбу за свою землю, сопровождавшуюся кровавыми войнами и восстаниями и закончившуюся истреблением многих племен и почти полным обезземелением уцелевших. Летопись важнейших дат в истории индейцев со времени открытия их, данная рядом с маршрутами первых грабительских экспедиций XVI в. на юго-востоке (де-Сото) и на юго-западе (Коронадо) и дополняемая картой роста США, пиктографическими записями индейцев сиу-дакота на шкуре бизона за 70 лет (с 1800 по 1870 г.) и диаграммой вымирания индейских племен, подчеркивает картину истребления индейской расы. Концовкой этой трагической истории населения огромного материка является закон 1887 г., введший частное землевладение у индейцев, в результате которого индейцы лишились $\frac{2}{3}$ своих резервационных земель; введенный по настоянию Рузвельта закон 1934 г., запрещающий разделение земли племени на индивидуальные участки, был запоздалой попыткой прекратить расхищение индейских земель.

Ряд фотографий из американских изданий (1941—1945) и выдержки из отчетов Индейского бюро иллюстрируют бедственное положение индейцев в резервациях. Об этом же говорит американский журнал «Тайм»: «На пустынной территории, заселенной племенем навахо, до 30 000 индейцев находятся под угрозой голодной смерти... К январю 1948 г., когда на территории, занимаемой навахо, выпадет снег, многие дети и старики умрут от голода и холода». Витрины с экспонированными в них изделиями индейцев в резервациях демонстрируют сувениры в ложноиндейском стиле (крохотные мокассы, берестяные лодочки, куклы, сумочки, бисерные изделия и т. п.), изготавливаемые на продажу, чтобы как-нибудь поддержать свое существование. Обложки некоторых американских книг «Столетие позора», «Дорога к исчезновению» — говорят о беспокойстве прогрессивной печати Америки по поводу катастрофического положения «исчезающей расы».

Заканчивается экспозиция выдержкой из работы Мак-Леода⁵: «Человеческие существа нельзя, как зверей, держать в заповедниках для развлечения туристов. Правительственная программа должна действовать так, как действует правительство СССР в отношении сибирских туземцев».

Е. Бломквист, Б. Липиц, Н. Шпринцин

⁵ W. C. MacLeod, *Contracts of Europe with the American Aborigines*, London, 1939.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРЫ АЛЯСКИ И ВОПРОС О ЗАСЕЛЕНИИ АМЕРИКИ

(По исследованиям 1934—1945 гг.)

Первоначальное заселение Аляски представляет большой интерес для советской науки, так как ранняя история этой территории, несомненно, была связана с историей северо-восточных областей Советского Союза. По общепринятому в настоящее время мнению, заселение Америки происходило в конце ледникового периода или в самом начале послеледникового времени и шло из Северо-Восточной Азии через Берингов пролив и через «ворота континента» — Аляску. Путь из Центральной Азии в Северную Америку открылся, вероятно, около 20 тысяч лет назад, после того как отступили ледники, которые покрывали горные цепи Северо-Восточной Азии, идущие от Лены к Охотскому морю. В начале плейстоцена на месте Берингова пролива между обоими континентами существовала суша, которая считается центром возникновения так называемой голарктической фауны: мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, бизона, овцебыка и других видов¹. Образовавшийся позже пролив, более узкий, чем современный, можно было перейти по льду, и он не мог служить препятствием для движения крупных млекопитающих, и вслед за фауной — человека².

В Северной Америке во время последнего Висконсинского оледенения ледники покрывали всю северную часть континента — от Атлантического до Тихого океана, но не представляли собой сплошного щита: существовало три отдельных центра оледенения, которые характеризовались колебаниями в отступании и наступании льдов. К югу от ледника, по границам его, а также между западными горными цепями, лежал пояс с обильными осадками, где сталкивались континентальный ледниковый и тропический воздух с Тихого океана и Мексиканского залива. Периоды плювиального максимума совпадали с наступлениями льдов и с влажными межледниковыми эпохами. Плювиальные озера и болота сухих в настоящее время юго-западных штатов исчезли, когда на севере угасли ледники.

На Аляске ледники были только на юге — на полуострове Аляска и в горных цепях; большое центральное плато и низменности вдоль Берингова моря и арктического берега не подвергались оледенению. Как и в большей части Сибири, на Аляске установлено два наступания ледников³. В непокрытой ледниками долине реки Юкона и на прибрежных низменностях Аляски существовал период «глубокого таяния», когда низменности Аляски покрылись субарктической растительностью и были доступны субарктическим видам животных, и период «глубокого промерзания», когда на центральном плато образовались слои вечной мерзлоты. В вечной мерзлоте близ Фербанкса сохранились в большом количестве кости вымерших видов крупных млекопи-

¹ А. Я. Тугаринов. Опыт истории арктической фауны Евразии, Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, 1934, стр. 55—65.

² Служивый человек Афанасий Мельников, побывавший на Чукотском мысу (мыс Дежнева) вскоре после смерти Петра I, рассказывает, что туда пришли «зубатые люди» — эскимосы с острова (Диомида), до которого лишь один день ходу; а с их острова также один день ходу до Большой Земли, т. е. Аляски (С. Марков, «Южонский ворон», 1946, стр. 205).

³ E. Antevs, The spread of the aboriginal man to North America, «Geographical Review», vol. XXV, april, 1935, стр. 307; C. O. Sauer, A geographic sketch of early man in America, «Geographical Review», vol. XXXIV, 4, october 1944, стр. 531—535.

тающих⁴. По этим остаткам можно сделать заключение, что в плейстоценовом периоде в центральной Аляске бродили стада мамонтов и бизонов, жили также мастодонт, лошадь, мускусный бык, лев, антилопа и другие виды.

Это богатство животного мира приводит к выводу, что именно на центральном плато надо искать следы древнейших переселенцев в Америку — охотников и рыболовов. Однако пути миграций, повидимому, зависели в большой степени от материальной культуры пришельцев: племена охотников и речных рыболовов должны были избрать дорогу через материк, прибрежные племена морских зверобоев двигались по берегу моря, переплывая с острова на остров до тех пор, пока не достигли Американского континента. Этот последний путь, несомненно, был более поздним⁵.

Переселение происходило, повидимому, в течение долгого времени. Охотники и рыболовы Северо-Восточной Азии нашли в центральной Аляске долины, изобиловавшие дичью, и реки, богатые рыбой, и оседали по мелким притокам ее больших водных путей, там, где еще в недавнем прошлом устраивали свои полусельские поселения индейские племена Аляски. Дальнейшее движение за ее пределы продолжалось, вероятно, в поисках новых мест охоты.

В Америке за последние годы был разработан ряд гипотез о предполагаемых путях, по которым человек мог проникнуть в глубь Американского континента. Первый из этих путей шел через полосу тундры, по берегу Ледовитого океана в дельту реки Мэкензи и далее на юг по течению этой реки к восточным склонам Скалистых гор. Во время последнего оледенения этот путь преграждался ледяным щитом вокруг Большого Невольничьего озера и освободился только после отступления ледника на Кордильерах; предполагается, что 25—15 тысяч лет назад образовался «коридор», по которому человек вслед за стадами животных двинулся к югу, в прерии Центральных равнин. Тихоокеанское побережье значительно большее время было недоступным для заселения: ледники, снежные поля и непроходимые леса спускались к самому берегу; береговая линия состояла из фиордов и горных цепей. Когда ледяной покров Кордильеров стал уменьшаться, открылись новые проходы: вдоль верхнего Юкона и его притоков, по долинам рек Лайярд и Пис, лезых притоков Мэкензи, также к восточным склонам Скалистых гор, и позже — по долине реки Фрэнгер, между цепями Скалистых и Прибрежных гор на плоскогорье Большого Бассейна⁶. За последние годы стали известны некоторые материалы, подтверждающие эти гипотезы и проливающие свет на то время, когда человек впервые появился на Американском континенте.

Спор о существовании человека в плейстоцене Америки одновременно с ископаемой фауной мамонта и мастодонта начался более ста лет назад после открытия Кохом в 1838 г. в штате Миссури «каменных топорков и наконечников стрел» вместе со скелетом мастодонта в аллювиальных отложениях долины реки Бурбег. После находок Эбботт в Трентоне (штат Нью-Джерси) в 1872 г. в гравии отвесного берега реки Делавар, где были обнаружены наряду с костями мастодонта и бизона также человеческие кости и каменные орудия, эта дискуссия возобновилась; достоверность находок оспаривалась, и большинство американских и европейских ученых отрицали существование четвертичного человека в Америке⁷. Так продолжалось до новых открытий орудий человека вместе с ископаемой фауной в юго-западных штатах.

В 1926 г. в горной долине Новой Мексики, близ городка Фолсом, впервые были встречены *in situ* в обрыве овражка (аргоу), прорезывающего дно древней долины в верхнем течении р. Сямаррон, в глинистом иле с раковинами пресноводных моллюсков, очевидно, в отложениях древнего болота, кости двадцати трех бизонов (*bison taylori*) вместе с каменными наконечниками копий, которые стали известны, как «острия типа фолсом». Одно из этих острий было обнаружено

⁴ Stephen Taber, Perennially frozen ground in Alaska, Its origin and history. «Bulletin of Geological Society in America», vol. 54, 1943, стр. 1433—1548; П. Ф. Швецов, Находки следов фолсомского человека в вечно мерзлых илах Аляски, «Природа», 1947, № 2, стр. 43—44; В. Н. Сакс, Рецензия на статью Тэбера, «Природа», 1948, № 5, стр. 83—84.

⁵ Ales Hrdlička, The coming of man from Asia in the light of recent discoveries, Annual Report of the Smithsonian Institution for the year 1935, Washington, 1936, стр. 463—470; F. G. Rainey, Archaeology in Central Alaska, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. XXXVI, p. IV, 1939, стр. 404; M. Barbeau, The Aleutian route of migration into America, «Geographical Review», July, 1945, стр. 424.

⁶ F. H. H. Roberts, Developments in the problem of North American Paleo-Indians, Essays in Historical Anthropology of North America, Published in honor of John R. Swanton, «Smithsonian Miscellaneous Collections», vol. 100, Washington, 1940 стр. 103; его же, The New World Paleo-Indian, Annual Report of the Smithsonian Institution for the year 1944, Washington, 1945, стр. 426; D. Leechman, Prehistoric Migration Route through the Yukon, The Canadian Historical Review, v. XXVII, № 4, 1946, стр. 383—390.

⁷ E. H. Sellards, Early man in America (Index to localities and selected bibliography), Bulletin of the Geological Society of America, vol. 51, Nr. 3, 1940, стр. 375.

между двух ребер бизона. Глубина залегания, около 8—12 футов, указывала на большую древность стоянки. Часть исследователей относят ее к началу голоцена, другие — к концу плейстоцена и датируют временем около 12 тысяч лет назад. Остатков жилищ найдено не было, повидимому, стоянка представляла собой временный охотничий лагерь. Такой же характер имеют и другие фолсомские местонахождения. Исключение составляет, быть может, наиболее древний из фолсомских лагерей, близ фермы Линденмейер, в 45 км к северу от форта Коллингз, в северном Колорадо, исследовавшийся с 1934 по 1939 г. Стоянка расположена на дне древней речной долины притока реки Саус Платте. Культурные остатки и нагромождения костей бизона, мамонта, верблюда, антилопы и песка залегали под конгломератом из песка, гравия и валунов на глубине от 14 до 15 футов, в слое погребенной почвы, над которой лежал слой туфа. Повидимому, так же, как и в фолсомской стоянке, в древности дно долины покрывали болота, и по сравнению с современным пустынным ландшафтом здесь была богатая растительность. Культурный слой толщиной от 15 до 30 см прослеживался на расстоянии 2 000 футов с востока на запад и 300 футов с севера на юг и состоял из золы, угля, каменных орудий и отщепов, а также разбитых и расщепленных костей. Сохранилось несколько очагов и было найдено большое количество, около 6 000, срудий и поделок: типичные фолсомские наконечники, острия другого типа (юма), разные формы скребков, сверла, долота, отбойники, костяные иглы, бусы из птичьих трубчатых костей. Повидимому, здесь существовало более постоянное поселение, чем в других фолсомских местонахождениях и орудия обрабатывались на месте, на что указывает большое количество осколков и отщепов. Однако в Линденмейер также не было обнаружено никаких остатков жилищ. По определению геологов, терраса, на которой расположена стоянка, связывается с одной из трех аллювиальных террас главных рек восточного Колорадо, которая соответствует, по мнению Антевса, стадии оледенения в США, имеющей древность около 25 тысяч лет. Археологические остатки не встречаются на более поздней террасе, возраст которой определяют в 10 тысяч лет. Таким образом, дата поселения колеблется между 10 и 25 тысячами лет, и исследователи стоянки склонны считать ее значительно древнее, чем 10 тысяч лет. Люди охотились здесь в то время, когда в горах еще существовали ледники и климат был более холодным и влажным, чем современный⁸.

Находки фолсомских наконечников стали известны за последние годы также во многих других местах юго-западных штатов: Новой Мексики, Колорадо, Уайоминга, Небраски, Техаса, Канзаса и Оклазмы.

Фолсомские охотники кочевали вслед за крупными травоядными по обширной территории вдоль восточных склонов Скалистых гор, граничащей на юге с Мексиканским заливом и на севере с канадскими провинциями Альберта и Саскачеван. Условия археологических находок показывают, что человек появился в этих местах в конце плейстоцена или в самом начале современной геологической эпохи. Климат юго-западных штатов был в то время суровым. Холодные ветры дули с гор, покрытых ледниками, мешая развитию лесов. Долины больших рек были покрыты растительностью прерий с разбросанными кое-где рощами. Люди охотились небольшими группами, главным образом на замороженного бизона, иногда на мамонта, верблюда, похожего на ламу (вида camelops), мускусного быка, лошадь, оленя, антилопу, ленивца и других животных, несомненно, занимаясь также собирательством дикорастущих трав, корней и плодов. Они устраивали свои лагеря по берегам рек и озер и в болотистых местах, удобных для крупной облавной охоты, обыкновенно под открытым небом, за исключением нескольких находок в пещерах (например в горах Гвадалупа и близ Альбукерка в Новой Мексике). Повидимому, широко применялась также охота путем загона огнем. Об этом свидетельствует, например, нагромождение костей в Бизоновом Карьере в Липскомб в Техасе, где среди массы разбитых и обожженных костей бизонов вида, близкого к *bison taylori*, найдены каменные наконечники копий фолсомского типа⁹. Крупная облавная охота, наряду с такими природными факторами, как изменение климата, несомненно, способствовала вымиранию фауны крупных травоядных — процесс, начавшийся во время существования фолсомских охотников и продолжавшийся в течение тысячелетий¹⁰. Костных остатков человека этой древнейшей эпохи в истории Нового Света до сих пор найдено не было. «Человек из Миннезоты», череп и части скелета женщины, случайно обнаруженные в отложениях ледникового озера Пеликан, и другие по-

⁸ E. Antevs, Op. cit., стр. 309; K. Bryan, Geology of the Folsom deposits in New Mexico and Colorado. Early Man, as depicted by leading authorities at the International Symposium, Academy of Natural Sciences, Philadelphia, 1937, стр. 139—152; F. H. N. Roberts, Op. cit., 1940, стр. 55—61; е го же, Op. cit., 1945, стр. 404—406; е го же, The Folsom problem in American Archaeology, Annual Report of the Smithsonian Institution for the year 1938, стр. 531—546; е го же, The Lindenmeier site in the northern Colorado contributes additional data on the Folsom complex, Smithsonian Institution, Explorations and field-work in 1937, Washington, 1938.

⁹ C. B. Schultz, Some artifacts of early man in Great Plains and adjacent areas, «American Antiquity», vol. VIII, Nr. 3. 1943, стр. 242—249.

¹⁰ O. Sauer, Op. cit., стр. 540, 543.

добные находки по мнению Грдлички, не отличаются от костных остатков современных индейцев¹¹.

Фолсомский тип острия распространен в разных вариантах на огромном пространстве от Скалистых гор до Атлантического океана и от Канады до Мексиканского залива. Эти острия были известны еще в прошлом веке и представлены в коллекциях многих американских музеев, но не обращали на себя особого внимания, так как по большей части это были находки на поверхности¹². Острия фолсом, в узком смысле, ограничены территорией вдоль восточных склонов Скалистых гор. Они отличаются высокой техникой обработки и напоминают по совершенству лучшие образцы палеолитических солютрейских острий или неолитических наконечников копий. Фолсомский наконечник представляет собой листовидное острие, оформленное прекрасной отжимной ретушью, с продольными сколами «желобками» вдоль обеих поверхностей, делавшими орудие более тонким и, повидимому, дававшими возможность вставлять его в древко. Основание орудия вогнутое, с двумя маленькими шипами по бокам; кончик иногда слегка закруглен; по краям и в основании делалась вторичная обработка тонкой ретушью. Длина острий колеблется от 17 до 115 мм; ширина — от 14 до 36 мм¹³. Большая часть наконечников, найденных в Фолсом и Линденмейер, представляет собой обломки оснований: повидимому, хрупкие орудия легко ломались и концы их оставались в теле животного, тогда как древко копья с обломком охотник приносил в лагерь. Острия типа фолсом могли служить наконечниками дротиков, которые бросали при помощи копьеметалки. Однако некоторые исследователи полагают, что употребление копьеметалки (atlatl) для охоты на бизона мало вероятно, и фолсомские острия слишком тяжелы для такого способа метания. Скорей всего они были наконечниками дротиков, которые бросали рукой, или копий, служивших главным образом для того, чтобы колоть¹⁴. Помимо наконечников в фолсомских стоянках встречаются также скребки, режущие орудия, отщепы с маленькими ретушированными остриями, служившие, вероятно, для нарезок на кости, — так называемые резцы (gravers), сверла, грубые секачи (choppers), отбойники, точильные камни из песчаника, куски гематита и охры. Большинство орудий сделано на пластинках. Известны также находки орудий и поделок из кости: острия, шилья, бусы из трубчатых костей, фрагменты с нарезками и т. д.¹⁵.

Кроме наконечников типа фолсом, на некоторых стоянках встречались другие острия — типа юма, названные так по первым находкам в Юма, в восточном Колорадо. Их находят обыкновенно на поверхности, но иногда также в отложениях, относящихся, по мнению исследователей, к позднему плейстоцену или к началу современной геологической эпохи, вместе с ископаемой фауной. В основном они распространены к востоку от территории фолсомских находок, в широкой полосе, тянущейся через западные прерии, от Техаса до Аляски. В некоторых случаях оба типа встречаются вместе. Острия юма отличаются от типа фолсом прежде всего тем, что не имеют характерных продольных сколов. Это длинные узкие пластинки с поперечным сечением в виде линзы, с отжимной ретушью, покрывающей всю поверхность в виде параллельных фасеток, которые или скошены, или же идут горизонтально, встречаясь по продольной оси и образуя как бы хребет орудия. Края острия параллельны, но в некоторых случаях приближаются к линзовидной или треугольной форме. Основание бывает вогнутое, прямое или с намечающимся черенком. Как и в фолсомских наконечниках, края основания сглажены. Размеры: длина от 29 до 150 мм, ширина — 14—36 мм¹⁶. Были найдены экземпляры типа юма с костяной рукояткой, в которую входило острие, так что основание являлось рабочим краем орудия. Поэтому некоторые авторы называют наконечники типа юма «фолсомским ножом»¹⁷. Их можно сопоставить с остриями Серовской стадии байкальского неолита, опубликованными А. П. Окладниковым¹⁸. Несомненно, что наконечники юма надолго пережили фолсомский тип, но есть указания на то, что они могли быть даже более древними. В песчаных дюнах Небраски, где ветер обнажает постепенно все более древние слои, вначале открываются острия типа фолсом и еще глубже — юма. В некоторых местах эти последние были встречены *in situ*, вместе с остатками вымершего вида бизона. Так, в Скоттс Блэф в Небраске были открыты в древнем речном русле, в слое гравия, под 12—17 футами отложений древнего золотого происхождения, вместе с тридцатью скелетами ископаемого вида бизона (*bison antiquus*), угольками и отщепами,

¹¹ A. Hrdlička. Early man in America. What have the bones to say? «Early Man», 1937, стр. 95—104.

¹² W. Beauchamp, Aboriginal chipped stone implements of New York, «Bulletin of the New York State Museum», vol. 4, Nr. 16, 1897, стр. 21.

¹³ H. E. Fishel, Folsom and Yuma culture finds, «American Antiquity», vol. IV, No. 3, 1939, стр. 235.

¹⁴ C. O. Sauer, Op. cit., стр. 542.

¹⁵ F. H. N. Roberts, Op. cit., 1940, стр. 55, 56.

¹⁶ Fishel, Op. cit., стр. 237.

¹⁷ Roberts, Op. cit., 1940, стр. 61—66.

¹⁸ А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, «Вестник древней истории», 1/2, 1938, стр. 249, рис. 5.

несколько каменных орудий, в том числе четыре наконечника типа юма¹⁹. Точно также *in situ* на обширной дюнной территории в Уайоминге, в 4,5 милях к востоку от города Иден была обнаружена стоянка (Финлэй) с острями особого типа юма — с черенком, вместе с костями бизона, из которых многие были намеренно расколоты. Культурный слой залегал в глинисто-песчаных отложениях, которые, по мнению геологов, относятся к послеледниковому времени²⁰.

Острия типа фолсом и юма известны и на территории Канады. В 1937—1938 гг. университет Новой Мексики направил туда специальную экспедицию с целью археологической разведки и изучения имеющихся там коллекций каменных орудий. Наконечники типа юма были найдены в 60 милях к югу от города Эдмонтон в провинции

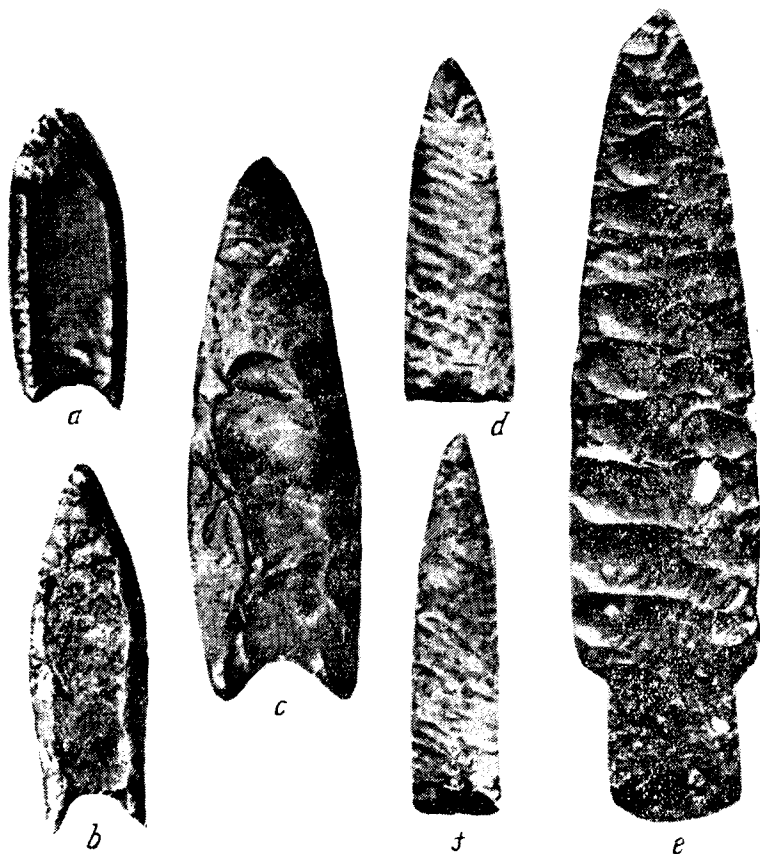

Рис. 1. Острия типа фолсом (a, b, c) и юма (d, e, f). С. В. Schultz, *The first Americans*, „Natural History“, v. 42, 1938, стр. 346, 355

Альберта. Фолсомские острия вместе с юма были обнаружены в коллекции, собранной в окрестностях Калгари и далее к востоку, до города Реджина. В южной части провинции Саскачеван, к северо-западу и юго-западу от Реджина, в области вокруг ледникового озера Реджина, оба типа наконечников встречаются в условиях, сходных с теми, которые существовали, например, в известном местонахождении близ города Кловис в Новой Мексике. Их находили в «выдувах» и на дне древних высохших бассейнов, обнаженных ветром. Канадские наконечники сделаны из халцедона и яшмы и по своей форме совершенно сходны с типичными остриями фолсом и юма из Новой Мексики, Техаса, Колорадо и Небраски. Вместе с ними находили и другие орудия фолсомского комплекса, например: небольшие скребочки и резцы (*gravers*), точно такие же, как в типичных стоянках — Линденмейер и Кловис. В выдувах попало много костей бизона, но без прямой связи с орудиями. Костей мамонта найдено не

¹⁹ С. В. Schultz, *The first Americans*, «Natural History», vol. 42, 1938, стр. 354.

²⁰ E. V. Howard, *The Finley site. Discovery of Yuma points in situ, near Eden, Wyoming*, «American Antiquity», vol. VIII, 3, January 1943, стр. 224—234; J. T. Hack, *Antiquity of Finley site*, *Ibid.*, стр. 235—241.

было²¹. Материалом древних охотничьих орудий типов фолсом и юма служили кремль, кварцит, агат, яшма, халцедон и др. Техника обработки стояла очень высоко (рис. 1).

Существует также переходный тип остря, сходный по форме с юма, но с другим характером оббивки: фасетки лишь приблизительно параллельны и идут горизонтально через всю поверхность. Его называют иногда типом «фолсом без желобка» (Unfluted Folsom); в некоторых случаях это острие встречается вместе с типичными наконечниками фолсом и юма и ископаемой фауной. Некоторые авторы считают его древнейшим типом, из которого впоследствии развились типы фолсом и юма²². В послевоенные годы университет Новой Мексики вел исследование пещер близ Альбукерка. В пещере Сандия глубоко под слоем травертина, который совершенно изолировал лежащие ниже слои, были обнаружены два культурных слоя с костями ископаемых животных, разделенных стерильной прослойкой. В верхнем были встречены типичные фолсомские наконечники, в нижнем найден очаг, обожженный камнями, обожженные кости, осколки кремня, заточенные обломки кости и каменные наконечники упомянутого обобщенного типа, иногда с выемкой у основания. Одно такое орудие лежало на краю очага. Это были остатки стоянки человека, охотившегося на мамонта, лошадь и верблюда еще до появления фолсомских охотников²³.

Остатки этой ранней охотничьей культуры встречаются обыкновенно в местностях, которые в настоящее время характеризуются сухим климатом, но в древности были влажными. Таковы, например, находки на дне илистых отложений (Elm Creek Silts) в Эбиле в Техасе и на древних берегах озера Мохэв в Калифорнии, относящиеся к плейстоценовому периоду. Антевс датирует его для Калифорнии временем от 25 до 20 тысяч лет назад, а орудия со дна исчезнувшего озера Мохэв — 15 тысяч лет. Ту же древность разные авторы приписывают наконечникам из Эбиле, что, однако, остается спорным. Грубо оббитые каменные орудия были найдены на самом севере предполагаемого пути древнего человека из Аляски на юг континента — в 80 милях от арктического берега, близ озера Лун, на террасах, на вершине перевала между бассейнами рек Юкон и Мэкензи. По типу эти орудия сходны с комплексом озера Мохэв, но наконечников среди них обнаружено не было²⁴.

Переход к голоцену в Северной Америке, по мнению Антевса, совершился около 10 тысяч лет назад. Типичные фолсомские стоянки, как, например, Кловис в Новой Мексике, он относит ко времени около 12—13 тысяч лет назад, т. е. к концу плейстоцена²⁵.

Таким образом, существование плейстоценового человека в Северной Америке более не вызывает сомнений.

Откуда появился человек на территории юго-западных штатов? Были ли первые поселенцы собирателями или охотниками? Развился ли своеобразный охотничий инвентарь с острями типа фолсом и юма на почве Америки или был принесен пришельцами из Азии? В предвоенные годы американские археологи ставили перед собой эти вопросы и даже пытались проследить пути «первых американцев». На Аляске эти исследования продолжались и во время войны в связи с постройкой стратегической Большой Дороги, которая, начинаясь на границе Альберты (Канада), идет к северу через центральную Аляску к городу Ном. Археологические работы в центральной Аляске велись и раньше. В 1926 и 1929 гг. Грдличка произвел разведки в долине Юкона, но его находки, в том числе грубо оббитые каменные скребки из Бонасила на нижнем Юконе, относились к доисторической культуре атапасков²⁶. В 1935 г. в долине Юкона работала экспедиция Музея Пенсильванского университета. Специальной целью ее было установить путь, по которому первые переселенцы вступили на Американский континент. Исследования велись между устьем реки Тэзна и Св. Крестом на нижнем Юконе, включая долину р. Койюкук. Однако экспедиция, собравшая большой материал в доисторических поселениях атапасков и эскимосов, не нашла никаких следов более древнего населения Аляски²⁷. Такие же отрицатель-

²¹ E. B. Howard, Folsom and Yuma points from Saskatchewan, «American Antiquity», vol. IV, No. 3, January 1939, стр. 277—279; W. L. Bliss, Early man in western and north-western Canada, «Science», vol. 89, № 2312, 1939, стр. 365—366; Sellards, Op. cit., стр. 376.

²² Roberts, Op. cit., 1940, стр. 66—67.

²³ F. C. Hibben, Our search for the earliest Americans, «Harper's Magazine», 1944, стр. 139—147; его же. We found the home of the first Americans, «Saturday Evening Post», CCXVII (41), April 7, 1945; Ф. Гиббен, Первые люди в Америке, «Америка», № 4, стр. 47; Pablo Martinez del Rio, Los origines Americanos, Mexico, 1943; Roberts, Op. cit., 1945, стр. 407, 408.

²⁴ W. L. Bliss, Op. cit., стр. 365—366.

²⁵ E. Antevs, Op. cit., стр. 309; его же. Climate and early man in North America, «Early Man», 1937, стр. 125—132; John C. McGregor, Southwestern Archaeology, New York—London, 1941, стр. 108—117.

²⁶ A. Hrdlička, Anthropological investigations in Alaska, «46-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology», Washington, 1930 (статья H. W. Krieger).

²⁷ Frederika De Laguna, An archaeological reconnaissance of the middle and lower Yukon Valley, Alaska, «American Antiquity», vol. II, No. 1, стр. 6—12.

ные результаты дали разведочные работы Коллинза в 1937 г. по берегам Аляски вдоль Берингова пролива и Ледовитого океана, где не было найдено никаких археологических остатков, кроме древнеэскимосских. Повидимому, если они и существовали, то впоследствии были затоплены морем²⁸. В 1936—1937 гг. Американский музей естественной истории и университет Аляски направили экспедицию под руководством Ф. Рейни для изучения долин рек Медной, Тэнэна и Юкона. Археологические разведки по рекам касались главным образом древних поселений уже редкого здесь индейского населения, но, благодаря случайным находкам на поверхности и золото-промышленным работам, были обнаружены еще более древние остатки: каменные орудия и кости вымерших видов животных, которые в некоторых пунктах встречались *in situ*²⁹.

Исследования 1936—1937 гг. установили следующие основные группы археологических находок в центральной Аляске: 1) исторические и доисторические поселения атапасков, содержавшие остатки жилищ, костяные и оббитые каменные орудия, медные орудия и бусы, полученные путем обмена; 2) очаги и кухонные кучи с каменными орудиями и керамикой; 3) очаги и «мастерские» с каменными орудиями и отщепами, без каких-либо других остатков обитания.

К группе «мастерских» Рейни относит, главным образом, находки на поверхности: оббитые орудия из кремня, кремнистого сланца, халцедона, обсидиана и метериолита, не связанные с кухонными отбросами, но изредка встречающиеся в очагах. Так, в долине реки Тэнэна, близ устья реки Гудпластер, было встречено на поверхности двадцать орудий: тонкие и более грубые пластинки, боковые полукруглые скребки, ретушированные лезвия. Отдельные находки каменных орудий (концевые скребки) были сделаны также на правом берегу реки Чина, в 7 милях выше Фербэнкса, и по дороге вдоль озера Хардинг, в 40 милях к юго-востоку от Фербэнкса. Это были боковые скребки и овальные орудия, обработанные с обеих поверхностей крупными сколами; они, повидимому, попали сюда вместе с гравием с берега озера Хардинг во время дорожных работ. В долине центрального Юкона находки на поверхности отмечены вдоль берега притока Бэрч и близ горячих источников в Сэркл. Встречаются наконечники стрел, клив и ножи из кремня, кварца и базальта. Близ порогов Рампэрт, на правом берегу Юкона, в 40 милях от устья р. Тэнэна, в обрыве берега, на глубине 3—4 м от поверхности Рейни раскопал два очага, в которых обнаружил около 75 отщепов и 11 орудий (боковые скребочки, маленький лавролистный наконечник и другие типы) из кремня, обсидиана и халцедона, а также один фрагмент рога американского лоса со следами обработки. Ни одно из местонахождений этого типа не было связано с выходами кремня или какого-нибудь другого материала. Таким образом, его, вероятно, приносили сюда для обработки из других мест.

Наиболее значительным памятником этого типа является стоянка на спортивной площадке университета Аляски. Здесь в 1933 г. было найдено первое каменное орудие. Раскопки велись университетом Аляски в 1934—1936 гг. Университет расположен на восточном конце мыса высотой около 20 м, который выдается в долину с целым лабиринтом болот, при слиянии рек Чина и Тэнэна у Фербэнкса. Повидимому, в древности стоянка лежала близ старого русла реки Чина, от которого остался ряд маленьких озер. Большая часть находок была сосредоточена к востоку от главного здания университета, по склону возвышенности, откуда открывается вид на долину. Отдельные находки были также сделаны на полях университетской фермы на расстоянии одной мили от главного здания. На университетском холме был прорыт ряд траншей и на прилегающих полях заложены пробные раскопы. В траншеях на глубине около 40 см обнаружено было скалистое основание холма, выше лежала красноватая преслойка, покрытая сверху тонким слоем дерна. Ни очагов, ни кухонных отбросов найдено не было. Каменные орудия и осколки встречались главным образом, в красноватом слое, на глубине от 10 до 30 см, хотя попадались и в дерне. Условия находок не дают оснований предполагать большую древность стоянки, хотя образование почвы в этом районе представляет собой исключительно медленный процесс. Находки занимают округлую, почти ровную площадку, около 60 футов в диаметре; слой имеет толщину около 18 дюймов. Большое количество гальки и других материалов для выделки орудий, преобладание отщепов и осколков, отсутствие всяких следов обитания указывает, по мнению Рейни, на то, что стоянка представляла собой мастерскую каменных орудий и что, если здесь было поселение, то оно должно было находиться где-нибудь вблизи на низменности³⁰. Всего из раскопок на Университетской Площадке в 1934—1935 гг.³¹ и в 1936 г.³² было собрано около 1300, преимущественно отщепов и осколков из кварца, кварцита, яшмы, обсидиана, базальта, сланца, агата и кремня. Преобладали отбросы производства, а также ретушированные отще-

²⁸ Н. В. С., *Arctic Area*, «*American Antiquity*», vol. II, No. 4, 1937, стр. 307—308.

²⁹ Rainey, *Op. cit.*, стр. 351—405; его же, *Archaeological Investigations in Central Alaska*, «*American Antiquity*», v. V, № 4, 1940, стр. 299—308.

³⁰ Rainey, *Op. cit.*, 1939, стр. 381—389; его же, *Op. cit.*, 1940, стр. 302.

³¹ N. C. Nelson, *Notes on cultural relations between Asia and America*, «*American Antiquity*», vol. 2, 1937, стр. 267—272.

³² Rainey, *Op. cit.*, 1939, стр. 381—388.

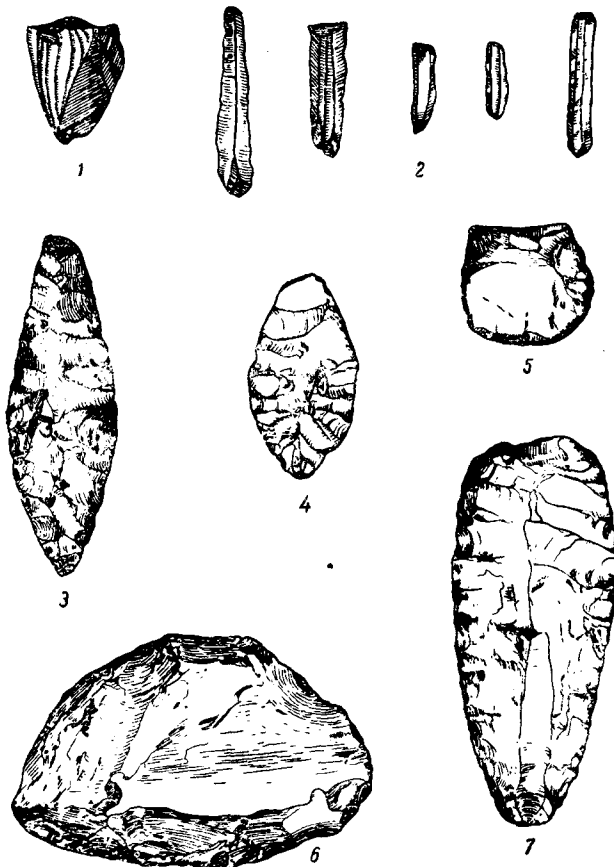

Рис. 2. Каменные орудия стоянки на Университетской Площадке, Фербэнкс, Аляска:

1 — нуклеус, 2 — призматические пластинки, 3 — кремневое острие, 4 — обсидиановое острие, 5 — концевой скребок, 6 — боковой скребок, 7 — лезвие, ретушированное с одной поверхности. F. Rainey, *Archaeological investigations in Central Alaska*, „*American Antiquity*“, v. V, № 4, 1940, стр. 302

пы и фрагменты орудий. К числу целых орудий относятся маленькие: концевые скребки, боковые скребки с прямыми вогнутыми или выпуклыми ретушированными краями, ретушированные пластинки служившие ножами или наконечниками копий, иногда оббитые с одной или обеих поверхностей, грубо оббитые крупные «секачи» (cleavers), ретушированные по краям и заостренные на конце; наконечники с прямым основанием, черенком или с боковыми выемками, один отбойник, полировальный камень из вулканического туфа и, наконец, характерные маленькие полиэдрические нуклеусы и снятые с них мелкие призматические пластинки. Оббитые острия и боковые скребки широко распространены на Американском континенте. Маленькие концевые скребки встречаются в большом количестве в кухонных кучах старого поселения атапасков в верхней части долины р. Тэнэна — Дикстэда. Там же, в самых древних слоях кухонных куч изредка попадаются и полиэдрические нуклеусы и призматические пластинки. Но другие типы орудий не совпадают с находками на Университетской Площадке, где полиэдрические нуклеусы, снятые с них мелкие пластинки и концевые скребочки являются основными типами. В отличие от древних атапаскских поселений, в мастерской каменных орудий на Университетской Площадке не встречается также никаких изделий из металла, кости и рога³³. Инвентарь стоянки на Университетской Площадке, как полагает изучавший его Нельсон, имеет большое сходство с многочисленными находками каменных орудий мезолитического типа в Монголии. В пусты-

³³ Небольшая коллекция орудий Университетской Площадки находится в Гос. Музее Антропологии (Москва).

не Гоби, в местности Шабарак-Усу, в неглубоких долинах между «мертвых», разрушающихся дюн, там, где обнажилось дно из песчаника, Центральноазиатская экспедиция 1925—1928 гг. открыла неолитические и донеолитические стоянки и «мастерские» с многочисленными каменными орудиями и отбросами производства — из яшмы, халцедона, кремнистого известняка, шифера и других пород. Среди орудий наиболее типичными были: небольшие заостренные нуклеусы, тонкие призматические пластинки, снятые с них, и маленькие продолговатые и закругленные скребочки. Это сходство в инвентаре, по мнению Нельсона, указывает на возможность культурной связи между Азией и Америкой еще в донеолитическое время³⁴ (рис. 2).

Особенный интерес представляют находки ископаемой фауны и древних каменных орудий на золотых приисках Аляски, где они иногда попадают *in situ*³⁵. Разработки золота ведутся в настоящее время вблизи городов: Фербэнкс, Сэркл и Ном, у Горячих источников в долине реки Тэнэна, в районе Даусона на реке Юкон и в других местах, главным образом по берегам притоков больших водных путей Аляски. Золото добывается из гравия, погребенного под слоем вечной мерзлоты в илистых отложениях, которые несут местное название «мак» (*muck*) и достигают от 1 до 45 м толщиной. Мощные гидравлические машины размывают поверхностный почвенный слой и обнажают для таяния слою мерзлоты со включением линз гравия, песка, вулканического пепла и торфа. В этих слоях встречаются также растительные остатки, ракушки пресноводных моллюсков, диатомовые водоросли и большое количество костей млекопитающих, среди которых, помимо существующих ныне видов, находят кости мамонта, мастодонта, бизона, мускусного быка, льва, верблюда и других животных плейстоценового периода. Кости встречаются в замерзшем виде, иногда с остатками мяса и кожи. Так, в 1937 г. вблизи Фербэнкса была найдена целая шкура бизона с сохранившимися волосами. Остатки фауны залегают обыкновенно в нижних слоях мерзлоты. Положение каменных орудий в этих слоях в процессе промывания и таяния определить трудно, если только их не удастся обнаружить в нерастаявших остатках слоя мерзлоты вместе с ископаемой фауной. Стратиграфия и самое происхождение вечномерзлых илистых слоев пока не выяснены. По мнению Рейни, их отложение можно объяснить поочередным замерзанием и таянием почвы на склонах возвышенностей (которое и теперь наблюдается в центральной Аляске) и сползанием продуктов таяния в широкие долины ледниковых потоков. Таким образом, растительные и животные остатки в иле покрывались все новыми наносами или же они сползали сюда, вниз по склонам, в разные периоды времени³⁶. Другие исследователи центральной Аляски иначе представляют себе образование этих слоев и полагают, что это — лёссовидный материал; начало его происхождению давали наносы соседних ледников. Слои вечномерзлых илов особенно хорошо известны в районе Фербэнкса, Сэркла и других золотопромышленных центров, но они встречаются также на нижней Юконе, на реках Койюкук, Кэскоквим и во многих местах вдоль арктического берега, т. е. распространяются с большей или меньшей мощностью по всей территории Аляски, не покрытой древним оледенением, сосредоточиваясь обыкновенно в долинах рек. Кроме аморфного материала, вечномерзлые илы содержат в себе, как уже упоминалось, вулканический пепел, линзы чистого льда, животные и растительные остатки. Известно много фактов, указывающих на то, что по крайней мере часть этого материала была отложена в катастрофических условиях: разбросанные кости млекопитающих с разорванными остатками сухожилий и мяса, скрученные и расщепленные стволы деревьев — все это нагромождено в виде беспорядочных смерзшихся масс. Однако в некоторых местах замечается стабилизация илистых слоев; они покрыты сверху торфом, и есть указания на существование здесь лесов в течение более или менее длительных периодов. Таким образом, процесс отложения вечномерзлых илов Аляски был очень сложным и они образовались не в одно время. Это подтверждается еще и тем обстоятельством, что местами в них можно различить до четырех прослоек вулканического пепла. История первобытного человека на Аляске тесно связана с существованием крупных млекопитающих, остатки которых встречаются в илистых слоях, и стоянки его подвергались тем же катастрофам и разрушениям. Этим, может быть, и объясняется отсутствие в отложениях ила всяких признаков культурного слоя, за исключением редких находок обожженных камней и костей³⁷.

В 1933—1936 гг. при промывке вечномерзлых илов на золотых приисках в Голдстрим в окрестностях Фербэнкса было найдено несколько орудий из кости и камня, причем условия находок в каждом случае указывали на то, что они происходили из

³⁴ N. C. Nelson, *The Dune-Dwellers of the Gobi*, «Natural History», vol. 26 New York, 1926, стр. 246; его же, *Early migrations of Man to America*, *Natural History*, vol. 35, 1935, стр. 356.

³⁵ Rainey, *Op. cit.*, 1939, стр. 390—401; его же, *Op. cit.*, 1940, стр. 305—307.

³⁶ Rainey, *Op. cit.*, 1939, стр. 391.

³⁷ F. C. Hibben, *Evidences of early man in Alaska*, «American Antiquity», vol. VIII, No. 3, 1943, стр. 255—256; J. B. Meritt, *The Yukon Tanana Region*, «Alaska. Geological Survey», Bull. 872, 1937; J. L. Giddings, *Buried wood from Fairbanks, Alaska, Tree Ring «Bulletin»*, vol. 4, No. 4, 1938, стр. 3—6 (ссылку см. Hibben, *Op. cit.*, стр. 255); Швецов, *Указ. раб.*, стр. 44.

слоев, лежавших на большой глубине, где были обнаружены также многочисленные остатки плейстоценовой фауны. К числу этих находок относятся: 1. Два костяных острья, длиной 28 и 17 см, которые служили, по видимому, наконечниками копий, так как один конец у каждого из них был обработан нарезками для укрепления в рукоятке. Они были добыты из нерастающего остатка мерзлоты, из линзовидной прослойки гравия вместе с многочисленными костями вымерших видов животных, в том числе мамонта. По мнению Рейни, эти орудия сходны с костяными острьями, найденными в Новой Мексике вместе с костями мамонта³⁸. 2. Острие из кремнистого сланца (chert) с вогнутым основанием, сходное с наконечниками типа юма из известного местонахождения близ Кловис в Новой Мексике³⁹. Оно также, по видимому, было вымыто из слоя мерзлоты на глубине от 4 до 18 метров. 3. Два острья или лезвия из кремнистого аржилита и метеоролита, обработанные с обеих поверхностей. Первое было заострено на одном конце, второе — на обоих концах и имело острье края. Оба найдены после размывания слоя мерзлоты. 4. Наконечник стрелы с черенком из черного роствика; по описаниям он был найден в гравии на глубине 24 м от поверхности почвы. Подобные находки, иногда *in situ*, были сделаны и на других золотых приисках в окрестностях Фербанкса в долинах небольших речек, где в слоях вечной мерзлоты встречается много ископаемой фауны.

Наиболее интересные исследования проводились в 1936—1937 гг. в Эстер на разработках золотопромышленной компании г. Фербанкса. На небольшом пространстве в основании слоя вечной мерзлоты в долине речки Эстер близ Фербанкса, на глубине 20 м от поверхности, были найдены обожженные камни и орудия вместе с костями мастодонта, мамонта, бизона и лошади. В 1936 г. после того, как толстый илстый слой был удален промыванием, один из работников компании заметил, что из нерастающего ледяного блока выступает тупой конец кремневой пластинки, которая своим острием как будто торчала в кости. Кость, освобожденная от льда, оказалась частью черепа молодого мастодонта, а кремневое острие лежало в углублении челюсти. Острие длиной в 10 см, обработанное с обеих поверхностей правильными сколами, с продольным хребтом и слегка вогнутым основанием, напоминало наконечники типа юма, которые в Новой Мексике (например, близ Кловис) часто встречались в непосредственной связи с костями мастодонта⁴⁰. Второе подобное орудие было найдено на том же уровне, на расстоянии 3 м от первого, также *in situ*. В 1937 г. были обнаружены у самого основания вечной мерзлоты ила на глубине около 20 м от поверхности, в слое, богатом остатками плейстоценовой фауны (мастодонт, мамонт, бизон и лошади), более сотни зубов молодого мастодонта, рассеянных на пространстве в несколько метров в диаметре. Тут же было много обожженных обломков кости и два костяных орудия: заостренный в виде шила обломок кости лошади и обломок бивня молодого мамонта, 8 см в диаметре, обработанный в виде овального скребка. Оба орудия найдены вмержшими в слой. Из других находок надо отметить кремневый наконечник с черенком, найденный на небольшом расстоянии от первых двух наконечников и, по видимому, на том же уровне, первоначальное положение которого, однако, установить не удалось. Интересны также находки, сделанные в Эстер в 1936 и 1938 гг. Это два ножа из полированного сланца; один из них, вставленный в рукоятку из моржового клыка и укрепленный китовым усом, представляет собой типичный эскимосский «женский нож» (oolak). Два других орудия — маленький концевой скребок и ретушированный отщеп — напоминают инвентарь описанных выше «мастерских». Ни один из этих предметов не был найден *in situ* (рис. 3).

«Поиски древних американцев», как озаглавил свою работу руководитель экспедиции университета Новой Мексики, были продолжены на Аляске в 1941 г.⁴¹ За несколько лет до этого в городе Кетчикан, в лавке антиквара среди эскимосских вещей был обнаружен совершенно особый по типу кремневый наконечник, сходный с острьями юма. Выяснилось, что его нашел на северном берегу залива Кука рыбак из города Сельдовии. Ввиду того, что находка наконечника была сделана на юге Аляски, экспедиция двинулась с юга по берегу Британской Колумбии. Были обследованы территории: к северу от залива Кука, область южного Юкона на 100 миль в окружности вокруг города Койюк и отложения вечной мерзлых илов на золотых приисках в окрестностях Фербанкса. На полуострове Кенэй рыбаки сообщили экспедиции, что они часто находили каменные орудия вместе с костями животных на берегу Чинитна, маленькой, не отмеченной на картах бухточки, в северной части

³⁸ «Science News Letters», March, 1937 (ссылка у Rainey, Op. cit., 1939, стр. 394).

³⁹ E. B. Howard, Evidence of Early Man in North America, «Museum Journal of the University of Pennsylvania», v. 24, No. 2—3, 1935 (ссылка у Rainey, Op. cit., стр. 334).

⁴⁰ Ibid., табл. XXXIX, стр. 1.

⁴¹ F. C. Hibben, Our search for the earliest Americans, «Harper's Magazine», July 1944, стр. 139—147; его же, Первые люди в Америке, «Америка», № 4, стр. 47; его же, Evidences of Early Man in Alaska, «American Antiquity», v. VIII, No. 3, 1943, стр. 254—259.

залива Кука. Местность эта вулканическая; на север от бухты находится действующий вулкан — гора Илиамна. Сильные юго-восточные штормы непрерывно разрушают берег, но тем не менее на восточном берегу бухты, в разрушенных геологических отложениях, экспедиция сразу обнаружила остатки стоянки: выступавшие наружу куски промерзшего дерева, обожженные кости мамонта, угли, осколки из красноватого кремнистого известняка и, наконец, остря, подобные наконечнику из Кетчикана (рис. 4). Культурный слой стоянки, частью обнаженный благодаря размыванию берега, прослеживался по берегу бухты на расстоянии около $1\frac{1}{2}$ мили и представлял собой темную прослойку, лежащую на твердой голубой глине. Каменные осколки были сгруппированы в виде отдельных скоплений вдоль всей стоянки, отмечая как бы места обработки орудий. По мнению автора, некоторые из этих осколков и отщепов

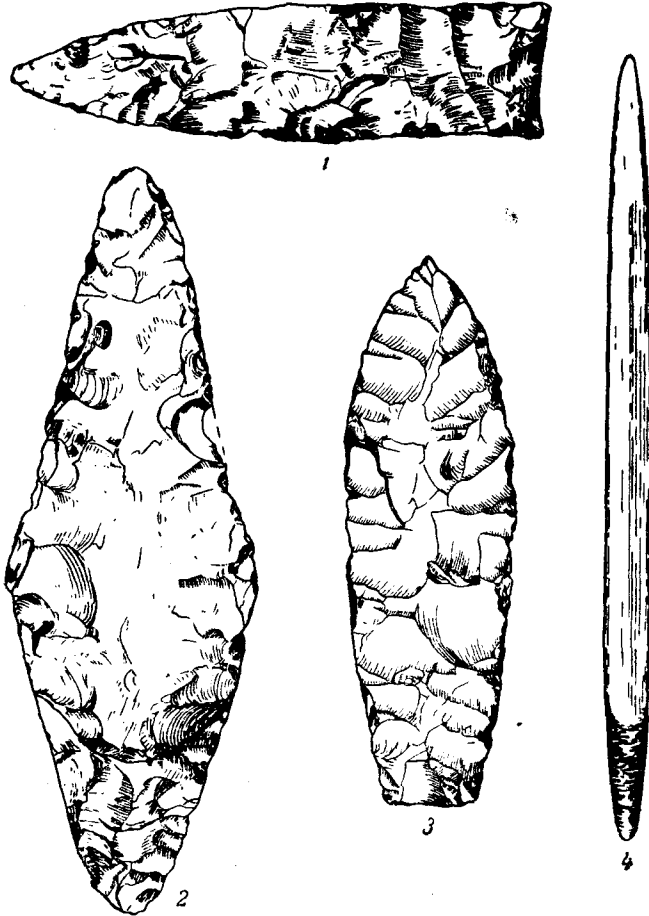

Рис. 3. Орудия, найденные в плейстоценовых отложениях р. Тэнэна:

1, 2 — кремневые лезвия (Голдстрим); 3 — кремневое лезвие, найденное вместе с черепом мастодонта на Эстер Крик; 4 — полированное костяное орудие (Гольстрим). F. Rainey, Op. cit., 1940, стр. 307

со следами ретуши могли служить ножами, другие напоминали резцы (gravers). В юго-восточном конце стоянки близ устья ручья, где была сделана первая находка наконечника рыбаком из Сельдовии, встречаются обожженные куски дерева. Костей сохранилось очень мало и определить удалось только кости мамонта. Выше культурных остатков лежал лёссовидный слой, толщиной от 4 футов на юге стоянки и до 22 футов на севере. Сверху местами шла прослойка вулканического пепла толщиной в 3 дм., которую покрывал слой торфа позднего происхождения. Культурный слой стоянки (если только это было одно поселение) шел с подъемами и понижениями так, как будто культурные остатки располагались на низких холмах вдоль берега (рис. 5).

Коренные жители Аляски и золотопромышленники, к которым обращались участники экспедиции, когда намечали свой дальнейший маршрут, указывали, что каменные орудия и кости вымерших видов животных чаще всего встречаются в районе Фербэнкса. Экспедиция 1941 г. обследовала золотые прииски у Фербэнкса и пришла к

заклучению, что многочисленные остатки ископаемой фауны, обнаруженные здесь в вечномёрзлых илах, принадлежат к тем же видам, что и в Новой Мексике. Как уже упоминалось, в слое мерзлоты кости сохранялись настолько хорошо, что на них оставались куски кожи и мяса. Участники экспедиции решились даже попробовать вареное мясо мамонта, которое они нашли волокнистым и очень жестким, почти черного цвета. Наиболее интересной находкой был вмёрзший в слой ила наконечник из красноватого кварцита. Он был обнаружен на глубине 25 м от поверхности, на расстоянии около 1 м от челюсти ископаемого льва (*felix atrox alaskensis*) близ

Рис. 4. Наконечник типа юма, найденный *in situ* в бухте Чинитна, залив Кука. F. C. Hibben, *Evidences of Early Man in Alaska*, „American Antiquity“, V, VIII, № 3, 1943, табл. XIVa

Крипл Крик у Фербанкса. Это было точно такое же орудие, как наконечник с юга Аляски, найденный у антиквара, — типа юма или, точнее, типа юма с черенком, открытого *in situ* на стоянке Финлей, близ города Иден в Уайоминге. Только в одном случае, в окрестностях Сэркля на Аляске, золотонкателем был найден наконечник, сходный с типом фолсом. Впрочем, как видно на таблице Гиббена, фолсомский «же-лобок» здесь только намечается (рис. 6).

Мировая война прервала работы экспедиции, но археологические исследования центральной Аляски возобновились уже в 1942 г. в связи с постройкой стратегической Большой Дороги Аляски⁴². Первая разведка не дала результатов. В 1944 г. работа была продолжена комплексной экспедицией⁴³. Исследования начались на южном участке Большой Дороги у города Уайтхорс на территории Юкона (Канада). Подвигаясь к западу, экспедиция обследовала местность у Пайн-Крик в долине реки Алсек, произвела раскопки на берегах озера Ключэн и направилась к северо-западу на территорию Аляски. Здесь была обследована часть долины реки Тэнэна, в 70 милях к востоку от пункта Биг Дельта. Вернувшись обратно, экспедиция открыла еще ряд стоянок к югу и востоку от Уайтхорс, например, на северо-восточном берегу озера Теслин и другие, которые обозначены в отчете номерами дорожных верстовых столбов. Стоянки имели характер «мастерских», как и находки Рейни в центральной Аляске. Встречались только каменные орудия и отщепы, которые лежали большей частью прямо на поверхности или были выброшены вверх при дорожных работах. Каменные орудия, по определению автора отчета, представляли собой главным образом ножи и оббитые с обеих поверхностей топоры. К западу от Уайтхорс он отмечает отсутствие крупных орудий. В одном пункте у озера Скуэнга были встречены два полированных орудия — «пожи для снятия кожи». Никаких других культурных остатков, жилищ или кухонных куч обнаружено не было. Материалы, собранные в долине реки Тэнэна, по технике и форме орудий сходны с находками на территории Юкона. Все они также были встречены на поверхности. Раскопки велись только на берегу озера Ключэн, на территории Юкона, близ границы с Аляской. От северного берега озера идет небольшой рукав, на юго-западном берегу которого и производились работы. Территория находок здесь простирается в длину на одну милю и лежит по краю террасы, которая возвышается всего на восемь футов над уровнем озера. В разрезе террасы можно различить

⁴² Fr. Johnson, *An archaeological Survey along the Alaska Highway, 1944*, «American Antiquity», vol. XI, No. 3, 1946, стр. 183—186; H. Griffin, *Alaska and Canadian Northwest*, New York, 1944.

⁴³ Работы велись по заданию: Geological Society of America, Harvard University, Peabody Foundation, Phillips Academy, Andover и других научных учреждений.

два слоя: 1) верхний слой, толщиной от 10 до 15,5 дм., песчаный, с прослойками вулканического пепла и тонкими линзами торфа; 2) нижний слой, который был исследован до глубины 29 дм и состоял из тонкого суглинка золотого происхождения. В нем различались три зоны разной окраски: красновато-коричневая, толщиной в 4—6 дм, серовато-желтая в 6 дм и тонкий серый песок — 6—7 дм. Ниже лежал серый песок с гальками, количество которых увеличивалось в глубину. В основании залегал гравий, нанесенный водой. Все каменные орудия были обнаружены в красновато-коричневой прослойке. Второе местонахождение, отмеченное верстовым столбом № 1074, находилось на западном берегу озера Ключэн. Каменные орудия встречались здесь на пространстве длиной также в одну милю по краю террасы, возвышавшейся на 90 футов над современным уровнем озера. Хотя процесс выветривания изменил поверхность террасы, автор предполагает, что ее разрез ранее был тот же,

Рис. 5. Каменные острия из бухты Чинитна, залив Кука. F. C. Hibben, Op. cit., табл. XV b, c

Рис. 6. Наконечник типа фолсом, найденный близ г. Сэркл. F. C. Hibben, Op. cit., табл. XV d

что и на первой стоянке. Часть орудий была найдена *in situ* в красновато-коричневом суглинке в 1942 г. Орудия, поднятые на поверхности, очевидно, также происходили из этого слоя. На этой стоянке был обнаружен единственный встреченный экспедицией очаг: 14 каменных орудий лежали отдельно в куче золы. Находки в долине реки Алсек, к востоку от озера Ключэн, были сделаны на террасе, возвышающейся над древним руслом реки, в слое красновато-коричневого суглинка, откуда они попали на поверхность в результате дорожных работ. Точно также каменные орудия в долине реки Тэнэна в центральной Аляске, к северо-западу от озера Ключэн, встречаются по краю речных террас в слое красновато-коричневого суглинка, сходного с тем, который экспедиция обнаружила при раскопках у озера Ключэн (но не покрытого никаким верхним слоем, как в долине Алсек и на берегу Ключэн). По мнению исследователя, залегание каменных орудий повсюду в одном и том же слое красновато-коричневой глины и сходство их форм приводит к заключению о культурном единстве доисторического населения территорий, где пролегает Большая Дорога Аляски. Но неизученность геологической истории этих мест делает пока невозможным построение какой-либо гипотезы об их одновременности. Находки каменных орудий к югу от Уайтхорс не типичны. Общий характер каменной индустрии вдоль Большой Дороги, если судить по таблицам отчета, близок с комплексом орудий Университетской Площадки и других «мастерских» в долинах рек Тэнэна и среднего Юкона. Преобладают ретушированные отщепы и осколки; характерны маленькие концевые скребки, нуклеусы и снятые с них призматические пластиночки. Встречаются также орудия на тонких отщепах с выступающим острием, обработанным тонкой ретушью, которые автор называет «резцами» (*gravers*), и изредка небольшие наконечники. Один из них, найденный в первой стоянке на озере Ключэн, имел, повидимому, черенок, который обломан, другой — из второй стоянки Ключэн (с очагом) — обработан тонкими сколами, идущими от краев к середине орудия, и напоминает тип юма. Из материалов, служивших для

изготовления орудий, автор отчета упоминает только халцедон и обсидиан, из которых сделаны некоторые скребки и наконечники (рис. 7).

Летом 1945 г. археологические разведки на территории Большой дороги продолжались между г. Уайтхорс и границей Аляски. Обнаруженные стоянки были расположены обыкновенно по берегам озер и рек, часто на значительном возвышении над водой, откуда открывался широкий вид на окрестности. Прослеженная в разрезе берега стратиграфия в типичных стоянках сходна с той, которая встречена у озера Ключи: 1) лёссовидный слой, 2) прослойка вулканического пепла, 3) коричневатый слой золотого происхождения и, наконец, 4) слой красновато-коричневый, переходящий книзу в желтовато-коричневый, который лежит на ледниковых валунных глинах или озерных отложениях. Орудия почти всегда встречались в середине этого последнего, красновато-коричневого слоя. Материалом их служили также: тонкозернистый кремнистый сланец (chert), яшма и обсидиан. Незначительная толщина культурного слоя стоянок указывает на то, что поселения были недолговременными. Характер находок позволяет считать некоторые стоянки мастерскими, и в двух из них были обнаружены очаги. Стоянка 1 лежит на берегу реки Дзадич, близ городка Шампань, к западу от Уайтхорса, повидимому, на пересечении древних путей: на юг, к Тихому океану и к северу в долину Юкона (по рекам Норденшельда и Целли). В обрыве берега в красновато-коричневом слое, были найдены отщепы, осколки и редкие экземпляры целых орудий из кремнистого сланца. Недалеко от берега, наверху террасы из белого глинистого материала, была обнаружена мастерская: по склону собрано до 43 орудий и много отбросов производства из кремнистого сланца. Типы орудий: ножи, скребки и наконечники стрел с черенком или вогнутым основанием. В некоторых местах на террасе выветривание обнажило культурный слой с очагами, в которых было большое количество угля, золы, осколков кремнистого сланца и фрагментов кости (которые еще не определены). Стоянки 2 и 3 расположены по берегам озера Ключи, на террасе, которая возвышается на 140 футов над современным уровнем озера. Здесь были найдены орудия таких же типов и из того же материала, как и на первой стоянке. Стоянка 4 находится на берегу Бир Крик, близ того места, где р. Алсек пересекает Большую Дорогу. В культурном слое ее обнаружена кость какого-то крупного млекопитающего, которая была обломана на конце по сделанной предварительно круговой нарезке. Стоянка 5 открыта при прокладке Большой Дороги в том месте, где ее пересекает р. Эшихик, на высоте 140 футов над уровнем реки. Снятие песчаного холма обнажило культурный слой, который дал большое количество отщепов, осколков и орудий. Среди них были встречены: резец (graver) из обсидиана и 2 нуклеуса из того же материала, с которых были сняты призматические пластинки⁴⁴.

Таким образом, результаты исследований в центральной Аляске и на территории Юкона, которые велись в течение последних 10—12 лет, указывают как будто на то, что древнее население, оставившее ряд стоянок в долинах рек Юкон и Тэнна и далее к юго-востоку вдоль трассы Большой Дороги, распространялось из центральной Аляски через низкие водоразделы и высокие перевалы в долину, где через северные прерии протекает река Пис. Это один из гипотетических путей, по которым могли идти первые миграции в глубь Северной Америки (см. карту). По этому направлению двигались и животные, например американский лось. Старые дороги первых миграций совпадали, повидимому, с более поздними охотничьими тропами индейцев, которые еще до сих пор связывают их поселения, и первых трапперов. Эти тропы были нанесены на старые карты, которыми пользовались до того, как началась «золотая лихорадка» на Клондайке. Современные дороги, в том числе северо-западная часть большой автостреды Аляски, проходят часто по очень древним путям⁴⁵.

А. П. Окладников в одном из своих выступлений в 1947 г. высказал мысль, что древние стоянки типа «мастерских» в центральной Аляске и вдоль трассы «Большой Дороги» по характеру находок и по условиям их залегания напоминают обнаруженные им в 1946 г. неолитические стоянки на Нижней Колыме, которые также встречаются по берегам небольших речек и на скалистых мысах в слое красноватого суглинки. Это позволяет, повидимому, наметить гораздо более достоверную связь между находками в центральной Аляске и древнейшей субарктической культурой северо-востока Советского Союза, чем с мезолитическими стоянками пустыни Гоби, как это утверждал Нельсон⁴⁶.

Если эти находки, нельзя точно датировать, то наконечники типов фолсом и юма, встреченные *in situ* вместе с ископаемой фауной в Центральной Аляске, могут быть поставлены в хронологическую связь с находками в юго-западных штатах. Самые северные находки этих наконечников известны в настоящее время в районе Фер-бэнкса и Сэркля (Аляска) и в северных прериях на территории Канады (Альберта и

⁴⁴ Leechman, Op. cit., 1946, стр. 386—390.

⁴⁵ Leechman, Op. cit.

⁴⁶ Открытая недавно неолитическая стоянка на Чукотском полуострове в долине реки Амугуэи намекает, быть может, первое промежуточное звено между древними культурами северо-востока Азии и северо-запада Америки (сообщение А. П. Окладникова на заседании сектора палеолита и неолита ИИМК АН СССР в Ленинграде, 13 марта 1948 г.).

Рис. 7. Находки на стоянках вдоль Большой Дороги Аляски:

1, 2, 7—10, 15, 16, 20, 31, 36 — озеро Клюан; 3—5, 11—14, 17 — находки в очаге на стоянке у верстового столба № 1074; 18, 19, 24—26, 30, 35, 40 — на той же стоянке; 21—23, 27—29, 32 — стоянка у столба № 1013; 32 — Каньон Крик; 33 — Пайн Крик; 37 — Маршал Крик. F. An. Johnson, *Archeological Survey along the Alaska Highway, 1944*, „American Antiquity“, vol. XI, № 3, 1946, табл. XXI

Саскачеван). Они отмечают, повидимому, более древнюю волну иммигрантов — охотников за бизоном и мамонтом. Отыскать корни и развитие их высокой по технике культуры на северо-востоке Азии является в основном задачей советской археологии.

Археологические находки на территории Аляски и в прилегающих частях Канады имеют главным образом случайный характер, и часть их была сделана не специалистами. Систематических раскопок древнейших памятников на севере Американского континента почти не производилось. В противоположность этому археологические исследования на северо-востоке Азии приобрели в советское время широкий размах и плановый характер. Особенно большая работа, давшая ценные результаты, проводилась уже в послевоенные годы С. И. Руденко и И. П. Лавровым на Чукотском полуострове (1945), А. П. Окладниковым по берегу Охотского моря у города Магадана, в низовьях Колымы и на Барановом мысу (1946) и ранее (1935) в долине Амура. На всей этой громадной территории были обнаружены главным образом неолитические и более поздние памятники. К более древнему времени относятся только немногочис-

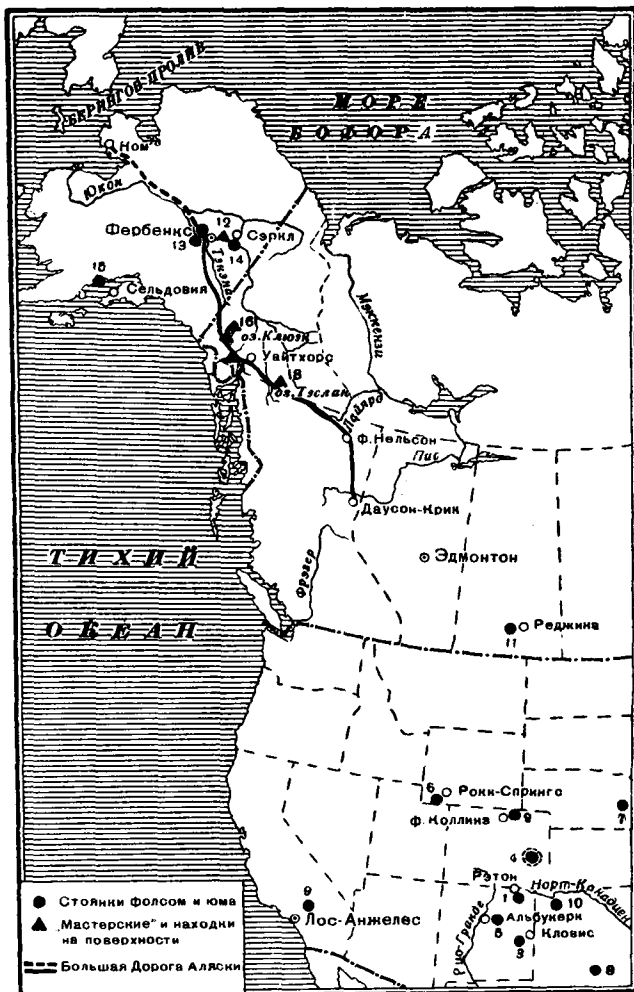

Рис. 8. Схематическая карта древнейших стоянок человека на территории Северной Америки:

1 — Фолсом, Новая Мексика; 2 — Линденмейер, Колорадо; 3 — Кловис, Новая Мексика; 4 — находки наконечников типа юма, Колорадо; 5 — пещера Сандиа, Новая Мексика; 6 — Финлей, Уайоминг; 7 — Скоттсблэф, Небраска; 8 — Эбилен, Техас; 9 — озеро Мохэв, Калифорния; 10 — Липсксб, Техас; 11 — находки наконечников типов фолсом и юма близ г. Реджина, Саскачеван; 12 — стоянка на Университетской Площадке, г. Фербенкс, Аляска; 13—14 — находки наконечников тиновых юма и фолсом близ г. Фербэнкс (Эстер Крик и Крипл Крик) и г. Сэркл, Аляска; 15 — бухта Чинитна, залив Кука, Аляска; 16 — стоянки у озера Клуэн и верстового столба № 1074, Юкон; 17 — стоянка на р. Алсек, Юкон; 18 — озеро Теслин, Юкон

ленные поселения в районе Хабаровска, изучавшиеся М. М. Герасимовым и А. П. Окладниковым в 1926—1927 и 1935 гг., материалы которых могут иметь особенно важное значение для древнейшей истории северо-востока Азии.

Необходимо упомянуть также о старых исследованиях русских ученых — В. И. Иохельсона и Л. Я. Штернберга — по Тихоокеанскому побережью Азии и прилегающим островам. Результаты этих работ очень важны для разрешения проблемы заселения Америки в целом.

Несомненно, что дальнейшие работы советских археологов в этой области дадут еще много новых открытий, которые позволят разяснить большие исторические проблемы севера, в том числе и вопрос о первом заселении Америки человеком.

Н. Береговая

НАРОДЫ СССР

М. Голубкова и Н. Леонтьев. *Оленьи края*, Советский писатель. Москва, 1947.

В повести «Оленьи Края» известная печорская сказительница М. Голубкова рассказывает о своем путешествии по Большеземельской тундре, сделанном совместно с писателем Н. Леонтьевым, который неоднократно помогал ей осуществлять ее творческие замыслы и на этот раз записал и обработал ее устный рассказ о путешествии.

Повесть состоит из трех частей. Каждая из них посвящена определенному этапу пути. Выйдя за рамки чисто фольклорного произведения, М. Голубкова сумела сохранить и в художественной прозе всю красоту народных традиций и разнообразие фольклорных жанров. В ткань рассказа удачно введены песни, сказки, поговорки, загадки и другие образцы народного творчества, которые знакомят читателя не только с творчеством М. Голубковой, но и с фольклором северных народов: ненцев и коми. Язык повести красочный, живой с богатыми сравнениями и эпитетами. Встречаются лирические отступления. Н. Леонтьев в своей обработке сумел сохранить индивидуальные черты и богатство языка, присущее М. Голубковой, не нарушив композиции и стиля повести. Особенно удачно даны картины северной природы: тундра в различные времена года, жизнь птиц и животных и т. д.

Кроме чисто художественного значения повесть «Оленьи Края» представляет большой этнографический интерес. На страницах книги даны правдивые картины из жизни северных народов — коми, русских, ненцев, — их костюм, жилище, средства передвижения, обычаи и семейные отношения. При этом авторы книги не проходят мимо тех огромных изменений в быту этих народов, которые произошли за время советской власти, и дают правильное представление о современной действительности. М. Голубкова не забывает сказать в своей книге и о народной мудрости, народной медицине, о певцах и сказителях, а также о многих других неистощимых богатствах народных. Большое внимание авторы книги уделяют новому строительству на далеких северных окраинах, новым городам, шахтам и заводам, новым советским людям — героям-энтузиастам, которые работают в суровых условиях крайнего севера. Книга «Оленьи Края» проникнута глубоким патриотизмом, ненавистью к врагам советской родины, верой в силу народов Советского Союза и любовью к их вождю товарищу Сталину.

Повесть «Оленьи Края», как и ряд других произведений М. Голубковой, свидетельствует о большом художественном даровании автора и удачном сотрудничестве сказительницы и писателя в создании произведений художественной прозы.

В. Беллицер

В. Д. Абаев. *Дружба*. Историко-этнографический очерк, Сталинград, 1947.

Как отмечает в своем предисловии автор, целью его книги было показать исконную дружбу грузинского и осетинского народов на конкретном примере дружбы двух пастухов — грузина Габо и осетина Федыра. Отнеся время действия к концу прошлого столетия, автор, повидимому, поставил себе задачу одновременно нарисовать и историко-этнографическую картину того времени, в связи с чем он и назвал свой очерк «историко-этнографическим». Однако ни с задачей показа дружбы, ни с историко-этнографической задачей автор не справился. Обе темы очерка не только искусственно сплетены, но даже мешают одна другой. Так, например, с точки зрения основной темы подробное описание праздника Дауджита излишне и заслоняет сюжет дружбы.

Автору не удалось нарисовать в своем очерке более или менее полную картину экономической и общественной жизни горцев, показать их тяжелое экономическое положение, а также начавшуюся среди них классовую дифференциацию и именно на этом фоне показать дружбу двух пастухов. Все его исторические и этнографические экскурсы недостаточны и случайны. Тема же дружбы, лишенная реальной основы экономической и исторической общности судеб двух друзей, становится обедненной, а ее толкование автором крайне примитивным и наивным. Все проявления дружбы ограничиваются гостеприимством и взаимными подарками (Габо подарил Федыру свою любимую овчарку, а последний отдал ему конем). Никаких других примеров истинной дружбы в очерке читатель не найдет. О совместном, полном лишения труде на кутанах, который собственно и породил дружбу, автор упоминает вскользь. Историческая часть очерка также крайне недостаточна и дана в виде очень короткого упоминания о походе Тамерлана и колонизаторской деятельности царизма. Некоторые исторические факты извращены (например, о вторжении Тамерлана в Грузию по линии современной Военно-Грузинской дороги).

Этнографический материал, содержащийся в книжке, хотя и носит случайный характер, заслуживает некоторого внимания. Так, весенний праздник Дауджита описан автором с достаточной полнотой и интересно. Автор наряду с религиозной стороной праздника отмечает также его общественный характер. Односельчане

в день Дауджита представляют как бы единую семью, сообща заготавливают пиво, угощения, вместе веселятся, устраивают спортивные состязания, руководителем праздника является старейшина села, и т. д. Общественный характер праздника указывает на былой общественный характер сельскохозяйственного труда, для которого весна означала начало сельскохозяйственного цикла. Интересно также подробное описание ныхаса — народной трибуны Осетии. Качество этой части очерка снижается, однако, примитивным объяснением происхождения праздника Дауджита. Несмотря на то, что материал автора убедительно раскрывает связь этого весеннего праздника с языческими религиозными представлениями, автор доказывает, что его «нельзя отнести ни к идолопоклонству, ни к православию, ни к какой-либо другой религии. Он возник еще в далекие времена, в процессе борьбы за существование, за физическое сохранение населения Сби от снежных обвалов». Весь остальной этнографический материал носит поверхностный характер. Так, например, вместо того, чтобы показать скотоводческий праздник, связанный с возвращением скота с кутанов, автор ограничивается замечанием: «сельчане распорядились зарезать на ужин барана, чтобы достаточно отпраздновать благополучное возвращение овец», и т. д.

Очерк загроможден посторонними, не относящимися к делу отступлениями. Так, например, рассуждения о собаке и качествах ее характера, сопровождающиеся историческими ссылками на замечательных собак, и т. д. Многочисленные цитаты из Лермонтова, Маяковского и других поэтов неудачно подобраны и совершенно не к месту. Отмеченные недостатки не лишают очерк В. Д. Абаева некоторого интереса для этнографа-кавказоведа.

З. Никольская

Г. У. Эргис, *Памятка собирателям советского фольклора*, ЯКГИЗ, Якутск, 1947, 55.

«Памятка собирателям советского фольклора», выпущенная Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской базы Академии Наук СССР, — ценное пособие для корреспондентов Института: учителей, студентов, избачей, советского и партийного актива, занимающихся собиранием среди якутов устного творчества советского периода. «Памятка» заслуживает особого внимания, как первый опыт специального методического пособия по сбору советского фольклора якутов, в особенности фольклора Великой отечественной войны. Пособие разбито на четыре раздела: 1) введение — краткий очерк развития советского фольклора якутов от революции и гражданской войны до настоящего времени, характеристика основных жанров, образцы лучших якутских фольклорных произведений советского периода; 2) подробная программа по сбору всех видов и жанров советского фольклора якутов с учетом особенностей развития якутского народа и его фольклора в советскую эпоху; 3) методика записи, где, не ограничиваясь методическими указаниями по технике записи устного творчества, автор справедливо требует от собирателей помещения лучших образцов советского фольклора в районной печати, в стенных газетах клубов, изб-читален, школ, оказания культурно-политической помощи народным певцам и сказителям, в то же время предостерегая собирателей от прямого вмешательства в процесс творчества сказителей; 4) библиография советского фольклора якутов, снабженная аннотациями сборников и крупных произведений, а также краткое описание рукописей фольклорных фондов Института.

«Памятка», составленная Г. У. Эргисом, несомненно, поможет развернуть массовый сбор и запись устного советского творчества якутов. Следует ожидать, что выпуск такого местного пособия — программы по советскому фольклору — не ограничится Якутской АССР.

И. Гурвич

НАРОДЫ АФРИКИ

Г. Стенли, *В джунглях Африки*, Редакция, вступительная статья и комментарии И. И. Потехина, Москва, 1948.

Настоящая книга Стенли впервые была издана в русском переводе Бекетовой, в 1892 г. В основу рецензируемого издания положен перевод Бекетовой, однако текст сокращен на одну треть, а в самый перевод внесены значительные изменения. Сокращения произведены, во-первых, за счет изъятия лженаучных реакционно-расистских рассуждений автора о народах и племенах Африки как о племенах «нижней расы», а во-вторых, за счет исключения из книги глав, не имеющих прямого отношения к географии или этнографии Африки. Однако книга только выиграла от этих сокращений, так как в ней стали более выпуклыми те ценные географические и этнографические данные, которые в ней имеются, но выступали менее рельефно.

Прошло около полувека со времени английского издания книги Стенли, но собранные им материалы до сих пор не потеряли своей ценности. Стенли много сде-

лал для географического исследования Африки. Он окончательно разрешил проблему реки Конго, ему удалось связать истоки этой реки с ее устьем; Стенли первый дал описание озера Виктория, открыл озеро Эдуарда и пр. Яркими, чрезвычайно живыми красками изображен Стенли дремучий тропический лес.

Очень важны этнографические сведения, приводимые Стенли. Он описывает материальную культуру ряда племен и дает интересные характеристики их хозяйственной жизни. В дремучем тропическом лесу встречаются трудолюбивые земледельцы балессе, которые, благодаря чередованию посевов бананов с кукурузой, достигают больших результатов. Повсюду в лесу разбросаны небольшие группы охотников вабутти, иначе называемых батва, акка или базунгу. Акка селятся маленькими колониями среди земледельцев банту. Сложные приемы охоты с ловушками, ямами, облавами и отравленными стрелами хорошо известны пигмеям-акка. Когда Стенли со своим отрядом приходит в Уганду, Руанду и Униоро, в его дневнике появляются подробные записи о быте пастухов вахума с указанием пород скота и характером скотоводства. В книге имеются детальные описания разнообразных типов жилища (Стенли неоднократно подчеркивает, что жилища экваториальной Африки не однотипны): конические жилища сменяются жилищами квадратного плана, со шпилем на крыше; акка живут в шалашах овального плана. Стенли старается по мере возможности давать описания антропологических признаков племен, встречающихся на его пути, причем особенно хорошо удается ему отмечать шкалу цвета кожи: от темно-коричневого (шоколадного) до светлого.

Однако его выводы из антропологических наблюдений часто ошибочны и часто реакционны: Стенли относит вахума к семитическим народам, причем под «семитами» ошибочно понимает расовое, а не лингвистическое деление. По лингвистическим признакам вахума тоже не принадлежат к семитам: это довольно типичные представители хамитической группы.

Стенли почти не касается социальной организации наблюдаемых им племен. В тех случаях, когда он затрагивает эти вопросы, выводы его неправильны. Так, например, Стенли пишет, что «женщина у вахума является собственностью своего мужа». И в то же время, к его удивлению, ее уважают. Одновременно Стенли указывает, что «женщины распоряжаются всем домашним обиходом, также продуктами молочного скота и полей, женским делом считается сбивание масла и ведение торговли. Что бы вы ни пожелали купить, ... вы должны обращаться за этим к женщинам. Такова их неоспоримая привилегия во всей Африке». Последнее утверждение Стенли неверно, так как отнюдь не по всей Африке субъектами обмена являются женщины. Интересно, что именно женщины у вахума занимаются сбиванием масла, хотя у многих скотоводческих народов женщине строго запрещается прикасание к молочным продуктам. Совершенно ошибочно утверждение Стенли, что женщина считается собственностью мужа, — утверждение, основанное только на том, что за невесту взимается определенная плата. Как пишет тот же Стенли, женщина в случае дурного обращения с ней мужа во всякое время может вернуться к своим родителям. Мимоходом Стенли упоминает о наличии экономического неравенства среди населения Униоро, Анколе и Уганды, указывая на существование знати, но подробных данных не приводит.

Хотя редакцией изъятые реакционные рассуждения Стенли о «низшей расе», читатель все время сталкивается с отдельными замечками Стенли, насквозь пронизанными пренебрежением, высокомерием и убеждением, что встречаемые племена принадлежат к самой низшей расе. Приводя остроумные ответы туземцев, Стенли поражается, что они вообще способны на остроумие. Сам Стенли распорядился сжечь деревни бабусессе (верховье Игури, притока Конго) только за то, что бабусессе, не понимая намерений отряда, совершили разведывательную вылазку, хотя сам неоднократно описывает случаи мирного разрешения вопросов, если туземцы убеждались, что им не причиняли зла.

Стенли является одним из тех путешественников, которые не только прокладывали путь миссионерам и капиталистам, но и сами принимали активное участие в колонизации. Стенли подкупом, а иногда и силой образовал «Свободное государство Конго» для бельгийского короля Леопольда, известного покровителя работорговли. Одновременно Стенли выполнял поручения Великобритании и Германии, заинтересованных в разделе Африки. Недаром местные племена прозвали его «Ипанта Игунда», т. е. «разоритель страны».

Рецензируемая книга сопровождается большой вступительной статьей И. И. Потехина и примечаниями. Вступительная статья значительно выходит за рамки заглавия: «Стенли, географические исследования и империалистический раздел тропической Африки». Автор восполняет изъятые из книги главы, развертывает перед читателем не только ход географических открытий в тропической Африке, но и весь сложный процесс исторического развития племен этого района. Предисловие показывает, какое влияние оказала экспансия арабов, португальцев, французов, англичан и немцев на материальную культуру, общественный строй и духовное развитие племен тропической Африки.

Ко времени португальского вторжения тропическая Африка была населена рядом племен, находившихся на довольно высокой ступени развития: португальцы открыли

существование государства Конго и др. На юго-восточном побережье Африки в то время также существовал союз племен «Машона». Португальское и арабское вторжения надолго задержали процесс исторического развития народов и племен тропической Африки. Гнусная работорговля, охота за рабами, массовое истребление сопротивляющихся племен — вот те кровавые страницы из истории Африки, в которой принимали активное участие не только арабы, но и европейцы — люди так называемой «высшей расы». Вслед за путешественниками в Африку вторгались европейские империалисты, которые спешили забрать себе лучшую и наибольшую часть Африканского материка, хранившего неиссякаемые богатства золота, марганца, нефти и свободной рабочей силы. В предисловии и комментариях еще раз разоблачается так называемая «помощь» цивилизации отсталым народам Африки.

Сейчас, когда новый хищник в лице США все более проникает в Северную и тропическую Африку, особенно четко нужно себе представить, что несет эта «помощь» африканским племенам и что она уже принесла: гнет, разорение, низкую производительность труда, консервирование старых родовых отношений, которые используются колониальными властями для своих целей. Очень важно замечание автора предисловия относительно термина «негры». Единого «негритянского народа» не существует. Имеются различные африканские племена, принадлежащие по своим антропологическим признакам к негрской, эфиопской, пигмейской или бушменской расам.

Книга Стенли «В джунглях Африки» вполне заслуживает переиздания, тем более что в настоящем издании ценное предисловие и комментарии дают полное представление о ходе географических открытий в тропической Африке, вместе с тем на ряде примеров еще раз показаны истинные цели и конкретные действия европейских колонистов в тропической Африке.

М. Райт

«Плоды» функциональной школы

Kenyatta. *Facing Mount Kenya*. The tribal life of the Gikuyu. London, 1938, Secker and Warfurg, with introduction by B. Malinowski, pp. 339.

Вторая мировая война помешала своевременно ознакомиться с книгой Кеньятты, но мы считаем нужным, хотя бы с большим опозданием, сказать свое мнение об этой книге. Она заслуживает внимания уже по одному тому, что принадлежит перу представителя африканского народа. Даже в середине XIX в. — это большая редкость, так как империалистические «опекуны» лишили африканцев возможности получить образование и только немногим сдиночкам из верхушечной прослойки это удается. Кеньятта принадлежит к племени кикуйю и описывает жизнь своего племени, которую он очень хорошо знает. Это не рядовой член племени, он принадлежит к его верхушке, был членом совета старейшин. Он давно принимает активное участие в национальном освободительном движении народов Кении, был генеральным секретарем Центральной Ассоциации Кикуйю. Поэтому читатель имеет все основания предъявить высокие требования к его книге. Мы надеялись найти в его книге обстоятельное и всестороннее описание жизни племени кикуйю, но нас ожидало разочарование: книга оказалась плохой, бесцветной, хотя и содержит интересный фактический материал о которых сторонах жизни кикуйю.

Кеньятта взял себе в руководители по этнографии проф. Б. Малиновского, замался у него в кружке этнографов при Лондонской экономической школе; о Малиновском он пишет, что это «мой друг и учитель». Следует иметь в виду, что взгляды функциональной школы о необходимости укрепления родоплеменной организации соответствуют интересам ее верхушки, к которой принадлежит Кеньятта. Описывая жизнь своего народа, Кеньятта исходит из порочных методологических принципов этой школы.

Структура книги обычная для буржуазных этнографических исследований: система родства, система землевладения, хозяйственная деятельность, система воспитания, инициация девушек и мальчиков, половая жизнь и свадебные обычаи, организация власти, религия и магия. Самой ценной частью книги является глава об инициациях. Автор сам прошел все ступени инициации и описывает их по собственному опыту. Он не мог видеть инициации девушек, но его тетка проводила операции дефлорации девушек и он знает этот обряд по ее рассказам. Не менее интересный материал дают главы о половой жизни и свадебных обрядах. Эти главы представляют несомненный интерес для всякого этнографа, но книга в целом скучна и не интересна.

Кеньятта поставил перед собой задачу вскрыть механизм племенной организации как некоей целостности, как самобытной «интегральной» культуры — задача, решению которой так много внимания уделяет функциональная школа. Однако порочная методология помешала ему дать картину живого, развивающегося племени.

Кеньятта неправильно трактует само понятие «племя». Для него племя не является категорией первобытно-общинного строя; эту первоначальную стадию в развитии человеческого общества он вообще не признает. Он утверждает, что кикуйю никогда не знали «общинной или племенной собственности на землю» (стр. 25). Исходной позицией развития поземельной собственности он считает частную соб-

ственность одинокого мужчины-холостяка, который обзаводится землей или путем расчистки леса, или путем покупки ее у соседнего племени и доробо. Когда этот холостяк женится и обзаводится семьей, его участок становится семейной земельной собственностью, которой распоряжается глава семьи. «Жены могут говорить о ней «наша земля», а муж говорит «моя земля» (стр. 29). Когда его сыновья подрастают и женятся, он делит свой участок между ними; сыновья называют весь земельный участок отца «наша земля», а отец и по отношению к участкам, выделенным сыновьям, говорит «моя земля». С появлением внуков процедура повторяется; если земли нехватает, одиночка приобретает новый участок и образуется новая семейная земельная собственность.

Племя для Кеньятты это лишь «расширенная семья, образовавшаяся путем естественного процесса роста и деления» (стр. 30). Кеньятта отождествляет племя с нацией. Он пишет, например, о войнах «между различными племенами Европы и Америки», о гражданской войне в Испании он пишет, как о борьбе внутри одного племени, а о японо-китайской, как о войне, в которой «сильное племя пытается установить свое господство над слабым племенем». Для Кеньятты современная родо-племенная организация кикуйю не есть стадия развития, уже приближающаяся к своему концу, а самобытная форма социальной организации кикуйю, вечная и неизменная. Противопоставляя образ жизни и мысли кикуйю европейским народам, Кеньятта скатывается на позиции расистов-функционалистов.

На книге лежит печать грубого антиисторизма. Племенная организация рассматривается как нечто застывшее, неизменяющееся. Полсотни лет хозяйничают в Кении английские империалисты; они оставили кикуйю без земли, они заставили мужчин кикуйю уходить на заработки, расселяться на европейских землях; они включили племенную организацию в систему колониальной администрации. Не могло все это не сказаться на родо-племенной организации, но у Кеньятты ни слова нет об этом; для него не существует исторического развития, племенная организация не претерпевает никаких изменений. Получается картина какого-то абстрактного, живущего вне времени, вне конкретных условий племени.

Кеньятта известен нам давно. В былые времена он находил слова резкого осуждения империалистов, поработивших его племя. Укажем хотя бы его статью в журнале «The negro worker», т. 3, № 1 за январь 1933 г., в которой он призывал к изгнанию английских империалистов из Африки. В рецензируемой книге он ни слова не пишет больше о том, как империалисты угнетают его племя; читатель ничего не узнает, как живут кикуйцы под «опекой» английских империалистов. Даже такой орган английских колониальных властей, как «The African World», пишет, что кикуйцы спят и видят прирезку новой земли. Кеньятта же описывает систему земельных отношений кикуйю так, как будто земля у них не отнята империалистами. Две главы своей книги Кеньятта посвящает хозяйственной деятельности кикуйцев и ни слова не говорит о том, как кикуйцы принуждаются работать на европейцев, как это отходничество отражается на их племенной жизни. Малиновский в предисловии хвалит его за объективизм, за аподитичность.

Кеньятта никогда не был последовательным, революционным борцом за дело своего народа, эволюционировал вправо. В функциональной школе он нашел, очевидно, «теорию», которая помогает ему оправдать свое примирение с империализмом.

И. Потехин.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1948 г.

Задачи этнографов в связи с положением на музыкальном фронте, (2), 3.
Памяти Андрея Александровича Жданова, (4), 3.
Мичуринское направление в биологии и советская антропология, (4), 9.

Вопросы общей этнографии и антропологии

М. О. Косвен. Авункулат, (1), 3.
М. О. Косвен. Семейная община, (3), 3.
И. И. Потехин. Функциональная школа этнографии на службе британского империализма, (3), 33.

Вопросы этногенеза

Е. М. Залкинд. Кидане и их этнические связи, (1), 47.
С. П. Толстов. «Нарцы» и «волхи» на Дунае, (2), 8.
Т. А. Трофимова. Краниологические данные к этногенезу западных славян, (2), 39.
Акад. Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян, (2), 62.
А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники Нижнего и Среднего Поволжья, (2), 74.
М. Е. Фосс. Культурные связи севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры, (4), 23.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

И. Ф. Симоненко. Быт населения Закарпатской области, (1), 63.
Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве, (1), 90.
Л. П. Потапов. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев, (1), 107.
В. Н. Чернецов. Орнамент ленточного типа у обских угров, (1), 139.
С. И. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки, (1), 153.
Е. В. Гиппиус. О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII — начале XIX века, (2), 86.
В. И. Чичеров. Русские колядки и их типы, (2), 105.
М. Н. Шмелева. Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области, (2), 130.
Л. Г. Бараг, М. С. Меерович. Белорусские народные предания и сказки-легенды о Заслонске и Ковпаке, (2), 147.
Акад. Н. С. Державин. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР, (2), 156.
А. М. Жигулев. Пословицы на фронте, (3), 50.
И. С. Вдовин. Из истории общественного строя чукчей, (3), 56.
А. Л. Троицкая. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане, (3), 71.
Л. А. Динцес. Изображение змеборца в русском народном шитье, (4), 36.
А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII веков, (4), 54.
Ф. Д. Гуревич. Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Литвы» Генриха Латвийского, (4), 70.
Б. А. Васильев. Медвежий праздник, (4), 78.
Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище, (4), 105.
Э. Г. Гафферберг. Жилище джемшидов Кушкинского района, (4), 124.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Д. А. Ольдерогге. О социальном строе отсталых племен Южной Америки, (1), 180.
П. Н. Третьяков. Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии, (2), 201.
Н. И. Кравцов. Сербский эпос и история, (3), 90.
Ринчен. Два песни дархатской молодежи, (3), 108.

Из истории этнографии и антропологии

А. А. Адамов. Григорий Иванович Шелехов, (1), 189.
С. А. Токарев. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку, (2), 184.
П. И. Кушнер (Кнышев). Н. И. Зибер, (4), 144.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- Ю. А. Шибяева. Пережитки эпохи матриархата у хакасов, (1), 202.
 А. З. Розенфельд. Из области таджикско-персидских фольклорных связей. (1), 205.
 С. А. Андреев - Кривич. Пушкин и Ногмов, (3), 110.
 В. Фалеева и М. Каменская. Искусство эстонских колхозников Ленинградской области, (3), 114.
 А. И. Робакидзе. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы, (3), 120.
 И. С. Гурвич. Космогонические представления и пережитки тотемического культа у населения Оленекского района, (3), 128.
 А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и дазачьская (ферганская) столица Эрши, (4), 155.
 А. М. Беленицкий. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, (4), 162.
 Л. И. Лавров. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII—XIX веках, (4), 168.

Хроника

- Э. Гафферберг и Н. Кисляков. Отдел Передней и Средней Азии Института этнографии Академии Наук СССР, (1), 207.
 И. Золотаревская. Функциональная школа в этнографии (дискуссия), (1), 212.
 О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии, (1), 214.
 Е. Мильштейн. Государственный музей этнографии, (1), 218.
 Н. Воробьев, Е. Бусыгин, П. Юсупов. Этнографический музей Казанского государственного университета, (1), 222.
 В. Белицер. Этнография в краеведческих музеях Молотовской области, (1), 225.
 Г. Маслова. Этнографическая работа в музеях Вильнюса, (1), 227.
 Г. Федоров. Караимский историко-этнографический музей, (1), 228.
 Н. Шитов. Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии Наук СССР, (1), 229.
 Е. Крупнов. Вторая сессия Кабардинского научно-исследовательского Института, (1), 233.
 Г. Самарин. Этнографические и фольклорные работы в Киргизской ССР, (1), 224.
 В. Храмова. Сессия Института этнографии АН СССР, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, (2), 207.
 Б. Гершкович. В. Крупьянская, В. Соколова. Совещание по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны, (2), 208.
 Л. Потапов. Экспозиция по славянским народам в Государственном музее этнографии, (2), 215.
 В. Белицер. Выставка «Народная одежда и народное творчество белорусов» в Музее народов СССР, (2), 216.
 М. Я. Гринблат. Белорусская советская этнография за 30 лет, (2), 218.
 А. Гуз. Возрождение русского этнографического хора села Дорожево, (2), 225.
 В. Чичеров. Работа Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в 1947 году, (3), 132.
 М. Г. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1947 году, (3), 135.
 В. К. Соколова. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора фольклора Института этнографии, (3), 139.
 В. И. Чичеров. Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов, (3), 146.
 М. Левин. Диспут по защите диссертации Н. Я. Рогинского, (3), 163.
 П. И. Кушнер. Государственный музей народного быта Латвийской ССР, (3), 164.
 В. Дыновский. Научные работы по этнографии и фольклору в Польше, (3), 168.
 З. Никольская. Сессия Ученого совета Института этнографии, посвященная этнографии Кавказа, (4), 175.
 Г. С. Читая. Этнографические исследования в Грузинской ССР, (4), 176.
 О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии, (4), 188.
 И. Золотаревская. Обсуждение книги В. И. Равдоникаса «История первобытного общества», (4), 192.
 Б. Фирштейн. Обсуждение книги Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР», (4), 196.
 Е. Бломквист, Б. Липшиц, Н. Шпринцин. Экспозиционная работа Музея антропологии и этнографии АН СССР, (4), 198.

Personalia

- А. Робакидзе. С. Н. Джанашиа, (2), 226.
 Д. В. Найдич. Памяти академика В. И. Пичета, (3), 174.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- И. Кусикьян. Фольклористика в Советской Армении, (1), 238.
 М. Кузнецов, И. Дмитраков. Против буржуазных традиций в фольклори-

- стике (О книге проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки») (2), 230.
- М. Рабинович. Вопросы этногенеза восточных славян в исследованиях советских археологов, (2), 239.
- Б. Шаревская. Апология расизма в американской этнографии, (2), 246.
- Н. Н. Чебоксаров. Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, (3), 176.
- Н. А. Береговая. Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки, (4), 204.

Общая этнография и антропология

- И. Кусикьян. Проф. С. Д. Лисицян. Этнографический вопросник, (1), 246.
- Н. Бутинов. E. D. Chapple and C. S. Coon. Principles of Anthropology, (2), 248.
- Н. Бутинов. A. L. Croeber. Configurations of Culture Growth, (2), 251.
- Гр. Странович. Montague Summers. Witchcraft and Black Magic, (2), 254.
- М. Левин. Я. Я. Рогинский. Новые теории происхождения человека, (3), 185.
- Н. А. Бутинов. Abram Kardiner. The psychological Frontiers of Society, (3), 186.

История этнографии

- А. Адамов. Н. Е. Кабанов. В. К. Арсеньев — путешественник и натуралист, (1), 247.
- Б. Долгих. Е. М. Залкинд. М. Н. Хангалов, (1), 248.
- А. Адамов. Сергей Марков. Юконский ворон, (1), 249.

Народы СССР

- В. Крупянская. В. Головачев и Б. Лащилин. Народный театр на Дону, (1), 250.
- Э. Померанцева. А. М. Листопадов. Донские былины; А. М. Листопадов. Донские исторические песни, (1), 253.
- А. П. Смирнов. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XX, (3), 191.
- В. В. Гинзбург. Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, (3), 196.
- Л. П. Потапов. Шорский фольклор, (3), 198.
- М. Г. Левин. А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки, (3), 203.
- Л. Гурвич. Современные якутские мастера устного народного творчества о героизме на войне и в тылу, (3), 205.
- В. Н. Белицер. Н. И. Шишкин. Коми-пермяки, (3), 207.
- Л. Пушкарев, Л. Старцева. В. Базанов. Народная словесность в Карелии, (3), 209.
- В. Белицер. М. Голубкова Н. Леонтьев. Оленьи Края, (4) 220.
- З. Никольская. В. Д. Абаев. Дружба, (4), 220.
- И. Гурвич. Г. У. Эргис. Памятка собирателям советского фольклора, (4), 221.

Западные и южные славяне

- И. Прокопович. С. Джурджев. Българска народна хореография, (1), 254.
- П. Богатырев. Две статьи о народных песнях эпохи освободительной войны в Чехословакии, (2), 244.
- П. Г. Богатырев. М. Úlehtova-Tilschova. Česká strava lidova, (3), 211.

Неславянские народы Европы

- П. Кушнер. Peter Jorgensen. Über die Herkunft der Nordfriesen, (1), 254.
- Б. Шаревская. Le Mois d'Ethnographie Française, (3), 213.

Народы Африки

- И. Потехин. Новый источник по этнографии матабеле середины XIX в (Письма Роберта Моффата), (1), 240.
- М. Райт. Г. Стенли. В дебрях Африки, (4), 221.
- И. Потехин. «Плоды» функциональной школы (4), 223.

Народы Америки

- Р. Кинжалов. G. C. Vaillan. Aztecs of Mexico, (1), 255.
- Н. Листова. P. Fejos. Ethnography of the Jagua, (1), 257.
- И. Золотаревская. The North American Indian today, (1), 258.
- В. Кутейщикова. Fernando Ortiz. El engaño de las razas, (1), 258.

Народы Океании

- И. Бутинов. Gésa Roheim. The Eternal of the dream, (1), 259.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Андрея Александровича Жданова	3
✓ Мичуринское направление в биологии и советская антропология	9

Вопросы этногенеза

✓ М. Е. Фосс. Культурные связи севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры	23
---	----

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Л. А. Динцес . Изображение змеборца в русском народном шитье	36
✓ А. Л. Моигайт. Древнерусские жилища XI—XIII веков	54
Ф. Д. Гуревич. Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского	70
Б. А. Васильев. Медвежий праздник	78
✓ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище	105
Э. Г. Гафферберг. Жилище джемшидов Кушквинского района	124

Из истории этнографии и антропологии

✓ П. И. Кушнер (Кнышев). Н. И. Зибер (К 60-летию со дня смерти)	144
---	-----

Заметки. Сообщения. Рефераты

А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши	155
А. М. Беленицкий. Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании	162
Л. И. Лавров. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII—XIX веках	168

Хроника

З. Никольская. Сессия Ученого совета Института этнографии, посвященная этнографии Кавказа	175
Г. С. Читая. Этнографические исследования в Грузинской ССР	176
О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	188
✓ И. Золотаревская. Обсуждение работы В. И. Равдоникаса «История первобытного общества»	192
Б. Фирштейн. Обсуждение книги Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР»	196
Е. Бломквист, Б. Липшиц, Н. Шпринцин. Экспозиционная работа Музея антропологии и этнографии АН СССР	198

Критика и библиография

Н. А. Береговая. Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки	204
--	-----

Народы СССР

✓ В. Белицер. М. Голубкова Н. Леонтьев. Оленьи Края	220
З. Никольская. В. Д. Абаев. Дружба	220
И. Гурвич, Г. У. Эргис. Памятка собирателям советского фольклора	221

Народы Африки

✓ М. Райт. Г. Стенли. В дебрях Африки	221
И. Потехин. «Плоды» функциональной школы. (4).	223